

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ

В. А. ЖУКОВСКАГО

въ 12-ти томахъ.

Подъ редакціей, съ біографическимъ очеркомъ
и примѣчаніями

проф. **А. С. Архангельскаго.**

Съ приложеніемъ портрета Жуковскаго, гравированнаго на стали,
и его факсимиле.

IV.

Приложеніе къ журналу „Нива“ за 1902 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе **А. Ф. МАРКСА.**
1902.

<http://rcin.org.pl>

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИЗДАТЕЛЬСТВО
В. А. ЖУКОВСКИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИЗ

1832.

СУДЬ ВЪ ПОДЗЕМЕЛЬ.

повѣсть.

(Отрывокъ).

[подражаніе вальтеръ-скотту].

I.

Ужь день прохладно вечерѣлъ,
И сводъ лазоревый алѣлъ;
На немъ сверкали облака;
Дыханьемъ свѣжимъ вѣтерка
Быль воздухъ сладко растворенъ;
Играя, вѣя, морщилъ онъ
Нурпурно-блещущій заливъ;
И, бѣлый парусъ распустивъ,
Заливомъ тѣмъ ладья плыла;
Изъ Витби инокинь несла,
По легкимъ прыгая зыблямъ,
Она къ Кутбертовымъ брегамъ.
Летитъ веселая ладья;
Покрывается палуба ея
Большимъ узорчатымъ ковромъ;
Рѣзной, высокой стулъ на немъ
Съ подушкой бархатной стоитъ;
И мать игуменья сидитъ
На стулѣ въ помыслахъ святыхъ;
Съ ней пять монахинъ молодыхъ.

II.

Впервой покинувъ душный плѣтъ
Печальныхъ монастырскихъ стѣнъ,
Какъ птички въ вольной вышинѣ,
По гладкой палубѣ онъ
Играютъ, рѣзвясь, шалить...
Все веселитъ ихъ, какъ ребятъ:
Той шаткіи парусъ страшень былъ,
Когда имъ вѣтеръ шевелилъ,
И онъ, надувшись, гремѣлъ;
Крестилась та, когда бѣлѣтъ,
Катаясь къ ладѣ, кинуцій валь,
Ее ловиль и подымалъ

На свой изгибистый хребетъ;
Ту веселилъ зеленый цвѣтъ
Морской чудесной глубины;
Когда жъ изъ пѣнистой волны,
Какъ черная нечаянно тѣнь,
Предъ ней выскакивалъ тюлень,
Бросалась съ крикомъ прочь она,
И долго, трепетна, блѣдна,
Читала шепотомъ несломъ;
У той былъ рѣзвымъ вѣтеркомъ
Покровъ развѣянъ головной,
Густою, шелковой струей
Лылея на плечи волоса,
И груди тайная краса
Мелькала ярко межъ власовъ,
И дѣвственный поймать покровъ
Ея заботилась рука,
А взоръ стерегъ неподтишка,
Не любовался ль кто за ней
Завѣтной прелестью грудей.

III.

Игуменья порою той
Вкушала съ важностью покой,
Въ подушкахъ нѣжась пуховыхъ,
И на монахинъ молодыхъ
Смотрѣла съ ласковымъ лицомъ.
Она вступила въ Божій домъ
Во цвѣтъ первыхъ дѣтскихъ лѣтъ,
Не оглянулася на свѣтъ,
И, жизнь навѣки затвора
Въ безмолвіи монастыря,
По слуху знала издали
О тревоженіяхъ земли,
О томъ, что радость, что любовь
Смутаютъ умъ, волнуютъ кровь,
И съ неприснувшейся душой,
Достигла старости святой,
Сердечныхъ смуть не испытывъ;
Тяжелый инокинь уставъ,
Смиренно, строго сохранять,

Души спасенія иекатъ
 Блаженной Гильды по слѣдамъ,
 Саужить ея честнымъ мощамъ,
 И день и ночь въ молитвѣ быть,
 И день и ночь огонь хранить
 Лампадь, горящихъ у иконъ:
 Въ такихъ заботахъ проведенъ
 Былъ вѣкъ ея. Богатыи вкладъ
 На обновленіе оградъ
 Монастыря дала она;
 Часовня Гильды убрана
 Была на славу отъ нее:
 Сіяло пышное шитье
 Тамъ на покровъ гробовомъ,
 И обложенный жемчугомъ
 Былъ вылитъ гробъ изъ серебра;
 И много дѣлала добра
 Она убогимъ и больнымъ,
 И возвращался пилигримъ
 Отъ стѣпъ ея монастыря,
 Хвали небеснаго Царя.
 Имѣла важный видъ она,
 Была худа, была блѣдна;
 Былъ величавъ высокій ростъ;
 Лицо являло строгій постъ,
 И покаянье тило взоръ.
 Хотя въ ней съ самыхъ давнихъ поръ
 Была лишь къ иночеству страсть,
 Хоть строго дающую ей власть
 Въ монастырь она бюла,
 Но для смиренныхъ сестръ была
 Она лишь ласковая мать:
 Свободно было имъ дышать
 Въ своей келейной тишинѣ,
 И мать игуменью онѣ
 Любили дѣтеки всею душой.
 Куда жъ той поздней порою
 Черезъ заливъ плыла она?
 Была въ Линдфаръ приглашена
 Она съ игуменьей другою;
 И тамъ ихъ ждалъ аббатъ святой
 Кутбертова монастыря,
 Чтобы, соборомъ сотвори
 Кровавый судъ, проклятье дать
 Отступницѣ, дерзнувшей снать
 Съ себя монашества обѣтъ,
 И, сатапъ продавъ за свѣтъ,
 Всѣ блага кельи и креста,
 Забыть Спасителя Христа.

IV.

Лады вдоль берега летить,
 И берегъ весь назадъ бѣжить;
 Мелькаютъ мимо ихъ очей
 Въ сіяньи западныхъ лучей:
 Тамъ замокъ на скалѣ крутой
 И бездна пѣны подъ скалою
 Отъ расшибаемыхъ валовъ:
 Тамъ башня, сторожъ береговъ,
 Густымъ одѣтая плющомъ;
 Тамъ холмъ, увѣчанный селомъ;
 Тамъ золото цвѣтущихъ нивъ;
 Тамъ зеленѣющей заливъ
 Въ тѣни зеленыхъ береговъ;
 Тамъ Божій храмъ, среди деревъ
 Блестящій яркою бѣлизной.
 И островъ наконецъ святой
 Съ Кутбертовымъ монастыремъ,
 Облитый вечера огнемъ,
 Громадою багряныхъ скалъ
 Изъ водъ вдали предъ ними встаетъ,
 И, приближаясь, тихо роетъ,
 И вдругъ надъ нихъ главою вознесъ
 Свой брегъ крутой со всѣхъ сторонъ.
 И островъ, и не островъ онъ;
 Два раза въ день морской отливъ,
 Несокъ подводный обнаживъ,
 Противный брегъ сливается съ нимъ:
 Тогда поклонникъ пилигримъ
 На богомолье по пескамъ
 Пѣшкомъ идетъ въ Кутбертовъ храмъ;
 Два раза въ день морской приливъ,
 Его отъ тверди отдѣливъ,
 Стираетъ силою воды
 Съ песка поклонниковъ слѣды.—
 Несъ вѣтеръ къ берегу лады;
 На самомъ берега краю
 Стоятъ Кутбертовъ древній домъ,
 И волны пѣнились кругомъ.

V.

Стоитъ то зданіе давно;
 Саксоновъ намятникъ, оно
 Межъ скалъ крутыхъ крутой скалою
 Восходитъ грозно надъ водою:
 Всѣ стѣны страшной толщины
 Изъ грубыхъ камней сложены;
 Зубцы, какъ горы на стѣнахъ;
 На низкихъ тягостныхъ столбахъ
 Дежитъ огромный храма сводъ;

Кругомъ идетъ широкій ходъ,
 Являя безконечный рядъ
 Силетенныхъ вѣтвями аркадъ;
 И крѣпки башни на углахъ
 Стоятъ, какъ стражи на часахъ.
 Вотще ихъ крѣпость превозмочь
 Пыталася вражеская мочь
 Жестокихъ пехристей датчанъ;
 Вотще волнами океанъ
 Всечасно ихъ разить, дробить;
 Святое зданіе стоитъ
 Недвижимо съ давнишнихъ поръ;
 Морскихъ разбойниковъ напоръ,
 Набѣги хлада, бурь, валовъ,
 И силу грозную годовъ
 Перетерпѣвъ, какъ вегарину,
 Оно морскую глубину
 Своей громадою гнететь;
 Лишь кое-гдѣ растреснулъ сводъ,
 Да въ нишѣ ликъ разбитъ святой,
 Да мохъ растеть вездѣ съдой,
 Да стѣны углы оточены
 Упорнымъ трепемъ волны.

VI.

Въ ладѣ монахини плывутъ;
 Приближась къ берегу, поютъ
 Святую Гильды пѣснь оубъ;
 Ихъ голосъ въ поздней тишинѣ,
 Какъ бы сходящій съ вышины,
 Слѣяетъ съ гармоніей волны,
 Но небу звонко пробѣжалъ;
 И съ берега хоръ имъ отвѣчалъ,
 И вышелъ изъ святыхъ воротъ
 Съ хоругвями, крестами ходъ
 Навстрѣчу инокинъ честныхъ;
 И возвѣгнулъ явленіе ихъ
 Колоколовъ согласный звонъ,
 И былъ онъ звучно повторень
 Отзывомъ ближнихъ, дальнихъ скалъ,
 И весь народъ на берегъ созвалъ.
 Съ ладьи игуменья сонла,
 Благословеніе веѣмъ дала,
 И, подпираясь костьюемъ,
 Пошла въ святой Кутбертовъ домъ
 Вослѣдъ хоругвей и крестовъ.

VII.

Имъ столъ въ транзницѣ готовъ,
 Садятся ужинать: потомъ
 Обширный монастырскій домъ

Толпой омагривать идутъ;
 Сбѣются, рѣзвятся, поютъ;
 Заходятъ въ кельи, въ древній храмъ,
 Творятъ поклонны образамъ,
 И молятся мошамъ святымъ..
 Но вечеръ холодомъ сырымъ
 И рѣзкій съ моря вѣтерокъ
 Собраться нудятъ веѣхъ въ кружокъ
 Къ огню, хозяекъ и гостей;
 Жужжатъ, ленецуютъ; какъ ручей,
 Веселый лететь разговоръ;
 И наконецъ межъ ними споръ
 О томъ заходитъ, чей святой
 Своею жизнію земной
 И болѣ славы заслужилъ,
 И болѣ Небу угодилъ?

VIII.

«Святая Гильда (говорятъ
 Монахини изъ Витби) врядъ
 Отдастъ ли первенство кому?
 Извѣстна жъ болѣ потому
 Ея обитель съ давнихъ дней,
 Что три барона знатныхъ ей
 Служить вассалами должны;
 Угодицей осуждены
 Когда-то были Брюсъ, Гербертъ
 И Перси; судъ сей былъ простертъ
 На ихъ потомство до конца
 Всего ихъ рода: черница
 Они дерзнули умертвить.
 Съ тѣхъ поръ должны къ намъ приходитъ
 Три старшихъ въ родѣ каждый годъ,
 Въ день Вознесенья, и народъ
 Тутъ видитъ, какъ игумень ихъ
 Ставитъ рядомъ у честныхъ
 Мошеи угодицы святой,
 Какъ надъ склоненной ихъ главой
 Прочтеть псаломъ, какъ наконецъ
 Съ словами: *все простилъ черница!*
 Имъ разрѣшеніе дастъ;
 Тогда *аминь!* гласить народъ.
 Къ намъ повѣсть древняя дошла
 О томъ, какъ пѣкогда жила
 У насъ сакеонская княжна,
 Какъ наша вся была полна
 Округа ядовитыхъ змѣй,
 Какъ Гильда, внявъ мольбамъ своей
 Любимицы святой княжны,
 Явилась, какъ превращены

Всѣ змѣи въ камень, какъ съ тѣхъ норъ
Находятъ въ пѣдрѣ папихъ горъ
Окаменѣлыхъ много змѣй.
Еще же древности намъ объ ней
Сказаніе передала:
Какъ разъ во гнѣвѣ прокляла
Она пролетныхъ журавлей,
И какъ съ тѣхъ норъ до нашихъ дней,
Едва на Витби налетитъ
Журавль, застонетъ, закричитъ,
Перевернется, упадетъ,
И чудной смертью отдаетъ
Угодницѣ блаженной честь.»

IX.

— А нашъ Кутбертъ? Не перечестъ
Его чудесъ. Теперь покой
Нашелъ ужъ гробъ его святой;
Но прежде... что онъ прстерпѣлъ?
Отъ датскихъ хищниковъ сторгѣлъ
Линдфарнъ, приютъ его давнишнихъ дней
Честныхъ угодника мощей;
Монахи гробъ его снасли,
И съ гробомъ странствовать пошли,
Изъ земли въ землю, по полямъ,
Лѣсамъ, болотамъ и горамъ;
Семь лѣтъ въ молитвѣ и трудахъ,
Съ тяжелымъ гробомъ на плечахъ,
Они скитались; въ Мельросъ
Ихъ нанослѣдокъ Богъ принесъ;
Мельросъ Кутбертъ живой любилъ,
Но мертвый въ немъ не разсудилъ
Онъ для себя избрать приютъ,
И чудо совершилось тутъ:
Хоть тяжкій гробъ изъ камня былъ,
Но отъ Мельроса вдругъ поплылъ
По Твиду онъ, какъ легкій чолнъ.
На югъ теченьемъ быстрыхъ волнъ
Его помчалю; мпновавъ
Тильмутъ и Риппонъ, въ Вардилавъ,
Препонъ не встрѣтя, наконецъ
Привелъ свой гробъ святой навецъ;
И выбралъ онъ въ жилищи тамъ
Святой готической Дургамъ;
Но гдѣ святого погребли,
Ту тайну знаютъ на земли
Лишь только трое; и когда
Которому изъ нихъ чреда
Разстаться съ жизнью придетъ,
Онъ на духу передаетъ

Ее другому; тотъ молчитъ
Дотоль, пока не разрѣшитъ
Его молчанья смертный часъ.
И мало ль чудесами насъ
Святой угодникъ изумлялъ?
На нашу Англію навалъ
Король шотландскій, злой тиранъ;
Пришла съ нимъ рать развѣганъ,
Неистовыхъ, какъ море ихъ;
Онъ рыцарей привелъ своихъ,
Разбойниковъ, залитыхъ въ сталь;
Онъ весь подвинулъ Тевьотдалъ;
Но рать его костями легла:
Для насъ Кутбертова была
Хоругвь спасеніемъ отъ бѣды.
Имъ ободренъ былъ и Альфредъ
На пораженіе датчанъ;
Предъ нимъ впервой и самъ норманъ
Завоеватель страхъ узналъ,
И изъ Нортумбріи бѣжалъ.—

X.

Монахи изъ Витби тутъ
Сестрамъ линдфарнекимъ задаютъ
Съ усмѣшкою вопросъ такой:
«А правда ли, что валъъ святой
По свѣту бродитъ кузнецомъ?
Что онъ огромнымъ молоткомъ
По тяжелой наковальнѣ бьетъ
И имъ жемчужины куестъ?
Что на работу ходитъ онъ,
Туманной рясой облаченъ?
Что на приморекѣ онъ скалъ,
Чертѣ мгла, стоитъ во мглѣ?
И что, покуда молотъ бьетъ,
Онъ вѣтеръ на море зоветъ?
И что въ то время рыбаки
Уводятъ въ пристань челноки,
Боясь, чтобъ бурей noctной
Не утопилъ ихъ валъъ святой?»—
Сестеръ линдфарнекихъ оскорбилъ
Такой вопросъ; отвѣтъ ихъ былъ:
— Пустого много бредитъ свѣтъ;
Объ этомъ здѣсь и слуху нѣтъ;
Кутбертъ, блаженный нашъ отецъ,
Честной угодникъ, не кузнецъ.—

XI.

Такъ весело передъ огнемъ
Шелъ о житейскомъ, о святомъ
Между монахинъ разговоръ.

А близко былъ иной соборъ,
И судъ иной происходилъ.
Подъ зданьемъ монастырскимъ былъ
Тайникъ — страннѣй темницы кѣтъ;
Король Кольвильфъ, покинувъ свѣтъ,
Жиль произвольнымъ мертвецомъ
Въ глубокомъ подземельѣ томъ.
Сперва въ монастырѣ оно
Смиренья кельей названо;
Потомъ въ ужасной кельѣ той,
Куда ни разу лучъ дневной,
Ни воздухъ Божій не входилъ,
Прелать Секегельмъ опредѣлялъ
Кладбищу осужденныхъ быть;
Но наконецъ тамъ хоронить
Не мертвыхъ стали, а живыхъ:
О бѣдственной судьбинѣ ихъ
Молчалъ невѣдомый тайникъ;
И судъ, и казнь, и жертвы крикъ —
Все жадно поглощалось имъ;
А если случаемъ какимъ
Невнятный стоишь изъ глубины
И доходилъ до вышины,
Никто изъ вмещающихъ не зналъ,
Кто, гдѣ и отъ чего стоналъ;
Шептали только межъ собой,
Что тамъ, глубоко подъ землей,
Во гробѣ мучителя мертвецъ,
Свершившій дней своихъ конецъ
Безъ покаянiя во злѣ,
И непрощенный на землѣ.

XII.

Хотя въ монастырѣ о томъ
Заклепъ казни роковымъ
И сохранилася молва,
Но гдѣ онъ былъ? Одинъ или два
Монаха знали то, да самъ
Отецъ аббатъ; и къ тѣмъ мѣстамъ
Ему лишь съ ними доступъ былъ:
Съ повязкой на глазахъ входилъ
За жертвой самъ палачъ туда,
Въ часъ совершенiя суда.
Тамъ зрѣлася тѣсный, тяжкій сводъ;
Глубоко, ниже вѣшнихъ водъ,
Былъ выдолбленъ въ утесѣ онъ;
Весь гробовыми замоченъ
Плитами полъ неровный былъ;
И рядъ покинутыхъ могилъ
Съ полуистертою рѣзбой,

Полузатонутныхъ землей,
Являся тамъ; отъ мокроты
Скопляясь, капли съ высоты
На камни падали; ихъ звукъ
Однообразно тихъ, какъ стукъ
Ночного маятника, былъ;
И блѣдно, трепетно свѣтилъ,
Пуская дымъ, борясь со мгаой,
Огонь въ лампадѣ гробовой,
Всѣвѣщей тяжело на цѣняхъ;
И тускло на сырыхъ стѣнахъ,
Покрытыхъ плѣсенью, какъ корою,
Свѣтъ, поглощенный темнотою,
Тумашнымъ отблескомъ лежалъ.
Онъ въ подземельѣ озарилъ
Явленье страшное тогда.

XIII.

Три совершителя суда
Сидѣли рядомъ за столомъ;
Предъ ними разложены на пемъ
Уставъ бенедиктинцевъ былъ;
И, чуть во мглѣ сияя, лилъ
Мерцанье блѣдное починикъ
На ихъ со мгаой сляпанный ликъ.
Товарищъ двумъ другимъ судьямъ,
Игуменья изъ Витби тамъ
Являлась, и была сперва
Ея открыта голова:
Но скоро скорбь вѣвенила ее
Во грудь, и слезы изъ очей
Неволью жалость извлекла,
И покрываломъ облекла
Тогда лицо свое она.
Съ ней рядомъ, какъ мертвецъ, блѣдна,
Съ суровой строгостью въ чертахъ,
Обрѣтная въ носгѣ, въ мольбахъ
Безстрастье хладное одно,
(Въ душѣ святошествомъ давно
Прямую святошь умора) —
Тильмутскаго монастыря
Пріорша гордая была;
И ряса, черная, какъ мгла,
Лежала на ея плечахъ;
И жизни не было въ очахъ,
Чернѣвшихъ мутно безъ лучей
Изъ-подъ сѣдыхъ ея бровей.
Аббатъ Кутбертовой святой
Обители, монахъ сѣдой,
Изохнувшій полумертвецъ

И ужь съ давнишнихъ поръ сънець,
 Межъ ними сгорбившійся сидѣть;
 Потухшій взоръ его глядѣлъ
 Впередъ, ничѣмъ не привлечень,
 И грозной думой омраченъ,
 Ужасенъ блѣдный былъ старикъ.
 Какъ каменный надгробный ликъ,
 Во храмъ зримый въ часъ почной,
 Нѣмого праха стража нѣмой.
 Предъ ними жертва ихъ стоитъ:
 На головѣ ея лежитъ
 Лицо скрывающей покровъ;
 Видна на блѣлой рябѣ крови;
 И на столѣ положены
 Свидѣтели ея вины:
 Лампада, четки и кинжалъ.
 По знаку данному, сорвалъ
 Монахъ съ лица ея покровъ;
 И кудри черныхъ волосовъ
 Упали тучей по плечамъ.
 Пріорши строгія очамъ
 Былъ узницы противенъ видъ;
 Съ насмѣшкой злобною глядитъ
 Въ лицо преступницы она,
 И казнь ея ужь рѣшена.

XIV.

Но кто же узница была?
 Сестра Матильда. Лишь сонма
 Та роковая полночь, мглой
 Окутавшійся, какъ исленой,
 Тильмутская обитель вся
 Вдругъ замолчала; погасъ
 Лампады въ кельяхъ, сестры въ нихъ
 Всѣ затворились; пусть и тихъ
 Сталъ монастырь; лишь главный входъ
 Святыя обители воротъ
 Не запертъ и свободенъ былъ.
 На колокольнѣ часъ пробилъ.
 Лампаду и кинжалъ беретъ,
 И въ платѣ мертвенца идетъ
 Матильда смѣло въ ворота;
 Предъ нею ночь и пустота;
 Обитель сномъ глубокимъ спитъ;
 Надъ церковью луна стоитъ
 И слышать на дорогу свѣтъ;
 И виденъ на дорогѣ слѣдъ
 Въ густой пыли коньгъ и ногъ;
 И слышенъ ей далекій эхокъ...
 Она съ волненьемъ вдаль глядитъ;

Но тамъ почной туманъ лежитъ;
 Все тише, тише слышенъ эхокъ;
 Лишь по дорогѣ вѣтерокъ
 Полночный ходить, да луна
 Сияетъ съ неба. Вотъ она
 Минуты двѣ подождала;
 Потомъ съ молитвою пошла
 Впередъ — не встрѣтите ли съ нимъ?
 И долго шла путемъ пустынь;
 Но все желанной встрѣчи нѣтъ.
 Вотъ наконецъ и дневный свѣтъ,
 И на небѣ зажглась заря...
 И вдругъ отъ стѣнъ монастыря
 Послышался набатный звонъ;
 Все огласилъ окрестность онъ.
 Что ей начать? Куда уйти?
 Среди открытаго пути,
 Окаменѣвъ, она стоитъ;
 И страшно колоколь гудитъ;
 И вотъ за ней погоня встѣдъ;
 И ей видѣ пріота нѣтъ;
 И вотъ настигнула она,
 И въ монастырь увлечена,
 И скрыта заживо подъ снудъ;
 И ждетъ ее кровавый судъ.

XV.

Передъ судилищемъ она
 Стоитъ, почти умерщвлена
 Терзаньемъ близкаго коша;
 И блѣдность мертвая лица
 Была видѣнъ, была страшнѣй
 Отъ черноты ея кудрей.
 Двойною пышною волной
 Облившихъ ликъ ея младой.
 Оцѣпенѣвъ стоитъ она;
 Глава на грудь наклонена;
 И еся бѣ мутный лучъ въ глазахъ,
 И содроганіе въ грудяхъ
 Не измѣняли ей порой,
 За ликъ бездушный восковой
 Могла бѣ быть принята она:
 Такъ бездыханна, такъ блѣдна,
 Съ такимъ безжизненнымъ лицомъ,
 Такимъ безгласнымъ мертвецомъ
 Она ждала судьбы своей
 Отъ непрощающихъ судей.
 И казни страхъ ей весь открытъ:
 Въ стѣнѣ, какъ темный гробъ, прорытъ
 Глубокій, низкій, тѣсный входъ;

Тому, кто разъ въ тотъ гробъ войдетъ,
Назадъ не выйти никогда;
Коренья, въ черепкѣ вода,
Краюшка хлѣба съ пощичкомъ
Уже готовы въ гробъ томъ;
И съ дымнымъ факеломъ въ рукахъ,
На заступъ оперишься, монахъ,
Палачъ подземный, передъ шпъ,
Безгласенъ, мраченъ, недвижимъ,
Съ покровомъ на лицѣ стоитъ;
И грудой на полу лежитъ
Гробоконательный снарядъ:
Кирпичъ, кирка, известка, млатъ.
Слѣпой игумень съ мѣста всталъ,
И руку тонкую поднялъ,
И узицу благословилъ...
И въ землю факель свой вопилъ,
И къ жертвѣ подошелъ монахъ;
И ужъ она въ его рукахъ
Трещеть, борется, кричитъ.
И, славивъ съ ней, уже тащитъ,
Безчувственный на крикъ и плачъ,
Ее живую въ гробъ палачъ...

XVI.

Сто ступеней наверхъ вели;
Изъ тайника судьи пошли,
И видъ ихъ былъ свирѣпо дикъ;
И глухо жалкій, томный крикъ
Изъ глубины ихъ провожалъ;
И страхъ шаги ихъ ускорялъ;
И глуше становился стонъ;
И наконецъ... умолкнулъ стонъ.
И скоро вольный воздухъ изъ
Своимъ дыханіемъ живымъ
Стѣненны груди оживилъ.
Ужъ часъ почного бдѣнья былъ,
И въ храмѣ пѣли. И во храмѣ
Они пошли; но ямъ и тамъ,
Сквозь набожный поющихъ ликъ,
Вес слышался подземный крикъ.
Когда жъ во храмѣ хоръ отиѣлъ,
Ударить въ колоколъ велѣлъ —
Аббатъ душъ на упокой...
Протяжный гласъ въ тиши почной
Раздался—изъ глубокой млы
Ему Портумбрин скалы
Откликнулись; услыша звонъ,
Въ Брамбурѣ селянинъ сквозь сонъ
Съ подушки голову поднялъ,

Молиться объ умершемъ сталъ,
Не домолился и заснулъ;
Имъ пробужденный, помянулъ
Усопшаго святой чернецъ,
Варквортской пустыни жилецъ;
Въ шевьотекую залегшій сънъ,
Весочилъ испуганный оленъ,
По вѣтру поздрн расцуетилъ,
И чутко ухомъ шевелилъ,
И поглядѣлъ по сторонамъ
И снова легъ... и снова тамъ
Вес, что смутилъ минутный звонъ,
Въ глубокой погруженое сонъ.

РОЛАНДЪ ОРУЖЕНОСЕЦЪ.

ВЪЗЛАДА.

[ИЗЪ УЛАНДА].

Разъ Карлъ Великій нироваль;
Чертогъ богато былъ украшенъ;
Кругомъ ходилъ златой бокалъ;
Огромный столъ трещалъ отъ бращель;
Гремѣлъ пѣвцовъ избранныхъ хоръ;
Шумѣлъ веселый разговоръ;
И гости вдоволь пили, ѣли;
И лица ихъ отъ вина горѣли.

Великій Карлъ сказалъ гостямъ:
«Свершить намъ должно подвигъ трудный.
Прилично ль веселиться намъ,
Когда еще аргусовъ чудный
Не завоеванъ талисманъ?
Его украсивъ великанъ
Живеть въ арденскомъ лѣсѣ темномъ;
Онъ на шитѣ его огромномъ».

Отважный Оливьеръ, Гваринъ,
Слалчъ Гемогъ, Наймъ Баварскій,
Агландскій графъ Милонъ, Меряинъ,
Такой услыша вызовъ царскій,
Изъ-за стола тотчасъ встаютъ,
Мечи тяжелые берутъ;
Сверкаютъ ихъ стальные брони;
Ихъ боевые пляшутъ кони.

Тутъ слыгъ Милоповъ молодой,
Роландъ, сказалъ: возьми, родитель,
Меня съ собой; я буду твой
Оруженосецъ и служитель.
Вашъ подвигъ не по лѣтамъ мнѣ;
Но ты позволь, чтобъ на концѣ

И везь, простымъ твоимъ слугою,
Коньѣ и щитъ твой за тобою.

Въ арденскій лѣсъ однимъ путемъ
Шесть бодрыхъ витязей пустились.
Въ средину вѣхали, потомъ
Другъ съ другомъ братски разлучились.
Младой Роландъ съ коньемъ, щитомъ
Смиренно ѣдетъ за отцомъ;
Едва отъ радости онъ дышетъ;
Бодритъ коня; конь ржеть и пышетъ
И рыщутъ по лѣсу они
Три цѣлыхъ дня, три цѣлыхъ ночи;
Устали сами; ихъ копи
Советъ ужъ выбились изъ мочи:
А великана все имъ пѣтъ.
Вотъ на четвертый день, въ обѣдъ,
Подъ дубомъ сѣнисто-широкимъ
Милонъ забылся спомъ глубокимъ.

Роландъ не спитъ. Вдругъ видитъ онъ:
Въ лѣсной дали, сквозь сумракъ сѣней,
Блеснуло; и со всѣхъ сторонъ
Вскочило множество оленей,
Живымъ испуганныхъ лучомъ;
И тамъ, какъ туча, со щитомъ,
Блестящимъ отъ талисмана,
Валитъ громада великана.

Роландъ глядитъ на пришлеца,
И мыслить: что же ты за диво?
Будить мнѣ для тебя отца,
Не къ мѣсту было бы учиво;
Здѣсь за него, пока онъ спитъ,
Его коньѣ и добрый щитъ,
И острый мечъ и конь задорный,
И смѣхъ Роландъ, слуга проворный.

И вотъ онъ на бедро свое
Повѣсилъ мечъ отцовъ тяжелый:
Взялъ длинное его коньѣ,
И за плеча рукою смѣлой
Его закинулъ крѣпкій щитъ;
И вотъ онъ на конѣ сидитъ;
И потихоньку удалился—
Дабы отецъ не пробудился.

Его увидя, сморщилъ носъ
Съ презрѣшемъ великанъ спесивый
«Откуда ты, молокососъ?
Не по тебѣ твой конь ретивый;

Смотри, тебя длиннѣй твой мечъ;
Твой щитъ съ твоихъ ребячьихъ плечъ,
Тебя переломивъ, свалится;
Твое коньѣ лишь мнѣ годится.»—

Дерзка твоя, какъ слышу, рѣчь;
Посмотримъ, таково ли дѣло?
Тяжелъ мой щитъ для дѣтскихъ плечъ—
Зато за нимъ стою я смѣло;
Пусть неучъ я—мой конь учень;
Пуекай я слабъ—мой мечъ силенъ;
Отвѣдай насъ; ужъ мы другъ другу
Окажемъ въ честь тебѣ услугу.

Дубину великанъ взмахнулъ,
Чтобъ въ дребезги разбить нахала;
Но конь Роландовъ отпрыгнулъ;
Дубина мимо просвистала.
Роландъ пустилъ въ него коньѣмъ;
Оно осталось съ остриемъ,
Иогнутымъ силой талисмана,
Въ щитѣ прозенномъ великана.

Роландъ отцовскій мечъ большой
Схватилъ обѣими руками;
Спѣшитъ схватить противникъ свой,
Но крѣико стиснуть онъ пожнами;
Еще меча онъ не извлекъ,
Какъ руку лѣвую отсѣкъ
Ему нашъ витязь; кровь струсю;
Прочь отлетѣлъ и щитъ съ рукою.

Завылъ отъ боли великанъ,
Кипучей кровію облантъ:
Утративъ чудный талисманъ,
Онъ вдругъ остался безъ защиты;
Велѣдъ за щитомъ онъ побѣжалъ;
Но по погамъ въ догонку далъ
Ему Роландъ ударъ проворной:
Онъ покатился глыбой черной.

Роландъ, поднявъ отцовскій мечъ,
Однимъ ударомъ исполниу
Отрушилъ голову отъ плечъ;
Сниетя, кровь хлынула въ долину.
Щигъ великановъ взявъ потомъ,
Онъ талисманъ, блантавшій въ немъ,
(Осьмое чудо красотою)
Искуеной выломалъ рукою.

И въ платьѣ скрылъ онъ взятый кладъ;
Потомъ струей ручья лѣснова

Съ лица и съ рукъ, съ коня и съ латъ
Смыль кровь и прахъ, и сѣвши слова
На добраго коня, шажкомъ
Отправился своимъ путемъ
Въ то мѣсто, гдѣ отецъ остался;
Отецъ еще не просынался.

Съ нимъ рядомъ легъ Роландъ и въ сонъ
Глубокій скоро погрузился,
И спалъ, покуда самъ Милошъ
Подъ сумерки не пробудился.
«Скорѣй, мой сынъ Роландъ, вставай;
Подай мой шлемъ, мой мечъ подай;
Ужь вечеръ; всюду мгла тумана;
Опять не встрѣтимъ великана.»

Вотъ ѣздитъ онъ въ лѣсу густомъ
И великана ищетъ снова;
Роландъ за нимъ съ конемъ, щитомъ—
Но о случившемся ни слова.
И вотъ они въ долину той,
Гдѣ жаркій совершился бой;
Тамъ виденъ былъ потокъ кровавый;
Въ крови валялся трунъ безглавый.

Роландъ глядитъ; своимъ глазамъ
Не вѣрять онъ: что за причина?
Одно лишь туловище тамъ;
Но гдѣ же голова, дубина?
Гдѣ панцырь, мечъ, рука и щитъ?
Одинъ ободранный лежитъ
Обрубокъ мертвеца нагого;
Слѣдовъ не видно остального.

Трунъ осмотрѣвъ, Милошъ сказалъ:
«Что за уродливая гряда!
Еще ни разу не видалъ
На свѣтѣ я такого чуда:
Чей это трунъ?.. Вопросъ смѣшной!
Да это великанъ; другой
Успѣлъ дать хищнику управу;
Я проснала честь мою и славу». —

Великій Карлъ глядѣлъ въ окно
И думалъ: страшно мнѣ по чести;
Гдѣ рыцари мои? Давно
Нора бь отъ нихъ имѣть намъ вѣсти.
Но что?.. Не герцогъ ли Гемонъ
Тамъ ѣдетъ? Такъ, и держать онъ
Свое конье передъ собою
Съ отрубленною головою.

Гемонъ, съ нахмуреннымъ лицомъ
Приблизясь, голову нѣмую
Стрихнулъ съ копья передъ крыльцомъ,
И Карлу такъ сказалъ: плохую
Добычу я завоевалъ;
Я этотъ кладъ въ лѣсу досталъ,
Гдѣ трое сутокъ я скитался:
Мнѣ врагъ безъ головы попался.

Пріѣхалъ за Гемомъ вслѣдъ
Тюрнингъ усталый, слѣдный, тощій.
«Со мною талисмана нѣтъ:
«Но вотъ вамъ дорогія мощи.»
Добычу спяль Тюрнингъ съ сѣдла:
То великанова была
Рука, обвитая трипщей,
Съ его огромной рукавицей.

Сердитъ и сумраченъ, Наймъ
Пріѣхалъ по слѣдамъ Тюрнина,
И великанова за нимъ
Висѣла на сѣдлѣ дубина.
«Кому достался талисманъ,
«Не знаю я; но великанъ
«Мени оставилъ въ часть кончины
«Наслѣдникомъ своей дубины.»

Шесть рыцарь Оливьеръ пѣшкомъ,
Задумчивый и утомленный;
Копь, великановымъ мечомъ
И панцыремъ обремененный,
Едва коньга подымалъ.
«Все это съ мертвеца я спяль;
«Мнѣ отъ победы мало чести;
«О талисманѣ жъ нѣтъ и вѣсти.»

Вдали является Гваринъ
Съ щитомъ огромнымъ великана,
И всѣ кричатъ: вотъ палатинъ,
Завоеватель талисмана!
Гваринъ, подѣхавъ, говоритъ:
«Въ лѣсу нашель я этотъ щитъ:
«Но обманулъся я въ надеждѣ:
«Былъ талисманъ украденъ прежде.»

Вотъ наконецъ и графъ Милошъ.
Печаленъ, во враждѣ съ собою,
Къ дворцу тихонько ѣдетъ онъ
Съ потупленною головою.
Роландъ смиренно за отцомъ
Съ его конемъ, съ его щитомъ,

И свѣтятся, какъ звѣзды ночи,
Подъ шлемомъ удаляя очи.

И вотъ они ужъ у крыльца,
На коемъ Карлъ и паладины
Ихъ ждуть; тогда на щитъ отца
Роландъ, сорвавъ съ его средины
Златую бляху, утвердилъ
Свой талисманъ и щитъ открылъ...
И лучъ блеснулъ съ него чудесный,
Какъ съ черной тучи день небесный.

И грянуло со всѣхъ сторонъ
Шумящее рукоплесканье;
И Карлъ сказалъ: ты, графъ Милонъ,
Исполнилъ наше упованье;
Ты возвратилъ намъ талисманъ;
Тобой наказанъ великанъ;
За славный подвигъ въ награжденье,
Прими отъ насъ благоволенье.

Милонъ, слова услыша тѣ,
Глаза на сына обращаетъ...
И что же? Передъ нимъ въ щитъ,
Какъ солнце, талисманъ сіяетъ.
«Гдѣ это взялъ ты, молодецъ?»
Роландъ въ отвѣтъ: прости, отецъ;
Тебя будить я побоялся,
И съ великаномъ самъ подрался.

ПЛАВАНІЕ КАРЛА ВЕЛИКАГО.

БАЛЛАДА.

[изъ *Лалла*].

Разъ Карлъ Великій моремъ плылъ
И съ нимъ двѣнадцать перовъ пильно,
Ихъ путь въ Святую Землю былъ;
Но море злилося и выло.

Тогда Роландъ сказалъ друзьямъ:
«Деруся я на суши смѣло;
«Но въ злую бурю по волнамъ
«Хлестать мечомъ плохое дѣло.»

Датчанинъ Гольгеръ молвилъ: «радъ
«Я веселить друзей струнами;
«Но будетъ ли какой въ нихъ ладъ
«Между ревущими волнами?»

А Оливьеръ сказалъ, съ плеча
Взглянувъ на бурныхъ волнъ сугробы:

«Мнѣ жалко новаго меча:
«Здѣсь утонуть ему безъ пробы.»

Нахмуясь, Ганелонъ шепнулъ:
«Какая адекая тревога!
«Но только бъ я не утонулъ!..
«Они жъ?.. туда имъ и дорога!»

«Мы все плывемъ къ Святымъ Мѣстамъ!
Сказалъ, крестясь, Тюриниъ-Святительъ.
«Явись и въ пристань по волнамъ
«Насъ грѣшныхъ проводи, Спаситель!»

«Вы, бѣсы! графъ Рихардъ вскричалъ:
«Мое вы вѣдаете службу;
«Я много въ адъ къ вамъ душъ послалъ—
«Явите вы теперь мнѣ дружбу.»

«Ужъ я ли, вымолвилъ Наимъ,
«Не говорилъ: нажить намъ горе?
«Но слово умное глухимъ
«Есть капля масла въ бурномъ морѣ.»

«Бѣда! сказалъ Рюль съдой,
«Но если море не уймется,
«То мнѣ на старости въ сырой
«Постель нынче спать придется.»

А графъ Гюн вдругъ началъ пѣть,
Не тратя жалобъ бесполезно:
«Когда бъ отсюда полетѣть
«Я птичкой могъ къ своей любезной!»

«Друзья, сказать ли вамъ? Ей, ей!
Промолвилъ графъ Гваринъ, вздыхая:
«Мнѣ сладкое вино вкуснѣй,
«Чѣмъ горькая вода морская.»

Ламбертъ прибавилъ: «что за честь
«Съ морскими чудами сражаться?
«Гораздо лучше рыбу ѣсть,
«Чѣмъ рыбъ на обѣдъ достаться.»

«Что Богъ велитъ, тому и быть!
Сказалъ Годофруа; съ друзьями
«Я радъ добро и зло дѣлить;
«Его святая власть надъ нами.»

А Карлъ молчалъ: онъ у руля
Сидѣлъ, и правилъ. Вдругъ явилась
Святая вдалекъ земля,
Блеснуло солнце, буря скрылась.

НОРМАНДСКІЙ ОБЫЧАЙ.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ.

[изъ уланда].

РЫБАЧЬЯ ХИЖИНА НА БЕРЕГАХЪ
НОРМАНДИИ.

БАЛЬДЕРЪ, мореходецъ.

РИХАРДЪ, рыбакъ.

ТОРИЛЬДА.

Бальдеръ.

Твое здоровье, мой хозяинъ добрый.
Признаться ли? Я благодаренъ бурѣ,
Запесшей насъ въ спокойный твой заливъ.
Давно такимъ радушиемъ угощаемъ,
И свѣтлаго огня, въ пріютѣ мирномъ,
Порадованъ я не былъ.

Рихардъ.

Въ добрый часъ;

Доволенъ ты, и мы довольны; въ нашихъ
Рыбачьихъ хижинахъ какая роскошь?
Но вдвое намъ по сердцу гость такой,
Какъ ты, рожденный въ сѣверныхъ стра-
нахъ,
Изъ коихъ въ старину приплыли наши
Отцы, о коихъ намъ изъ древнихъ лѣтъ
Такъ много славнаго сохранено
Въ преданіяхъ и пѣсняхъ сладкозвучныхъ.
Но долженъ я тебѣ, мой благородный
Гость, объявить, что есть у насъ обычай:
По коему здѣсь каждый иноземецъ,
Кто бъ ни былъ онъ, богатый изъ убогій,
За угощеніе платитъ.

Бальдеръ.

Радъ исполнить

Я вашъ обычай; мой корабль, стоящій
На якорѣ въ заливѣ, полногъ рѣдкихъ
Товаровъ, собранныхъ по берегамъ
Земель полуденныхъ: есть золотые
Плоды, есть вина сладкія, есть птицы,
Нлѣбняющія взоръ блистаньемъ перьевъ;
И кузницъ сѣверныхъ издѣлья есть:
Двуострые мечи, кольчуги, шлемы.

Рихардъ.

Меня не понялъ ты, мой гость почтенный;
Нормандскій нашъ обычай не таковъ:
Здѣсь всякій, кто ночлегъ далъ иноземцу,
Имѣетъ право требовать, чтобъ гость
Иль сказку рассказалъ, иль пѣсню сплъ,
И въ свой чередъ ему онъ тѣмъ же платитъ.
На старости держусь я старины.

Люблю я пѣсни, сказки и преданья.
Исполни жъ нашъ обычай, добрый гость.

Бальдеръ.

Иная сказка сладостивъ вина,
Душитѣе плода, нестрѣе птицы;
И часто звукъ старинной бранной пѣсни,
Какъ звукъ мечей, какъ громъ щитовъ,
плѣняетъ

Нашъ слухъ: итакъ, не вовсе я ошибся.
Хоть въ памяти немного у меня
Разказовъ, но почтить такой похвальный
Обычай я готовъ. Вотъ что недавно
На палубѣ, въ морскую тишину
Намъ при лунѣ одинъ изъ корабельныхъ
Товарищей разказывалъ.

Рихардъ.

По прежде

Еще по кубку выпьемъ (*Шьютъ*). Начишай.

Бальдеръ.

Два сѣверныхъ породы славной графа,
Друзья изъ младости, переплывали
Моря на корабляхъ своихъ союзныхъ;
И много битвъ на сушѣ и водахъ,
И много буръ они видали вмѣстѣ;
И много разъ, на югъ и востокъ,
У береговъ цвѣтущихъ бросивъ якорь,
Другъ съ другомъ отдыхъ сладостивъ дѣ-
лили.

Вотъ наконецъ они въ старинныхъ замкахъ,
Наслѣдїи отцовскомъ, поселились,
И имъ одну печаль послало небо:
Они суиругъ любимыхъ схоронили,
Почти въ одно лишаеъ ихъ время; горе
Тѣснѣй сдружило ихъ, по и отрада
Осталаеъ имъ въ печали ихъ глубокой:
У одного былъ сынъ, ребенокъ бодрый,
Другой имѣлъ младенца дочь. Чтوبъ новымъ
Союзомъ утвердитъ святую дружбу,
Чтобъ вѣчна осталаеъ память ей,
Отцы дѣтей рѣшились сочетать,
И ихъ они тогда же обручили.
И дѣвочкѣ и мальчику на шею,
На легкихъ золотыхъ дѣвочкахъ были
Новѣшены два перстня дорогихъ:
Въ одномъ изъ перстней былъ санфиръ,
какъ очи
Невѣстны лазурный, а въ другомъ
Былъ камень, розовый, какъ молодая
Румяныя ланиты жениха.

Рихардь.

Быль камень розовый, ты говоришь,
Въ кольцѣ невѣсты?

Бальдеръ.

Да, большой рубинъ.

Но слушай далѣ. Тогда ужъ мальчикъ
Быль лѣтъ пятнадцати; былъ силенъ, ловко
Владѣль мечомъ, и могъ ужъ обуздать
Коня; не для тревогъ морскихъ отецъ
Его готовилъ; онъ былъ долженъ замки
И области наслѣдственныхъ предковъ
Могучею рукою защищать.
Невѣста же была младенецъ
Лѣтъ четырехъ; еще не покидала
Она своей пріютной колыбели;
Усердная за ней смотрѣла няня.
Но чтожъ случилось? Быль прекрасный день
Весенній; на берегъ морской изъ замка
Съ малюткой вышла няня, велѣдъ за нею
Толаа прислужницъ молодыхъ; цвѣты
И камни блестящіе собирали
Онъ на берегу; малютка ими
Играла; море было тихо; свѣжій
Весенній вѣтерокъ едва касался
Прозрачныхъ водъ, и солище въ нихъ
сверкало,

И отблескъ волнъ пріятно трепеталъ
На свѣжей зелени. Челнокъ рыбацкій
Привязанъ былъ у берега; цвѣтами
Душистыми наполнивши его,
Прислужницы малютку уложили
Въ цвѣты и, отвязавъ веревку, тихо
На плещущихъ кругомъ волнахъ качали
Челнокъ; младенецъ веселился; вдругъ
Веревка непримѣтно изъ руки,
Ее державшей, ускользнула въ воду,
И легкою волною откачнуло
Челнокъ отъ берега; хотять его
Схватить, но до него уже не можетъ
Достать рука; и море, сколь ни тихимъ
Казалось оно дотолѣ, тяпеть
Какою-то невидимою силой
Его впередъ; дитя, въ цвѣтахъ играя,
Смѣется, слышенъ крикъ его веселый;
А женщины на берегу поднимаютъ
Отчаянные вопли. Въ это время
Женихъ, пріхавшій съ своей малюткой
Невѣстой повидаться, на конѣ
По ближнему береговому луку

Скакаль и прыгаль; опъ на крикъ при-
мчался,
И свѣдавъ, что случилось, смѣло въ воду
Погналь коня, дабы поймать челнокъ.
Но, холодъ волнъ почувствовавши, конь
Сталъ на дыбы и бросился назадъ,
И съдока умчалъ съ собой обратно.
А между тѣмъ челнокъ все далѣ, далѣ;
Вотъ наконецъ изъ тихаго залива
Онъ выплылъ; вдругъ повѣяль свѣжій
вѣтеръ,
И скоро онъ совѣмъ исчезъ изъ глазъ
Въ открытомъ морѣ.

Рихардь.

Бѣдное дитя,

Спаси тебѣ хранитель ангель твой!

Бальдеръ.

Услышавъ вѣсть ужасную, отецъ
Немедленно вѣсѣмъ кораблямъ своимъ
Велѣлъ пуститься въ море; на быстрѣй-
шемъ
Онъ поплылъ самъ. Но въ морѣ нѣтъ слѣ-
А къ вечеру перемѣнился вѣтеръ, (довъ;
И всю ту ночь свирѣпствовала буря.
Вотъ наконецъ, по долгомъ и напрасномъ
Исканіи нашли пустой рыбацкій
Челнокъ и въ немъ увядшіе цвѣты.

Рихардь.

Что сдѣлалось съ тобою, добрый гость?
Ты дынешъ тяжело, ты весь въ лицѣ
Перемѣнился.

Бальдеръ.

Нѣтъ. Послушай далѣ:
Съ той бѣдственной поры покинулъ отрокъ
Женихъ коня и прилѣнился къ тяжкимъ
Морскимъ трудамъ; сталъ плавать; въ хо-
лодъ, въ бурю,
Бросался въ волны и боролся съ моремъ,
И руку пріучалъ владѣть кормиломъ;
И наконецъ, ставъ юношей могучимъ,
Онъ корабли вооружилъ и въ море
Пустился... на землѣ его надеждъ
Уже ничто не лѣстило; ни одна
Красавица окрестныхъ замковъ сердца
Его не трогала; онъ обрученъ
Быль морю дикому, волнамъ свирѣпнымъ,
Пожравшимъ все его земное счастье.
Тамъ въ глубинѣ была его невѣста,

Тамъ былъ и обручаальный перстень. Глав-
ный

Корабль свой онъ украсилъ нарусами
Пурпурными и рѣзбой золотою,
Какъ брачному прилично кораблю.

Рихардъ.

Не такъ ли этотъ былъ корабль украшенъ,
Какъ твой, на якорѣ стоящій въ нашемъ
Заливѣ?

Бальдеръ.

Можетъ быть. На этомъ брачномъ,
Могучемъ кораблѣ онъ претерпѣлъ
Немало бурь; и волны, громы, вихри
Не разъ ему привѣтственные пѣсни,
Въ ужасный хоръ совокуясь, гремѣли;
Немало битвъ морскихъ онъ совершилъ;
И знаютъ все на сѣверѣ его
Подъ страшнымъ именемъ: когда въ бою,
Сдѣлавъ корабль свой съ кораблемъ врага,
На палубу его съ мечомъ подъятымъ
Взбѣгаетъ онъ, народъ кричить: бѣда!
Пропали мы! *Женихъ морской*, помпуй!
Я кончилъ свой разсказъ.

Рихардъ.

Благодарю;

Мнѣ старику расшевелилъ онъ душу.
Но, кажется, не достаеъ конца
Разказу твоему. Кто можетъ знать,
Погибло ли дитя въ волнахъ, иль нѣтъ?
Попадется могъ навстрѣчу челноку
Корабль и взять дитя, оставивъ въ морѣ
Челнокъ; иль быть могло принесено
Дитя на островъ, моему подобный,
И люди добрые могли его
Найти; и можетъ быть, подъ ихъ надзоромъ
Малютка выросла, и можетъ быть,
Она теперь цвѣтущей дѣвой стала.

Бальдеръ.

Некусно ты досказывалъ сказки.
Но твой теперь чередъ; готовъ я слушать.

Рихардъ.

Я въ старину знавалъ преданій много
О рыцаряхъ, о герцогахъ нормандскихъ;
Любимецъ мой былъ нашъ Рихардъ *без-*
страшный,

Который ночью видѣлъ такъ, какъ днемъ,
И по лѣсу гулялъ въ глухую полночь,
Сражаясь съ нечистыми духами.
По память у меня теперь цюха,

И въ головѣ отъ старости все смутно;
И такъ не выразишь ты, когда, на мѣсто
Меня, мой долъ теперь тебѣ заллатить
Питомца моя, та молодая
Красавица, которая сидитъ
Въ углу такъ тихо, къ намъ спиной, и сѣти
Мои чинить при свѣтѣ почника.
Она поетъ, какъ соловей, и много
Прекрасныхъ пѣсень знаетъ. Не дичись.
Торильда, гости; спой ему ту пѣсню
Про дѣвину красавицу и перстень,
Что для тебя сложилъ пѣвецъ проходной;
Я знаю, ты ее носишь охотно.

Торильда поетъ.

Тихой утренней порою
Надъ прозрачною водою,
Дѣва съ удочкой сидитъ
И на удочку глядитъ.

Ждетъ... но удочка не гнется,
Волосокъ не шевельнется,
Неподвиженъ поплавокъ,
Не беретъ въ водѣ крючокъ.

И она, прождавъ напрасно,
Надѣваетъ свой прекрасный
Съ камнемъ алымъ перстенецъ
На приманчивый крючокъ.

Вдругъ вода зашевелилась,
И на удочкѣ явилась
У драгого перстенька
Вълоснѣжная рука;

И съ рукою блѣвоснѣжной,
Видомъ бодрымъ, взглядомъ пѣзвнымъ,
Надъ равниной водяной
Веселья красавецъ молодой.

Дѣва очи опустила:

«Не тебя въ волнахъ ловила
«Я, красавецъ молодой;
«Возврати мнѣ перстень мой.»—

Дѣва съ ясными очами,
Рыбу ловя въ перстнями;
Въ морѣ перстнемъ пойманъ я;
Буду твой, ты будь моя—

Бальдеръ.

Что слышу? Чудный, таинственный голосъ!
Какое тамъ небесное лицо,
Горящее застѣчивымъ румянцемъ,

Сквозь волны золотыхъ кудрей сіяеть,
И предо мной опять животворить
Минушіе, младенческіе годы?
Что вижу? Розовый знакомый камень
Въ златомъ кольцо на пальцѣ у нея?
Такъ, это ты, погибшая невѣста!
А я.. я твой женихъ, женихъ морей;
Вотъ мой сафиръ, твоимъ очамъ подобный;
А тамъ насъ ждетъ и брачный нашъ корабль.

Рихардъ.

Я угадалъ развязку, добрый витязь.
Она твоя; возьми свою невѣсту,
Сокровище, мнѣ посланное небомъ.
Храни ее могучею рукою:
Въ ней вѣрное прижмешь ты къ сердцу
сердце.
По что? Смотри, мой рыцарь, ты совѣмъ
Запутался въ сѣтяхъ моей Торильды.

БРАТОУ БІЙЦА.

БАЛЛАДА.
[изъ гланды].

На скалѣ приморской, мшистої,
Тамъ, гдѣ берегъ грозно дыкъ,
Богоматери Пречистой
Чудотворный зрится ликъ;
Съ той крутой скалы на воды
Матерь Божія глядитъ,
И плыва отъ непогоды
Угрожающей хранить.

Каждый вечеръ, лишь молебный
На скалѣ раздастся звонъ,
Гласъ отвѣтственный хвалебный
Возстаетъ со всѣхъ сторонъ;
Пахарь пѣнѣмъ освящаетъ
Дня и всѣхъ трудовъ конецъ,
И на палубѣ читаетъ
Ave Maria словоцъ.

Благодатнаго Успенья
Свѣтлый праздникъ наступилъ;
Всѣ окрестныя селенья
Звонъ призывный огласилъ:
Солнце радостно и ярко,
Бездна водъ свѣтла до дна,
И природа, мшится, жаркой
Вся молитвою полна.

Всѣ пути кивятъ толпами,
Всѣ блестятъ вблизи, вдали;

Убралися вымпелами
Челноки и корабли;
И въ одинъ сліявшись крестной
Богомольно-шумный ходъ,
Вьется лѣстницей небесной
По святой скалѣ народъ.

Сзади, въ грубыхъ власяницахъ,
Слезы тяжкія въ очахъ,
Блѣдный поетъ на мрачныхъ лицахъ,
На главѣ зола и прахъ,
Идутъ грѣшныя въ молчаньи;
Имъ съ другими не вступитъ
Въ храмъ святой; имъ въ покаяньи
Передъ храмомъ слезы лить.

И отъ всѣхъ другихъ далеко
Мертвецомъ бредеть одинъ:
Щеки впалы, тускло око;
Половъ мрачный лобъ морщинистъ;
Изъ желѣза поясъ ржавый
Тѣло чахлое гнететъ,
И, къ ногъ прильнувъ кровавой,
Злая цѣпь ее грызетъ.

Брата нѣкогда убилъ онъ;
Изломавъ проклятый мечъ,
Сталь убійства обратилъ онъ
Въ поясъ; латы скинулъ съ плечъ,
И въ оковахъ, какъ колодникъ,
Бродитъ онъ съ тѣхъ поръ и ждетъ.
Что какой-нибудь угодникъ
Чудомъ цѣпь съ него сорветъ.

Бродитъ онъ, бездомный странникъ,
Бродитъ много, много лѣтъ;
Но прощенія посланникъ
Имъ не встрѣченъ; чуда нѣтъ.
Смутенъ день, безсонны ночи,
Скорбь съ людьми и безъ людей,
Видъ небесъ пугаетъ очи,
Жизнь страшна, конецъ страшнѣй.

Вотъ, какъ бы дорогой терпѣй,
Тяжко къ храму всходитъ онъ;
Въ храмѣ всѣ молчатъ, вечерній
Внемля благовѣста звонъ.
Сталь онъ въ страхѣ предъ дверями:
Дѣвы ликъ сквозь ошшіамъ
Блещетъ, обданный лучами
Дня, сходящаго къ водамъ.

И окреетъ благоговѣнья
 Распростерлась тишина:
 Мнится, таинствомъ Успенья
 Вся земля еще полна,
 И на облакъ сіяетъ
 Возлѣтѣвшей дѣвы слѣдъ,
 И она благословляетъ,
 Исчезая, здѣшній свѣтъ.

Всѣ пошли назадъ толпами;
 Но преступникъ не спѣшить
 Имъ вослѣдъ, передъ дверями
 Блѣденъ ликомъ онъ стоитъ:
 Цѣли все еще вдругъ тѣла,
 Ими сжагаго, лежатъ,
 А душа ужъ улетѣла
 Въ градъ свободы, въ Божій градъ.

РЫЦАРЬ РОЛЛОНЪ.

БАЛЛАДА.

[изъ уланца].

Былъ удалецъ и отважный пабздникъ
 Роллонъ;
 Съ шайкой своею по доростамъ разбойни-
 чалъ онъ.
 Разъ, запоздавъ, онъ въ лѣсу на уста-
 ломъ кофѣ
 Ъхалъ и видитъ, часовня стоитъ въ сторонѣ.
 Лѣсъ былъ дремучій и былъ ужъ полу-
 ночный часъ;
 Было темно, такъ темно, что хотъ вы-
 коли глазъ.
 Только въ часовнѣ лампада горѣла одна,
 Блѣдно сквозь узкія окна свѣтила она.
 Рано еще на добычу, подумалъ Роллонъ,
 Здѣсь отдохну; — и въ часовню пусты-
 нную онъ
 Входитъ; въ часовнѣ, онъ видитъ, гроб-
 ница стоитъ;
 Тренетно, тускло надъ нею лампада горитъ.
 Съѣлъ онъ на камень, вздремнулъ съ пол-
 часа, и потомъ
 Снова поѣхалъ лѣснымъ одинокимъ путемъ.
 Вдругъ своему щитоносцу сказалъ онъ:
 скорѣй
 Съѣзди въ часовню; перчатку оставилъ
 я въ ней.

Посланный, блѣденъ какъ мертвый, па-
 задъ прискакалъ.
 Этой перчаткой другой завладѣлъ, онъ
 сказалъ;
 Кто-то не здѣшній въ часовнѣ на камнѣ
 сидитъ;
 Руку онъ всунулъ въ перчатку и страшно
 глядитъ.

Треплетъ и гладитъ перчатку другой онъ
 рукой;
 Чуть я со страха не умеръ отъ встрѣчи
 такой. —
 Трусъ! на него занальчиво Роллонъ за-
 кричалъ,
 Шпорами стиснулъ коня и назадъ по-
 скакалъ.

Смѣло на страшнаго гостя ударилъ Роллонъ:
 Отнял перчатку свою у нечистаго онъ.

«Если не хочешь одной миѣ совѣтъ
 уступить,
 «Объсуди миѣ перчатки, хотъ годъ по-
 носить»,

Молвилъ нечистый; а рыцарь сказалъ
 ему: «на!

«Радъ немытатъ я, заплатитъ ли долгъ
 сатана;

«Вотъ тебѣ объ перчатки; отдай черезъ
 годъ». —

Слышу; прости, до свиданья, отвѣтство-
 валь тотъ. —

Выѣхалъ въ поле Роллонъ; вдругъ далекій
 пѣтухъ

Крикнулъ, и топотъ коней поражаетъ имъ
 слухъ.

Робость Роллона взяла; онъ глядитъ въ
 темноту;

Что-то почую наношло вдругъ пустоту;

Что-то въ ней движется; ближе и ближе;
 и вотъ

Черные рыцари бѣдутъ попарно; ведетъ
 Сзади слуга въ поводахъ вороного коня;

Черной попоной покрытъ онъ; глаза изъ
 огня.

Съ дрожью невольной спросилъ у слуги
 наладникъ:

Кто вороного коня твоего господинъ?—

«Вѣрный слуга моего господина, Роллонъ.
 «Нынѣ лишь парой перчатокъ расчелся
 съ нимъ онъ;
 «Скоро отдасть онъ иной и послѣдній
 отчетъ;
 «Самъ онъ поѣдетъ на этомъ конѣ че-
 резъ годъ».
 Такъ отвѣчавъ, за другимъ послѣдовалъ онъ.
 «Горе мнѣ!» въ страхѣ сказалъ щито-
 носцу Роллонъ.

«Слушай, тебѣ я коня моего отдаю;
 «Съ нимъ и всю сбрую возьми боевую мою:
 «Ими отнынѣ, мой вѣрный товарищъ,
 владѣй;
 «Только молись о душѣ осужденной моей».

Въ близкій пришедъ монастырь, онъ
 пріору сказалъ:
 «Страшный я грѣшникъ, но Богъ мнѣ
 покаяться далъ.
 Ангельскій чинъ я еще не достоинъ носить;
 Службой простымъ я желаю въ обители
 быть».

Вижу ты въ шпорахъ, конечно бывалъ
 ѣздокомъ;
 Будь же у насъ на конюшнѣ, ходи за
 конемъ.
 Служить Роллонъ на конюшнѣ, а время
 идетъ;
 Вотъ, наконецъ, совершился ровнехонько
 годъ.

Вотъ наступилъ ужъ и вечеръ послѣд-
 няго дня;
 Вдругъ привели въ монастырь молодого коня:
 Статень, красивъ, но еще не объѣзженъ
 былъ онъ.
 Взять дикаря за узду подступаетъ Роллонъ.
 Взвизгнувъ, вскочивъ на дыбы разъярив-
 шійся конь;
 Грива горой, изъ поздрей, какъ изъ печи,
 огонь;
 Въ сердце Роллона ударилъ копытами онъ;
 Умеръ, и разу вздохнуть не успѣвши,
 Роллонъ.

Вырвавшись, конь уѣжалъ и его не нашли.
 Къ ночи, какъ должно, Роллона отцы по-
 гребли.

Въ полночь къ могилѣ ужасный ѣздокъ
 прискакалъ;
 Чернаго, злого коня за узду онъ держалъ.
 Пара перчатокъ висѣла на черномъ сѣдлѣ.
 Жалобно охнувъ, Роллонъ повернулся въ
 землѣ;
 Вышелъ изъ гроба, со вздохомъ перчатки
 надѣлъ,
 Сѣлъ на коня, и, какъ вихорь, съ нимъ
 конь улетѣлъ.

СТАРЫЙ РЫЦАРЬ.

БАЛЛАДА.

Онъ былъ весной своей
 Въ землѣ обѣтованной,
 И много славныхъ дней
 Провелъ въ тревогѣ бранной.

Тамъ вѣтку отъ святой
 Оливы оторвалъ онъ;
 На шлемъ желѣзный свой
 Ту вѣтку навязалъ онъ.

Съ невѣрнымъ онъ врагомъ,
 Нося ту вѣтку, бился,
 И съ нею въ отчій домъ
 Прославленъ возвратился.

Ту вѣтку посадилъ
 Самъ въ землю онъ родную,
 И часто приносилъ
 Ей воду ключевую.

Онъ сталъ старикъ сѣдой,
 И сила мышцъ пропала;
 Изъ вѣтки молодой
 Олива древомъ стала.

Подъ нею часто онъ
 Сидитъ, уединенный
 Въ невыразимый сонъ
 Душою погруженный.

Надъ нимъ какъ другъ стоитъ,
 Обнявъ его сѣдины,
 И вѣтвями шумить
 Олива Малестины.

И, вплемя ей во снѣ,
 Вздыхаетъ онъ глубоко
 О славной старинѣ
 И о землѣ далекой.

1833.

УЛЛИНЪ И ЕГО ДОЧЬ.

БАЛЛАДА.

Былъ сильный вихорь, сильный дождь;
Кипя, ярилася пучина;
Ко берегу Рино горный вождь
Примчался съ дочерью Уллина. —

Рыбакъ, прими насъ въ твой челнокъ;
Рыбакъ, спаси насъ отъ погони;
Уллинъ съ дружной недалеко;
Намъ слышны крики; мчатся коня. —

«Ты видишь ли, какъ зла вода?
«Ты слышишь ли, какъ волны громки?
«Пускаться плыть теперь бѣда:
«Мой чолнъ некрѣпокъ, весла ломки». —

Рыбакъ, рыбакъ, подай свой чолнъ;
Спаси насъ: сколь ни зла пучина,
Пощада можетъ быть отъ волнъ —
Ея не будетъ отъ Уллина!

Гроза сплывѣй, пучина злѣй,
И ближе, ближе шумъ погоня;
Имъ слышенъ тяжкій хрѣпъ коней,
Имъ слышенъ стукъ мечей о брони.

«Садитесь, въ добрый часъ; плывемъ».
И Рино съѣлъ, съ нимъ дѣва съѣла;
Рыбакъ отчалывъ; челнокомъ
Сѣдая бездна овладѣла.

И смерть отвесюду имъ: открытъ
Предъ ними зѣвъ пучины жадный;
За нимъ съ берега грозить
Уллинъ, какъ бура, безнощадный.

Уллинъ ко берегу пренекакалъ;
Онъ видитъ: дочь уносятъ волны;
И гнѣвъ въ груди отца проналъ,
И онъ воскликнувъ, страха полный:

«Мое дитя, назадъ, назадъ!
«Прощенье! Возвратись, Мальвина!»
Но волны лишь отвѣтъ шумять
На зовъ отчаянный Уллина.

Реветь гроза, черна, какъ почъ;
Летаетъ чолнъ между волнами;
Сквозь пѣну ихъ онъ видитъ дочь
Съ простертыми къ нему руками.

«О, возвратися, возвратися!»

Но грозно раздалась пучина,
И волны, чолнъ пожавъ, слились
При крикѣ жалобномъ Уллина.

ЭЛЕВЗИНСКІЙ ПРАЗДНИКЪ.

БАЛЛАДА.

[изъ шиллера].

Свивайте вѣнцы изъ колосевъ златыхъ;
Ціаны лазурныя въ нихъ заплетайте;
Сбрайтесь плясать на коврахъ луговыхъ,
И пѣсьемъ благую Цереру встрѣчайте.

Церера сдружила враждебныхъ людей;
Жестокіе нравы смягчила;
И въ домъ постоянный межъ вивъ и полей
Шатеръ подвижной обратила.

Робокъ, нагъ и дикъ скрывался
Троглодитъ въ пещерахъ скалъ;
По полямъ номадъ скитался
И поля опустошалъ;
Звѣроловъ съ коньемъ, стрѣлами,
Грозенъ, бѣгалъ по лѣсамъ...
Горе брошеннымъ волнами
Къ непріютнымъ ихъ брегамъ!

Съ олимпійскія вершины
Сходитъ мать Церера вслѣдъ
Похищепной Прозеррины:
Дикъ лежитъ предъ нею свѣтъ.
Ни угла, ни угощенья
Нѣтъ нигдѣ богинѣ тамъ;
И нигдѣ богопочтенья
Не свидѣтельствуеъ храмъ.

Плодъ полей и грозды сладки
Не блистаютъ на ширахъ;
Лишь дымятся тѣлъ остатки
На кровавыхъ алтаряхъ;
И куда печальнымъ окомъ
Тамъ Церера ни глядитъ:
Въ униженіи глубокомъ
Человѣка всюду зреть.

«Ты ль, Зевесовой рукою
Сотворенный человекъ?
Для того ль тебя красую
Олимпійскою облекъ
Богъ боговъ и во владѣнье
Міръ земной тебѣ отдалъ,
Чтобъ ты въ немъ, какъ въ заточенье
Узникъ брошенный, страдалъ?»

2*

«Иль ни въ комъ между богами
 Сожалѣнья къ людямъ нѣтъ,
 И могучими руками
 Ни одинъ изъ бездны бѣдъ
 Ихъ не вывернетъ? Знать, къ блаженнымъ
 Скорбь земная не дошла?
 Знать, одна я огорченнымъ
 Сердцемъ горе поняла?»

«Чтобъ изъ низости душою
 Могъ подняться человекъ,
 Съ древней матерью землею
 Онъ вступи въ союзъ навѣкъ;
 Чти законъ время спокойной;
 Знай теченье днѣй и лѣтъ,
 Знай, какъ движется подъ стройной
 Ихъ гармоніею свѣтъ».

И мгновенно разступилась
 Тьма, лежавшая на ней,
 И небесная явилась
 Божествомъ предъ дикарей:
 Кончивъ бой, они, какъ тигры,
 Изъ черешевъ вражнихъ пьютъ,
 И ее на звѣрки игры
 И на страшный пиръ зовутъ.

Но богиня, съ содроганьемъ
 Отвратясь, рекла: богамъ
 Кровь противна; съ симъ даяньемъ
 Вы, какъ звѣри, чужды намъ;
 Чистымъ чистое угодно;
 Даръ, достойнѣйшій небесъ:
 Нивы колосъ первородный,
 Сокъ оливо, плодъ древесъ.

Тутъ богиня исторгаетъ
 Тяжкій дротинъ у стрѣлака;
 Остріемъ его пронзаетъ
 Грудь земли ея рука;
 И беретъ она живое
 Изъ вѣнца главы зерно,
 И въ пронзенное земное
 Лово брошено оно.

И выводитъ молодые
 Класы тучная земля;
 И повсюду, какъ златыя
 Волны, зыблются поля.
 Ихъ она благословляетъ,
 И, колосы въ снопы сложивъ,

На смиренный возлагаетъ
 Камень жертву первыхъ нивъ.

И гласитъ: «прими даянье,
 Царь Зевесъ, и съ высоты
 Намъ подай знаменованье,
 Что доволенъ жертвой ты.
 Вѣчный богъ, сними завѣсу
 Съ нихъ, не знающихъ тебя:
 Да поклонятся Зевесу,
 Сердцемъ правду возлюбя».

Чистой жертвы не отринувъ
 На Олимпѣ царь Зевесъ;
 Онъ во знаменіе кинулъ
 Громъ излучистый съ небесъ:
 Вмигъ алтарь воспламенился;
 Къ небу жертвы дымъ взлетѣлъ,
 И надъ ней горѣ явился
 Зевесъ пламенный орелъ.

И чудо проникло въ сердца дикарей;
 Упали во прахъ передъ дивной Церерой;
 Исторгнулись слезы изъ грубыхъ очей,
 И сладкой сердца растворилися вѣрой.
 Оружіе кинувъ, тѣснятся толпой

И ей воздаютъ поклоненье;
 И съ видомъ смиреннымъ, покорной душой
 Приемлютъ ея поученье.

Съ высоты небесъ нисходятъ
 Олимпійцевъ свѣтлый сонмъ;
 И Ѡмеида ихъ предводитъ,
 И своимъ она жезломъ
 Ставитъ грани юныхъ, жатвой
 Озлатившихся полей,
 И скръпяетъ первой клятвой
 Узы первые людей.

И приходитъ благъ податель,
 Другъ пировъ, веселый Комъ;
 Богъ, ремеслъ пзобрѣтатель,
 Онъ людей дружить съ огнемъ;
 Учитъ ихъ владѣть клещами;
 Движетъ мѣхомъ, млатомъ бьетъ,
 И искусными руками
 Первый плугъ имъ создаетъ.

И вослѣдъ ему Паллада
 Копьеносная идетъ,
 И боговъ къ строенью града
 Крѣпкобѣннаго зоветъ:

Чтобъ пріотно-безопасный
Кровь толпамъ бродящимъ дать,
И въ одинъ союзъ согласный
Мірѣ разсѣянный собрать.

И богиня утверждаетъ
Града новаго чертежъ;
Ей покорный, означаетъ
Терминъ камнями рубежъ;
Цѣнью смѣряна равнина;
Холмъ глубокимъ рвомъ обвить;
И могучая плотина
Гранью бурныхъ водъ стоить.

Мчатся нимфы, орады
(За Діаной по лѣсамъ,
Черезъ потоки, водопады,
По долинамъ, по холмамъ
Съ звонкимъ скачущія лукомъ);
Блещеть въ ихъ рукахъ топоръ
И обрушися со стукомъ
Побѣжденный ими боръ.

И, Палладю призванный,
Изъ зеленыхъ водъ встаетъ
Богъ, осокою вѣнчанный,
И тяжелый строитъ плотъ;
И сіяя низлетаютъ
Орлы легкія съ небесъ,
И въ колонну округляютъ
Суковатый стволъ деревъ.

И во грудь горы вонзаетъ
Свой трезубецъ Посидонъ;
Слой гранитный отторгаетъ
Отъ ребра земного онъ;
И въ рукѣ своей громаду,
Какъ песчинку, онъ несетъ;
И огромную ограду
Во мгновеніе создастъ.

И вливаетъ въ струны пѣнье
Свѣтлоглавый Аполлонъ:
Пробуждаетъ вдохновенъ
Ихъ согласно-мѣрный звонъ;
И веселыя Камены
Сладкимъ хоромъ съ нимъ поютъ,
И красивыхъ зданій стѣны
Подъ напѣвъ ихъ встаютъ.

И творить рука Цибелы
Створы вратъ городовыхъ:

Держать петли ихъ дебелы,
Утвержденъ замокъ на нихъ;
И чудесное твореніе
Довершаетъ, въ честь богамъ,
Совокупное строеніе
Всѣхъ боговъ, великій храмъ.

И Юнопа, съ окомъ яснымъ
Низлетѣвъ отъ высоты,
Сводитъ съ юношей прекраснымъ
Въ храмъ дѣву красоты;
И Киприда обвиняетъ
Ихъ гирляндю цвѣтовъ,
И съ небесъ благословляетъ
Первый бракъ отецъ боговъ.

И съ торжественной игрою
Сладкихъ лиръ, поющихъ въ ладъ,
Вводятъ боги за собою
Новыхъ гражданъ въ новый градъ;
Въ храмѣ Зевесовою царица
Мать Церера тамъ стоить,
Жжетъ куренія, какъ жрица,
И пришельцамъ говоритъ:

«Въ лѣсѣ ищете *звѣрь* свободы,
«Нравите всѣмъ свободно *богъ*,
«Ихъ законъ—законъ природы.
«*Человѣкъ*, пріявъ въ залогъ
«Зоркій умъ—звено межъ ними—
«Для гражданства сотворенъ:
«Здѣсь лишь правами однимъ
«Можетъ быть свободенъ онъ».

Свивайте вѣнцы изъ колосьевъ златыхъ;
Ціаны лазурныя въ нихъ заплетайте;
Сбирайтесь плясать на коврахъ луговыхъ;
И съ пѣньемъ благуя Цереру встрѣчайте:
Всю землю богининой приходъ взмѣнили;
Признавши ея руководство,
Въ союзъ человекъ съ человекомъ вступили,
И жизни постигъ благоденство.

ОРЕЛЬ И ГОЛУБКА.

БАСНЯ.

[изъ геттѣ].

Съ утеса молодой орель
Пустился на добычу;
Стрѣлокъ пронзилъ ему крыло,
И съ высоты узналъ
Онъ въ маслячную рощу.

Тамъ онъ томился
 Три долгихъ дня,
 Три долгихъ ночи,
 И содрогался
 Отъ боли; наконецъ
 Былъ исцѣленъ
 Живительнымъ бальзамомъ
 Всепсѣляющей природы.
 Влегомый хищничествомъ смѣлымъ,
 Пріютъ покинувъ свой,
 Онъ хочетъ крылья испробовать...
 Увы! они сдвѣ
 Его поднимаютъ отъ земли,
 И онъ въ уныніи глубокомъ
 Садится отдохнуть
 На камнѣ у ручья;
 Онъ смотритъ на вершину дуба,
 На солнце, на далекій
 Небесный сводъ,
 И въ пламенныхъ его глазахъ
 Сверкаютъ слезы.

По близости, между оливъ,
 Крылами тихо вѣя,
 Летали голубь и голубка.
 Они къ ручью спустились,
 И тамъ по золотому
 Песку гуляли вмѣстѣ.
 Бодя кругомъ
 Пурпурными глазами,
 Голубка наконецъ
 Примѣтила спящаго въ безмолвномъ
 Уныніи орла.
 Она товарища тихонько
 Крыломъ толкнула;
 Потомъ, съ участіемъ сердечнымъ
 Взглянувши на страдальца,
 Ему сказала:
 «Ты унываешь, другъ;
 О чемъ же? Взглянись, не все ли,
 Что намъ чья счастья
 Простого чушло,
 Ты здѣсь имѣешь?
 Не дышать ли вокругъ тебя
 Благоуханіемъ оливы?
 Не защищаютъ ли зеленой
 Прозрачной сѣнію своей
 Онъ тебя отъ зноя?
 И не прекрасно ль блещеть

Здѣсь вечеръ золотой
 На муравѣ и на игривыхъ
 Струяхъ ручья?
 Ты здѣсь гуляешь по цвѣтамъ,
 Покрытымъ свѣжею росю;
 Ты можешь пшпцу
 Сбирать съ кустовъ и жажду
 Въ струяхъ студеныхъ утолять.
 О, другъ! повѣрь,
 Умѣренность прямое счастье;
 Съ умѣренностью мы
 Вездѣ и всѣмъ довольны». —
 О, мудрость! прошепталъ орелъ,
 Въ себя сурово погрузившись,
 Ты разсеуждаешь, какъ голубка.

КНЯЗЮ ДМИТРИЮ ВЛАДИМИРОВИЧУ ГОЛИЦЫНУ.

Другъ челоѣчества и твердый другъ за-
 кона,
 Смиранный въ почестяхъ и скромный средъ
 похвалъ,
 Предстатель ревностный за древній градъ
 у трона—
 Какихъ ты доблестей въ себѣ не сочеталъ?
 Любовь высокую къ святой землѣ отчизны,
 Самозабвеніе и непрерывный трудъ,
 Въ день брани—мужество, въ день мира—
 правый судъ,
 И чистоту души и жизнь безъ укорины...
 Вельможа-гражданинъ! тебѣ въ потомствѣ
 И завети на зло уже сіяетъ снова [мзда!
 Знакомая Москвѣ безсмертія звѣзда
 Еропкина и Чернышова!
 12 апрѣля 1833 г.

1834.

ПѢСНЬ НА ПРИСЯГУ НАСЛѢДНИКА.

На древней высотѣ Кремля,
 Въ великій праздникъ Воскресенья,
 Узрѣла Русская Земля
 Прекрасный день его рожденья.
 Смѣнялася быстро годомъ годъ:
 Онъ сбросилъ дѣтскую одежду,
 И въ немъ привѣтствуетъ народъ
 Россіи свѣтлую надежду.
 И умилительный обрядъ,

Встрѣчая праздникъ Воскресенья,
Свершаетъ пылъ Петроградъ
Въ прекрасный день его рожденья.

Въ храмъ Божій входитъ царскій сынъ,
И руку къ небесамъ подьмлетъ;
Предъ нимъ отецъ и властелинъ;
Присягу сына царь пріемлетъ.

Съ благословеніемъ вонми
Словамъ души его младя,
И къ небу руку подыми
Съ нимъ вмѣстѣ, вѣрная Россія.

Молись, да, долго свой вѣнецъ
Нося, примѣрь владыкамъ славный,
Упрочить благодью отецъ
И правдой тронъ самодержавный:

Чтобъ сыну власть легка была,
Чтобъ могъ свершать дѣла благія,
Чтобы на долги дни могла
Возблагоденствовать Россія.

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

I.

Боже, царя храни!
Сильный, державный,
Царствуй на славу намъ,
Царствуй на страхъ врагамъ,
Царь православный;
Боже, царя храни!

II.

Слава на небѣ солнцу высокому—
На землѣ государю великому!
Слава на небѣ утру прекрасному—
На землѣ государынѣ ласковой!
Слава на небѣ ясному мѣсяцу—
На землѣ государю наслѣднику!
Слава яркимъ свѣтиламъ полуночи—
Сыновьямъ, дочерямъ государевымъ,
И великому князю съ княгинею!
Слава громамъ, играющимъ на небѣ—
Слава храброму русскому воинству!
Слава небу всему лучезарному—
Слава русскому царству великому!
Веселись ты, солнце небесное—
Многи лѣта царю благовѣрному!

III.

Боже, царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли;
Гордыхъ смирителю,
Слабыхъ хранителю,
Всѣхъ утѣшителю
Все исползи!

МНОГОЛѢТІЕ.

Многи лѣта, многи лѣта,
Православный русскій царь!
Дружно, громко пѣня эта
Пѣлась прадѣдами встарь.

Дружно, громко пѣню эту
И теперь вся Русь твердитъ;
Съ ней по цѣлому полесвѣту
Имя царское гремитъ.

Ей повсюду отвѣчая,
Мчится русское ура—
Отъ Кавказа до Алтая,
Отъ Амура до Днѣпра.

Съ ней во дни Петровы шведу
Русскій путь загородить,
И за Нарвекую побѣду
Днемъ Полтавы отплатить.

Съ ней во дни Екатерины
Славенъ сталъ пашъ русскій штыкъ,
И Кагульскія дружины,
И Суворовскій Рымникъ.

Съ нею грозно запылала
Вѣщесная Москва,
И небесной карой пала
На враговъ ея глава.

Въ пашни дни перешагнула
Съ нею рать Балкаповъ грашь,
Потрясла врата Стамбула,
Повалила Эривань.

Прогрени жъ до граней свѣта,
И по всѣмъ сердцамъ ударь,
Наша пѣсня: *многи лѣта,
Православный русскій царь!*

ИЗЪ ОПЕРЫ:
ЖИЗНЬ ЗА ЦАРЯ.

ПОСЛѢДНЯЯ СЦЕНА.

Москва (Красная площадь. Между Спасскими и Иверскими воротами тѣснится народъ. Вся площадь полна. На кровляхъ домовъ и на стѣнахъ люди. Изъ Иверскихъ воротъ въ Спасскіе ходъ).

Хоръ въ отдѣленіи.

I.

Славься, славься, святая Русь!
Нынѣ восходить на русскій тронъ
Нашъ русскій, нашъ русскій законный
Гряди къ намъ во славѣ, [Вѣлый-царь!
Нашъ царь православный, нашъ царь-го-
сударь!

II

Славься, славься, ликуй, Москва!
Блескомъ однѣся, престольный градъ!
Къ тебѣ свѣтопощемъ твой царь грядетъ...
Царя-государя привѣтствуй, народъ!

(Черезъ сцену идетъ войско).

III.

Славься, славься побѣдой, рать!
Ты отстояла святой престолъ!
Торжественнымъ кликомъ слѣши принять
Царя-государя, могучая рать.

(Входитъ семейство Сусанина).

Антонида.

Ахъ, если бѣ жилъ родимый нашъ!

Ваня.

Если бѣ жилъ!..

Антонида.

Жить бы ему въ сей краешій день.

Сабининъ.

Надо бы жить ему!

Ваня.

Жить бы ему...

Хоръ.

О чемъ у васъ
Тоска-печаль,
Когда вся Русь
Въ веселіи
И въ радости?

Женихъ.

Добрые люди,
Мы поминаемъ
Душу отца.
Онъ за Россію,
За государя
Жизнь положилъ!

Хоръ.

Кто онъ?

Женихъ.

Сусанинъ!

Хоръ.

Буди Сусанину
Вѣчная память.

Антонида.

Погибъ, погибъ
Родитель нашъ;
Мучительски
Истерзанный,
Въ глухомъ лѣсу,
Погнутый,
Безъ еродниковъ,
Безъ ближняго.
Одинъ, одинъ,
Терзася, гасъ
И умеръ онъ.

Хоръ.

Онъ погибъ за царя;
Не забудетъ о немъ
Благодарная Русь!

Антонида.

Не мнѣ, дочери, —
Вѣтру бурному
Довелось принять
Вдохъ послѣдній его!
Не къ моей онъ груди, —
Къ непривѣтной землѣ,
Умирая, привикъ.

Хоръ.

Онъ погибъ за царя;
Не забудетъ его
Благодарная Русь!

Дѣти Сусанина.

Успокой, успокой,
Царь небесный, его.
Царь увѣнчанъ, — а онъ,
Къ намъ Россіи спасень
Царь, избраникъ съ,
Кто за Русь житія
Не жалѣлъ своего —
Нѣтъ его! нѣтъ его!..

Хоръ въ Кремлѣ.

Славься, славься, державный Кремль!
Нѣсенью вѣнчальной звучи, греми! —
Свершилось, свершилось, бѣдамъ конецъ!
Палъ царь-государь воспріялъ свой вѣнецъ!

Дѣти Сусанина и хоръ.

Буди Сусанину
Вѣчная память!
Весь народъ.

Славься, славься, нашъ русекій царь,
Господомъ данный царь-государь!
Да будетъ безсмертенъ твой царекій родъ!
Да имъ благоденствуетъ русекій народъ!

Финаль.

Ура царю!

Возеѣль, во славъ онъ возеѣль на
На славный русекій тронъ! [тронъ,
Въ вѣщъ глава,
Греми, Москва! ура царю!
Греми ура! Царю! Москвѣ!
Ура! ура!..

1835.

Д. В. ДАВЫДОВУ,

прѣ послѣкъ изданія: «Для немногихъ».

Мой другъ, усатый воинъ,
Вотъ рукопись твоя;
Промедлил правда я,
Но право, я достоинъ,
Чтобъ ты меня простишь!
Я такъ заваленъ былъ
Бездѣльными дѣлами,
Что дни воездѣ за днями
Бѣжали на рысяхъ,
А я и знать не знаю,
Что дѣлалъ въ этихъ дняхъ.
Все кончивъ, посылаю
Тебѣ твою тетрадь;
Сердитый лобъ разгладъ
И выговоры строгихъ
Не шли ко мнѣ, Денисъ!
Терпѣньемъ ополчись
Для чтенія рюмъ ѹбогихъ.
Въ журналъ «Для немногихъ».
Въ немъ много пустоты;
Но, другъ, суди не строго,
Вѣдь изъ *немногихъ* ты
Таковъ, какихъ *немного*.
Сни, ѣшь и объѣзжай
Коней четвероногихъ,
Какъ хочешь—только знай,
Что я, другъ, какъ *не мношхъ*
Люблю тебя.—Прощай.

1836.

НОЧНОИ СМОТРЪ.

[изъ педлица].

Въ двѣнадцать часовъ по почамъ
Изъ гроба встаетъ барабанищикъ;
И ходитъ онъ взадъ и впередъ,
И бьетъ онъ проворно тревогу.
И въ темныхъ гробахъ барабанъ
Могучую будитъ пѣхоту:
Встаютъ молодцы сгера,
Встаютъ старики гренадеры,
Встаютъ изъ-подъ русскихъ сѣговъ,
Съ роскошныхъ полей итальянскихъ,
Встаютъ съ африканскихъ степей,
Съ горючихъ песковъ Палестины.

Въ двѣнадцать часовъ по почамъ
Выходитъ трубачъ изъ могилы;
И скачетъ онъ взадъ и впередъ,
И громко трубитъ онъ тревогу.
И въ темныхъ могилахъ труба
Могучую конницу будитъ:
Сѣдые гусары встаютъ,
Встаютъ усачи кирасиры;
И съ сѣвера, съ юга летятъ,
Съ востока и съ запада мчатся
На легкихъ воздушныхъ коняхъ
Одинъ за другимъ эскадроны.

Въ двѣнадцать часовъ по почамъ
Изъ гроба встаетъ полководецъ;
На немъ сверхъ мундира сюртукъ;
Онъ съ маленькой шляпой и шпагой;
На старомъ копѣ боевомъ
Онъ медленно ѣдетъ по фронту;
И маршалы ѣдутъ за нимъ,
И ѣдутъ за нимъ адъютанты;
И армія честь отдаетъ.
Становится онъ передъ нею;
И съ музыкой мимо его
Проходятъ полки за полками.

И всѣхъ генераловъ своихъ
Потомъ онъ въ кружокъ собираетъ,
И ближнему на ухо самъ
Онъ шепчетъ пароль свой и лозунгъ;
И арміи всей отдаютъ
Они тотъ пароль и тотъ лозунгъ;
И Франція—тотъ ихъ пароль,

Тотъ лозунгъ—*Святая Елена*.
 Такъ къ старымъ солдатамъ своимъ
 На смотръ генеральный изъ гроба
 Въ двѣнадцать часовъ по почамъ
 Встасть императоръ усопшій.

1837.

КЪ СВОЕМУ ПОРТРЕТУ

Воспоминаніе и я—одно и то же:
 Я образъ, я мечта;
 Чѣмъ старѣ становлюсь, тѣмъ я
 Кажусь моложе.

ЕРМОЛОВУ.

Жизнь чудная его въ потомство перейдетъ:
 Дѣлами славными она безсмертно дышетъ.
 Захочетъ—о себѣ, какъ Тацитъ, онъ напи-
 И лихо аѣтосисъ свою переплететъ. [шесть,
 Москва, 1837, декабря 10.

ИЗЪ АЛЬБОМА, ПОДАРЕННОГО
 ГР. РОСТОПЧИНОЙ.

I. роза.

Утро одно—и роза поблекла; напрасно, о
 дѣва,
 Ищешь ся красоты; илы однѣ ты найдешь.

II. лавръ.

Вы, обуюнные Вакхомъ, пѣвцы Афроди-
 тинныхъ оргій,
 Бойтесъ коснуться меня: дѣвственны вѣтви
 мои.

Дафной я былъ. Отъ объятій безумно-лю-
 бячаго бога
 Лавромъ дѣва спаслася. Чтите мою чистоту.

III. надгробне юношѣ.

Плавадь, какъ всѣ вы, и я по вознамъ
 ненадежныя жизни.
 Имя мое Апонимъ. Скоро мой кончился путь.
 Буря ввезапу возстала; хотѣлъ я проти-
 виться бурѣ,
 Юный, безсильный пловець; волны умчали
 меня.

IV. голосъ младенца изъ гроба.

Матерь Плева и матеръ Земля одни бла-
 госклонны
 Были минуто мнѣ. Та помогла мнѣ жизнь
 получить,

Тихо другая покрыла меня; ничего остал-
 ного—
 Кто я, откуда, куда—жизнь не повѣдала мнѣ.

V. младость и старость.

О веселая младость! о печальная старость!
 Та—поспѣшно отъ насъ! эта—стремительно
 къ намъ!

VI. Фидій.

Фидій!—илъ самъ громовержець въ тебѣ
 нисходилъ отъ Олимпа,
 Или взлеталъ на Олимпъ самъ ты его
 посѣтить!

VII. судьба.

Съ свѣтлой главой, на тяжкихъ свинцо-
 выхъ ногахъ между нами
 Ходить судьба! Человѣкъ, прямои смѣло иди!
 Если, ее повстрѣчавъ, не потушишь очей
 и спокойнымъ
 Окомъ ей взглянешь въ лицо—самъ про-
 свѣтаѣшь лицомъ;
 Если жъ, пенуганный ею, предъ нею па-
 дешь ты—наступить
 Тяжкой ногой на тебя, будешь затоптанъ
 въ грязи!

VIII. завистникъ.

Завистникъ ненавидитъ
 Любимое богами;
 Безумецъ, онъ въ раздорѣ
 Съ любящими богами;
 Изъ всѣхъ цвѣтвъ прекрасныхъ
 Онъ ищетъ одну отраву.
 О! какъ любить мнѣ сладко
 Любимое богами!

IX. покойнику.

[а. с. пушкину].

Онъ лежалъ безъ движенія, какъ будто
 по тяжелой работѣ
 Руки свои опутивъ; голову тихо склопя,
 Долго стоялъ я надъ нимъ, одинъ, смотря
 со вниманьемъ
 Мертвому прямо въ глаза; были закрыты
 глаза,
 Было лицо его мнѣ такъ знакомо, и было
 замѣтно,
 Что выражалось на немъ—въ жизни такого
 Мы не видали на этомъ лицѣ. Не горѣлъ
 вдохновенья
 Пламень на немъ; не сіялъ острый умъ;
 Итъ! по какою-то мыслью, глубокой, вы-
 сокою мыслью

Было объято оно: мнилось миѣ, что ему
 Въ этотъ мигъ предстояло какъ будто ка-
 кое видѣнье,
 Что-то сбывалось надъ нимъ... И спросить
 миѣ хотѣлось: что видишь?..

1838.

СТАВАТЪ МАТЕР.

Горько плача и рыдая,
 Предстояла въ сокрушеніи
 Матерь Сыну на крестѣ;
 Душу, полную любви,
 Сожалѣнья, состраданья,
 Растерзалъ ей острый мечъ.
 Какъ печально, какъ прискорбно
 Ты смотрѣла, Пресвятая
 Богоматерь, на Христа!
 Какъ молилась, какъ рыдала,
 Какъ терзалась, видя муки
 Сына—Бога твоего!
 Кто изъ насъ не возрыдасть,
 Зря святую Матерь Бога
 Въ сокрушеніи такомъ?
 Кто души въ слезахъ не выльетъ,
 Видя, какъ надъ Богомъ-Сыномъ
 Безотрадно плачетъ мать;
 Видя, какъ за насъ Спаситель
 Отдастъ себя на муку,
 На позоръ, на казнь, на смерть;
 Видя, какъ въ тоскѣ послѣдней,
 Онъ, хладѣя, умирая,
 Духъ свой Богу предаетъ?
 О святая! Мать любви!
 Влаей миѣ въ душу силу скорби,
 Чтобъ съ тобой я плакать могъ!
 Дай, чтобъ я горѣлъ любовью—
 Весь проникнуть вѣрой сладкой—
 Къ Искупившему меня;
 Дай, чтобъ въ сердцѣ смерть Христову,
 И позоръ Его, и муки
 Нисизмѣнно я носилъ;
 Чтобъ, во дни земной печали,
 Подъ крестомъ моимъ утѣшенъ
 Былъ любовью ко Христу;
 Чтобъ кощину мирно встрѣтилъ,
 Чтобъ душѣ моеи Спаситель
 Славу райа отворил!

ПОСВЯЩАЕТСЯ

НАШЕМУ КАПИТАНУ «ГЕРКУЛЕСА».

Тихе вѣтеръ, тихе волны!
 Лягъ на море тинина!
 Покажи намъ ликъ твой полный,
 Путеводная луна!
 Звѣзды яркія, свѣтите
 Изъ небесной бездны намъ,
 И безвредно проведите
 Насъ къ желаннымъ берегамъ!
 Май 28-го 1838 года.

ПРЕДСКАЗАНІЕ.

Вѣнокъ вашъ, скромною харитою спле-
 тенный
 Изъ маковыхъ цвѣтовъ, колосевъ золотыхъ
 И васильковъ небесно-голубыхъ,
 Приличенъ красотѣ невинной и смиренной.
 Богиня, можетъ быть, самихъ васъ симъ
 вѣнкомъ
 И тихій жребій вашъ изобразить хотѣла.
 Везъ блеска милой быть природа вамъ ве-
 лѣла!
 Не то же ль самое, что съ милымъ ва-
 силкомъ?
 Приютно онъ растетъ среди прекрасной пивы,
 Скрывается въ семьѣ колосевъ полевыхъ,
 И съ благотворною, непышной пользой ихъ
 Соединяетъ тамъ свой цвѣтъ миролюбивый!
 А макъ? Имъ означать давно привыкли сонъ.
 Напрасно! нѣтъ! не сонъ безнечный и лѣ-
 нивый,
 Но сладостный покой изображаетъ онъ,
 Покой, сокровище души, ея хранитель,
 Желанный спутникъ нашъ на жизненномъ
 пути,
 Покой, не сердца хладъ, но сердца оживитель,
 Который здѣсь мы все такъ снаемся найти,
 Который вамъ даетъ природа безъ искапья!
 Княжна, будь вашъ вѣнокъ вамъ вмѣсто
 предсказанья:
 Въ немъ образъ вижу я сердечной чистоты,
 Невинной прелести и счастья съ тишиною,
 И будетъ ваша жизнь, хранимая судьбою,
 Прекрасною вѣтка прекрасные цвѣты.

* * *

Плачь о себѣ: твое мы счастье схоронили;
 Ее жъ на родину изъ чужи проводили.

Не для земли она назначена была.
Прямая жизнь ея теперь лишь началась—
Она уйти отъ насъ спѣшила и рвалась,
И здѣсь въ свой краткій вѣкъ два вѣка
прожила.
Высокая душа такъ много вдругъ узнала,
Такъ много тайнаго небесъ вдругъ поняла,
Что для нея земля темницей душею стала,
И смерть ей выкупомъ изъ тяжкихъ узъ
была.

1839.

ПОЭТУ ЛЕНЕПСУ,

въ отвѣтъ на его посланіе ко мнѣ, писанное
на случай посѣщенія сардама Е. П. В. К.
наслѣдникомъ цесаревичемъ.

Пѣвецъ Батавіи! съ радушіемъ пріемлю
Я братскій твой привѣтъ!.. Хотя языкъ
мнѣ твой
И чуждъ, но онъ языкъ поэзи святой,—
И глазу твоему я слухомъ сердца внемлю.
Твое отечество давно въ родствѣ съ моимъ:
Нашъ Петръ ему былъ другъ. Работни-
комъ простымъ
Въ сардамской хижинѣ великій царь тайлся,
И, плотничая тамъ, владыкой быть учился.
Здѣсь былъ его рукой корабль застроенъ
тотъ,
На коемъ по волнамъ время и поколѣній,
Неизмѣняемо средь бурныхъ измѣненій,
Имъ созданный народъ
Ильветъ подъ флагомъ славы—
Корабль великія російскія державы.
И нынѣ правнукъ молодой
Великаго Петра былъ внукою Петровой
По-царски угощенъ въ той хижинѣ простой,
Гдѣ праотецъ ихъ жилъ такъ бѣдно и су-
И пѣсня русская и русское ура! [рово;
Въ сардамскомъ домикѣ Петра
Съ народною пѣснью Голландіи слилися,
И два народа въ этотъ часъ,
Какъ бы услышавши великой тѣни гласъ,
На дружбу братски обнялися!..
Съ почтеніемъ смотрю на твердый твой на-
Я видѣлъ южные народы: [родъ!
Природа пѣжить ихъ; тамъ ясны цѣлый
Небесъ лазоревые своды, [годъ
Тамъ благовонныя долины и дѣса,

Тамъ горъ подоблачныхъ могучая краса,
Тамъ море вѣчно голубое,
И изобиліе повсюду золотое,
И человекъ его изъ полной чаши пьетъ,
И для него не слышнень тамъ полетъ
Дней, исчезающихъ въ бездѣйственномъ
Но здѣсь явленіе явилъ: [покоѣ.
У моря бурнаго отважные отцы
Отчизну дикую для внуковъ съ боя взяли,
И, грозною нуждой лепытаины, бойцы
На крѣпостномъ валу плотнякъ могучихъ
стали;
И съ той поры идетъ безперерывно брань
Съ стихіей, славно побѣжденной;
Вотще громадой раздраженной
Вашъ врагъ разрушить хочетъ грань,
Ему поставленную вами:
Въ борьбѣ съ свирѣпыми волнами,
Какъ сталь подъ молотомъ, вы крѣпите въ
Вы твердо на валу стоите, [бою;
И крѣпость древнюю свою
Врагу постыдно не сдадите!
Нестоимый есть въ стѣнахъ ея для васъ,
Вѣками собранный, оружія запасъ:
Спокойно-ясный умъ, святая вѣра, нравы,
Довѣренность къ себѣ, свободы стражъ—
законъ,
И миѣнье строгое, и миѣньемъ чтимый
тронъ,
И благодатныя преданья древней славы.

Амстердамъ. 7/ю апрѣля 1839 года.

ВЪ САРДАМСКОМЪ ДОМИКѢ.

Надъ бѣдной хижиню сей
Витаютъ ангелы святые:
Великій князь, благоговѣй!
Здѣсь колыбель имперія твоей,
Здѣсь родилась великая Россія!

СЕЛЬСКОЕ КЛАДБИЩЕ.

ЭЛЕГІЯ.

[второй переводъ изъ грея].

Кодоколь поздній кончину отшедшаго
дня возвѣщаетъ;
Съ тихимъ бляньемъ бредетъ черезъ поле
усталое стадо:
Медленнымъ шагомъ домой возвращается
пахарь, уснувшій

Миръ уступая молчанью и мигъ. Ужъ
 блѣднѣетъ окрестность,
 Мало по малу теряясь во мракъ, и воз-
 духъ наполнивъ
 Всю тѣсную торжественной: изрѣдка
 только промчится
 Жукъ съ усыпительно-тяжкимъ жуж-
 жаньемъ, да рогъ отдаленный,
 Сошь наводя на стада, порою певнятно
 раздастся;
 Только съ вершины той пышно плющемъ
 украшенной башни
 Жалобнымъ крикомъ сова предъ тихой
 луной обвиняетъ
 Тѣхъ, кто, случайно зашедши къ ея гробо-
 вому жилищу,
 Миръ нарушаютъ ея безмолвнаго, древняго
 царства.
 Здѣсь подъ навѣсомъ пагнувшихся вязывъ,
 подъ свѣжею тѣнью
 Цвѣ, гдѣ зеленымъ дерномъ могильные
 холмы покрыты,
 Каждый навѣкъ затворяетъ въ свою одинокую
 келью,
 Снять непробудно-смирныя предки села.
 Ни веселый
 Голосъ прохладно-душистаго утра, ни ла-
 сточки ранней
 Съ кровли соломенной трель, ни труба
 цѣлуха, ни отзывный
 Рогъ, ничто не подымаетъ ихъ болѣ съ
 ихъ бѣдной постели.
 Яркій огонь очага ужъ для нихъ не за-
 жжется; не будетъ
 Ихъ вечеровъ усладять хлопотливостью
 хозяйки; не будутъ
 Дѣти тайкомъ къ дверямъ подбѣгать, чтобъ
 поделушачь, нейдуть ли
 Съ поля отцы, и къ нимъ на колѣна
 тянутся, чтобъ первый
 Прежде другихъ схватить поцѣлуй. Какъ
 часто серпамъ ихъ
 Нива богатство свое отдавала; какъ часто
 ихъ острый
 Плугъ побѣждалъ упорную глыбу; какъ
 весело въ поле
 Въ трудной работѣ они выходили; какъ
 звучно тоноръ ихъ

Въ лѣсѣ густомъ раздавался, рубя вѣковыя
 деревья!
 Пусть издѣвается гордость надъ ихъ полез-
 ную жизнью,
 Низкій удѣлъ и семейственный миръ
 поселятъ презирая;
 Пусть величье съ хладной насмѣшкой чи-
 таетъ простую
 Лѣтопись бѣднаго; знатность породы, мо-
 гущества пышность,
 Все, чѣмъ блеститъ красота, чѣмъ богатство
 плѣняетъ, все будетъ
 Жергвой послѣдняго часа ко гробу ведетъ
 пашь и слава.
 Кто обвинитъ ихъ за то, что надъ прахомъ
 смиреннымъ ихъ память
 Пышныхъ гробницъ не воздвигла; что въ
 храмахъ, по сводамъ высокимъ,
 Въ блескѣ торжественномъ свѣчъ, въ благо-
 вонномъ дыму оміама,
 Имъ похвала не гремитъ, повторенная
 звучнымъ органомъ?
 Надпись на урнѣ, или дышущій въ мраморѣ
 ликъ не воротятъ
 Въ прежнюю область ея отвѣтвигую жизнь,
 и хвалебный
 Голосъ не тропеть безмолвнаго праха, ни
 въ хладно-гѣмосе
 Ухо смерти не вкрадется сладкій ласкатель-
 ства ласкель.
 Можетъ быть, здѣсь въ могилѣ, ничѣмъ
 не замѣтной, петябло
 Сердце, огнемъ небеснымъ вѣкогда полное;
 стала
 Прахомъ рука, рожденная скипетръ носить,
 или восторга
 Пламень въ живыя струны вливать. Но
 наука предъ ними
 Свитковъ своихъ, богатыхъ добычей вѣковъ,
 не раскрыла,
 Холодъ пужды умертвилъ благородный ихъ
 пламень, и сила
 Гесиёмъ полной души ихъ безплодно по-
 гибла навѣки.
 О! какъ много чистыхъ, прекрасныхъ
 жемчужинъ сокрыто
 Въ темныхъ, невѣдомыхъ намъ глубинахъ
 океана! Какъ часто

Цвѣтъ родится на то, чтобъ цвѣсти не-
замѣтно и сладкій
Запахъ терять въ безпредѣльной пустынѣ!
Быть можетъ,
Здѣсь погребенъ какой-нибудь Гампденъ
незнаемый, грозный
Мелкимъ тиранамъ слава, или Мильтонъ
пѣмой и неславный,
Или Кромвель неповинный въ крови со-
граждавъ. Всемогущимъ
Словомъ сепать покорять, бороться съ
судьбою, обиле
Щедрую сыпать рукой на цвѣтущую
область, и въ громкихъ
Плескахъ отечества жизнь свою слышать—
то рокъ запретилъ имъ;
Но, ограничивъ въ добрѣ ихъ, равно и
во злѣ ограничилъ:
Не даль имъ воли стремиться къ престолу
стезею убійства,
Иль затворить милосердія двери предъ
страждущимъ братомъ,
Или, коварствуя, правду таить, или стыда
на лапитахъ
Чистую краску терять, или срамить вдохно-
венъе святое,
Гласомъ поэзіи слава могучій развратъ и
фортуна.
Чуждые смуть и волненій безумной толпы,
изъ-за тѣсной
Грани желаньямъ своимъ выходить запре-
щая, вдоль свѣжей,
Сладко - безшумной долины жизни, они
тихомолкомъ
Шаи по тропинкѣ своей, и здѣсь ихъ
пріютъ безмятеженъ.
Какется, слышишь, какъ дышетъ кругомъ
ихъ спокойствіе неба,
Всѣ тревоги земныя смиряя, и шнытея,
какой-то
Сердце объемлющій голосъ, изъ тихихъ
могилъ подымаясь,
Здѣсь разливаєтъ предчувствіе вѣчнаго
мира. Чтобъ праха
Мертвыхъ никто не обидѣлъ, надгробные
камни съ простою
Надписью, съ грубой рѣзбою прохожаго
молять почтить ихъ

Вздохомъ минутнымъ; на камняхъ рука
неграмотной музы
Ихъ имена и лѣта написала, кругомъ на-
чертавши,
Вмѣсто надгробій, слова изъ Святого
Писанья, чтобъ скромный
Сельскій мудрецъ по пнямъ умирать на-
учался. И кто же,
Кто въ добычу нѣмому забвенію эту земную,
Милую, смутную жизнь предавалъ и съ
цвѣтущимъ предѣломъ
Радостно-свѣтлаго дня разставался, назадъ
не бросая
Долгаго, томнаго, грустнаго взгляда? Душа,
удаляясь,
Хочетъ на нѣжной груди отдохнуть, и очи,
темиѣя,
Ищутъ прощальной слезы; изъ могилы
намъ слышенъ знакомый
Голосъ, и въ нашемъ прахѣ живетъ бывалое
пламя.
Ты же, заботливый другъ погребенныхъ
безъ славы, простую
Новѣсть объ нихъ рассказавшій, быть
можетъ, кто-нибудь, сердцемъ
Близкій тебѣ, одинокой мечтою сюда при-
веденный,
Знать пожелаетъ о томъ, что случилось
съ тобой, и быть можетъ,
Вотъ что расскажетъ ему о тебѣ старожилъ
посѣдѣлый:
«Часто видали его мы, какъ онъ на раз-
свѣтѣ поспѣвшимъ
«Шагомъ, росу отряхая съ травы, выходилъ
на пригорокъ
«Встрѣтитъ солнце; тамъ, на мшистомъ,
изгибистомъ корнѣ
«Старога вяза, къ землѣ приклонившаго
вѣтви, лежалъ онъ
«Въ полдень, и слушалъ, какъ ближій
ручей журчитъ, извиваясь;
«Вечеромъ часто, окончивъ дневную работу,
случалось,
«Намъ видать, какъ у входа въ долину
стоялъ онъ, за солнцемъ
«Слѣдую взоромъ и слушая зяблицы позд-
нюю пѣсню;
«Такъ же не разъ мы видали, какъ шелъ
онъ вдоль лѣса съ какой-то

«Грустной улыбкой, и что-то шептала
 про себя, наклонивши
 «Голову, блѣдный лицомъ, какъ будто
 оставленный цѣлымъ
 «Свѣтомъ и мучимый тяжкою думой или
 безнадежнымъ
 «Горемъ любви. Но однажды поутру его
 я не встрѣтилъ,
 «Какъ бывало, на холмѣ, и въ полдень
 его не нашелъ я
 «Подъ ручья, ни послѣ въ долинѣ; прошло
 и другое
 «Утро и третье; но онъ не встрѣчался
 нигдѣ, ни на холмѣ
 «Рапо, ни въ полдень подлѣ ручья, ни
 въ долинѣ
 «Вечеромъ. Вотъ мы однажды поутру
 печальное гдѣне
 «Слышимъ: его на кладбище несли. Подойди;
 здѣсь на камнѣ,
 «Если умѣешь, прочтешь, что о немъ
 тогда написали:
 «Юноша здѣсь погребенъ, невѣдомый
 счастіемъ и славъ;
 «Но при рожденіи онъ былъ небесною
 музою присвоенъ,
 «И меланхолія знаки свои на него
 положила.
 «Былъ онъ душой откровененъ и добръ,
 его наградила
 «Небо: несчастнымъ давалъ, что имѣлъ
 онъ—слезу; и въ награду
 «Онъ получилъ отъ неба самое лучшее—
 друга.
 «Путникъ, не трогай покоя могилы:
 здѣсь все, что въ немъ было
 «Нькогда доброю, все его слабости
 робкой надеждой
 «Преданы въ лоно благоу Отца, право-
 суднаго Бога.

БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА.

Русскій царь созвалъ дружины
 Для великой годовщины
 На поляхъ Бородинна.
 Тамъ земля окрещена:
 Кровь на ней была святая;
 Тамъ, престоль и Русь спасая,

Войско цѣлое легло,
 И престоль и Русь спасло.

Какъ ярилась, какъ кипѣла,
 Какъ пылала, какъ гремѣла
 Здѣсь народная война
 Въ страшный день Вородина!
 На полки полки бросались,
 Холмы въ громахъ загорались,
 Бомбы падали дождемъ
 И земля тряслась кругомъ.

А теперь пора иная:
 Благовопно-золотая
 Жатва блещетъ по холмамъ;
 Гдѣ упоршій бился, тамъ
 Мирныхъ ипокинъ обитель: *)
 И одинъ остался зритель
 Сихъ кипѣвшихъ брапью мѣсть,
 Всѣхъ рѣшитель браней, крестъ.

И на пиръ поминовенья
 Рать другого поколѣнья,
 Новымъ, славнымъ ужъ царемъ
 Собрана на мѣсть томъ,
 Гдѣ предметники ихъ бились,
 Гдѣ столь многія свершились
 Чудной храбрости дѣла,
 Гдѣ земля ихъ прахъ взяла.

Такъ же рать числомъ обильна;
 Такъ же мужество въ ней сильно;
 Тѣ жъ орлы, тѣ жъ знамена
 И полковъ тѣ жъ имена...
 А въ рядахъ другіе стали;
 И серебряной медали,
 Прержнимъ данной ей царемъ,
 Не видать ужъ ни на комъ.

И вождей ужъ прержнихъ мало:
 Много въ день великій пало
 На земахъ Вородина;
 Позже тѣхъ взяла война;
 Тѣ, свершивъ въ Парижѣ тризну

*) «Спасо-Бородинскій монастырь, основанный близъ села Семеновскаго вдовою генерала А. А. Тучкова на той батарее, гдѣ онъ убитъ, сражаясь храбро. Тѣло его не было отыскано. Всѣ кости, найденныя на семь мѣсть, были зарыты въ одну могилу, надъ которою теперь возвышается церковь, и въ этой церкви гробница Тучкова.»

Но Москвѣ и рать въ отчизну
Проводивши, отъ земли
Къ храбрымъ братьямъ отошли.

Гдѣ Смоленскій вождь спасенья?
Гдѣ герой, примѣръ смиренья,
Введши рать въ Парижъ, Барклая?
Гдѣ, и свой и чуждый край
Дерзкой бодростью дививши,
И подъ старость сохранивши
Вес, что въ молодости есть,
Коповницынъ, ратныхъ честь?

Неподкупный, неизмѣнный,
Хладный вождь въ грозѣ военной,
Жаркій самъ подчасъ боець,
Въ дни спокойные мудрецъ,
Гдѣ Раевскій? Витязь Дона,
Русской рати оборона,
Неприятелю арканъ,
Гдѣ нашъ Вихорь-Атаманъ?

Гдѣ наѣздникъ, вождь летучій,
Съ кѣмъ врагу былъ страшной тучей
Русскихъ тылъ и авангардъ,
Нашъ Роландъ и нашъ Баярдъ,
Милорадовичъ? Гдѣ славный
Дохтуровъ, отвагой равный
И въ Смоленскѣ на стѣгѣ,
И въ святомъ Бородинѣ?

И другихъ взяла судьбина:
Въ боѣ зрѣвъ погибель сына,
Рано Строгановъ увялъ;
Нѣтъ Сень-При; Ланской нашъ палъ;
Копчили Тормасовъ; могила
Невѣровскаго сокрыла;
Въ гробѣ старецъ Ланжеронъ;
Въ гробѣ старецъ Бенингсонъ.

И боець, сынъ Аполлоновъ...
Мнилъ онъ гробъ Багратионовъ
Проводить въ Бородино...
Той награды не дано:
Вмигъ Давыдова не стало!
Сколько славныхъ съ нимъ пропало
Боевыхъ преданій намъ!
Какъ въ немъ друга жаль друзьямъ!

И *тебѣ* мы пережили,
И *тебѣ* мы схоронили,
Ты, который тронъ и насъ

Твердымъ парекимъ словомъ спасъ,
Вождь вождей, царей диктаторъ,
Нашъ великій *императоръ*,
Мира свѣтлая звѣзда,
И *твоя* пришла череда!

О, година русской славы!
Какъ тѣснились къ намъ державы!
Царь нашъ съ ними къ чести шелъ!
Какъ спасительно онъ ввелъ
Рать Москвы къ врагамъ въ столицу!
Какъ незлобно онъ десницу
Протянулъ врагамъ своимъ!
Какъ гордился русскій имъ!

Вдругъ... отъ всѣхъ частей далеко,
Въ бѣдномъ краѣ, одиноко
Передъ плачущей женой,
Нашъ владыка, нашъ герой,
Гаснегъ царь благословенный;
И за гробомъ сокрушенно,
Въ погребальный слившись ходъ,
Вся имперія идетъ.

И *его* какъ не бывало,
Передъ кѣмъ все трепетало!...
Есть далекая скала;
Вкругъ скалы морская мгла;
Съ моремъ степь слилася другая,
Бездна неба голубая;
Къ той скалѣ путь заграждень...
Тамъ зарытъ Наполеонъ.

Много съ тѣхъ времени, столь чудныхъ,
Дней блистательныхъ и трудныхъ
Съ новымъ зрѣли мы царемъ;
До Стамбула русскій громъ
Былъ доброшемъ по Балкану;
Миромъ метили мы султану;
И векали на Араратъ
Пушки храбрый нашъ солдатъ.

И все царство Митридата
До подошвы Арарата
Взялъ нашъ съверный Аягъ;
Русской гранью сталъ Аракъ;
Эрзерумъ сдался намъ дикій;
Закигъль мятежъ великій;
Предъ Варшавой сталъ нашъ фронтъ,
И съ Варшавой рухнулъ бунтъ.

И, нежданная ограда,

Флотъ нашъ былъ у стѣнъ Царьграда;
И съ турецкихъ береговъ,
Въ память сѣверныхъ орловъ,
Русскій сторожъ на Босфорѣ,
Отразилъ въ завѣтномъ морѣ,
Мавзолей нашъ говоритъ:
«Здѣсь былъ русскій станъ разбитъ.»

Всходитъ дневное свѣтло
Такъ же ясно, какъ выходило
Въ чудный день Бородина:
Рать въ колонны собрана,
И сіяетъ передъ ратью,
Крестъ небесной благодаты,
И подъ нимъ въ виду колоннъ
Въ гробѣ спитъ Багратіонъ.

Здѣсь онъ палъ, Москву спасая,
И, далеко умирая,
Слышалъ вѣсть: Москвы ужъ итъ!
И опять онъ здѣсь, одѣтъ
Въ гробѣ дивною броней,
Бородинскою землею;
И великій въ гробѣ сонъ
Видитъ вождь Багратіонъ.

Въ этотъ часъ тогда здѣсь бился!
И враги, ярые, ложились
На холмы Бородина,
А теперь ихъ тишина,
Небомъ полная, объемлетъ,
И какъ будто бы подъемлетъ
Изъ-за гроба голосъ свой
Рать, усоншая къ живой.

Несказанное мгновенье!
Линь изрекъ, свершивъ моленье,
Предстоявшій алтарю:
Память вѣчная царю!
Вдругъ обгрянулъ залъ единый
Бородинскія вершины,
И въ одинъ великій гласъ
Вся съ нимъ армія слыхалась.

Память вѣчная, нашъ славный,
Нашъ смиренный, нашъ державный,
Нашъ спасительный герой!
Ты обѣгъ изрекъ святой:
Слово съ трона роковое
Повторилось въ дивномъ боѣ
На поляхъ Бородина:
Имъ Россія спасена.

Память вѣчная вамъ, братья!
Рать младая къ вамъ облягъ
Простираетъ въ глубь земли:
Нашу Русь вы намъ спасли;
Въ свой чередъ мы грудью станемъ;
Въ свой чередъ мы васъ помянемъ,
Если царь велитъ отдать
Жизнь за общую намъ мать.

МОЛИТВОЙ НАШЕЙ БОГЪ СМЯГЧИЛСЯ.

Молитвой нашей Богъ смягчился;
Царевнѣ жить еще велѣлъ:
Опять къ намъ ангелъ возвратился,
Который ужъ къ Нему летѣлъ.
М. Маркусъ.

Съ полудороги прилетѣлъ ты
Обратно, чистый ангелъ, къ намъ;
Вблизи на небо поглядѣлъ ты,
Но не забылъ о насъ и тамъ.

Отъ насъ тебя такъ нѣжно звали
Небесныхъ братьевъ голоса;
Тебя принять—ужъ отверзали
Свою святыню небеса.

И намъ смотрѣть такъ страшно было
На измѣнившіея твой видъ;
Намъ горе сердца говорило:
Онъ улетитъ! онъ улетитъ!

И ужъ готовъ къ отлету былъ ты,
Ужъ на землѣ былъ не земной;
Ужъ все житейское сложилъ ты,
И полонъ жизни былъ иной.

И неизбежное свершалось,
Былъ близокъ намъ грозившій часъ;
Невозвратно удалялось
Святое, милое отъ насъ.

Ужъ ты летѣлъ, ужъ ты стремился
Преображенный, къ небесамъ...
Скажи же, какъ къ намъ возвратился?
Какъ небомъ былъ уступленъ намъ?

Къ предѣламъ горнымъ подлетая,
Ты веномилъ о друзьяхъ земли,
И до тебя въ блаженства рай
Ихъ воздыханія дошли.

Любовь тебя остановила;
Сильнѣй блаженствъ была она;
И рай душа твоя забыла,
Страдашемъ нашихъ душъ полна.

И ты опять, какъ прежде, съ нами;
 Опять для насъ твоя краса;
 Ты повидался съ небесами
 И перенесъ къ намъ небеса.

И жизнь теперь межъ насъ иная
 Начнется, ангелъ, для тебя;
 Ты заглянуть въ святыни рай—
 Но землю избралъ святъ, любя.

И въ повомъ къ намъ переселенъ
 Сталъ ближе къ вѣчному Отцу,
 Его очами на мгновенье
 Увидѣвъ тамъ лицомъ къ лицу.

И чище будетъ жизнь земная,
 Съ тобой, нашъ другъ, намъ данный вновь:
 Ты къ намъ принесъ съ собой изъ райа
 Надежду, вѣру и любовь.

1842.

1-ое ІЮЛЯ 1842.

Встаетъ Христовъ знаменосецъ,
 Георгій нашъ побѣдоносецъ;
 Съдастъ благо коня,
 И въ нашцырѣ свѣтлѣ днѣ,
 Взявъ щитъ златой съ орломъ двуглавымъ,
 Съ своимъ чудовищемъ кронавымъ,
 По свѣтозарнымъ небесамъ,
 По громоноснымъ облакамъ
 Летитъ въ знакомый край полночи;
 Горятъ звѣздами чудны очи;
 Прекрасенъ блескъ его лица;
 Въ рукъ могучей два вѣнца:
 Одинъ вѣнецъ изъ лавровъ чистыхъ,
 Другой изъ бѣлыхъ розъ душистыхъ.
 Зачѣмъ же опъ на Русь летитъ?..
 Опъ съ тѣхъ временъ, какъ Русь стоитъ,
 Всегда пророчески являлся,
 Какъ скоро Божій судъ свершался,
 Во славу иль въ спасенье намъ.
 Опъ въ первый разъ явился тамъ—
 Какъ вождь, сподвижникъ и хранитель—
 Гдѣ вѣнецносный нашъ креститель?
 Во Іорданъ дѣйровскихъ водъ
 Свой вѣрный погрузилъ народъ,
 И стала Русь земля Христова.
 Тамъ у Крещатника святого
 Союзъ свой съ нами заключилъ

Великій ратникъ Божьихъ силъ,
 Георгій нашъ побѣдоносецъ.
 Когда свирѣпый бѣдоносецъ
 На Русь половчаній папалъ,
 Передъ врагомъ невѣрнымъ сталъ
 Опъ вмѣстѣ съ бодрымъ Мономахомъ,
 И надолго, объятый страхомъ,
 Врагъ заперся въ своихъ стѣнахъ.
 Но нашъ великій Мономахъ,
 Тѣхъ днѣй послѣднее свѣтило,
 Угасъ, и время наступило
 Неизглаголанное зло:
 Пожаръ усобицъ и крамоль
 Повсюду вспыхнулъ; братъ на брата
 Пошелъ войной и сушестата
 Губить отчину подкупили,
 И, обезумясь, потащилъ
 Самъ русскій матеръ-Русь ко гробу...
 Тогда Господь на нашу злобу
 Свой гнѣвъ карающій послалъ:
 На насъ ордынецъ пабѣжалъ,
 И опозорилъ Русь святую,
 Тяжелую, двухвѣковую
 На шею цѣнь набросивъ ей;
 Тогда погибла честь князей:
 Топоръ ордынца своеправно
 Ругался ихъ главой державной;
 И прежней славы самый слѣдъ
 Исчезъ... одинъ во мглѣ сихъ бѣдъ,
 Въ шуму спѣхъ страшныхъ вражьихъ оргій,
 Нашъ Божій ратникъ, нашъ Георгій
 Намъ неизмѣнно вѣреть былъ;
 Звѣздой надежды опъ свѣтилъ
 Намъ изъ-за тучи испытанья;
 О бодрыхъ праотцахъ преданья
 Унывшимъ внукамъ опъ берегъ;
 Его къ намъ милующій Богъ
 Непосылалъ, чтобъ подкрѣплялъ насъ,
 Когда въ огнѣ скорбей ковалъ насъ
 Въ несокрушасмый булатъ
 Тяжелый пепытанья млатъ.
 И, мученикъ побѣдоносный,
 Опъ плѣнъ мучительно-полосный
 Терпѣвъ насъ мужески училъ;
 Въ бояхъ же нашъ сподвижникъ былъ;
 Опъ съ Невскимъ опрокинулъ шведа—
 И стала Невская побѣда
 Въ началѣ долгихъ рабства бѣдъ
 Святыхъ пророчествомъ побѣдъ,

Создавшихъ снова нашу славу;
 Онъ былъ Тверскому Михаилу
 Утѣшнымъ спутникомъ въ Орду,
 Предеталь съ нимъ хапекому суду,
 И братскую страдалицу руку
 Протеръ, чтобъ онъ во славу муку
 За Русь и вѣру воспріялъ;
 Когда Донской народъ созвалъ,
 Чтобъ дать ордынцу пиръ кровавый,
 Въ дѣль воскресеня нашей славы,
 Надъ нашей ратью въ вышннѣ
 Побѣдоносецъ на конѣ
 Явился грозный, и, блистая,
 Какъ въ небѣ туча громовая,
 Воздвиглось знамя со крестомъ
 Передъ пещуганымъ врагомъ,
 И первый русскій бой свободы
 Однимъ великимъ дѣломъ за годы
 Стыда и рабства отомстилъ.
 Срокъ некуленья наступилъ;
 Въ насъ запала жизнь иная;
 Прображенная, молодая,
 Свершивъ дорогу темныхъ бѣдъ,
 Дорогой свѣтлою побѣдъ
 Пошла къ своей чредѣ Россія;
 И все, что времена лихія
 Паспльно взяли, то она,
 Въ благія славы времена,
 Сама взяла обратно съ бою;
 И взметъ съ ней рука съ рукою
 Ея побѣдоносецъ шелъ.
 Орды разрушила престолъ;
 Казань враждебная исчезла;
 За грань Урала перелѣзла
 Лихая шайка Ермака,
 И передъ саблей казака
 Съ своими дикими ордами
 И златошесными горами
 Смирилась мрачная Сибирь...
 Тогда святой нашъ богатырь,
 Съ намествемъ и плѣномъ сладивъ,
 И съ Руси слѣдъ послѣдній сгладивъ
 Стыда и бѣдъ, взмахнулъ мечомъ,
 И быстро обскакалъ кругомъ
 Ея врагамъ *доступной* грани:
 И пачалъ иныя брани
 На вѣхъ концахъ ея тогда;
 Чудотворящая звѣзда
 Петрова знаменіемъ славы

Памъ возсіяла въ дѣль Полтавы,
 И свѣтлый ратникъ Божьихъ силъ
 Свою торжественно развилъ
 Хоругвь съ крестомъ надъ Русью славной;
 Изъ Бельта флотъ ея державный
 Памъ путь открылъ во все моря;
 Смирился Каспій, отвори
 Ей древнія свои пучины;
 Горами сmerzшіяся льдины
 И неподвижныи свой туманъ
 Ей Ледовитый океанъ
 Воздвигъ на полночь твердой гранью;
 Могучею покрыла дланью
 Все съѣверъ Азіи она;
 Ея съ побѣдой знамена
 Черезъ Кавказъ переступили,
 И грозно пушки огласили
 Предъ ней Балканъ и Араратъ,
 И дрогнулъ въ ужасѣ Царьградъ.
 Отмстилсь древнія обиды:
 Законно взяли мы съ Тавриды,
 Что было взято съ насъ Ордой;
 И за отнятое Литвой
 Памъ Польша съ лихвой заплатила
 Въ кровавый дѣль, когда рѣшила
 Судьба межъ двухъ родныхъ племенъ
 Споръ, съ незапамятныхъ временъ
 Соедствомъ гибельнымъ зажженый,
 И роковымъ лишь погашеный
 Паденьемъ одного изъ двухъ.
 И все свершилося: потухъ
 Для насъ въ побѣдахъ пламень брани;
 Несокрушаемыя грани
 Памъ всюду создала война;
 Жизнеобильна и сильна,
 Въ могущество милолюбива,
 Въ избыткъ славы нестроштива,
 Дружбамъ сподвижникъ, врагъ врагамъ,
 Надежный царствамъ и царямъ
 Союзникъ въ дѣлѣ правды, славы,
 Россія все зоветъ державы
 Въ могучій съ ней союзъ вступить,
 Чтобъ миротворной правдой слить
 Въ одно семейство все народы.

Небесные покинувъ своды,
 Зачѣмъ же нынѣ посѣтилъ
 Насъ свѣтлый ратникъ Божьихъ силъ,
 Сподвижникъ нашъ побѣдоносный?

Давно ордынскій пѣвѣтъ поносный
 Забытъ; иноплемениный врагъ.
 На нашихъ нивахъ и поляхъ
 Не разливаесть разоренія;
 Мы сами для побѣдъ изъ мщенія,
 Какъ то бывало въ старину,
 Не мыслимъ начинать войну—
 Зачѣмъ же вышѣ вдругъ предстать оны?
 Зачѣмъ посибино осѣдлать оны
 Лихого бѣлаго коня,
 И въ панцырѣ свѣтлѣе дня,
 Взявъ шпѣтъ златой съ орломъ двухлавымъ,
 Съ своимъ чудовищемъ кровавымъ,
 По небесамъ, по облакамъ,
 Нежданый вдругъ примчался къ намъ?—
 Не бранный гость, а мирносецъ,
 Георгій нашъ побѣдоносецъ,
 Теперь пришелъ, не звать насъ въ бой,
 А вмѣстѣ съ нами нашъ святой
 Семейный шуръ царевъ отпривить,
 И русскій весь народъ поздравить
 Съ прекраснымъ царской жизни днемъ,
 Съ такимъ поздравить торжествомъ,
 Какого царство не видало,
 Какого прежде не бывало
 Подъ кровлей царскаго дворца.
 И два въ рукахъ его вѣнца:
 Одинъ вѣнецъ царю въ подарокъ:
 Изъ свѣжихъ лавровъ оны, и яркыя
 Искрѣнный блескъ его листовъ;
 Оны не увянуть, какъ любовь
 Къ царю, какъ царская держава,
 Какъ честь царя, какъ Русь слава.
 Царицѣ въ даръ вѣнецъ другой
 Изъ бѣлыхъ розъ—ихъ блескъ живой
 Съ ея душою сходенъ ясной;
 Какъ роза бѣлая, прекраено
 На тронѣ жизнь ея цвѣтеть
 И благодатное лѣтъ
 На все любви благоуханье;
 Родной семьи очарованье,
 Народа русскаго краса,
 Свѣтла, чиста, какъ небеса,
 Да долго намъ она сіяеть,
 Намъ радуесть, намъ умиляетъ,
 Незаходимую звѣздой
 Гора надъ русскою землей!..

Серебряную свадьбу правя

Царя великаго, и слави
 Его домашній царскій бытъ,
 Которымъ оны животворить.
 На всѣхъ концахъ своей державы
 Семейныя благіе нравы—
 Любви супружней образецъ,
 Дѣтей заботливый отецъ—
 Народъ о томъ лишь Бога молить:
 «Да нѣкогда царю дозволить,
 «Чтобъ оны съ царицею своей,
 «Всѣхъ сыновей и дочерей
 «И чады и внуковъ ихъ собравши,
 «И тратъ въ семьѣ не испытавши,
 «Позвалъ пародъ, какъ нынѣ, свой
 «На праздникъ *свадьбы золотой.*»

1843.

МАТТЕО ФАЛЬКОНЕ.

КОРСПКАНСКАЯ ПОВѢСТЬ.

[ИЗЪ МЕРМЕ].

Въ кустахъ, которыми была покрыта
 Долина Порто-Веккю, со всѣхъ
 Сторонъ звучали голоса и часто
 Гремѣли выстрѣлы; то былъ отрядъ
 Разсѣленныхъ егерей; они ловили
 Бандита стараго Санньеро; но,
 Проворно межъ кустовъ ныряя, въ руки
 Имъ не давался оны, хоты павылетъ
 Прострѣленъ пулей былъ. И вотъ, на верхъ
 Горы взбѣжавъ, оны хижины достигнуть,
 Въ которой жилъ съ своею семьей Маттео
 Фальконе; но къ несчастью въ это время
 Одинъ лишь мальчикъ, сынъ его, былъ дома:
 Оны у воротъ стоялъ и на долину
 Смотрѣлъ, прислушиваясь къ шуму. Вдругъ,
 Изъ ближнихъ выбѣжавъ кустовъ, Санньеро
 Бросается къ нему и говоритъ:
 Спаси меня; я раненъ; егеря
 За мною гонятся; они ужъ близко!—
 «Да я одинъ; отца нѣтъ дома; съ нами
 Ушла и мать.»—Что нужды! спрячь меня
 Скорѣй.—«Да что отецъ на это скажетъ?»—
 Отецъ тебя похвалить: отъ меня жъ
 На память вотъ тебѣ монета.—Мальчикъ,
 Монету взявши, ввелъ на дворъ Санньеро:
 Оны спрятался тамъ въ сѣно; Фортунато жъ
 (Такъ звали мальчика) проворно сѣномъ
 Все закрылъ, и кровь втопталъ въ песокъ,

И видь спокойный принялъ. Въ этотъ мигъ
Вбѣжалъ на дворъ съ своими Гамба (главный
Разсѣльщикъ; онъ былъ родственникъ
Не понадеялся ли тебѣ Саньеро? [Маттео].
У мальчика спросилъ онъ; вѣрно здѣсь
Его ты видѣлъ. — «Нѣтъ, я сналъ.» —

Ты лжешь;
Когда стрѣляютъ, снатъ пельзя. — «Да мой
Отецъ стрѣляетъ громче васъ, а я
И тутъ не просыпаюсь.» — Отвѣчай же,
Куда ушелъ Саньеро? Ты его
Здѣсь видѣлъ; правду говори, не то
Тебѣ достанется. — «Попробуй тронуть
Меня хоть пальцемъ; мой отецъ Маттео
Фальконе, знаешь?» — Твой отецъ тебя
За то, что лжешь ты, высѣчетъ. — «Анъ

нѣтъ,
Не высѣчетъ.» — Да гдѣ же твой отецъ? —
Онъ въ лѣсъ пошелъ за дичью; видишь самъ,
Что у одинъ.» — Къ товарищамъ тогда
Въ недоумѣньи обратившись, Гамба
Сказалъ: кровавый слѣдъ привелъ насъ
прямо

Сюда; онъ вѣрно здѣсь; по этотъ домъ
Обыскивать не стану я; съ Маттео
Фальконе сеориться опасно. — Гамба
Стоялъ нахмурившись и тыкалъ въ сѣно
Своимъ штыкомъ, не думая, чтобъ тамъ
Саньеро спрятанъ былъ; а Фортунато,
Какъ будто безъ намѣренья ибпочкой
Часовъ его играя, непримѣтно
Его отвезъ отъ мѣста рокового
Старался Гамба, вынувъ изъ кармана
Часы, сказалъ: я ужь давно тебѣ
Подарокъ, Фортунато, приготовилъ.
Видь у тебя до сихъ поръ нѣтъ часовъ? —
«Отецъ сказалъ, что мнѣ ихъ дастъ, какъ

скоро
Двѣнадцать лѣтъ мнѣ будетъ.» — А тебѣ
Теперь лишь только десять. Эта нѣсня
Долга. Вотъ посмотри сюда, какіе
Прекрасные часы. — И онъ на солнцѣ
Вертелъ ихъ, и они сверкали ярко.
Глазами жадными за ними бѣгали
Встревоженный ихъ блескомъ Фортунато...
Футляръ съ эмалью, стрѣлки золотыя,
И голубой узорный циферблатъ...

Ну что же, гдѣ Саньеро? — «А часы
Ты дашь мнѣ?» — Дамъ. — И Гамба поднялъ

Часы; какъ чаша роковыхъ вѣсовъ, [выше
Надъ головою ребенка, раза два
Шатнувшись, они остановились.

Онъ искушенія не вышесъ; въ пемъ
Вся внутренность заглаеъ: какъ въ
лихорадѣ,

Онъ задрожалъ, п, правую тихонько
Поднявши руку, вдругъ, какъ звѣрь когтями,
Схватилъ часы, а лѣвою рукою,
Закнувъ за спину ее, въ молчалии
На сѣно Гамбѣ указалъ. Безъ словъ
Былъ конченъ торгъ кровавый. Фортунато,
Добычу взявъ, о проданной имъ жертвѣ
Забылъ. Саньеро изъ-подъ сѣна тутъ же
Былъ выгашенъ: съ презрѣньемъ поглядѣлъ
На мальчика, и, въ руки егерямъ [онъ
Отдавшись, сказалъ: другъ Гамба, ты

Ужъ въ этомъ мнѣ конечно не откажешь,
Найди носилки; я иди не въ силахъ;
Весь кровью изонелъ я; признаюсь,
Стрѣлялъ ты мастеръ, п въ меня такъ ловко
Попалъ, что ужъ теперь со мной конецъ;
Но видѣть могъ ты также, что и я
Не промахъ. — И о немъ, какъ о родномъ
(Любя за храбрость и врага), они
Заботиться усердно принялися.

Ему хотѣлъ монету Фортунато
Отдать назадъ; но молча оттолкнулъ
Онъ мальчика, который, уронивъ
Монету, отошелъ краснѣя въ уголъ.
Маттео, въ это время возвращаясь
Съ женою изъ лѣса, гостей позванныхъ
Увидѣлъ въ хижино; носѣвшно онъ
Свое ружье на выстрѣлъ приготовилъ,
И подаль знакъ жепъ, чтобъ и она
Съ другимъ ружьемъ была готова. Слѣло
И осторожно онъ подходить. Гамба,
Его вдали узнавши, закричалъ:

«Маттео, это мы, друзья!» И тихо,
Въ его лицо вемотрѣвшись, онъ дуло
Ружья нацѣпеннаго опустилъ.

«Маттео — Гамба продолжалъ, къ нему
Навстрѣчу вышелъ — мы лихого
Поймали звѣри; но добыча эта
Намъ дорого досталася: двое изъ нашихъ
Легли.» — Кого? — «Саньеро, твоего
Прителя; вѣдь онъ и у тебя
Укралъ двухъ козъ.» — То правда: по
большая

Семья у бѣдняка; а голодь, знаешь,
 Не свой братъ. — «Вотъ стрѣлокъ! Отъ
 пась бы вѣрно
 Онъ ускользнулъ, когда бѣ не Фортунато,
 Мальчишка твой, помогъ намъ.» — Фортунато!

Маттео вскрикнулъ. — Фортунато! мать
 Со страхомъ повторила. — «Да! Саньеро
 Здѣсь въ сѣно спрятался; а Фортунато
 Его и выдать намъ; за это все вы
 Получите спасибо отъ начальства.» —
 Холоднымъ потомъ обдало Маттео;

Онъ въ хижины вошелъ. Тамъ сгери
 Вкругъ старика, который чуть дышалъ,
 Отъ раны изнемогши, суетились;
 И, чтобъ ему лежать покойнѣй было,
 Свои плащи постлали на носилки.
 Не шевелясь и молча, онъ смотрѣлъ
 На ихъ работу; но какъ скоро шумъ
 Услышалъ и, глаза поднявъ, увидѣлъ
 Въ дверяхъ стоящаго Маттео, громко
 Захохоталъ, и страшень былъ тотъ хохоть.
 Онъ плюнулъ на стѣну и, задыхаясь,
 Глухимъ, ошиплымъ голосомъ сказала:
 Будь проклятъ этотъ домъ; Гуды здѣсь
 Предатели живутъ! — Какъ полотно,
 Маттео поблѣднѣлъ и кулакомъ
 Себя ударилъ въ лобъ; онъ былъ, какъ
 мертвый,

Стоялъ безгласно. Вотъ ужъ старика
 Уклали на носилки, понесли
 Изъ хижины: вслѣдъ за другими Гамба,
 Хозяину пожавши руку, вышелъ;
 И вотъ ужъ все пропало за кустами...
 Маттео ничего не замѣчалъ;
 Онъ, губы стиснувъ, яростно и страшно
 Смотрѣлъ на сына. Фортунато, робко
 Подкраившися, хотѣлъ отцову руку
 Поцѣловать; Маттео взвизгнувъ: прочь!
 У мальчика подрѣзался ноги;
 Невъ силахъ былъ онъ убѣжать, и блѣдный,
 Къ стѣнѣ прижавшися, плакалъ и дрожалъ.
 «Моя ль въ немъ кровь?» сверкнувши
 на жену

Глазами тигра, закричалъ Маттео? —
 Вѣдь я жена твоя, она сказала,
 Вся покраснѣвъ. — «И онъ предатель!» —
 Тутъ

Рыдающая мать, взглянувъ на сына,

Увидѣла часы. — Кто далъ тебѣ ихъ?
 Она спросила. — «Дядя Гамба.» — Вырвавъ
 Съ свирѣлымъ бѣшенствомъ изъ рукъ у
 Часы, ударилъ оземь ихъ Маттео, (сына
 И въ дребезги онемъ разбилъ). Долго
 Потомъ, какъ будто въ забыты, стучалъ
 Ружьемъ онъ въ полъ; потомъ очнувшися,
 сыну
 Сказалъ: за мной! — И онъ пошелъ; за нимъ
 Пошелъ и сынъ. Неся ружье подъ мышкой,
 Онъ прямо путь направилъ къ лѣсу. Мать,
 Схвативъ его за воду платья: онъ
 Твой сынъ! твой сынъ! кричала. Вырвавъ
 Изъ рукъ ея, онъ пропесталъ: а я [полю
 Его отецъ, пусти. — Поцѣловавши
 Съ отчаяньемъ невыразимымъ сына,
 И руки судорожно сжавъ, въ дверяхъ
 Осталась мать, чтобы хотя глазами
 Ихъ проводить; когда жъ они изъ глазъ
 Вдали исчезли, плача и рыдая
 Передъ Мадонною она унала.

Маттео, въ лѣсъ вошедши, на полянѣ,
 Деревьями густыми окруженной,
 Остановился. Землю онъ ружьемъ
 Кошнулъ: земля рыхла. «Стань на колѣни,
 Ребенку онъ сказалъ, читай молитву.»
 Ставъ на колѣни, мальчикъ руки поднялъ
 Къ отцу, и завизжалъ: отецъ, прости
 Меня; не убивай меня, отецъ. —
 «Читай молитву.» — Мальчикъ, задыхаясь,
 Пролетѣлъ ео страхомъ: Отче нашъ
 И Богородицу. «Ты кончилъ?» — Нѣтъ,
 Еще одну я знаю литаню;
 Ее мнѣ выучилъ отецъ Франческо
 Велѣлъ. — «Она длинна; но съ Богомъ.» —

Дуломъ
 Ружья подиерши лобъ, онъ руки сжалъ
 И про себя за сыномъ повторилъ
 Его молитву. Кончивъ литаню,
 Сынъ замолчалъ. «Готовъ ты?» — Ахъ,
 отецъ,

Не убивай меня. — «Готовъ ты?» — Ахъ!
 Прости меня, отецъ. — «Тебя проститъ
 Всевышній Богъ.» И выстрѣлъ загрѣмѣлъ.
 Отъ мертваго отворотивъ глаза,
 Пошелъ назадъ Маттео. На погахъ онъ
 Былъ твердъ; но жизни не было въ его
 Лицѣ; съ подпорою старости своей
 И сердце онъ свое убилъ. Онъ шелъ

За заступомъ, чтобы могилу вырыть
И тѣло схоронить. Ему наветрѣчу,
Услышавъ выстрѣлъ, кинулась жена:
«Мое дитя! нашъ сынъ! что сдѣлалъ ты,
Маттео?» — Долгъ свой. Тамъ онъ на полянѣ
Лежить. Но немъ поминки будутъ: онъ,
Какъ христіанинъ, умеръ съ покаяшемъ;
Господь его младенческую душу
Помилуетъ и успокоитъ. Ты же,
Когда сберешься съ силой, объяви
Паоло, зяту нашему, мою
Рѣшительную волю, чтобъ онъ пынче жъ
Къ намъ на житье съ женой переселился.

КАПИТАНЪ БОППЪ.

К О В Ъ С Т Ъ.

На кораблѣ куческомъ Медузѣ,
Который плылъ изъ Лондона въ Востонъ,
Былъ капитаномъ Боппъ, морякъ некусный,
Но человекъ недобрый; онъ своихъ
Людей такъ притѣснялъ, былъ такъ без-
стыдно
Развратенъ, такъ ругался дерзко всякой
Святынѣй, что его весь экипажъ
Смертельно ненавидѣлъ; наконецъ
Готовъ былъ всыпнуть бунтъ и капи-
тану бѣ
Не одобровать... Но Богъ рѣшилъ иначе.
Вдругъ залпомъ опасно капитанъ;
Надъ кораблемъ команду припалъ штур-
манъ;
Большой же, всеми брошенный, лежалъ
Въ каютѣ: экипажъ рѣшилъ, чтобъ онъ
Безъ помощи издохъ, какъ зараженный
Чумой, и это съ злымъ смѣхомъ было
Ему объявлено. Ужъ дни четыре,
Сидѣемый болѣзнию, лежалъ
Одинъ онъ, и никто не смѣлъ къ нему
Войти, чтобы хоть каплею воды
Его языкъ изсохшій освѣжить,
Иль голову повисшую его
Подушкой подпереть, иль добрымъ словомъ
Его болную душу ободрить;
Онъ былъ одинъ, и страшно смерть глядѣла
Ему въ глаза. Вдругъ слышитъ онъ однажды,
Что въ дверь его вошли, и что ему
Сказалъ умильный голосъ: «каковы
Вы, капитанъ?» — То мальчикъ Робертъ
Ребенокъ лѣтъ двѣнадцати; ему [былъ,

Сталъ жалокъ капитанъ; но на вопросъ
Большой сурово отвѣчалъ: тебѣ
Какое дѣло? Убирайся прочь!
Однако на другой день мальчикъ снова
Вошелъ въ каюту и спросилъ: «не нужно ль
Чего вамъ, капитанъ?» — Ты это, Робертъ?
Чуть слышнымъ голосомъ спросилъ боль-
ной.

«Я, капитанъ.» — Ахъ, Робертъ, я страдалъ
Всю ночь. — «Позвольте мнѣ, чтобы я умылъ
Вамъ руки и лицо; васъ это можетъ
Немного освѣжить.» — Больной кивнулъ
Въ знакъ своего согласья головою.
А Робертъ, оказавъ ему услугу
Любви, спросилъ: «могу ли, капитанъ,
Теперь обриту васъ?» — Это также было
Ему позволено. Потомъ больного Робертъ
Тихою приподнял, его подушки
Поправилъ; наконецъ, смѣясь ставни,
Сказалъ: теперь я напою васъ чаемъ.
И капитанъ спокойно соглашался
На все; онъ глубоко вздыхалъ и съ грустной
Улыбкою на мальчика смотрѣлъ.
Увѣренъ будучи, что отъ своихъ
Людей онъ никакого милосердыя
Надѣяться не долженъ, въ злобѣ сердца
Рѣшился онъ ни съ кѣмъ не говорить
Ни слова. Лучше умереть сто разъ,
Онъ думалъ, чѣмъ отъ нихъ принять услугу.
Но милая заботливость ребенка
Всю внутренность его поколебала;
Цепримириная его душа
Смягчилась, и въ глазахъ его, дотолъ
Свирѣво мрачныхъ, выступили слезы.
Но дни его ужъ были сочтены;
Онъ видимо слабѣлъ и наконецъ
Увѣрился, что жизнь его была
На тонкомъ волоскѣ; и ужасъ душу
Его схватилъ, когда предстали разомъ
Ей смерть и вѣчность; съ страшнымъ
крикомъ совѣсть
Проснулася въ немъ; но ей не поддавался бы
Его желѣзная душа; онъ молча бѣ
Покинулъ свѣтъ, озлобленный, ни съ кѣмъ
Не примиренный, если бѣ милый голосъ
Ребенка, посланнаго Богомъ, вдругъ
Его не пробудилъ. И вотъ однажды
Когда, опять къ нему вошедши, Робертъ
Спросилъ: «не лучше ли вамъ капитанъ?»

Опъ престопаиъ отчаяно: ахъ! Робертъ, мнѣ тяжело; съ моимъ погибшимъ тѣломъ Становится ежминутно хуже.

А съ бѣдною моею душою!.. Что мнѣ дѣлать? Я великій нечестивецъ! Меня ждетъ адъ; я ничего иного Не заслужилъ; я грѣшникъ, я навѣкъ Погибшій человѣкъ.—«Нѣтъ, капитанъ, Васъ Богъ помируетъ; молитесь.»—Поздно Молитесь; для меня ужъ болѣ нѣтъ Надежды на спасенье. Что мнѣ дѣлать? Ахъ! Робертъ, что со мною будетъ?—Такъ Свое дотоль безчувственное сердце Опъ неповѣдывалъ передъ ребенкомъ; И Робертъ дѣлалъ все, чтобъ возбудить Въ немъ бодрость—но напрасно. Разъ, когда Непречеиому вошелъ въ каюту мальчикъ, Большой, едва дыша, ему сказалъ: Послушай, Робертъ, мнѣ пришла на умъ, Что, можешь быть, на кораблѣ найдется Евангеліе; попробуй, пощи.— И подлинно, евангеліе нашлося. Когда его больному подаль Робертъ, Въ его глазахъ сверкнула радость. Робертъ, Сказалъ онъ, это мнѣ поможетъ, вѣрно Поможетъ. Другъ, читай; теперь узнаю, Чего мнѣ ждать и въ чемъ мое спасенье. Сядь, Робертъ, здѣсь; читай; я буду слушать. «Да что же мнѣ читать вамъ, капитанъ?» — Не знаю, Робертъ; я ни разу въ руки Не бралъ евангелія; читай, что хочешь, Безъ выбора, какъ попадется.—Робертъ Раскрылъ евангеліе и сталъ читать, И два часа читалъ онъ. Капитанъ, Къ нему съ постели голову склонивъ, Его съ великой жадностію слушалъ; Какъ утопающій за доску, онъ За каждое хватался слово; но При каждомъ словѣ молніею страшной Душа въ немъ озарялась; онъ вполнѣ Все недостойнство свое постигнулъ, И правосудіе Творца предетало, Ему съ погибелью неизбѣжимой; Хотя и слышалъ онъ святое имя Спасителя, но вбрызгъ онъ не смѣлъ Спасенію. Оставшійся одинъ, Во всю ту ночь онъ размышлялъ о томъ, Что было читало; но въ этихъ мысляхъ Его душа отрады не нашла.

На слѣдующій день, когда опять Вошелъ въ каюту Робертъ, онъ ему Сказалъ: мой другъ, я чувствую, что мнѣ Земли ужъ не видать; со мною дѣло Идетъ къ концу поспѣшно; скоро буду Я брошенъ черезъ бортъ; но не того Теперь боюсь я... что съ моею душою, Съ моею бѣдною душою будетъ! Ахъ! Робертъ, я погибъ, погибъ навѣкъ! Не можешь ли помочь мнѣ? Помолися, Другъ, за меня. Вѣдь ты молитвы знаешь? — «Нѣтъ, капитанъ; я ни какой другой Молитвы, кромѣ *Отче нашъ* не знаю; Я съ матерью вездѣвно поутру И ввечеру ее читалъ.»—Ахъ! Робертъ, Молися за меня; стай на колѣна; Проси, чтобъ Богъ явилъ мнѣ милосердіе; За это онъ тебя благословитъ. Молися, другъ, молися о моемъ Отверженіи, безбожномъ капитанѣ. — Но Робертъ медлялъ; а большой его Просилъ и убѣждалъ, ежминутно Со стономъ восклицая: Царь небесный, Помилуй грѣшника меня. И оба Рыдали.—Ради Бога на колѣна Стань, Робертъ, и молися за меня. — И увлеченный жалостію мальчикъ Сталъ на колѣна и, сложивши руки, Въ слезахъ восклицалъ: «Господи, помилуй «Ты моего больного капитана. «Онъ хочетъ, чтобъ Тебѣ я за него «Молился—я молиться не умѣю. «Умилосердись Ты надъ нимъ; онъ бѣдный «Боятся, что ему погибнуть должно — «Ты, Господи, не дай ему погибнуть. «Онъ говоритъ, что быть ему въ адъ — «Ты, Господи, возьми его на небо; «Онъ думаетъ, что дьяволъ овладѣетъ «Его душой—Ты, Господи, вели, «Чтобъ ангелъ Твой вступился за него. «Мнѣ жалокъ онъ; его больного всѣ «Покинули; но я, пока онъ живъ, «Ему служить не перестану; только «Снасти его я не умѣю; скажешь «Надъ нимъ Ты, Господи, и паучи «Меня молиться за него.» — Большой Молчалъ; невпниость чистая, съ какою Ребенокъ за него молился, всю Его проникла душу; онъ лежалъ

Недвижимъ, стиснувъ руки, погрузивъ
 Въ подушки голову и слезъ потоки
 Изъ глазъ его бѣжали. Робертъ, кончивъ
 Свою молитву, вышелъ; онъ былъ также
 Встревоженъ; долго онъ, едва дышанье
 Перевода, на палубѣ стоялъ
 И перегнувшись черезъ бортъ, смотрѣлъ
 На волны. Вечеру онъ, возвратившись
 Къ больному, до ночи ему читалъ
 Евангеліе, и капитанъ его
 Съ невыразимымъ слушалъ умищеньемъ.
 Когда же Робертъ на другое утро
 Опять явился, онъ былъ пораженъ,
 Взглянувъ на капитана, перемѣной,
 Въ немъ происшедшей: страхъ, который такъ
 Усидивалъ естественную дикость
 Его лица, поспѣваго глубокой
 Страстей и бурь душевныхъ отпечатокъ,
 Исчезъ; на немъ сквозя покрывала скорби,
 Сквозь блѣдность смертнуй сіяло что-то
 Смирненное, веселое, святое,
 Какъ будто лучъ той свѣтлой благодати,
 Которая отъ Бога къ намъ на вошь
 Молящаго раскаяннѣя нисходитъ.
 Ахъ! Робертъ, тихимъ голосомъ больной
 Сказалъ, какую ночь провелъ я! Что
 Со мною было! Я того, мой другъ,
 Словами выразить не въ силахъ. Слушай:
 Когда вчера меня оставилъ ты,
 Я впасть въ какой-то полусонъ; душа
 Была полна евангеліекой святыней,
 Которая проникнула въ все,
 Когда твое я слушалъ чтенье; вдругъ
 Передъ собою, здѣсь, въ ногахъ постели,
 Увидѣлъ я—кого же? Самою
 Спаителя Христа; Онъ пригвожденъ
 Былъ ко кресту; и показалось мнѣ,
 Что будто всталъ я и припалъ къ Его
 Ногамъ и закричалъ, какъ тотъ слѣпой,
 О коемъ ты читалъ мнѣ: сынъ Давидовъ,
 Иисусъ Христею, помилуй. И тогда
 Мнѣ показалось, будто на меня—
 Да! на меня, мой другъ, на твоего
 Злодѣя капитана онъ взглянулъ...
 О, какъ взглянулъ! какими описать
 Словами этотъ взглядъ! Я задрожалъ;
 Вся къ сердцу кровь прихлынула; душа
 Наполнилась тоскою смерти; въ страхъ,
 Но и съ надеждой, я къ Нему поднятъ

Осмѣлился ггаза... и что же? Онъ...
 Да, Робертъ!.. Онъ отверженному мнѣ
 Съ небесной милостію улыбулся!
 О! что со мною сдѣлалось тогда!
 На это словъ языкъ мой не имѣть.
 Я на Него глядѣлъ... глядѣлъ... и ждалъ...
 Чего я ждалъ? Не знаю; но о томъ
 Мое трепещущее сердце знало.
 А Онъ съ креста, который всею былъ кровью,
 Бѣжавшею изъ рапъ Его, облитъ,
 Смотрѣлъ такъ благодію, съ такой при-
 И пѣжной жалостію на меня... [скорбной
 И вдругъ Его уста пошевельнулись,
 И я Его услышалъ голосъ... чистый,
 Пронзающій всю душу, сладкій голосъ;
 И Онъ сказалъ мнѣ: ободрись и вѣруй!
 Отъ радости разорвалось сердце
 Въ моей груди, и я передъ крестомъ
 Упалъ съ рыданіемъ и крикомъ... но
 Видѣніе исчезло; и тогда
 Очнулся я; мои глаза открылись...
 Но сонъ ли это былъ? Нѣтъ, не сонъ.
 Теперь я знаю: *Тотъ* меня спасеть,
 Кто ко кресту за всѣхъ и за меня
 Былъ пригвожденъ; я вѣрую тому,
 Что Онъ сказалъ на Вечери Святой,
 Переломивши хлѣбъ и вливши въ чашу
 Вино во оставленіе грѣховъ.
 Теперь ужъ мнѣ не страшно умереть;
 Мой Искупитель живъ; мои грѣхи
 Мнѣ будутъ прощены. Выздоровленія
 Не жду я боаѣе и не желаю;
 Я чувствую, что съ жизнію разетаться
 Мнѣ должно скоро; и се поклонитъ
 Теперь я радъ...— При этомъ словѣ Робертъ,
 Дотолъ плакавшій въ молчаньи, вдругъ
 Съ рыданіемъ воскликнулъ: «капитанъ,
 «Не умирайте; нѣтъ, вы не умрете.»—
 На то больной съ усмѣшкой отвѣчалъ:
 Не плачь, мой добрый Робертъ; Богъ явилъ
 Свое мнѣ милосердіе; и теперь
 Я счастливъ; по тебя мнѣ жалъ, какъ сына
 Родного жалъ; ты долженъ здѣсь остаться
 На кораблѣ межъ этихъ нечестивыхъ
 Людей, одинъ, неопытный ребенокъ...
 Съ тобою будетъ то же, что со мной!
 Ахъ! Робертъ, берегись, не попади
 На страшную мою дорогу; видишь,
 Куда ведетъ она. Твоя любовь

Ко мнѣ была, другъ милый, велика;
Тебѣ я всёмъ обязанъ; ты мнѣ Богомъ
Былъ посланъ въ страшный часъ... ты ука-
залъ мнѣ,

В самъ того не зная, путь спасенья;
Благороди тебя за то Всевышній!
Другимъ же всёмъ на кораблѣ скажи
Ты отъ меня, что я прошу у нихъ
Прощенья, что я самъ ихъ всёхъ прощаю,
Что я за нихъ молюсь.—Весь этотъ день
Болезной провелъ спокойно; онъ съ глу-
бокимъ

Вниманіемъ евангеліе слушалъ.
Когда жъ настала ночь, и Робертъ съ
нимъ

Простился, онъ его съ благословеньемъ,
Любовію и грустью проводилъ
Глазами до дверей каюты. Рано
На слѣдующій день приходитъ Робертъ
Въ каюту; двери отворивъ, онъ видитъ,
Что капитана нѣтъ на прежнемъ мѣстѣ:
Поднявшися съ подушки, онъ приползъ
Къ тому углу, гдѣ крестъ ему во снѣ
Явился; тамъ, къ стѣнѣ оборотясь
Лицомъ, въ дугу согнувшись, головой
Прижавъ къ постелѣ, крѣпко стиснувъ
руки,

Лежалъ онъ на колѣняхъ. То увидя,
Встревоженный, въ дверяхъ каюты Ро-
бертъ

Остановился. Онъ глядитъ и ждетъ,
Не смѣя тронуться; минулы двѣ
Прошло... и вотъ онъ наконецъ шепнулъ
Тихонько: капитанъ!—отвѣта нѣтъ.
Онъ, два шага ступивъ, шепнулъ опять
Погромче: капитанъ! но тихо все;
И все отвѣта нѣтъ. Онъ подошелъ
Къ постелѣ. Капитанъ! сказалъ онъ вслухъ.
Но презлему все тихо. Онъ рукой
Его ноги коснулся: холодна
Пога, какъ ледъ. Въ испугѣ закричалъ
Онъ громко: капитанъ! и за плечо
Его схватилъ. Тутъ положенье тѣла
Перебѣнилось; медленно онъ навзничъ
Упалъ; и тихо голова легла
Сама собою на подушку; были
Глаза закрыты, щеки блѣдны, видъ
Спокоенъ, руки сжаты на молитву.

1844.

ДВѢ ПОВѢСТИ.

Подарокъ на новый годъ издателю «Москви-
тнина».

[изъ шамиссо и рюккерта].

Дошли ко мнѣ на берегъ Майна слухи,
Что ты, Кпрѣвскій, сталъ и москвичъ
И «Москвитянинъ». Въ добрый часъ,
принятъся

Давнымъ давно пора тебѣ за дѣло.
Меня жъ взяла охота подарить
Тебя и твой журналъ на новый годъ
Своимъ добромъ, чтобъ старости своей
По старому хотя на мигъ одинъ
Дать съ молодостью вашей разгуляться.
Но чувствую, что на пиру ея,
Гдѣ все кинить, поеть, кружится, блещеть,
Неловко старику; на вашъ узлъ ладъ
Мнѣ не постоя; дѣла измѣнили
Мою поэзію; она теперь,
Какъ я, состарѣлась и пресмирѣла;
Не увлекается хмѣльнымъ восторгомъ;
У рубежа вечерней жизни сядя,
На прошлое безъ грусти обращаетъ
Глаза и, думая о томъ, что настъ
Въ грядущемъ ждетъ, молчитъ. Но все однако
На новый годъ мнѣ *должно* подарить
Тебя и твой журналъ. Другъ, даровому
Копю, ты знаешь самъ, не смотря въ зубы.
И такъ прошу принять мой легиъ вдовицы.

Недавно мнѣ случилось найти
Преданіе о древнемъ Александрѣ
Въ Талмудѣ. Я хочу преданіе это
Здѣсь разеказать такъ точно, какъ оно
Разказано въ еврейской древней книгѣ.
Черезъ пещаную пустыню шелъ
Съ своею ратью Александръ; въ страну,
Лежавшую за рубежомъ пустыни,
Онъ несъ войну. И вдругъ пришелъ къ рѣкѣ
Широкой онъ. Измученный путемъ
По знойному цеску, на тучномъ брегѣ
Рѣки онъ рать остановилъ; и скоро все
Она заснула въ глубинѣ долины,
Прохладою потока освѣженной.
Но Александръ заснуть не могъ; и въ зной,
И посреди спокойствія долины,
Гдѣ не было слѣда тревогъ житейскихъ,
Истерзанной онъ кивѣлъ душою;

Не и мигъ покоя раздражалъ;
 Погибель войскъ, разрушенныя тропы,
 Побѣда, власть, вселенной рабство, слава
 Посилися предъ ней, какъ привидѣнья.
 Онъ подошелъ къ потоку, наклонился,
 Рукою зачерпнулъ воды студеной
 И пилъ; и чудно освѣжила
 Божественно-цѣлительная влага
 Его все члены; въ грудь его проникла
 Удвоенная жизнь. И понялъ онъ,
 Что изъ страны, благословенной небомъ,
 Такой потокъ былъ долженъ вытекать,
 Что близъ его истоковъ надлежало
 Цвѣти земному счастію; что вѣрно
 Тамъ въ благоденствіи, въ богатствѣ, въ мирѣ
 Свободныя народы ликовали.
 Туда! туда! съ мечомъ, съ огнемъ войны!
 Моей они должны поддаться власти,
 И отъ меня удѣлъ счастливый свой
 Принять, какъ даръ моей щедроты нареккой.
 И онъ велѣлъ гремѣть трубъ военной;
 И раздалась труба, и пробудилась,
 Минутный сонъ вкусивши, рать; и быстро
 Ея потокъ, кипящій истребленьемъ,
 Вдоль мирныхъ береговъ рѣки прекрасной
 Къ ея истокамъ свѣтлымъ побѣжалъ.
 И много дней, не достигая цѣли,
 Велъ Александръ свои полки. Куда же
 Онъ наконецъ привелъ ихъ? Ко вратамъ
 Эдема. Но предъ нимъ не отворился
 Эдемъ; былъ стражъ у вратъ съ такимъ
 ужасно
 пылающимъ мечомъ, что задрожала
 И Александра душа, его
 Увидя. Стой, сказалъ приврагникъ чудный,
 Бто бъ ни былъ ты, сюда дороги нѣтъ.
 «Я царь земли, воскликнулъ Александръ,
 Прогнѣванный нежданнмъ запреще-
 ньемъ.» —
 Царемъ земныхъ царей я здѣсь поста-
 вленъ. —
 «Я Александръ!» — Ты самъ своей приговоръ,
 Назвавшись, произнесъ; одинъ страстей
 Мятезныхъ обуздатели, одинъ
 Душой смиренныя вратами жизни
 Вступаютъ въ рай; тебѣ жъ подобнымъ, міра
 Грабителямъ, ненасытно жаднымъ,
 Рай затворенъ. На это Александръ:
 «Итакъ, назадъ мнѣ должно обратиться,

Тогда, какъ я уже стоялъ ногой
 На этихъ ступеняхъ, туда проникнувъ,
 Гдѣ отъ созданія міра ни одинъ
 Изъ смертныхъ не бывалъ. По крайней мѣрѣ
 Дай знаменіе мнѣ, чтобы могла
 Провѣдать вся земля, что Александръ
 У вратъ Эдема былъ.» На это стражъ:
 Вотъ знаменье; да просиѣтитъ оно
 Твой темный умъ высокими разумѣньемъ;
 Возьми. — Онъ взялъ; и въ путь пошелъ
 обратный;
 А на пути, созвавши мудрецовъ,
 Передъ собою знаменье велѣлъ
 Имъ изъяснить. Миѣ! повторялъ онъ въ
 гнѣвѣ,
 Миѣ! Александру! даръ такой презрѣнный!
 Кусокъ истлѣвшей кости! — Сынъ Филип-
 повъ,
 На то сказалъ одинъ изъ мудрецовъ,
 Не презирай истлѣвшей этой кости,
 Умѣй спросить и дать тебѣ отвѣтъ.
 Тутъ принести велѣлъ мудрецъ вѣсы;
 Одну изъ чашъ онъ золотомъ наполнилъ;
 Въ другую чашу кость онъ положилъ,
 И... чудо! золото перетянуло
 Кость. Изумился Александръ онъ вдвое
 Велѣлъ насыпать золота; онъ самъ
 Свой скипетръ золотой, свою корону,
 И съ ними тяжкій мечъ свой бросилъ въ
 Ни на волосъ она не опустилась. [чашу —
 Затрепетала на тронѣ царь могучій;
 И онъ спросилъ: какою тайной силой
 Нарушенъ вдѣсь законъ природы? Чѣмъ
 Ей власть ей возможно возвратить? —
 Щепоткою земли, сказалъ мудрецъ.
 И бросилъ онъ на кость земли щепотку:
 И чаша съ костью быстро поднялась,
 И быстро чаша съ золотомъ упала.
 Мудрецъ сказалъ: великій государь,
 Былъ нѣкогда подобный твоему
 Разрушенъ черепъ; въ немъ же эта кость
 Была частицей внадины, въ которой
 Глазъ, твоему подобный, заключался.
 Глазъ человѣческій въ объемѣ малъ;
 Но съ ненаслитной жадностью объемлетъ
 Онъ все, что насъ здѣсь въ области видѣній
 Такъ увлекательно плѣняетъ; цѣлый
 Онъ міръ готовъ сожрать голоднымъ взоромъ.
 Все золото земное всыпьте въ чашу,

Всѣ скинотры и всѣ короны бросьте
 На золото... все будетъ мало; но
 Покрой его щепоткою земли—
 И пропадетъ его ненасытимость;
 Символъ легкій праха грузъ ужь не пробьется
 Опъжаднымъ взоромъ. Тыжъ, великій царь,
 Въ семь знаменъи уразумѣй прямое
 Значеніе и времени и жизни.

Ненасытности передъ тобою
 Лежитъ символъ въ негдѣшней этой кости.
 Но царь вшмалъ съ пониженной головой;
 Съ челою нахмуреннымъ. Вдругъ опъ

Сверкнулъ на всѣхъ могучимъ окомъ льва;
 И возгласилъ такъ громко, что скалы
 Окрестныя ужасный дали голосъ:

Греми труба! впередъ, мои дружины!
 Жизнь коротка; уходитъ время; стыдъ
 Тому, кто жизнь и время праздню тратитъ.
 И вихрями взвился песокъ пустыни;
 И рать великая, какъ змѣй съ открытымъ
 Голоднымъ зѣвомъ, шумно побѣжала
 Въ предѣлахъ Индіи. Завоеватель
 Потоками лилъ кровь, и побѣждалъ,
 И съ каждою побѣдой разгорался
 Сильнѣйшею жаждою побѣды новой,
 И наконецъ они ему щепоткой
 Земли глаза покрыли—онъ утихъ.

Но кажется, почтенный Москвитянинъ,
 Что мой тебѣ подарокъ въ новый годъ,
 Некстати мраченъ: гробовая кость,
 Земля могильная, ничтожность славы,
 Тщета величій... въ новый годъ дарить
 Такимъ добромъ неумно; виноватъ,
 И вотъ тебѣ рассказъ повеселѣе.

Жилъ на востокѣ царь; а у царя
 Жилъ во дворцѣ мудрецъ: онъ назывался
 Керимъ, и царь его любилъ, и съ нимъ
 Бесѣдовалъ охотно. Разъ случилось,
 Что задалъ царь такой вопросъ Кериму:
 Съ чѣмъ можемъ мы сравнить земную жизнь
 И свѣтъ? Но на вопросъ мудрецъ не вдругъ
 Отвѣтствовалъ; онъ попросилъ отерочки
 Сначала на день, послѣ на два, послѣ
 На цѣлую недѣлю; наконецъ
 Пришелъ къ царю и такъ ему сказалъ:
 «Вопросъ твой, государь, неразрѣшимъ.
 Мой слабый умъ его обнять не можетъ;

Позволь людей мудрѣйшихъ мнѣ спросить».
 И въ путь Керимъ отправился нескать
 Отвѣта на вопросъ царя. Сначала
 Онъ повѣтилъ одинъ богатый городъ,
 Гдѣ, говорили, находился славный
 Философъ; но философъ тотъ имѣлъ
 Великолѣпный домъ, былъ другъ сердечный
 Царя, жилъ самъ, какъ царь, и увивался
 Изъ полной чаши сладостію жизни.
 Керимъ ему вопросъ свой предложилъ.
 Онъ отвѣчалъ: «свѣтъ уподобить можно
 Великолѣпной пировой палатѣ,
 Гдѣ всякій часть открытій естоль—садилъ
 Кто хочетъ и нируй. Надъ головою
 Гостей горять и ходить звѣзды неба;
 Ихъ слухъ плѣбляютъ звонкимъ хоромъ
 Птицы;

Для нихъ цвѣты благоуханно дышатьъ,
 А на столахъ предъ ними безъ числа
 Стоять съ зѣною блюда золотыя,
 И ягтаремъ кипящимъ въ чашахъ блещетъ
 Вино; и все кругомъ ласкаетъ чувства.
 И гости весело сидятъ другъ съ другомъ,
 Бесѣдуютъ, смѣются, шутятъ, спорятъ;
 И новыя подходятъ безпрестанно;
 И каждому есть мѣсто; кто жъ довольно
 Намытился, встаетъ, и съ тѣми, кто
 Сидѣли съ нимъ, протясъ, уходитъ спать
 Домой, хозяину сказавъ: спасибо
 За угощенье. Вотъ и свѣтъ и жизнь.»

Керимъ философу не отвѣчалъ
 Ни слова; онъ печально съ нимъ простился
 И далѣе побѣжалъ; про себя же
 Такъ разсуждалъ: твоя картина, другъ
 Философъ, невѣрна; не всѣ мы здѣсь
 Съ гостями шьемъ, зѣдимъ и веселимся;
 Не мало есть голодныхъ, одинокихъ
 И плачущихъ.—Кериму тутъ сказали,
 Что недалеко жилъ въ густомъ лѣсу
 Отшельникъ набожный, смиренномудрый.
 Ему убѣжищемъ была пещера:
 Онъ спать на голомъ камнѣ; бѣлъ одинъ
 Коренья, лилъ лишь воду; дня и ночи
 Всѣ проводилъ въ молитвѣ. И немедля
 Къ нему отправился Керимъ. Отшельникъ
 Вму сказалъ: «послушай; черезъ степь
 Однажды велъ верблюда путникъ; вдругъ
 Верблюдъ озялъ, началъ странно фыр-
 кать,

Храпѣть, бросаться; путникъ испугался
 И побѣжалъ; верблюду за нимъ. Куда
 Укрыться? Стѣна пуста. Но вотъ увидѣлъ
 У самой онъ дороги водоемъ
 Ужасной глубины, но безъ воды;
 Изъ пѣдра темнаго его торчали
 Вѣтвями длинными кусты малины,
 Разросшейся межъ трещинами стѣнъ,
 Покрытыхъ мохомъ старины. Въ него
 Гоимый бѣшенымъ верблюдомъ путникъ
 Въ испугѣ прынулъ; онъ за гибкій сукъ
 Малины ухватился и повисъ
 Надъ темной бездною. Голову поднявъ,
 Увидѣлъ онъ разинутую пасть
 Верблюда надъ собою: его схватить
 Рвался ужасный звѣрь. Онъ опустилъ
 Глаза ко дну пустаго водоема:
 Тамъ змѣй ворочался, и на него
 Зіялъ голоднымъ звонкомъ, ожидая,
 Что онъ, съ куста сорвавшись, упадетъ.
 Такъ онъ висѣлъ на гибкой тонкой вѣткѣ
 Межъ двухъ погибелей. И что жъ еще
 Ему представилося? Въ томъ самомъ мѣстѣ,
 Гдѣ кустъ малины (за который онъ
 Держался) корнемъ въ землю сквозь проломъ
 Стѣны состарѣвшейся водоема
 Входилъ, двѣ мыши, бѣлая одна,
 Другая черная, сидѣли рядомъ
 На корнѣ, и его поочередно
 Съ большою жадностію грызали, землю
 Со всѣхъ сторонъ скребили, и обнажали
 Всѣ вѣтви корня, а когда земля
 Шумѣла, падая на дно, оттуда
 Выглядывалъ проворно змѣй, какъ будто
 Спѣша провѣдать, скоро ль мыши корень
 Перегрызутъ, и скоро ль съ ношей кустъ
 Къ нему на дно обрушится. Но что же?
 Вися надъ этимъ страшнымъ дномъ, безъ
 всякой
 Надежды на спасенье, вдругъ увидѣлъ
 На ближней вѣткѣ пушинокъ много ягодъ
 Малины, зрѣлыхъ, крупныхъ: сильно
 Желаніе полакомиться ими
 Зажглося въ немъ; онъ все тутъ позабылъ:
 И грознаго верблюда надъ собою,
 И подъ собою на днѣ далекомъ змѣя,
 И двухъ мышей коварную работу;
 Оставилъ онъ вверху храпѣть верблюда,
 Внизу зіять голодной пастью змѣя,

И въ сторонѣ грызть корень и копать
 Въ земаѣ мышей — а самъ, рукою до-
 бравшись
 До ягодъ, началъ ихъ спокойно рвать
 И ѣсть; и страхъ его пропалъ. Ты спросишь:
 Кто этотъ жалкій путникъ? *Человѣкъ.*
 Пустыня жъ съ водоемомъ *святъ*; а путь
 Черезъ пустыню наша *жизнь* земная;
 Гопящаяся за путникомъ верблюдъ
 Есть врагъ души, тревогъ создатель, *грѣхъ*;
 Намъ гибелью грозить онъ; мы жъ безпечно
 На вѣткѣ трепетной висимъ надъ бездною,
 Гдѣ въ темнотѣ могильной скрыта *смерть* —
 Тотъ змѣй, которъй, пасть разинувъ, ждетъ,
 Чтобъ вѣтка тонкая переломилась.
 А мыши? Ихъ названье *день* и *ночь*;
 Безъ отдыха, смѣнялся, онъ
 Работаютъ, чтобъ сукъ твой, вѣтку жизни,
 Которая межъ смертію и свѣтомъ
 Тебя невѣрно держитъ, перегрызть;
 Прилежно черная грызетъ всю почву,
 Прилежно бѣлая грызетъ весь депъ;
 А ты, прельщенный ягодой душистой,
Усладой чувствъ, желаній утоленьемъ,
 Забылъ и грѣхъ — верблюда въ вышинѣ,
 И смерть — внизу зіяющаго змѣя,
 И быструю работу дня и ночи —
 Мышей грызущихъ тонкій корень жизни;
 Ты все забылъ — тебя манитъ одно
 Неѣрное минуты наслажденье.
 Вотъ свѣтъ и жизнь и смертный человѣкъ.
 Довольно ли ты повѣству моему?»
 Керемъ отшельнику не отвѣчалъ
 Ни слова; онъ печально съ нимъ простился
 И далѣе поѣхалъ; про себя же
 Такъ разеуждалъ: святой отшельникъ, твой
 Разказъ замысловатъ, но моего
 Вопросы онъ еще не разрѣшилъ;
 Не такъ печальна наша жизнь, какъ стѣшъ,
 Ведущая къ одной лишь безднѣ смерти;
 И не однимъ минутнымъ наслажденьемъ
 Плъяется безпечно человѣкъ.
 И ѣхалъ онъ, куда глаза глядятъ.
 Вотъ повстрѣчался съ нимъ какой-то
 странный,
 Убогимъ рубищемъ покрытый путникъ.
 Онъ шелъ босой; черезъ плечо висѣла
 Котомка; въ ней же было много хлѣба,
 Плодовъ и всякаго добра; онъ самъ,

Казалось, былъ всеелаго ума,
Глаза его сверкали острою
И на лицѣ пріятно выражалось
Прогосердечіе. Керимъ подумалъ:
Здамъ ему на всякій случай мой
Вопросъ! Быть можетъ, дѣло скажетъ этотъ
Чудакъ. И онъ у нищаго спросилъ:
Съ чѣмъ можно намъ сравнить земную жизнь
И свѣтъ?—На это у меня въ запасѣ
Есть повѣсть, нищій отвѣчалъ. Послушай:
Одинъ *нймой* сказалъ *слыному*: если
Увидишь ты *арфиста*, попроси
Его ко мнѣ, чтобъ сына моего,
Въ увялость внадшаго, своей игрою
Развеселилъ. На то сказалъ *слыной*:
Такого мнѣ *арфиста* ужъ случалось
Видать здѣсь; я *безногаго* за нимъ
Отправлю; онъ его въ одну минуту
Найдетъ. *Безногий* побѣжалъ и скоро
Нашелъ *арфиста*; былъ *арфистъ* безъ

рукъ,
Но онъ упрямитя не сталъ, и такъ
Прекрасно началъ на безструнной арфѣ
Играть, что меланхоликъ безъ ума
Раехотался; то *слыной* увидя,
Всплеснулъ руками; вѣдухъ *нймой* хвалить
Сталъ музыканта, а *безногий* началъ
Плясать и такъ распрятался, что много
Сбѣжалось людей, и изъ толпы
Вдругъ выскочилъ *дуракъ*: онъ изъяснилъ
Арфисту, прыгнувъ и вѣвъ другия
Свое благоволеніе. Мимо ихъ
Прошла тиховько *мудрость*, и, увидя,
Что дѣлалось, шеннула про себя:
Таковъ смѣшной, безумный, жалкій свѣтъ,
И такова на свѣтѣ наша жизнь.
Довольсь ли ты повѣстью моею?
Керимъ прохожему не отвѣчалъ
Ни слова; онъ печально съ нимъ простился
И далѣе побѣжалъ; про себя же
Такъ разеуждалъ: затѣливъ твой рассказъ;
Но моего вопроса не рѣшилъ онъ.
Хотя мы въ жизни много нуетоу,
Дурачества и лжи встрѣчаемъ, но
И вышняя значительность и правда
Святая въ ней заключены благимъ
Создателемъ. Подумавъ такъ, рѣшился
Керимъ отправиться въ обратный путь,
Чтобъ довести царю, что никакого

Не удалось ему найти отвѣта
На заданный вопросъ. Дорогой онъ
Молился Богу, чтобъ своею правдою
Богъ просвѣтилъ его разсудокъ темный,
И жизни таинство ему отгрымъ.
И предъ паря явился онъ съ веселымъ
Лицомъ, и все, что свѣдалъ отъ другихъ,
Ему пересказалъ; а царь спросилъ:
«Что жъ напостѣдокъ самъ теперь, Керимъ,
Ты думаешь?»—Сперва благоволи,
Сказалъ Керимъ, услышать, что со мною
Самымъ случилось на пути. Известно
Тебѣ, что я лишь только по твоей
Высокой волѣ въ этотъ трудный путь
Отправился, что, милостію царской
Храшмый, я вездѣ проводниковъ
Имѣлъ, и нищу находилъ дневную,
И никакихъ не испыталъ тревогъ.
Что жъ на дорогѣ добраго, худаго
Мнѣ повстрѣчалось, о томъ нѣтъ нужды
Упомянуть—оно ничто въ сравненіи
Съ той бездной благъ, какими ты такъ щедро,
Мой царь, меня осыпалъ. И мое
Одно желаніе было: *угодить*
Тебѣ, съ усердіемъ стараясь правду
Найти между людьми, чтобъ, возвратившись,
Тебѣ отчетъ принести въ своихъ трудахъ.
Теперь ты самъ рѣши по царской правдѣ:
Достоинъ ли я милости твоей?
Царь, не сказавъ ни слова, подаль руку
Въ знакъ милости Кериму. Умиленно
Керимъ ее поцѣловалъ; потомъ
Примолвилъ: такъ я думалъ про себя
Во время странствія. Но, подходя
Къ твоимъ палатамъ царскимъ и, печалаясь,
Что безъ малѣйшаго передъ тобою
Заслуги нымъ я къ тебѣ, мой царь,
Былъ долженъ возвратиться, вдругъ у самой
Обители твоей, какъ скорлуна
Съ моихъ упала глазъ и я постигнулъ,
Что наша жизнь есть *странствие по свѣту*
Такое жъ какъ мое, во исполненіе
Верховной воли высшаго царя.
Мудрецъ умолялъ; а царь ему сказалъ:
Другъ вѣрный, будь моимъ отцомъ отнынѣ.

И для тебя, мой добрый Москвитянинъ,
Какъ и для всѣхъ, въ обихъ повѣстяхъ
Полезное найдется наставленіе.

Хотя урокъ, такъ безусловно данный
 Эдемской костью Александру, болѣ
 Земнымъ царямъ приличенъ; но и ты,
 Какъ журналистъ, воспользоваться имъ
 Удобно можешь: будь въ своемъ журналѣ
 Другъ твердый, а пезлой набѣдникъ правды;
 Съ журналами другими не воюй;
 Ни съ *Библіотекой для чтенья*, ни
 Съ *Записками*, ни съ *Сѣвѣрной Пчелою*,
 Ни съ *Русскимъ Вѣстникомъ*; живи и
 Давай другимъ; и обладать одинъ [жить
 Вселенною читателей не мысли.
 Другой же повѣсти я толковать
 Тебѣ не стану; мнѣ дано извѣстно,
 Что ты, идя своею земной дорогой,
 Смирешно вѣдаешь: куда, зачѣмъ
 И *кто* тебѣ по ней идти велитъ.

1845.

ВЫБОРЪ КРЕСТА.

повѣсть.

[изъ шамиссо].

Усталый шелъ кругой горою путникъ;
 Съ усиленіемъ передвигая ноги,
 По гладкимъ оуп скаламъ горы тащился
 И наконецъ достигъ ея вершины.
 Съ вершины той широкая открывалась
 Равнина, вся облитая лучами
 На край небесъ склонившаго солнца:
 Свершивъ свой путь, великое свѣтло
 Послѣдними лучами озаряло,
 Прощаясь съ нимъ, полудаснувшій міръ,
 И былъ покой повсюду несказанный.
 Угѣшенный видѣніемъ такимъ,
 Сталъ странникъ на колѣна, прочитавъ
 Вечернюю молитву и потомъ
 На благовопомъ донѣ муравы
 Простерся, и сошелъ ему на вѣжды
 Миротворящій сонъ, и сповидѣльемъ,
 Былъ духъ его изъ брешня тѣлесной
 Темницы извлеченъ. Предъ нимъ явилось
 Господнимъ ликомъ пламенное солнце,
 Господнею одеждой твердь небесъ,
 Подожіемъ Господнихъ ногъ земля;
 И къ Господу воскликнулъ оуп: отецъ!
 Не отвратись во гнѣвъ отъ меня,
 Когда всю слабость грѣшныя души
 Я исповѣдую передъ тобою.

Я знаю: каждый, кто здѣсь отъ жены
 Рождень, свой крестъ нести покорно долъ
 Но тяжестью не все кресты равны; [женъ;
 Мой слишкомъ мнѣ тяжелъ, не по моимъ
 Оуп силамъ; облегчи его, или оуп
 Меня раздавить и моя душа
 Погибнетъ. Такъ въ безсмыслии оуп Бога
 Всевышняго молилъ, и вдругъ великій
 Повѣялъ вѣтеръ; и его умчало
 На высоту неодолимой силой;
 И оуп себя во храминѣ увидѣлъ,
 Гдѣ множество безчисленное было
 Крестовъ; и оуп потомъ услышалъ голосъ:
 «Передъ тобою все кресты земные
 «Здѣсь собраны; какой ты самъ изъ нихъ
 «Захочешь взять, тотъ и возьми.» И началъ
 Кресты оуп разбирать, и тяжесть ихъ
 Испытывать и каждый класть на плечи,
 Дабы узнать, какой нести удобнѣй.
 Но выбрать было нелегко: одинъ
 Былъ слишкомъ для него великъ; другой
 Тяжелъ; а тотъ, хотя и не великъ
 И не тяжелъ, по неудобенъ, рѣзаль
 Краямъ острыми ему оуп плечи;
 Иной былъ слитъ изъ золота, за то
 И не въ подъемъ, какъ золото. И словомъ
 Ни одного креста не могъ оуп выбрать,
 Хотя и все пересмотрѣлъ. И снова
 Ужь начинать хотѣлъ оуп пересмотръ;
 Какъ вдругъ увидѣлъ оуп простой, имъ
 прежде
 Оставленный безъ замѣчанья крестъ;
 Былъ нелегокъ оуп, правда, былъ изъ
 твердой
 Сработанъ пальмы; по за то, какъ будто
 По мѣркѣ для него былъ сдѣланъ, такъ
 Ему прилежя по плечу оуп ловко.
 И оуп воскликнулъ: Господи! позволь мнѣ
 Взять этотъ крестъ. И взялъ. Но что же?—
 Оуп
 Былъ самый тотъ, который оуп ужъ неслъ.

ТОЛЬЯННОЕ ДЕРЕВО.

сказка.

Однажды жилъ, не знаю гдѣ, богатый
 И добрый человекъ. Оуп былъ жепать,
 И всей душой любилъ свою жепу;
 Но не было у нихъ дѣтей; и это
 Ихъ сокрушало, и они молились,

Чтобы Господь благословилъ ихъ бракъ;
 И къ Господу молитва ихъ достигла.
 Былъ садъ кругомъ ихъ дома; на поляхъ
 Тамъ дерево тюльпанное росло.
 Подъ этимъ деревомъ однажды (это
 Случилось въ зимній день) жена спѣла
 И съ яблока румянаго пожомъ
 Снимада кожу; вдругъ ей острый ножъ
 Легонько падець оцарапалъ; крови
 Вурнурной каплею на бѣлый снѣгъ
 Упала; тяжело вздохнувъ, она
 Подумала: о! если бѣ Богъ намъ далъ
 Дитя, румяное, какъ эта кровь,
 И бѣлое, какъ этотъ чистый снѣгъ!
 И только что она сказала это, въ сердцѣ
 Ея какъ будто что зашевелось,
 Какъ будто изъ него утѣшный голосъ
 Шепнулъ ей: спудется. Пошла въ раздумьи
 Домой. Проходитъ мѣсяць—снѣгъ растаялъ;
 Другой проходитъ—все въ лугахъ и рощахъ
 Зазеленѣло; третій мѣсяць миновался—
 Цвѣты покрыли землю, какъ коверъ;
 Прошелъ четвертый—все въ лѣсу деревья
 Срослись въ одинъ зеленый сводъ, и птицы
 Въ густыхъ вѣтвяхъ запѣли голосисто,
 И съ ними весь широкій лѣсъ зашѣлъ.
 Когда же пятый мѣсяць былъ въ неходѣ—
 Подъ дерево тюльпанное она
 Пришла; оно такъ сладко, такъ свѣжо
 Благоухало, что ея душа
 Глубокою, невѣдомой тоскою
 Была проникнута; когда шестой
 Свершился мѣсяць—стали наливатъся
 Плоды и созрѣвать; она же стала
 Задумчивѣй и тише; наступалъ
 Седьмой—и часто, часто подъ своимъ
 Тюльпаннымъ деревомъ она одна
 Сидитъ, и плачетъ, и ее томить
 Предчувствіе тяжелое; насталъ
 Осьмой—она въ концѣ его больная
 Слегла въ постель, и сказала мужу
 Въ слезахъ: когда умру, похорони
 Меня подъ деревомъ тюльпаннымъ; мѣсяць
 Девятый кончился—и родился
 У ней сыпочекъ, какъ кровь, румяный, бѣлый,
 Какъ снѣгъ; она жъ обрадовалась такъ,
 Что умерла. И мужъ похоронилъ
 Ее въ саду подъ деревомъ тюльпаннымъ.
 И горько пладалъ онъ объ ней; и цѣлый

Проплакалъ годъ; и начала печаль
 Въ немъ не утихать; и наконецъ утихла
 Совѣтъ; и онъ женился на другой
 Женѣ, и скоро съ нею прижилъ дочь.
 Но не была пичѣмъ жена вторая
 На первую похожа; въ домъ его
 Не принесла она съ собою счастья.
 Когда она на дочь свою родную
 Смотрѣла, въ ней смѣшался душа;
 Когда жъ глаза на сироту, на сына
 Другой жены, невольно обращала,
 Въ ней сердце злилось: онъ какъ будто ей
 И жить мѣшалъ; а хитрый пещунитель
 Противъ него нашептывалъ всечасно
 Ей злые замыслы. Въ слезахъ и въ горѣ
 Сиротка росъ и ни одной минуты
 Веселой въ домѣ не было ему.
 Однажды мать была въ своей каморкѣ,
 И передъ ней стоялъ сундукъ открытый
 Съ тяжелой, ковальной желѣзомъ кровлей
 И съ острымъ нутрянымъ замкомъ; сундукъ
 Былъ полонъ яблокъ. Тутъ сказала ей
 Марлиночка (такъ называли дочь):
 Дай яблочко, родная, мнѣ.—Возьми,
 Ей отвѣчала мать.—И братцу дай,
 Прибавила Марлиночка.—Сначала
 Нахмурилася мать; но врать лукавый
 Вдругъ что-то ей шепнулъ; она сказала:
 Марлиночка, поди теперь отсюда;
 Обоимъ вамъ по яблочку я дамъ,
 Когда твой братъ воротится домой
 (А изъ окна ужъ видѣла она,
 Что мальчикъ шель, и чудилоса ей,
 Что будто на пее съ нимъ вьѣтъ злое
 Шло некупшенѣ); кованный сундукъ
 Закрывъ, она глаза на двери дико
 Уставила; когда жъ ихъ отворилъ
 Малютка и вошелъ, ея лицо
 Бѣлѣе стало полотно; поспѣшно
 Она ему дрожащимъ и глухимъ
 Сказала голосомъ: вынь для себя
 И для Марлиночки изъ сундука
 Два яблока. При этомъ словѣ ей
 Почудилось, что кто-то подаѣ громко
 Заохоталъ; а мальчикъ, на пее
 Взглянувъ, спросилъ: зачѣмъ ты на меня
 Такъ страшно смотришь?—Выбирай скорѣе!
 Она, поднявши кровлю сундука,
 Ему сказала, и ея глаза

Сверкнули острымъ блескомъ. Мальчигъ
 За яблокомъ нагнулся головой [робко
 Въ сундукъ; тутъ ей лукавый врагъ
 Скорѣй! И кровлею она тяжелой [шепнулъ:
 Захлопнула сундукъ, и голова
 Малютки, какъ ножомъ, была желѣзнымъ
 Отрѣзана замкомъ и, отскочивши,
 Упала въ яблоки. Холодной дрожью
 Злодѣйку обдало. Что дѣлать мнѣ?
 Подумала она, смотря на страшный
 Захлопнутый сундукъ. И вотъ она
 Изъ шкапа шелковый платокъ достала,
 И, голову отрѣзающую къ шеѣ
 Приставивъ, тѣмъ платкомъ ихъ обвила
 Такъ плотно, что примѣтить ничего
 Не можно было, и потомъ она
 Передъ дверями мертвого на стулѣ
 (Давъ въ руки яблоко ему и къ стѣнкѣ
 Его спиной придвинувъ) посадила;
 И наконецъ, какъ будто не была
 Ни въ чемъ, пошла на кухню стряпать.
 Марлиночка въ испугъ приближала [Вдругъ
 И шепчетъ: посмотри туда; тамъ братецъ
 Сидитъ въ дверяхъ на стулѣ; онъ такъ бѣлъ:
 И держитъ яблоко въ рукѣ; но самъ
 Не ѣсть; когда жъ его я попросила,
 Чтобъ далъ мнѣ яблоко, не отвѣчалъ
 Ни слова, не взглянулъ; мнѣ стало страшно.
 На то сказала мать: поди къ нему
 И спроси въ другой разъ; если жъ онъ
 Опять ни слова отвѣчать не будетъ,
 И на тебя не взглянетъ, подери
 Его покрѣпче за ухо; онъ спитъ.
 Марлиночка пошла, и видитъ: братецъ
 Сидитъ въ дверяхъ на стулѣ, бѣлъ какъ
 снѣгъ;
 Не шевелится, не глядитъ и держитъ,
 Какъ прежде, яблоко въ рукахъ, но самъ
 Его не ѣсть. Марлиночка подходитъ
 И говоритъ: дай яблоко мнѣ, братецъ.
 Отвѣта нѣтъ. Тутъ за ухо она
 Тихонько братца дернула; и вдругъ
 Отъ плечъ его отпала голова
 И покатилаcь. Съ крикомъ приближала
 Марлиночка на кухню. Ахъ! родная,
 Вѣда! бѣда! я братца моего
 Убила! голову оторвала
 Я братцу.—И бѣдняжка заливаласьъ
 Слезами и кричала крикомъ. Ей

Сказала мать: Марлиночка, ужъ горю
 Не пособить; намъ надобно скорѣй
 Его прибрать, пока не воротился
 Домой отецъ; возьми и отнеси
 Его куда въ садъ, и спрячь тамъ; завтра
 Его сама въ оврагъ я брошу; волки
 Его съѣдятъ, и косточекъ никто
 Не съестъ; перестань же плакать; дѣлай,
 Что я велю.—Марлиночка пошла;
 Она, широкой бѣлой простынею
 Обвивши тѣло, отнесла его,
 Рыдая, въ садъ, и тамъ его тихонько
 Подъ деревомъ тюльпановымъ положила
 На свѣжій деригъ, который покрывалъ
 Могилку матери его... И что же?
 Могилка вдругъ раскрылася, и тѣло
 Взяла, и снова деригъ зазеленѣлъ
 На ней, и расцвѣли на ней цвѣты,
 И изъ цвѣтовъ вдругъ выпорхнула птичка,
 И весело запѣла, и взвилась
 Подъ облака и въ облакахъ пропала.
 Марлиночка сперва оторопѣла;
 Потомъ (какъ будто кто въ ей душѣ
 Печаль заговорилъ) ей стало вдругъ
 Легко—пошла домой и никому
 О бывшемъ съ нею не сказала. Скоро
 Пришелъ домой отецъ. Не видя сына,
 Спросилъ онъ съ безыкоиетвомъ: гдѣ
 онъ? Мать,

Вся помертвѣвъ, поспѣшно отвѣчала:
 Ранехонько ушелъ онъ со двора,
 И все еще не возвращался. Было
 Ужъ за полдень; была пора обѣдать,
 И накрывать на столъ хозяйка стала.
 Марлиночка жъ сидѣла въ уголку,
 Не шевелясь и молча: день былъ свѣтлый;
 Ни облачка на небѣ не бродило,
 И тихо блескъ полуденнаго солнца
 Лежалъ на зелени деревъ, и было
 Повсюду все спокоеино. Той порою
 Спорхнувшая съ могилы братца птичка
 Летала да летала; вотъ она
 На кустикъ сѣла подъ окошкомъ дома,
 Гдѣ золотыхъ дѣлъ мастеръ жилъ. Она,
 Расправивъ крылышки, запѣла громко:
*Зла мачиха зарѣзала меня;
 Отецъ родной не вѣдаетъ о томъ;
 Сестрица же Марлиночка меня
 Близъ матушки родной моей въ саду*

Подъ деревомъ тюльпаннымъ погребла.

Услышавъ это, золотыхъ дѣлъ мастеръ
Въ окошко выглянуть; онъ такъ плѣнился
Прекрасной птичкою, что закричалъ:

Проной еще разъ, милая пичужка.—

«Я даромъ дважды пѣть не стану, птичка

Сказала, подари цѣпочку мнѣ,

И запою.»—Услышавъ это, мастеръ

Богатую ей бросилъ изъ окна

Цѣпочку. Правой лапкою схвативши

Цѣпочку ту, свою зацѣла пѣною

Звучнѣй, чѣмъ прежде, птичка и, допѣвши,

Спорхнула съ кустика съ своею добычей,

И полетѣла далѣе, и скоро

На кровлю домика, гдѣ жилъ башмачникъ,

Спустилася и тамъ опять зацѣла:

Зла мамиха зарычала меня;

Отецъ родной не выдаетъ о томъ;

Сестрица же Мариночка меня

Близъ матушки родной моей въ саду

Подъ деревомъ тюльпаннымъ погребла.

Башмачникъ въ это время у окна

Шилъ башмаки; услышавъ пѣсню, онъ

Работу бросилъ, выбѣжалъ на дворъ,

И видитъ, что сидитъ на кровлѣ птичка

Чудесной красоты. Ахъ! птичка, птичка,

Сказалъ башмачникъ, какъ жеты прекрасно

Посшь. Нельзя ль еще разъ ту же пѣсню

Пропѣть?—«Я даромъ дважды не пою,

Сказала птичка, дай мнѣ пару дѣтскихъ

Сафьянныхъ башмаковъ.» Башмачникъ

тотчасъ

Ей вынесъ башмаки. И лѣвой лапкой

Ихъ взявъ, свою опять зацѣла пѣною

Звучнѣй, чѣмъ прежде, птичка и, допѣвши,

Спорхнула съ кровли съ новою добычей,

И полетѣла далѣе, и скоро

На мельницу, которая стояла

Надъ быстрой рѣчкою во глубинѣ

Прохладныхъ долины, прилетѣла.

Былъ стукъ и шумъ отъ мельничныхъ

колесъ,

И съ громомъ въ ней молотъ огромный

жерновъ;

И въ воротахъ ея рубили двадцать

Работниковъ дрова. На вѣтку лины,

Которая у мельничныхъ воротъ

Росла, спустилася птичка и зацѣла:

Зла мамиха зарычала меня;

Одинъ работникъ, то услышавъ, поднялъ

Глаза и пересталъ рубить дрова.

Отецъ родной не выдаетъ о томъ;

Оставили еще работу двое.

Сестрица же Мариночка меня—

Тутъ пятеро еще, глаза на лину

Оборотивъ, работать перестали.

Близъ матушки родной моей въ саду;—

Еще тутъ восемь вслушались въ пѣсню;

Остолебѣвши, топоры они

На землю бросили и на пѣвицу

Уставили глаза; когда жъ она

Умолкнула, послѣднее пропѣвъ:

Подъ деревомъ тюльпаннымъ погребла,

Всѣ двадцать разомъ кинулися къ линѣ

И закричали: птичка, спой намъ

Еще разъ пѣсенку твою. На это

Сказала птичка: «дважды пѣть не стану

Я даромъ; сели же вы этотъ жерновъ

Дадите мнѣ, я запою.»—Дадимъ,

Дадимъ, въ одинъ всѣ голоса закричали.

Съ трудомъ великимъ общей силой жерновъ

Поднявъ съ земли они его надѣли

На шею птичкѣ; и она, какъ будто

Въ жемчужномъ ожерельѣ, отряхнувшись,

И крылышки расправивши, зацѣла

Звучнѣй, чѣмъ прежде, и, допѣвъ, спор-

хнула

Съ зеленой вѣтки и умчалась быстро,

На шеѣ жерновъ, въ правой лапкѣ цѣпъ,

А въ лѣвой башмаки. И такъ она

На дерево тюльпанное въ саду

Спустилася. Той порой отецъ сидѣлъ

Передъ окномъ; непрежнему въ углу

Мариночка; а мать на столѣ собирала.

Какъ мнѣ легко! сказалъ отецъ; какъ

свѣтелъ

И тепелъ майскій день!—«А мнѣ, сказала

Жена, такъ тяжело, такъ душно!

Какъ будто бы собирается гроза.»—

Мариночка жъ, прижавшись въ уголокъ,

Не шевелилася, сидѣла молча,

И плакала. А птичка той порой,

На деревѣ тюльпанномъ отдохнувши,

Полетомъ тихимъ къ дому полетѣла.

Какъ на душѣ моей легко! опять

Сказалъ отецъ, какъ будто бы кого

Родного мнѣ увидѣть.—«Мнѣ жъ, сказала

Жена, такъ страшно! все во мнѣ дрожитъ;

И кровь по жиламъ льется какъ огонь.» —
 Марлиночка жъ пи слова; въ уголку
 Сидитъ, не шевелясь, и тихо плачетъ.
 Вдругъ птичка, къ дому подлетѣвъ, заплѣла:
Зла мачиха зарызала меня;
 Услышавъ это, мать въ оцѣпенѣнны
 Зажмурила глаза, заткнула уши,
 Чтобъ не видать и не слышать; но въ уши
 Гудѣло ей, какъ будто шумъ грозы,
 Въ зажмуренныхъ глазахъ ея сверкало,
 Какъ молнія, и потъ смертельный тѣло
 Ея, какъ змѣй холодный, обвивалъ.
Отецъ родной не выдаетъ о томъ.
 Жена, сказалъ отецъ, смотри, какая
 Тамъ птичка! какъ поетъ! а день такъ тихъ,
 Такъ ясенъ и такой повсюду запахъ,
 Что скажешь: вся земля въ цвѣты одѣлась.
 Пойду и посмотрю на эту птичку. —
 Останься, не ходи, сказала въ страхъ
 Жена; мнѣ чудится, что весь нашъ домъ
 Въ огнѣ. — Но онъ пошелъ. А птичка плѣла:
Близъ матушки родной моей въ саду
Подъ деревомъ тюльпаннымъ погребла.
 И въ этотъ мигъ цѣпочка золотая
 Унала передъ нимъ. Смотрите, онъ
 Сказалъ, какой подарокъ дорогой
 Мнѣ птичка бросила. Тутъ не могла
 Жена отъ страха устоять на мѣстѣ,
 И начала, какъ въ изступленіи, бѣгать
 По горницѣ. Опять заплѣла птичка:
Зла мачиха зарызала меня —
 А мачиха блѣднѣла и шептала:
 О! если бъ на меня унали горы,
 Лишь только бъ этой пѣсни не слышать! —
Отецъ родной не выдаетъ о томъ;
 Тутъ повалилася она на землю,
 Какъ мертвая, какъ трупъ оскотенѣлый.
Сестрица же Марлиночка меня —
 Марлиночка, вскочивъ при этомъ съ мѣста,
 Сказала: побѣгу, не дасть ли птичка
 Чего и мнѣ. И, выбѣжавъ, глазами
 Она искала птички. Вдругъ упали
 Вѣ въ руки башмаки; она въ ладони
 Отъ радости захопала. Мнѣ было
 До этихъ поръ такъ грустно, а теперь
 Такъ стало весело, такъ живо! —
 Нѣтъ, простонала мать, я не могу
 Здѣсь оставаться; я захохочу; сердце
 Готово лопнуть. И она вскочила;

На головѣ ея стояли дыбомъ,
 Какъ пламень, волосы, и ей казалось,
 Что все кругомъ ея валилось. Въ двери
 Она въ безумьи кинулася... но только
 Ступила порогъ, тяжелый жерновъ
 Вухъ!.. и ея какъ будто не бывало;
 Намѣстѣ же, гдѣ казнь надъ ней свершилася,
 Столбомъ огонь поднялся изъ земли.
 Когда жъ исчезъ огонь, живой явился
 Тамъ братецъ; и Марлиночка къ нему
 На шею кинулася. Отецъ же долго
 Искалъ жены глазами; но ея
 Онъ не нашелъ. Потомъ все трое сѣли,
 Усердно Богу помолясь, за столъ;
 Но за столомъ никто не ѣлъ, и все
 Молчали; и у всѣхъ на сердцѣ было
 Спокойно, какъ бываетъ всякій разъ,
 Когда оно почувствуетъ живѣй
 Присутствіе невидимаго Бога.

КОТЪ ВЪ САПОГАХЪ.

СКАЗКА.

Жилъ мельникъ. Жилъ онъ, жилъ, и умеръ,
 Оставивши своимъ тремъ сыновьямъ
 Въ наслѣдство мельницу, ослѣ, kota
 И... только. Мельницу взялъ старшій сынъ,
 Ослѣ взялъ ередній; а меньшему дали
 Kota. И былъ онъ крѣпко недоволенъ
 Своимъ участкомъ. Братья, разсуждалъ онъ,
 Сложившись, будутъ безъ нужды; а я,
 Изжаривши kota и съѣвъ, и сѣлавъ
 Изъ шкурки муфту, чѣмъ потомъ начну
 Хлѣбъ добывать пасушный? Такъ онъ
 велухъ,
 Съ самимъ собою разсуждая, думалъ;
 А Котъ, тогда лезавшій на печуркѣ,
 Разумное подслушавъ разсужденіе,
 Сказалъ ему: хозяйни, не печалься;
 Дай мнѣ мѣшокъ, да сапоги, чтобъ могъ я
 Ходить за дичью по болоту — самъ
 Тогда увидишь, что не такъ-то бѣденъ
 Участокъ твой. Хотя и не совѣмъ
 Былъ убѣжденъ Котомъ своимъ хозяйни,
 Но ужъ не разъ случалось замѣчать
 Ему, какъ этотъ Котъ искусно велъ
 Войну противъ мышей и крысъ, какія
 Выдумывалъ онъ хитрости, и какъ,
 То, мертвымъ притворясь, висѣлъ на лапахъ
 Внизъ головой, то пудрился мучой,

То прятался въ трубу, то подъ кадушкой
 Лежалъ, свернувшись въ комъ; а потому
 И словъ Кота не пропустилъ онъ мимо
 Ушей. И подлинно, когда онъ далъ
 Коту мѣшокъ и нарядилъ его
 Въ большіе сапоги, на шею Котъ
 Мѣшокъ надѣлъ и вышелъ на охоту
 Въ такое мѣсто, гдѣ, онъ вѣдалъ, много
 Бодилоеъ кроликовъ. Въ мѣшокъ насыпавъ
 Трухи, его на землю положилъ онъ;
 А самъ вблизи, какъ мертвый, растянуся,
 И терпѣливо ждалъ, чтобы какой невинный,
 Неопытный въ наукѣ жизни кроликъ
 Пожаловалъ къ мѣшку погущать сладкой
 Трухи; и онъ недолго ждалъ; какъ разъ
 Передъ мѣшкомъ его явился глупый,
 Вертлявый, долгоухій кроликъ: онъ
 Мѣшокъ понюхалъ, поморгалъ побряки,
 Потомъ и влѣзъ въ мѣшокъ; а Котъ вроворно
 Мѣшокъ стянулъ спургомъ и безъ дальнѣй-
 шихъ
 Привѣтствій гостя угостилъ по-свойски.
 Побѣдою довольный, въ дворецъ
 Пошелъ онъ къ королю и приказалъ,
 Чтобы о немъ немедленно доложили.
 Велѣлъ ввести Кота въ свой кабинетъ
 Король. Вошедъ, онъ поклонился въ поясъ;
 Потомъ сказалъ, потупивъ морду въ землю:
 Я кролика, великій Государю,
 Отъ моего принесъ вамъ господина,
 Маркиза Карабаса (такъ онъ вздумалъ
 Назвать хозяина); имѣетъ честь
 Онъ вашему величеству свое
 Глубокое почтенье изъявить,
 И просить васъ принять его гостинецъ.—
 Скажи маркизу, отвѣчалъ король,
 Что я его благодарю, и что
 Я очень имъ доволенъ.—Королю
 Отълапавшися, Котъ пошелъ домой;
 Когда жъ онъ шелъ черезъ дворецъ, то все
 Вставали передъ нимъ и жали лапу
 Ему съ улыбкой, потому, что онъ
 Былъ въ кабинетѣ принятъ королемъ
 И съ нимъ наединѣ (и узкъ конечно
 О государственныхъ дѣлахъ) такъ долго
 Бесѣдовалъ; а Котъ былъ такъ учтивъ,
 Такъ обходителенъ, что все дивились,
 И думали, что жизнь свою провелъ
 Онъ въ лучшемъ обществѣ. Спустился немного,

Отправился опять на ловлю Котъ,
 Въ густую рожь засѣлъ съ своимъ мѣшкомъ,
 И тамъ поймалъ двухъ жирныхъ перепелокъ.
 И ихъ немедленно онъ къ королю,
 Какъ прежде маркиза, отнесъ въ гостинецъ
 Отъ своего маркиза Карабаса.
 Охотникъ былъ король до перепелокъ;
 Опять позвать велѣлъ онъ въ кабинетъ
 Кота и, перепелокъ самъ принявши,
 Благодарить маркиза Карабаса
 Велѣлъ особенно. И такъ намъ Котъ
 Недѣли три, четыре къ королю
 Отъ имени маркиза Карабаса
 Носилъ и кроликовъ и перепелокъ.
 Вотъ онъ однажды свѣдалъ, что король
 Сбирается прогуливаться въ полѣ
 Съ своею дочерью (а дочь была
 Красавица, какой другой на свѣтѣ
 Никто не видывалъ), и что они
 Поѣдутъ берегомъ рѣки. И онъ,
 Къ хозяйну поспѣшно прибѣжавъ,
 Ему сказалъ: когда теперь меня
 Послушаешься ты, то будешь разомъ
 И счастливъ и богатъ; вся хитрость въ томъ,
 Чтобы ты сейчасъ пошелъ купаться въ рѣку;
 Что будетъ послѣ, знаю я; а ты
 Сиди себѣ въ водѣ, да полоскайся,
 Да ни о чемъ не хлопочи. Такой
 Советъ принять маркизу Карабасу
 Не трудно было; день былъ жаркій; онъ
 Съ охотою отправился къ рѣкѣ,
 Влѣзъ въ воду, и сидѣлъ въ водѣ по горло.
 А въ это время былъ король ужъ близко.
 Вдругъ началъ Котъ кричать: разбой! разбой!
 Сюда, народъ!—Что сдѣлалось? подѣхавъ,
 Спросилъ король.—«Маркиза Карабаса
 «Ограбили и бросили въ рѣку;
 «Онъ тонетъ.»—Тутъ, по слову короля,
 Съ нимъ бывшіе придворные чины
 Все кипулись ловить въ водѣ маркиза.
 А королю Котъ на ухо шепнулъ:
 Я должешъ вашему величеству донести,
 Что бѣдный мой маркизъ советѣмъ раздѣтъ;
 Разбойники все платье унесли
 (А платье самъ мошенникъ спряталъ въ
 кустъ).
 Король велѣлъ, чтобы одинъ изъ бывшихъ
 Съ нимъ государственныхъ министровъ
 сналъ

Съ себя мундиръ и далъ его маркизу
 Министръ тотчасъ раздѣлся за кустомъ;
 Маркиза же въ его мундиръ одѣли;
 И Коть его представилъ королю;
 И королемъ былъ далеко оиъ приять.
 А такъ какъ оиъ красавецъ былъ собою,
 То и совѣтъ не мудрено, что скоро
 И дочери прекрасной королевской
 Поправился; богатый же мундиръ
 (Хотя на немъ и не совѣтъ въ обтяжку
 Сидѣлъ оиъ, потому, что брюхо было
 У королевскаго министра) видъ
 Ему отличный придавалъ—короче,
 Маркизь понравился; и съеть съ собою
 Въ коляску пригласилъ его король;
 А смѣливый нашъ Коть во все лонатки
 Впередъ бѣжать пустился. Вотъ увидѣлъ
 Оиъ на дугу широкомъ косарей,
 Сбравшихъ сѣно; Коть имъ закричалъ:
 Король проѣдетъ здѣсь; и если вы
 Ему не скажете, что этотъ дугъ
 Принадлежитъ маркизу Карабасу,
 То оиъ васъ всехъ прикажетъ изрубить
 На медкіе куски.—Король, проѣхавъ,
 Спросилъ: кому такой прекрасный дугъ
 Принадлежитъ?—Маркизу Карабасу,
 Все закричали разомъ косари
 (Въ такой ихъ страхъ привелъ проворный
 Богатые дуга у васъ, маркизь, [Коть]).
 Король замѣтилъ. А маркизь, смиренный
 Принявши видъ, отвѣтствовалъ: дуга
 Изрядные. Тѣмъ временемъ поспѣнно
 Впередъ ушедшій Коть увидѣлъ въ полѣ
 Жнецовъ: они въ снопы вязали рожь.
 Жнецы, сказалъ оиъ, вдетъ близко нашъ
 Король. Оиъ спроситъ васъ: чья рожь? И если
 Не скажете ему вы, что она
 Принадлежитъ маркизу Карабасу,
 То оиъ васъ всехъ прикажетъ изрубить
 На медкіе куски.—Король проѣхалъ.
 Кому принадлежитъ здѣсь поле? оиъ
 Спросилъ жнецовъ.—Маркизу Карабасу,
 Жнецы ему съ поклономъ отвѣчали.
 Король опять сказалъ: маркизь, у васъ
 Богатые поля. Маркизь на то
 Попржнему отвѣтствовалъ смиренно:
 Изрядныя. А Коть бѣжалъ впередъ
 И встрѣчныхъ всехъ училъ, какъ королю
 Имъ отвѣчать. Король былъ пораженъ

Богатствами маркиза Карабаса.
 Вотъ наконецъ въ великолѣпный замокъ
 Коть прибѣжалъ. Въ томъ замкѣ людодѣ
 Волшебникъ жилъ, и Коть о немъ ужъ зналъ
 Всю подноготную; въ минуту оиъ
 Смекнулъ, что дѣлать: въ замокъ сѣгло
 Вошедъ, оиъ попросилъ у людодѣ
 Аудіенци; и людодѣ,
 Принявъ его, спросилъ: какую нуаду
 Вы, Коть, во мнѣ имѣете? На это
 Коть отвѣчалъ: почтенный людодѣ,
 Давно слухъ посетя, что будто бы вы
 Умѣете во всякій превращаться,
 Какой задумаете, видъ; хотѣлъ бы
 Узнать я, подлинно ль такая мудрость
 Дана вамъ? «Это правда; сами, Коть,
 Увидите.»—И мигомъ оиъ явился
 Ужаснымъ львомъ съ густой, косматой
 гривой,
 И острыми зубами. Коть при этомъ
 Такъ струсилъ, что (хоть былъ и въ
 сапогахъ)
 Въ одинъ прыжокъ подъ кровлей очутился.
 А людодѣ, захохотавши, принялъ
 Свой прежній видъ и попросилъ Кота
 Къ нему сойти. Спустившись съ кровли,
 Коть
 Сказалъ: хотѣлось бы однако знать мнѣ,
 Вы можете ль и въ маленькаго звѣря,
 Вотъ напримѣръ, въ мышенка превра-
 титься?
 «Могу, сказалъ съ усмѣшкой людодѣ,
 Что жъ тутъ мудрепаго?»—И оиъ явился
 Вдругъ маленькимъ мышенкомъ; Коть того
 И ждалъ; оиъ разомъ цапъ! и съѣлъ мы-
 шонка.
 Король тѣмъ временемъ, подѣхалъ къ
 Остановился и хотѣлъ узнать, [замку,
 Чей былъ оиъ. Коть же, разчитавшій
 Съ его владѣльцемъ, ждалъ ужъ у воротъ,
 И въ поясъ кланялся, и говорилъ:
 Не будетъ ли угодно, Государь,
 Пожаловать на перенутьи въ замокъ
 Къ маркизу Карабасу?—Какъ, маркизь,
 Спросилъ король, и этотъ замокъ вамъ же
 Принадлежитъ? Признаться, удивляюсь;
 И будетъ мнѣ пріятно побывать въ немъ.—
 И приказалъ король своей коляскѣ

Къ крыльцу подѣхать; вышелъ изъ
коляски;
Прищесѣ жь руку предложилъ маркизъ,
И все пошли по лѣстницѣ высокой
Въ покой. Тамъ въ пространной галереѣ
Быль столъ накрытъ и полдникъ приго-

товленъ
(На этотъ полдникъ людодѣ позвалъ
Пріятели; но тѣ, узнавъ, что въ замкѣ
Король былъ, не вошли, и все́ домой
Отправились). И, сѣвъ за столъ роскошный,
Король велѣлъ маркизу сѣсть межъ нимъ
И дочерью; и стали пировать.
Когда же въ головѣ у короля
Вино позанумѣло, онъ маркизу
Сказалъ: хотите ли, маркизъ, чтобъ дочь
Мою за васъ я выдалъ?—Честь такую
Съ немовѣрною радостію принялъ
Маркизъ. И свадьбу вмгъ сыграли. Котъ
Остался при дворѣ и былъ въ чины
Произведенъ; и въ бархатныхъ являлся
Въ дни табельные сапогахъ. Онъ бросилъ
Ловить мышей, а если и ловилъ,
То это для того, чтобы немного
Себя развлечь, и спанигъ, который нажилъ
Подъ старость при дворѣ, воспоминаемъ
О свѣтлыхъ дняхъ мншувшаго разсѣять.

СКАЗКА О ИВАНѢ ЦАРЕВИЧѢ

и
свѣромъ волкѣ.

Давнымъ давно былъ въ нѣкоторомъ цар-
Могучій царь, по имени Демьянъ [ствѣ
Даниловичъ. Онъ царствовалъ премудро;
И было у него три сына: Климъ
Царевичъ, Петръ царевичъ и Иванъ
Царевичъ. Да еще былъ у него
Прекрасный садъ и чудная росла
Въ саду томъ яблоня: все золотыя
Родились яблоки на ней. Но вдругъ
Въ тѣхъ яблоняхъ царевыхъ оказался
Великій педочетъ; и царь Демьянъ
Даниловичъ былъ такъ тѣмъ опечаленъ,
Что похудѣлъ, лишился аппетита
И впалъ въ безсонницу. Вотъ наконецъ,
Призвавъ къ себѣ своихъ трехъ сыновей,
Онъ имъ сказалъ: сердечные друзья
И сыновья мои родные, Климъ

Царевичъ, Петръ царевичъ и Иванъ
Царевичъ, должно вамъ теперь большую
Услугу оказать мнѣ; въ царскій садъ мой
Повалился таскаться ночью воръ;
И золотыхъ ужъ очень много яблокъ
Пропало; для меня жъ пропакъ эта
Тошнѣ смерти. Слушайте, друзья;
Тому изъ васъ, кому поймать удастся
Подъ яблоней ночного вора, я
Отдамъ при жизни половину царства;
Когда жъ умру, и все ему оставлю
Въ наслѣдство. Сыновья, услышавъ то,
Что имъ сказалъ отецъ, уговорились
Поочередно въ садъ ходить и ночь
Не спать и вора сторожить. И первый
Пошелъ, какъ скоро почь настала, Климъ
Царевичъ въ садъ, и тамъ залегъ въ густую
Траву подъ яблоней, и съ полчаса
Въ ней пролежалъ, да и заснулъ такъ
крѣпко,
Что полдень былъ, когда, глаза продравъ,
Онъ поднялся во весь зѣвая ротъ.
И, возвратясь, царю Демьяну онъ
Сказалъ, что воръ въ ту ночь не приходилъ.
Другая почь настала; Петръ царевичъ
Сѣлъ сторожить подъ яблоню вора;
Онъ цѣлый часъ крѣпился, въ темноту
Во все́ глаза глядѣлъ; но въ темнотѣ
Все было пусто; наконецъ и онъ,
Не одолѣвъ дремоты, повалился
Въ траву и захрапѣлъ на цѣлый садъ.
Давно былъ день, когда проснулся онъ.
Пришедъ къ царю, ему донесъ онъ такъ же,
Какъ Климъ царевичъ, что и въ эту ночь
Красть царскихъ яблокъ воръ не приходилъ.
На третью ночь отправился Иванъ
Царевичъ въ садъ по очереди вора
Стеречь. Подъ яблоней онъ притаялся,
Сидѣлъ не шевелясь, глядѣлъ прилежно,
И не дремалъ; и вотъ когда, настала
Глухая полночь, садъ весь облеснуло
Какъ будто молніей; и что же видитъ
Иванъ царевичъ? Отъ востока быстро
Летитъ жаръ-птица, огненной звѣздой
Блестя и въ день преобразая ночь.
Прижавшись къ яблонѣ, Иванъ царевичъ
Сидитъ, не движется, не дышетъ, ждетъ,
Что будетъ? Сѣвъ на яблоню, жаръ-птица
За дѣло принялась, и парвала

Съ десятокъ яблокъ. Тутъ Иванъ царевичъ,
Тихохонько поднявшись изъ травы,
Схватилъ за хвостъ воровку; уронивъ
На землю яблоки, она рванулася
Всей силою и вырвала изъ рукъ
Царевича свой хвостъ, и улетѣла;
Однако у него въ рукахъ одно
Перо осталось, и такой былъ блескъ
Отъ этого пера, что дѣлалъ садъ
Казался огненнымъ. Къ царю Демьяну
Пришелъ, Иванъ царевичъ доложилъ
Ему, что воръ нашелся и что этотъ
Воръ былъ не человѣкъ, а птица; въ
знакъ же,

Что правду онъ сказалъ, Иванъ царевичъ
Почтительно царю Демьяну подалъ
Перо, которое онъ изъ хвоста
У вора вырвалъ. Съ радости отецъ
Его расцѣловалъ. Съ тѣхъ поръ не стали
Красть яблокъ золотыхъ, и царь Демьянъ
Развеселился, пополнилъ и началъ
Попржежнему ѣсть, пить и спать. Но въ
Желанье сильное зажглось: добыть [немъ
Воровку яблокъ чудную жарь-птицу.
Призвавъ къ себѣ двухъ старшихъ сыновей,
Друзья мои, сказалъ онъ, Климъ царевичъ
И Петръ царевичъ, вамъ уже давно
Пора людей увидѣть и себя
Имъ показать. Съ моимъ благословеньемъ
И съ помощію Господней поѣзжайте
На подвиги и наживите честь
Себѣ и славу; мнѣ жъ царю доставьте
Жарь-птицу; кто изъ васъ ее доставитъ,
Тому при жизни я отдамъ полцарства,
А послѣ смерти все ему оставлю
Въ наслѣдство. Поклонясь царю, немедля
Царевичи отправились въ дорогу.
Немного времени спустя, пришелъ
Къ царю Иванъ царевичъ и сказалъ:
Родитель мой, великій государь
Демьянъ Даниловичъ, позволь мнѣ ѣхать
За братьями; и мнѣ пора людей
Увидѣть, и себя имъ показать,
И честь себѣ нажить отъ нихъ и славу.
Да и тебѣ царю я угождать
Желалъ бы, для тебя доставъ жарь-птицу.
Родительское мнѣ благословенье
Дай, и позволь нуститься въ путь мой съ
Богомъ.

На это царь сказалъ: Иванъ царевичъ,
Еще ты молодъ, погоди; твоя
Пора придетъ; теперь же ты меня
Не покидай; я старъ, ужъ мнѣ недолго
На свѣтѣ жить; а если я одинъ
Умру, то на кого покину свой
Народъ и царство?—Но Иванъ царевичъ
Былъ такъ упрямъ, что напослѣдокъ царь
И нехотя его благословилъ.
И въ путь отправился Иванъ царевичъ;
И ѣхалъ, ѣхалъ, и пріѣхалъ къ мѣсту,
Гдѣ раздѣлялася дорога на три.
Онъ на распутии томъ увидѣлъ столбъ,
А на столбѣ такую надпись: *кто
Поѣдетъ прямо, будетъ всю дорогу
И холоденъ и холоденъ; кто вправо
Поѣдетъ, будетъ живъ, да конь его
Умретъ, а влѣво кто поѣдетъ, самъ
Умретъ, да конь его живъ будетъ.*
Вправо,

Подумавши, поворотить рѣшился
Иванъ царевичъ. Онъ недолго ѣхалъ;
Вдругъ выбѣжалъ изъ лѣса сѣрый волкъ
И кинулся свирѣпо на коня;
И не успѣвъ Иванъ царевичъ взяться
За мечъ, какъ былъ ужъ конь заѣденъ,
И сѣрый волкъ пропалъ. Иванъ царевичъ,
Повѣсивъ голову, пошелъ тихонько
Пѣшкомъ; но шелъ недолго; передъ нимъ
Попржежнему явился сѣрый волкъ
И человѣчьимъ голосомъ сказалъ:
«Мнѣ жаль, Иванъ царевичъ, мой сердеч-
Что твоего я добраго коня [ный,
Заѣлъ, но ты вѣдь самъ конечно видѣлъ,
Что на столбѣ написано; тому
Такъ слѣдовало быть; однако жъ ты
Свою печаль забудь и на меня
Садись; тебѣ я вѣрою и правдой
Служить отнынѣ буду. Ну, скажи же,
Куда теперь ты ѣдешь и зачѣмъ?»
И сѣрому Иванъ царевичъ волку
Все рассказалъ. А сѣрый волкъ ему
Отвѣтствовалъ: гдѣ отыскать жарь-птицу,
Я знаю; ну, садись на меня,
Иванъ царевичъ, и поѣдемъ съ Богомъ.
И сѣрый волкъ быстрѣе всякой птицы
Помчался съ ѣдокомъ; и съ нимъ онъ
въ полночь
У каменной стѣны остановился.

«Пріѣхали, Иванъ царевичъ! волкъ
Сказалъ; но слушай, въ клѣткѣ золотой
За этою оградой виситъ
Жарь-птица; ты ее изъ клѣтки
Достань тихонько, клѣтки же отнюдь
Не трогай: попадешь въ бѣду». — Иванъ
Царевичъ перелѣзъ черезъ ограду;
За ней въ саду увидѣлъ онъ жарь-птицу
Въ богатой клѣткѣ золотой, и садъ
Былъ освѣщенъ, какъ будто солнцемъ.

Вынувъ

Изъ клѣтки золотой жарь-птицу, онъ
Подумалъ: въ чемъ же мнѣ ее везти?
И, позабывъ, что сѣрый волкъ ему
Советовалъ, взявъ клѣтку; по отвѣду
Проведены къ ней были струны; громкій
Поднялся звонъ, и сторожа проснулся,
И въ садъ сбѣжались, и въ саду Ивана
Царевича схватили, и къ царю
Представили; а царь (онъ назывался
Далматомъ) такъ сказалъ: откуда ты?
И кто ты? — Я Иванъ царевичъ; мой
Отецъ Демьянъ Даниловичъ владѣетъ
Великимъ, сильнымъ государствомъ; ваша
Жарь-птица по ночамъ летать въ нашъ
Повадилась, чтобъ золотыя красть [садъ
Тамъ яблоки: за ней меня посылалъ
Родитель мой, великій государь
Демьянъ Даниловичъ. — На это царь
Далмать сказалъ: царевичъ ты иль иѣтъ,
Того не знаю я; но, если правду
Сказалъ ты, то не царскимъ ремесломъ
Ты промышляешь; могъ бы прямо мнѣ
Сказать: отдай мнѣ, царь Далмать, жарь-
И я тебѣ ее руками бы отдалъ [птицу;
Во уваженіе того, что царь
Демьянъ Даниловичъ, столь знаменитый
Своей премудростью, тебѣ отецъ.
Но слушай, я тебѣ мою жарь-птицу
Охотно уступлю, когда ты самъ
Достанешь мнѣ коня золотогрива;
Принадлежитъ могучему царю
Афрону онъ. За тридцать земель
Ты въ тридцатое отправься царство,
И у могучаго царя Афрона
Мнѣ выпроси коня золотогрива,
Иль хитростью какой его достань.
Когда жъ ко мнѣ съ конемъ не возвра-
То по всему разслаблю свѣту я, [тишься,

Что ты не царскій сынъ, а воръ; и будетъ
Тогда тебѣ великій срамъ и стыдъ.
Повѣсивъ голову, Иванъ царевичъ
Пошелъ туда, гдѣ былъ имъ сѣрый волкъ
Оставленъ. Сѣрый волкъ ему сказалъ:
Напрасно же меня, Иванъ царевичъ,
Ты не послушался; но пособить
Ужъ нечѣмъ; будь впередъ умнѣй; поѣдемъ
За тридцать земель къ царю Афрону.
И сѣрый волкъ быстрѣе всякой птицы
Помчался съ сѣдокомъ; и къ ночи въ
Царя Афрона прибыли они, [царство
И у дверей конюшни царской тамъ
Остановились. — Ну, Иванъ царевичъ,
Послушай, сѣрый волкъ сказалъ, войди
Въ конюшню; конюха спятъ крѣпко; ты
Легко изъ стойла выведешь коня
Золотогрива; только не бери
Его уздечки; споза попадешь въ бѣду. —
Въ конюшню царскую Иванъ царевичъ
Вошелъ и вывелъ онъ коня изъ стойла;
Но на бѣду, взглянувши на уздечку,
Прельстился ею такъ, что позабылъ
Совѣтъ о томъ, что сѣрый волкъ сказалъ,
И спялъ съ гвозди уздечку. Не и къ ней
Проведены отвѣду были струны;
Все зазвенѣло; конюха вскочили;
И былъ съ конемъ Иванъ царевичъ пойманъ,
И привели его къ царю Афрону,
И царь Афронъ спросилъ сурово: кто ты?
Ему Иванъ царевичъ то жъ въ отвѣтъ
Сказалъ, что и царю Далмату. Царь
Афронъ отвѣтствовалъ: хорошій ты
Царевичамъ? И царское ли дѣло
Шататься по ночамъ и воровать
Коней? Съ тебя я буйную бы могъ
Спать голову; но молодость твою
Мнѣ жалко погубить; да и коня
Золотогрива дать я согласусь,
Лишь поѣздай за тридцать земель
Ты въ тридцатое отсюда царство,
Да привези отсюда мнѣ царевичу
Прекрасную Елену, дочь царя
Могучаго Касима; если жъ мнѣ
Ея не привезешь, то я вездѣ разслаблю,
Что ты ночью бродяга, плутъ и воръ.
Опять, повѣсивъ голову, пошелъ
Туда Иванъ царевичъ, гдѣ его

Ждалъ сѣрый волкъ. И сѣрый волкъ ска-
заль:
Ой ты, Иванъ царевичъ! если бь я
Тебя такъ не любилъ, здѣсь моего бы
И духу не было. Ну, полно охать,
Сядися на меня, поѣдемъ съ Богомъ
За тридцать земель къ царю Касиму;
Теперь мое, а не твое ужъ дѣло.
И сѣрый волкъ опять скакать съ Иваномъ
Царевичемъ пустился. Вотъ они
Проѣхали ужъ тридцать земель,
И вотъ они уже въ тридцатомъ царствѣ;
И сѣрый волкъ, есидивъ съ себя Ивана
Царевича, сказалъ: недалеко
Отсюда царскій садъ; туда одинъ
Пойду я; ты жь меня дожидея подь этимъ
Зеленымъ дубомъ. Сѣрый волкъ пошелъ,
И перелѣзъ черезъ ограду сада,
И закопался въ кустъ, и тамъ лежалъ
Не шевелясь. Прекрасная Елена
Касимовна—съ ней красныя дѣвицы,
И мамушки и нянюшки—пошла
Прогуливаться въ садъ; а сѣрый волкъ
Того и ждалъ: примѣтивъ, что царевна,
Отъ прочихъ отдѣлился, шла одна,
Онъ выскочилъ изъ-подъ куста, схватилъ
Царевну, за спину ея свою
Закинулъ и давай Богъ ноги. Страшный
Крикъ подняли и красныя дѣвицы,
И мамушки и нянюшки; и весь
Сбѣжался дворъ, министры, камергеры,
И генералы; царь велѣлъ собрать
Охотниковъ и всѣхъ спустить своихъ
Собакъ борзыхъ и гончихъ—все напрасно:
Ужъ сѣрый волкъ съ царевной и съ Иваномъ
Царевичемъ былъ далеко и съ дѣломъ
Давно простыль; царевна же лежала
Безъ всякаго движенія у Ивана
Царевича въ рукахъ (такъ сѣрый волкъ
Ее сердечную перецугалъ).
Вотъ но-немногу начала она
Входить въ себя; пошевелилась, глазки
Прекрасныя открыла и, совсѣмъ
Очнувшись, подняла ихъ на Ивана
Царевича и покраснѣла вся,
Какъ роза алая; и съ ней Иванъ
Царевичъ покраснѣлъ и въ этотъ мигъ
Она и онъ другъ друга полюбили
Такъ сильно, что ни въ казакѣ разсказать,

Ни описать перомъ того не можно.
И впалъ въ глубокую печаль Иванъ
Царевичъ: крѣпко, крѣпко не хотѣлось
Съ царевною Еленою ему
Разстаться и ее отдать царю
Афрону; да и ей самой то было
Страшнѣе смерти. Сѣрый волкъ, замѣтивъ
Ихъ горе, такъ сказалъ: Иванъ царевичъ,
Извольши ты кручиниться напрасно;
Я помогу твоей кручинѣ: это
Не служба-службишка; прямая служба
Ждетъ впереди. И вотъ они ужъ въ царствѣ
Царя Афона. Сѣрый волкъ сказалъ:
Иванъ царевичъ, здѣсь должны умнѣшко
Мы поступить: я превращусь въ царевну;
А ты со мною явись къ царю Афрону,
Меня ему отдай, и, получивъ
Коня золотогрива, поѣзжай впередъ
Съ Еленою Касимовной; меня вы
Дождитесь въ скрытномъ мѣстѣ; ждать
же вамъ
Не будетъ скучно. Тутъ, ударясь оземь,
Сталъ сѣрый волкъ царевною Еленою
Касимовной. Иванъ царевичъ, сдвѣвъ
Его съ рукъ на руки царю Афрону,
И, получивъ коня золотогрива,
На томъ конѣ стрѣлой пустился къ дѣву,
Гдѣ настоящая ея ждала
Царевна. Во дворцѣ жь царя Афона
Тѣмъ временемъ готовилася свадьба:
И въ тотъ же день съ пѣвстрой царь къ вѣнцу
Пошелъ; когда же ихъ церемѣчили,
И молодой былъ долженъ молодую
Поцѣловать, губами царь Афронъ
Съ шершавою столкнулся волчьей мордой,
И эта морда за пость укусила
Царя, и не жгну передъ собою
Красавицу, а волка царь Афронъ
Увидѣлъ: сѣрый волкъ недолго сталъ
Тутъ церемониться; онъ сбиль хвостомъ
Царя Афона съ ногъ и прыгнулъ въ двери.
Всѣ принялись кричать: держи, держи!
Лови, лови!—Буда ты? Ужъ Ивана
Царевича съ царевною Еленою
Давно догналъ проворный сѣрый волкъ;
И ужъ, соедѣвъ съ коня золотогрива,
Иванъ царевичъ пересѣлъ на волка,
И ужъ впередъ они опять, какъ вихрь,
Летѣли. Вотъ прѣехали и въ царство

Далматово опи. И сѣрый волкъ
 Сказалъ: въ коня золотогрива
 Я превращусь; а ты, Иванъ царевичъ,
 Меня отдавъ царю и взявъ жарь-птицу,
 Попржежнему съ царевною Еленой
 Ступай впередъ; я скоро догоню вась.
 Такъ всеи сдѣлаось, какъ волкъ устроилъ.
 Немедленно велѣлъ золотогрива
 Царь осѣдлатъ, и выѣхалъ на немъ
 Онъ съ свитою придворной на охоту;
 И впереди у всѣхъ онъ носкакалъ
 За зайцемъ; всѣ придворные кричали:
 Какъ молодецки скачетъ царь Далмать!
 Но вдругъ изъ-подъ него на всемъ скаку
 Юркнулъ шершавый волкъ, и царь Далмать,
 Перекувырнувшись съ его спины,
 Вмигъ очутился головою внизъ,
 Ногами вверхъ, и, по плеча ушедши
 Въ распаханную землю, упирался
 Въ псе руками и, напрасно сисясь
 Освободиться, въ воздухъ болталъ
 Ногами; вся къ нему тутъ свита
 Скакать нустилася; освободили
 Царя; потомъ всѣ принялися громко
 Кричать: лови, лови! травы, травы!
 Но было некого травить; на волкъ
 Уже попржежнему сидѣлъ Иванъ
 Царевичъ; на конѣ жъ золотогривѣ
 Царевна и подъ ней золотогривъ
 Гордился и плясая; не торопясь,
 Большою дорогою они шажкомъ
 Тихонько ѣхали; и мало ль, долго ль
 Ихъ дѣлаея дорога—наконецъ
 Они доѣхали до мѣста, гдѣ Иванъ
 Царевичъ сѣрымъ волкомъ въ первый разъ
 Былъ встрѣченъ; и еще лежали тамъ
 Его кони бѣлѣющія кости;
 И сѣрый волкъ, вздохнувъ, сказалъ Ивану
 Царевичу: теперь, Иванъ царевичъ,
 Пришла пора другъ друга намъ покинуть;
 Я вѣрою и правдою донинѣ
 Тебѣ служилъ и ласкою твоею
 Доволенъ и, покуда живъ, тебя
 Не позабуду; здѣсь же на прощаньи
 Хочу тебѣ совѣтъ полезный дать:
 Будь остороженъ, люди злы; и братьямъ
 Роднымъ не вѣрь. Молю усердно Бога,
 Чтобъ ты домой доѣхалъ безъ бѣды,
 И чтобъ меня обрадовалъ пріятнымъ

Извѣстемъ о себѣ. Прости, Иванъ
 Царевичъ: съ этимъ словомъ волкъ исчезъ.
 Погоревавъ о немъ, Иванъ царевичъ
 Съ царевною Еленой на сѣдлѣ,
 Съ жарь-птицей въ кляткѣ за плечами, далъ
 Поѣхалъ на конѣ золотогривѣ,
 И ѣхали они дня три, четыре;
 И вотъ, подъѣхавши къ границѣ царства,
 Гдѣ властвовалъ премудрый царь Демьянъ
 Давиловичъ, увидѣли богатый
 Шатерь, разбитый на дугу зеленомъ;
 И изъ шатра къ нимъ вышли... кто же?
 Климъ

И Петръ царевичи. Иванъ царевичъ
 Былъ встрѣченъ такою несказанно
 Обрадованъ; а братьямъ въ сердце зависть
 Змѣей вползла, когда они жарь-птицу
 Съ царевною Еленой у Ивана
 Царевича увидѣли въ рукахъ:
 Была имъ мысль неспоена показаться
 Безъ нячего къ отцу тогда, какъ братъ
 Мельшой воротится къ нему съ жарь-птицей
 Съ прекрасною пѣвстрой и съ конемъ
 Золотогривомъ, и еще получить
 Полцарства по пріѣздѣ; а когда
 Отецъ умретъ, и все возьметъ въ наслѣдство.
 И вотъ они замыслили злодѣйство:
 Видъ дружескій принявши, пригласили
 Они въ шатерь свой отдохнуть Ивана
 Царевича съ царевною Еленой
 Прекрасною. Безъ подозрѣнья оба
 Вошли въ шатерь. Иванъ царевичъ, долгой
 Дорогой утомленный, легъ и скоро
 Заснулъ глубокимъ сномъ; того и ждали
 Злодѣи, братья: мигомъ острый мечъ
 Они ему вопизли въ грудь, и въ полѣ
 Его оставили, и, взявъ царевну,
 Жарь-птицу и коня золотогрива,
 Какъ добрые, отравилися въ нуть.
 А между тѣмъ, подвижимъ, бездыханенъ,
 Облитый кровью, на полѣ широкомъ
 Лежалъ Иванъ царевичъ. Такъ прошелъ
 Весь день; уже склоняться пачинало
 На западъ солнце; поле было пусто;
 И ужъ надъ мертвымъ съ чернымъ воро-
 Носиаея, каркая и распустивши [испкомъ
 Широко крыла, хищный воронъ. — Вдругъ,
 Откуда ни возьмись, явился сѣрый
 Волкъ: онъ, бѣду великую почуявъ,

На помощь подоспѣлъ; еще бѣ минута,
 И было бѣ поздно. Угадавъ, какой
 Былъ умыселъ у ворона, онъ далъ
 Ему на мертвое спуститься тѣло;
 И только тотъ спустился, разомъ цапъ
 Его за хвостъ; закаркалъ старый воръ.
 Пусти меня на волю, сѣрый волкъ,
 Кричалъ онъ. — Не пуцу, тотъ отвѣчалъ,
 Пока не принесешь твой вороненокъ
 Живой и мертвой мнѣ воды. И воронъ
 Велѣлъ летѣть скорѣе вороненку
 За мертвою и за живой водою.
 Сыкъ полетѣлъ, а сѣрый волкъ, отца
 Порядкомъ скомкавъ, съ нимъ весьма учтиво
 Сталъ разговаривать, и старый воронъ
 Довольно могъ ему поразсказать
 О томъ, что онъ видалъ въ свой долгій вѣкъ
 Межъ птицъ и межъ людей. И слушалъ
 Его съ большимъ вниманьемъ сѣрый волкъ,
 И мудрости его необычайной
 Дивился, по однако все за хвостъ
 Его держалъ и иногда, чтобъ онъ
 Не забывался, миль его легонько
 Въ когтистыхъ лапахъ. Солнце сѣло; ночь
 Настала и прошла; и занялась
 Заря, когда съ живой водою и мертвой
 Въ двухъ пузырькахъ проворный воро-
 ненокъ
 Явился. Сѣрый волкъ взялъ пузырьки.
 И ворона отца пустил на волю.
 Потому онъ съ пузырьками подошелъ
 Къ лежавшему недвижимо Ивану
 Царевнчу: сперва его онъ мертвой
 Водою вспырнулъ—и въ минуту ранъ
 Его закрылася, околѣтѣлость
 Пропала въ мертвыхъ членахъ, заигралъ
 Румянецъ на щекахъ; его онъ вспырнулъ
 Живою водою—и онъ открылъ глаза,
 Пошевѣлился, потянулся, всталъ
 И молвилъ: какъ же долго проспалъ я?
 И вѣчно бы тебѣ здѣсь спать, Иванъ
 Царевичъ, сѣрый волкъ сказалъ, когда бѣ
 Не я; теперь тебѣ прямую службу
 Я отслужилъ; но эта служба, знай,
 Последняя; отнынѣ о себѣ
 Заботься самъ. А отъ меня приня
 Совѣтъ и поступи, какъ я тебѣ скажу.
 Твоихъ злодѣевъ братьевъ нѣтъ ужъ болѣ
 На свѣтѣ; имъ могучій чародѣй

Кошей безсмертный голову обнимъ
 Свернулъ и этотъ чародѣй навелъ
 На ваше царство сонъ; и твой родитель
 И подданные все его теперь
 Непробудимо спятъ; твою жъ царевну
 Съ жаръ-птицей и кошемъ золотогривомъ
 Похитилъ воръ Кошей; все трое
 Заключены въ его волшебномъ замкѣ.
 Но ты, Иванъ царевичъ, за свою
 Невѣсту ничего не бойся; злой
 Кошей надъ нею власти никакой
 Имѣть не можетъ: сильный талисманъ
 Есть у царевны; выйти жъ ей изъ замка
 Нельзя; ее избавитъ только смерть
 Кошеева; а какъ найти ту смерть, и я
 Того не вѣдаю; объ этомъ Баба
 Яга одна сказать лишь можетъ. Ты,
 Иванъ царевичъ, долженъ эту Бабу
 Ягу найти; она въ дремучемъ, темномъ лѣсѣ,
 Въ сѣдомъ, глухомъ бору живетъ въ избушкѣ
 На курыхъ пожкахъ; въ этотъ лѣсъ еще
 Никто сѣбѣ не пролагалъ; въ него
 Ни дикій звѣрь не заходилъ, ни птица
 Не залетала. Разъѣзжаетъ Баба
 Яга по цѣлой подлѣсной въ ступѣ,
 Пестомъ желѣзнымъ погоняетъ, сѣбѣ
 Метлою замстаетъ. Отъ нея
 Одной узнаешь ты, Иванъ царевичъ,
 Какъ смерть Кошееву тебѣ достать.
 А я тебѣ скажу, гдѣ ты найдешь
 Коня, который привезетъ тебя
 Прямой дорогой въ лѣсъ дремучій къ Бабѣ
 Ягѣ. Ступай отсюда на востокъ;
 Придешь на лугъ зеленый; посреди
 Его растутъ три дуба; межъ дубами
 Въ землѣ чугуиная зарыта дверь
 Съ кольцомъ; за то кольцо ты полыми
 Ту дверь, и внизъ по лѣстницѣ сойди;
 Тамъ за двѣнадцатую дверями запертъ
 Конь богатырскій; самъ изъ подземелья
 Къ тебѣ онъ выбѣжитъ; того коня
 Возьми и съ Богомъ поѣзжай; съ дороги
 Онъ не собьется. Ну, теперь прости,
 Иванъ царевичъ; если Богъ велитъ
 Съ тобой намъ свидѣться, то это будетъ
 Не иначе, какъ у тебя на свадьбѣ.
 И сѣрый волкъ помчался къ лѣсу; велѣлъ
 За нимъ смотрѣлъ Иванъ царевичъ съ
 грустью;

Волкъ, къ лѣсу любѣжавши, обернулся,
 Въ послѣдній разъ махнулъ издалека
 Хвостомъ, и скрылся. А Иванъ царевичъ,
 Оборотившись на востокъ лицомъ,
 Пошелъ впередъ. Идетъ онъ день, идетъ
 Другой; на третій онъ приходитъ къ лугу
 Зеленому; на томъ лугу три дуба
 Рагугъ; межъ тѣхъ дубовъ находить онъ
 Чугунную съ кольцомъ желѣзнымъ дверь;
 Онъ подымаетъ дверь; подъ тою дверью
 Крутая лѣстница; по ней онъ внизъ
 Спускается, и передъ нимъ внизу
 Другая дверь, чугунная жъ, и крѣпко
 Она замкомъ висячимъ заперта.

И вдругъ, онъ слышитъ, конь заржалъ,
 и ржанье
 Такъ было сильно, что, съ петасей сорва-
 вшись,
 Дверь наземь рухнула съ ужаснымъ
 стукомъ;

И видитъ онъ, что вмѣстѣ съ ней упало
 Еще одиннадцать дверей чугунныхъ;
 За этими чугунными дверями
 Давнымъ давно конь богатырскій запертъ
 Былъ колдуномъ. Иванъ царевичъ свист-
 Почуявъ сѣдока, на молодцкнй [пулъ;
 Свистъ богатырскій конь изъ стойла
 прынулъ,

И приближалъ, легокъ, могучъ, краснвъ,
 Глаза какъ звѣзды, пламенные поздри,
 Какъ туча грива, словомъ конь не конь,
 А чудо. Чтобъ узнать, каковъ онъ силой,
 Иванъ царевичъ по спинѣ его
 Повелъ рукой и подъ рукой могучей
 Конь захрапѣлъ и сильно пошатнулся;
 Но устоялъ, копыта втиснувъ въ землю;
 И человѣчьимъ голосомъ Ивану
 Царевичу сказалъ онъ: добрый витязь,
 Иванъ царевичъ, мнѣ такой, какъ ты,
 Сѣдокъ и надобещъ; готовъ тебѣ
 Я вѣрою и правдою служить;
 Садися на меня и съ Богомъ въ путь нагъ
 Отправимся; на свѣтѣ все дороги
 Я знаю; только прикажи, куда
 Тебя везти, туда и привезу.

Иванъ царевичъ въ двухъ словахъ коню
 Все объяснилъ и, сѣвши на него,
 Прикрикнулъ. И взвился могучій конь,
 Отъ радости заржавши, на дыбы;

Бьетъ по крутымъ бедрамъ его сѣдокъ;
 И конь бѣжитъ, подъ нимъ земля дрожить;
 Несется выше онъ деревъ стоячихъ,
 Несется ниже облаковъ ходячихъ,
 И прыгаетъ черезъ широкій долъ,
 И застилаетъ узкій долъ хвостомъ,
 И грудью все заграды пробиваетъ,
 Лета стрѣлой и легкими ногами
 Былиночки къ землѣ не пригибая,
 Пылиночки съ земли не подымая.
 Но, такъ скакавъ день цѣлый, наконецъ
 Конь утомился, потъ съ него бѣжалъ
 Ручьями, весь былъ окруженъ, какъ
 дымомъ,

Горячимъ паромъ онъ. Иванъ царевичъ,
 Чтобъ дать ему вздохнуть, поѣхалъ шагомъ;
 Ужъ было подъ вечеръ; широкимъ полемъ
 Иванъ царевичъ ѣхалъ и прекраснымъ
 Закатомъ солнца любовался. Вдругъ
 Онъ слышитъ дикій крикъ; глядитъ... и
 Два лѣшая дерутся на дорогѣ, [что же?
 Кусаются, брыкаются, другъ друга
 Рогами тычутъ. Къ нимъ Иванъ царевичъ
 Подѣхавши, спросилъ: за что у васъ,
 Ребята, дѣло стало?—Вотъ за что,
 Сказалъ одинъ; три клада намъ достались:
 Драчунъ дубинка, скатерть самобранка,
 Да шапка невидимка—насъ же двое;
 Какъ поровну намъ раздѣлится? Мы
 Заспорили и вышла драка; ты
 Разумный человѣкъ; подай совѣтъ намъ,
 Какъ поступить?—А вотъ какъ, имъ Иванъ
 Царевичъ отвѣчалъ; пуцу стрѣлу,
 А вы за ней бѣгите; съ мѣста жъ, гдѣ
 Она на землю упадетъ, обратно
 Пуститесь въ запуски ко мнѣ; кто первый
 Здѣсь будетъ, тотъ возьметъ себѣ на выборъ
 Два клада; а другому взять одинъ.
 Согласны ль вы?—Согласны, закричали
 Рогатые; и стали рядомъ. Лугъ
 Тугой своей пятачувъ, пустилъ стрѣлу
 Иванъ царевичъ: лѣшіе за ней
 Помчались, вымуча глаза, оставивъ
 На мѣстѣ скатерть, шапку и дубинку.
 Тогда Иванъ царевичъ, взявъ подъ мышку
 И скатерть и дубинку, на себя
 Надѣлъ спокойно шапку невидимку,
 Сталъ невидимъ и самъ и конь, и дакъ
 Поѣхалъ, глухимъ лѣшайамъ оставивъ

На произволь, пачать ли снова драку
Иль помириться. Богатырскій конь
Поспѣлъ еще до захожденья солнца
Въ дремучій лѣсъ, гдѣ обитала Баба
Яга. И въѣхавъ въ лѣсъ, Иванъ царевичъ
Дивится древности его огромныхъ
Дубовъ и сосенъ, тускло освѣщенныхъ
Зарей вечернею; и все въ немъ тихо:
Деревья все, какъ сонныя, стоятъ,
Не колыхнется листъ, не шелкнется
Былинка; нѣтъ живого ничего
Въ безмолвной глубинѣ лѣсной, ни птицы
Между вѣтвей, ни въ травкѣ червяка;
Лишь слышится въ молчаньи повсемѣ-
стномъ

Гремучій топотъ конскій. Наконецъ
Иванъ царевичъ въѣхалъ къ избушкѣ
На курьихъ ножкахъ. Онъ сказалъ:
избушка,

Избушка, къ лѣсу стань задомъ, ко мнѣ
Стань передомъ. И передъ нимъ избушка
Перевернулась; онъ въ нее вошелъ;
Въ дверяхъ остановясь, перекрестился,
На все четыре стороны потомъ,
Какъ должно, поклонился и, глазами
Избушку всю окинувши, увидѣлъ,
Что на полу ея лежала Баба
Яга, уперши ноги въ потолокъ
И въ уголъ голову. Услышавъ стукъ
Въ дверяхъ, она сказала: фу! фу! фу!
Какое диво! русскаго здѣсь духу
До этихъ поръ не слыхано слыхомъ,
Не видало видомъ, а виче русскій
Духъ ужъ въ очахъ евершается. Зачѣмъ
Пожаловалъ сюда, Иванъ царевичъ?
Неволею иль волею? Донишѣ
Здѣсь ни дубравный звѣрь не проходилъ,
Ни птица легкая не пролетала,
Ни богатырь лихой не проѣзжалъ;
Тебя какъ Богъ сюда занесъ, Иванъ
Царевичъ?—Ахъ, безмозгая ты вѣдьма!
Сказалъ Иванъ царевичъ Бабѣ
Ягѣ; сначала накорми, паной
Меня ты, молодца; да постели
Постелю мнѣ, да выспаться мнѣ дай,
Потомъ разспрашивай. И тотчасъ Баба
Яга, поднявшись на ноги, Ивана
Царевича, какъ слѣдуетъ, обмыла
И выпарила въ банѣ, накормила

И напоила, да и тотчасъ спать
Въ постелю уложила, такъ примолвивъ:
Спи, добрый витязь; утро мудреѣе,
Чѣмъ вечеръ; здѣсь теперь спокойно
Ты отдохнешь; нужду жъ свою раскажешь
Мнѣ завтра; я, какъ знаю, помогу.
Иванъ царевичъ, Богу помолясь,
Въ постелю легъ и скоро спомъ глубокимъ
Заснулъ и проспалъ до полудня. Вставши,
Умывшись, одѣвшись, онъ Бабѣ
Ягѣ подробно разсказалъ, зачѣмъ
Заѣхалъ къ ней въ дремучій лѣсъ; и Баба
Яга ему отвѣтствовала такъ:
Ахъ! добрый молодецъ Иванъ царевичъ,
Зачѣмъ ты пешуточное дѣло;
Но не кручинься, все уладимъ съ Богомъ;
Я научу, какъ смерть тебѣ Коцея
Безсмертнаго достать; изволь меня
Послушать: на морѣ на Окіанѣ,
На островѣ великомъ на Буялѣ
Есть старый дубъ; подъ этимъ старымъ
дубомъ
Зарытъ сундукъ, окованный желѣзомъ;
Въ томъ сундукѣ лежитъ пушистый заяцъ;
Въ томъ зайцѣ утка сѣрая сидитъ;
А въ уткѣ той яйцо; въ яйцѣ же смерть
Коцеева. Ты то яйцо возьми
И съ нимъ ступай къ Коцею, а когда
Въ его прѣйдешь замокъ, то увидишь,
Что змѣй двѣнадцатоголовый входъ
Въ тотъ замокъ естережетъ; ты съ этимъ
Не думай драться, у тебя на то [змѣемъ
Дубинка есть: она его уметъ.
А ты, надѣвши шапку невидимку,
Иди прямой дорогою къ Коцею
Безсмертному; въ минуту онъ отдохнетъ,
Какъ скоро ты при немъ яйцо раздавишь.
Смотри лишь, не забудь, когда назадъ
Поѣдешь, взять и гусакъ самогуды:
Лишь ихъ игрою только твой родитель
Демьянъ Даниловичъ и все его
Заснувшее съ нимъ вмѣстѣ государство
Пробуждены быть могутъ. Ну, теперь
Прости, Иванъ царевичъ; Богъ съ тобою;
Твой добрый конь найдеть дорогу самъ;
Когда жъ свершишь опасный подвигъ свой,
То и меня старуху помани
Не лихомъ, а добромъ. Иванъ царевичъ,
Противишься съ Бабою Ягою, съѣлъ

На добраго коня, перекрестился,
 По-молодецки свиснулъ, конь помчался,
 И скоро лѣсъ дремучій за Иваномъ.
 Царевичемъ пропалъ вдали, и скоро
 Мелькнуло впередъ чертою синей
 На краѣ неба море Окіанъ.
 Вотъ прискакалъ и къ морю Окіану
 Иванъ царевичъ. Осмотрясь, онъ видитъ,
 Что у моря лежитъ рыбацїй неводъ
 И что въ томъ неводѣ морская щука
 Трепшется. И вдругъ ему та щука
 По-человѣчьи говоритъ: Иванъ
 Царевичъ вынь изъ невода меня
 И въ море брось; тебѣ я пригожуся.
 Иванъ царевичъ, тотчасъ просьбу щуки
 Исполнилъ, и она, хлестнувъ хвостомъ
 Въ знакъ благодарности, исчезла въ морѣ.
 А на море глядитъ Иванъ царевичъ
 Въ недоумѣніи; на самомъ краѣ,
 Гдѣ небо съ нимъ какъ будто бы слилося,
 Онъ видитъ, длинной полосой островъ
 Буянь чернѣетъ; онъ и недалекъ;
 Но кто туда перевезетъ? Вдругъ конь
 Заговорилъ: о чемъ, Иванъ царевичъ,
 Задумался? О томъ ли, какъ добраться
 Намъ до Буяна острова? Да что
 За трудность? Я тебѣ корабль; сиди
 На мѣ, да крѣпче за меня держись,
 Да не робѣй, и духомъ доплывемъ.
 И въ гриву конскую Иванъ царевичъ
 Рукою впутался, крутяя бедра
 Коня ногами крѣпко стиснулъ; конь
 Разевирѣвилъ и, разскакавшись, принялъ
 Съ крутого берега въ морскую бездну;
 На мигъ и онъ и всадникъ въ глубинѣ
 Пронали; вдругъ раздвинулася съ шумомъ
 Морская зыбь и вынырнулъ могучій
 Конь изъ нея съ отважнымъ сѣдокомъ;
 И началъ конь копытами и грудью
 Бить по водамъ и волны пробивать,
 И вокругъ него кипѣла, волновалась,
 И ибѣилась и брызгами взлетала
 Морская зыбь и сильными прыжками,
 Подъ крѣпкія копыта заребая
 Кругомъ ревущую волну, какъ легкій
 На парусахъ корабль съ попутнымъ
 вѣтромъ,
 Впередъ стремился конь, и длинный слѣдъ
 Шипящею бѣжалъ за нимъ змѣю;

И скоро онъ до острова Буяна
 Доплылъ и на берегъ его отлогій
 Изъ моря выбѣжалъ, покрытый ибной.
 Не сталъ Иванъ царевичъ медлить; онъ,
 Коня пустивъ по шелковому лугу
 Ходить, гулять и травку медовую
 Щипать, пошелъ поспѣшнымъ шагомъ къ
 Который росъ у берега морского [дубу,
 На высотѣ муравчатого холма.
 И, къ дубу подошедъ, Иванъ царевичъ
 Его шатнулъ рукою богатырской,
 Но крѣпкій дубъ не пошатнулся; онъ
 Опять его шатнулъ—дубъ скрипнулъ; онъ
 Еще шатнулъ его и посильнѣе,
 Дубъ покачнулся и подъ нимъ коренья
 Зашевелили землю; тутъ Иванъ царевичъ
 Всей силою рванулъ его—и съ трескомъ
 Онъ повалился, изъ земли коренья
 Со всѣхъ сторонъ, какъ змѣи, поднялися,
 И тамъ, гдѣ ими дубъ вивался въ землю,
 Глубокая открылась яма. Въ ней
 Иванъ царевичъ кованый сундукъ
 Увидѣлъ; тотчасъ тотъ сундукъ изъ ямы
 Онъ вытащилъ, висячїй сбиль замокъ,
 Взялъ за уши лежавшаго тамъ зайца
 И разорвалъ; но только лишь успѣлъ
 Онъ зайца разорвать, какъ изъ него
 Вдругъ выпорхнула утка; быстро
 Она взвилась и полетѣла къ морю;
 Въ нее пустилъ стрѣлу Иванъ царевичъ
 И мѣтко такъ, что пронизалъ ее
 Насквозь; закрикавъ, кувырнула утка;
 И изъ нея вдругъ выпало яйцо,
 И прямо въ море; и пошло, какъ ключъ,
 Ко дну. Иванъ царевичъ ахнулъ; вдругъ
 Откуда ни возьмись, морская щука
 Свергнула на водѣ, потомъ юркнула,
 Хлестнувъ хвостомъ, на дно, потомъ опять
 Всплыла и, къ берегу съ яйцомъ во рту
 Тихохонько приблизясь, на песокъ
 Яйцо оставила, потомъ сказала:
 Ты видишь самъ теперь, Иванъ царевичъ,
 Что я тебѣ въ часъ нужный пригодилась.
 Съ симъ словомъ щука уплыла. Иванъ
 Царевичъ взялъ яйцо; и конь могучій
 Съ Буяна острова на твердый берегъ
 Его обратно перенесъ. И далѣ
 Конь поскакалъ и скоро прискакалъ
 Къ крутой горѣ, на высотѣ которой

Кошцевъ замокъ былъ; ея подошва
 Обведена была стѣной желѣзной;
 И у воротъ желѣзной той стѣны
 Двѣнадцатоголовый змѣй лежалъ;
 И изъ его двѣнадцати головъ
 Всегда шесть снали, шесть не снали, днемъ
 И ночью по два раза для надзора
 Смѣняясь; а въ виду воротъ желѣзныхъ
 Никто и вдалекѣ остановиться
 Не смѣлъ: змѣй подымался, и отъ зубъ
 Его ужъ не было спасенья—онъ
 Былъ невредимъ и только самъ себя
 Могъ умертвить; чужая жъ сила сладить
 Съ нимъ ни какая не могла. Но конь
 Былъ остороженъ; онъ подвезъ Ивана
 Царевича къ горѣ со стороны
 Противной воротамъ, въ которыхъ змѣй
 Лежалъ и караулилъ; потихоньку
 Иванъ Царевичъ въ шанкѣ невидимкѣ
 Подвѣхалъ къ змѣю; шесть его головъ
 Во все глаза по сторонамъ глядѣли,
 Разинувъ рты, оскаливъ зубы; шесть
 Другихъ головъ на вытянутыхъ шеяхъ
 Лежали на землѣ, не шевелясь,
 И спомъ объятаы хранѣли. Тутъ
 Иванъ царевичъ, подтолкнувъ дубинку,
 Висѣвшую спокойно на сѣдлѣ,
 Шеннулъ ей: начинай! Не стала долго
 Дубинка думать, тотчасъ прыгъ съ сѣдла,
 На змѣя кинулась, и ну его
 По головамъ и спящимъ и неспящимъ
 Гвоздить. Онъ зашипѣлъ, озлился, началъ
 Туда, сюда бросаться; а дубинка
 Его себѣ колотить да колотить;
 Лишь только онъ одну разинетъ пасть,
 Чтобы ее схватить—анъ нѣтъ, прощу
 Не торопиться, ужъ она
 Ему другую чешетъ морду; все онъ
 Двѣнадцать ртовъ откроетъ, чтобъ ее
 Поймать—она по всемъ его зубамъ,
 Оскаленнымъ какъ будто на показъ,
 Гуляетъ и все зубы чиститъ; взывъ
 И все носы наморщивъ, онъ зажметъ
 Все рты и ланами схватитъ дубинку
 Попробуетъ—она тогда его
 Чиститъ по всемъ двѣнадцати затылкамъ;
 Змѣй въ изступленіи, какъ одурѣлый,
 Бѣдался, вылъ, кувыркался, отъ злости

Дыпалъ огнемъ, грызъ землю—все на-
 Не торопясь, отчетливо, спокойно, [прасно!
 Безъ промаховъ, надъ нимъ свою дубинка
 Работу продолжаетъ, и его,
 Какъ на току усердный цѣпъ, молотитъ;
 Змѣй наконецъ озлился такъ, что началъ
 Грызть самого себя и, когти въ грудь
 Себѣ вдругъ запустивъ, рванулъ такъ
 сильно,
 Что разорвался на двое и, съ визгомъ
 На землю грянувшись, издохъ. Дубинка
 Работу и надъ мертвымъ продолжать
 Свою, какъ надъ живымъ, хотѣла; но
 Иванъ царевичъ ей сказалъ: довольно!
 И вмгъ она, какъ будто не бывала
 Ни въ чемъ, повисла на сѣдлѣ. Иванъ
 Царевичъ, у воротъ коня оставивъ,
 И разостлавши скатерть самобранку
 У ногъ его, чтобъ могъ усталый конь
 Наѣсться и напиться вдоволь, самъ
 Попелъ, покрытый шанкой невидимкой,
 Съ дубинкою на великій случай и съ яйцомъ
 Въ Кошцевъ замокъ. Трудновато было
 Карбаться ему на верхъ горы;
 Вотъ наконецъ добрался и до замка
 Кошцева Иванъ царевичъ. Вдругъ
 Онъ слышитъ, что въ саду недалеко
 Играютъ гусли самогуды; въ садъ
 Вошедши, въ самомъ дѣлѣ онъ увидѣлъ,
 Что гусли на дубу висѣли и играли,
 И что подъ дубомъ тѣмъ сама Елена
 Прекрасная сидѣла, погрузившись
 Въ раздумье. Шанку невидимку снявши,
 Онъ тотчасъ ей явился и рукою
 Знакъ подавъ, чтобъ она молчала. Ей
 Потомъ онъ на ухо шеннулъ: я смерть
 Кошцеву принеся; ты подожди
 Меня на этомъ мѣстѣ; я съ нимъ скоро
 Управлюся и возвращусь; и мы
 Немедленно уѣдемъ. Тутъ Иванъ
 Царевичъ, снова шанку невидимку
 Надѣвъ, хотѣлъ идти искагъ Кошца
 Безсмертнаго въ его волшебномъ замкѣ,
 Но онъ и самъ пожаловалъ. Приблизясь,
 Онъ сталъ передъ царевною Еленой
 Прекрасною и началъ поирекать ей
 Ея печаль и говорить: Иванъ
 Царевичъ твой къ тебѣ ужъ не придетъ;
 Его ужъ намъ не воскреситъ. Но чѣмъ же

Я не женихъ тебѣ, скажи сама,
 Прекрасная моя царевна? Полно жъ
 Упрямится, упрямецъ не поможетъ;
 Изъ рукъ моихъ оно тебя не вырветъ;
 Ужъ я... Дубинкѣ тутъ шепнулъ Иванъ
 Царевичъ: начинай! И принялась
 Она трепать Коцею спину. Съ крикомъ,
 Какъ бѣшеный, коверкается и прыгать
 Опъ началъ, а Иванъ царевичъ, шапки
 Не снявъ, сталъ приговаривать: прибавъ,
 Прибавъ, дубинка; по дѣломъ ему
 Собакъ; не воруй чужихъ певѣтъ;
 Не докучай своею волчьей харей
 И глупымъ сватовствомъ своимъ пре-
 Царевнамъ; злого сна не наводи [краснымъ
 На парета! крѣпче бей его, дубинка.—
 «Да гдѣ ты! покажись! кричалъ Коцей,
 Кто ты таковъ?»—А вотъ кто! отвѣчалъ
 Иванъ царевичъ, шапку невидимку
 Снявъ съ головы своей, и въ тожъ мгновенье
 Ударилъ оземъ онъ яйцо; оно
 Разбилось въ дребезги; Коцей безсмертный
 Перекувырнулся и околѣлъ.⁴
 Иванъ царевичъ изъ саду съ царевной
 Еленою прекрасной вышелъ, взять
 Не позабывши гусли самогуды,
 Жарь-птицу и копя золотогрива.
 Когда жъ они съ крутой горы спустились
 И, сѣвши на коней, въ обратный путь
 Поѣхали, гора, ужасно затрепавъ,
 Упала съ замкомъ, и на мѣстѣ томъ
 Явилось озеро и долго чершый
 Надъ нимъ клубился дымъ, расироостраняся
 По всей окрестности съ великимъ смрадомъ.
 Тѣмъ временемъ Иванъ царевичъ давъ
 Конямъ на волю ихъ везти, какъ имъ
 Самимъ хотѣлось, весело съ прекрасной
 Невѣстой ѣхалъ. Скатерть самобранка
 Усердно имъ дорогою служила,
 И былъ всегда готовымъ вкусный завтракъ,
 Обѣдъ и ужинъ въ надлежащій часъ:
 На муравѣ душистой утромъ, въ полдень
 Подъ деревомъ густовершиннымъ, ночью
 Подъ шелковымъ шатромъ, который былъ
 Всегда изъ двухъ отдѣльныхъ половинъ
 Составленъ. И за каждой ихъ трапезой
 Играли гусли самогуды; ночью
 Свѣтила имъ жарь-птица, а дубинка
 Стояла на часахъ передъ шатромъ:

Кони же, подружаясь, гуляя вмѣстѣ,
 Каталися по бархатному дугу,
 Или траву росистую щипали,
 Иль, голову кладя поочередно
 Другъ другу на спину, спокойно спали.
 Такъ ѣхали они путемъ дорогой,
 И наконецъ пріѣхали въ то царство,
 Которымъ властвовалъ отецъ Ивана
 Царевича, премудрый царь Демьянъ
 Даниловичъ. И царство все отъ самыхъ
 Его границъ до царскаго дворца
 Объято было сномъ непробуднымъ;
 И гдѣ они ни проѣзжали, все
 Тамъ спало; на полѣ передъ сохой
 Стояли спящіе волю; близъ нихъ
 Съ своимъ бичомъ, взмахнутымъ и за-
 спущеннымъ
 На взмахѣ, нахаръ спалъ: среди большой
 Дороги спалъ ѣздокъ съ конемъ и пылъ,
 Поднявшись, сонная, недвижнымъ клубомъ
 Стояла; въ воздухѣ былъ мертвый сонъ;
 На деревьяхъ листья дремали молча;
 И въ вѣтвяхъ сонныя молчали птицы;
 Въ селеньяхъ, въ городахъ все было тихо,
 Какъ будто въ гробѣ: люди по домамъ,
 На улицахъ, гуляя, сидя, стоя,
 И съ ними все: собаки, кошки, куры,
 Въ конюшняхъ лошади, въ закутахъ овцы,
 И мухи на стѣнахъ, и дымъ въ трубахъ,
 Все спало. Такъ въ отцовскую столицу
 Иванъ царевичъ напосяѣдокъ прибылъ
 Съ царевной Еленою прекрасной.
 И, на широкій взѣхавъ царскій дворъ,
 Они на немъ лежащіе два трупа
 Увидѣли: то были Климъ и Петръ
 Царевичи, убитые Коцсемъ.
 Иванъ царевичъ, мимо караула,
 Стоявшаго въ парадѣ соннымъ строемъ,
 Пропедевъ, по лѣстницѣ повелъ невѣсту
 Въ покои царскіе. Былъ во дворцѣ,
 По случаю прибытія духъ старшихъ
 Царевыхъ сыновей, богатый пиръ
 Въ тотъ самый часъ, когда убилъ обоихъ
 Царевичей и сонъ на весь народъ
 Навелъ Коцей: весь пиръ въ одно мгновенье
 Тогда заснулъ, кто какъ сидѣлъ, кто какъ
 Ходилъ, кто какъ плясалъ; и въ этомъ снѣ
 Еще ихъ всѣхъ нашель Иванъ царевичъ;
 Демьянъ Даниловичъ спалъ стоя; подлѣ

Царя хранилъ министръ его двора
 Съ открытымъ ртомъ, съ неконченнымъ
 Докладомъ; и придворные чины, [во рту
 Веѣ вытянувшись, сонные стояли
 Передъ царемъ, оставивъ на него
 Свой глаза, потухшіе отъ сна,
 Съ подобострастіемъ на сонныхъ лицахъ,
 Съ заснувшею улыбкой на губахъ.
 Иванъ царевичъ, подошедъ съ царевной
 Еленою прекрасною къ царю,
 Сказалъ: играйте, гусли самогуды;
 И заиграли гусли самогуды...
 Вдругъ все очулось, все заговорило,
 Запрыгало и залясало; словно
 Ни на минуту не былъ прерванъ пиръ.
 А царь Демьянъ Даниловичъ, увидя,
 Что передъ нимъ съ царевною Еленою
 Прекрасною стоитъ Иванъ царевичъ,
 Его любимый сынъ, едва совѣмъ
 Не обезумѣлъ: онъ смѣялся, плакалъ,
 Глядѣлъ на сына, глазъ не отводя,
 И цѣловалъ его и миловалъ,
 И напоследокъ такъ развеселился,
 Что руки въ боки, и пошелъ плясать
 Съ царевною Еленою прекрасною.
 Потомъ онъ приказалъ стрѣлять изъ пу-
 Звопитъ въ колокола и бряцанъ [шекъ,
 Столицѣ возвѣститъ, что возвратился
 Иванъ царевичъ, что ему полцарства
 Теперь же уступаетъ царь Демьянъ
 Даниловичъ, что онъ наименованъ
 Наслѣдникомъ, что завтра бракъ его
 Съ царевною Еленою свершится
 Въ придворной церкви и что царь Демьянъ
 Даниловичъ весь свой народъ зоветъ
 На свадьбу къ сыну, веѣхъ военныхъ,
 статскихъ,
 Министровъ, генераловъ, веѣхъ дворянъ
 Богатыхъ, веѣхъ дворянъ мелкопомѣстныхъ,
 Купцовъ, мѣщанъ, простыхъ людей и даже
 Веѣхъ нищихъ. И на слѣдующій день
 Невѣсту съ женихомъ повелъ Демьянъ
 Даниловичъ къ вѣнцу; когда же ихъ
 Перевѣчали, тотчасъ поздравленье
 Имъ пришели веѣ знатные чины
 Обоихъ половъ; а народъ на площади
 Дворцовой той порой кинѣлъ, какъ море;
 Когда же вышелъ съ молодыми царь
 Къ нему на золотой балюсъ, отъ крика:

*Да здравствуетъ нашъ государь Де-
 мьянъ
 Даниловичъ съ наследникомъ Иваномъ
 Царевичемъ и съ дочерью царевной
 Еленою прекрасною! И вотъ зданья
 Столицы дрогнули, и отъ взлетѣвшихъ
 На воздухъ шапокъ Божій день затмился.
 Вотъ на обѣдъ веѣ званые царемъ
 Сошлись гости—вся его эголица;
 Въ домахъ остались одни больные,
 Да дѣти, кошки и собаки. Тутъ
 Свое проворство скатерть самобранка
 Явила: вдругъ она на цѣлый городъ
 Ракинула; сама собою площадъ
 Установилась столами и столы
 По улицамъ въ два ряда протянулись;
 На веѣхъ столахъ сервизъ былъ золотой,
 И не стекло—хрусталь; а подъ столами
 Шелковые ковры повсюду были
 Разостланы; и веѣмъ гостямъ служили
 Гайдуки въ золотыхъ ливреяхъ. Былъ
 Обѣдъ такой, какого никогда
 Никто не слыживалъ: уха, какъ жидкій
 Яптаръ, сверкавшая въ большихъ ка-
 стрюляхъ;*

Огромножирныя, длиною въ сажень,
 Изъ Воли стегляди на золотыхъ
 Узорныхъ блюдахъ; кулебяка съ сладкой
 Начинкою, съ груздями гуся, каша
 Съ сметаню, блины съ кнрою свѣжей
 И крупшой, какъ жемчугъ, и пироги
 Подовые, потопленные въ маслѣ;
 А для питья шипучій квасъ въ хрусталь-
 Кувшинкахъ, мартовское пиво, медъ [ныхъ
 Думистый и вино изъ веѣхъ земель:
 Шампанское, венгерское, мадера
 И ренское, и всякія наливки—
 Корою молвить, скатерть самобранка
 Такъ отличилась, что было чудо.
 Но и дубинка не лежала праздно:
 Вся гвардія была за нарекій столъ
 Приглашена, вея даже городская
 Полиція—дубинка молодечки
 За веѣхъ одна служила: во дворцѣ
 Держала караулъ; она же ходила
 По улицамъ, чтобы наблюдать вездѣ
 Порядокъ: кто ей виный попадался,
 Того она толкала въ спину прямо
 На съезжую; кого жъ въ пустомъ гдѣ домѣ

За кражею она ловила, тотъ
Вылъ такъ отпеланъ, что отъ воровства
Навѣки отрекался и вступалъ
Въ путь добродѣтели—дубинка, словомъ,
Неимовѣрная во время пира
Царю, гостямъ и городу всему
Услуги оказала. Между тѣмъ
Все во дворцѣ кипѣло, гости ѣли
И пили такъ, что съ ихъ румяныхъ лицъ
Катился потъ; тутъ гусли самогуды
Явили все усердіе свое:

При нихъ не нуженъ былъ оркестръ, и гости
Ужь музыки наслаждались такой,
Какая никогда имъ и во снѣ
Не грезилась. Но вотъ, когда, наполнивъ
Виномъ заздравный кубокъ, царь Демьянъ
Даниловичъ хотѣлъ провозгласить
Самъ многолѣтне повобращнымъ, громко
На площади раздала трубный звукъ;
Всѣ изумились, всѣ оторопѣли;
Царь съ молодыми самъ идетъ къ окну,
И что же ихъ является очамъ?

Карета въ восемь лошадей (трубачъ
Съ трубою впереди) къ крыльцу дворца
Сквозь улицу толпы народной скачетъ;
И та карета золотая; козы
Съ подушкою и бархатнымъ покрыты
Наметомъ; назади шесть гайдуковъ;
Шесть скороходовъ по бокамъ; ливренъ
На нихъ изъ сѣраго сукна, по швамъ
Басоны; на каретныхъ дверцахъ гербъ:
*Въ червленомъ полѣ волній хвостъ
подъ графской*

Короною. Въ карету заглянувъ,
Иванъ царевичъ закричалъ: да это
Мой благодѣтель сѣрый волкъ! Его
Встрѣчать бѣгомъ онъ побѣжалъ. И точно
Сидѣлъ въ каретѣ сѣрый волкъ; Иванъ
Царевичъ, подскочивъ къ каретѣ, двери
Самъ отворилъ, подножку самъ откинулъ,
И гости высадилъ; потомъ онъ, съ нимъ
Поцѣловавшись, взявъ его за лану,
Ввелъ во дворецъ и самъ его царю
Представилъ. Сѣрый волкъ, отдавъ поклонъ
Царю, осанисто на заднихъ лапахъ
Всѣхъ обошелъ гостей, мужчинъ и дамъ,
И всѣмъ, какъ слѣдуетъ, по комплименту
Приятному сказалъ; онъ былъ одѣтъ
Отлично: красная на головѣ

Ермолка съ кисточкой, подъ морду лентой
Подвязанная; шелковый платокъ
На шеѣ; куртка съ золотымъ шитьемъ;
Перчатки лайковые съ бахромою;
Перепоясанныя тонкой шалью
Изъ алаго атласа шаровары;
Сафьянныя на заднихъ лапахъ туфли,
И на хвостѣ серебряная сѣтка
Съ жемчужной кистью—такъ былъ сѣрый
волкъ

Одѣтъ. И всѣхъ своимъ онъ обхожденьемъ
Очаровалъ; не только что простые
Дворные маленькыхъ чиповъ и среднихъ,
Но и чипы придворные, статсъ-дамы
И фрейлины всѣ были отъ него
Какъ безъ ума. И, гости за столомъ
Съ собою рядомъ посадивъ, Демьянъ
Даниловичъ съ нимъ кубкомъ въ кубокъ
стукнулъ

И возгласилъ здоровье повобращнымъ,
И пушечный заздравный грянулъ залъ.
Пиръ царскій и народный продолжался
До темной ночи; а когда настала
Почная тьма, жаръ-птицу на балконѣ
Въ ея богатой клѣткѣ золотой
Поставили, и весь дворецъ, и площадь,
И улицы, кипѣвшия народомъ,
Яснѣ дна жарь-птица освѣтила.
И до утра столица пировала.
Вылъ почевать оставленъ сѣрый волкъ;
Когда же на другое утро онъ,
Собравшись въ путь, прощаться сталъ
съ Иваномъ

Царевичемъ, его Иванъ царевичъ
Сталъ уговаривать, чтобъ онъ у нихъ
Остался на житье, и увѣрялъ,
Что всякую получить почестъ онъ,
Что во дворцѣ дадутъ ему квартиру,
Что будетъ онъ по чину въ первомъ классѣ,
Что разомъ всѣ получить ордена,
И прочее. Подумавъ, сѣрый волкъ
Въ знакъ своего согласія Ивану
Царевичу далъ лану, и Иванъ
Царевичъ такъ былъ тронутъ тѣмъ, что лану
Поцѣловалъ. И во дворцѣ сталъ жить
Да поживать по-царски сѣрый волкъ.
Вотъ наконецъ по долгомъ, мирномъ,
славномъ
Владычествѣ, премудрый царь Демьянъ

Даниловичъ скончался, на престолъ
Взошелъ Иванъ Демьяновичъ; съ своею
Царницей онъ до самыхъ позднихъ лѣтъ
Достигнулъ, и Господь благословилъ
Ихъ многими дѣтьми; а сѣрый волкъ
Душою въ душу жилъ съ царемъ Иваномъ
Демьяновичемъ, нянчился съ его
Дѣтьми, самъ, какъ дитя, рѣзвился съ ними,
Меньшимъ рассказывалъ нерѣдко сказки,
А старшихъ выучилъ читать, писать
И арифметикѣ, и имъ давалъ
Полезныя для сердца наставленья.
Вотъ напоследокъ, царствовалъ премудро,
И царь Иванъ Демьяновичъ скончался;
За нимъ послѣдовалъ и сѣрый волкъ
Въ могилу. Но въ его нашедшесъ бумагахъ
Подробныя записки обо всемъ,
Что на своемъ вѣку въ лѣсу и свѣтѣ
Замѣтилъ онъ, и мы изъ тѣхъ записокъ
Составили правдивый нашъ разсказъ.

НОВѢСТЬ ОБЪ ЮСИФѢ ПРЕКРАСНОМЪ.

I.

Иаковъ жилъ въ землѣ, гдѣ Исаакъ
Его отецъ жилъ прежде; въ Хананейской
Землѣ богатой; сыновья его
Насли въ горахъ обильныя стада.
Межь ними самый младшій былъ Юсифъ.
Онъ родился Иакову подъ старость,
И болѣ всѣхъ любилъ его отецъ.
Онъ пеструю одежду далъ ему
И веселился, видя красоту
Его лица. А братьямъ было то
Завидно; въ сердцѣ ихъ кипѣла
Вражда къ Юсифу; и никогда
Они привѣтственнаго слова брату
Не говорили. Разъ приснился сонъ
Ему—и братьямъ разсказалъ Юсифъ
Тотъ сонъ. Послушайте, онъ говорилъ,
Привидѣлося мнѣ, что будто всѣ
Мы въ полѣ; будто всѣ мы вяжемъ
Сноны; вдругъ сонъ мой поднялся, а ваши
Передъ мной, какъ будто поклоняясъ
Ему, легли. На это братья всѣ
Сказали: видно, хочешь ты надъ нами
Господствовать и нашимъ быть царемъ?
И болѣ съ тѣхъ лоръ его они
Возненавидѣли. Потомъ ему
Опять приснился сонъ. Его отцу

И братьямъ разсказалъ Юсифъ: мнѣ
Привидѣлося, что солнце и луна
Съ одиннадцатю свѣтлыми звѣздами
Мнѣ поклонились. Но отецъ ему
Велѣлъ умолкнуть, говори: что можетъ
Твой сонъ знаменовать? Иль мыслишь ты,
Что и отецъ и мать и братья въ землю
Тебѣ поклоняются? И братья пуше
Противъ него за этотъ чудный сонъ
Озлобилнесъ; отецъ же про себя
Его слова на памяти сберегъ.
И скоро братья на поля Сихема
Отцовскія стада перевели.
Тогда, призвавъ Юсифа, Иаковъ
Ему сказалъ: твои всѣ братья нынѣ
Въ Сихемѣ на лугахъ стада моихъ
Овецъ пасутъ; поди, мой сынъ Юсифъ,
Туда, провѣдай, здравствуютъ ли братья
И овцы; и объ нихъ мнѣ принесен
Извѣстіе. Покинувши долину
Хевронскую, пошелъ въ Сихемъ Юсифъ.
Онъ не нашелъ тамъ братьевъ; но ему,
Искавшему ихъ, человѣкъ
Прохожій встрѣтился и у него
Спросилъ: кого ты ищешь? Онъ ему
Сказалъ въ отвѣтъ: ищу своихъ я братьевъ.
И тотъ ему отвѣтилъ: я слыхалъ
Ихъ говорящихъ здѣсь: мы въ Дофанмъ
Пойдемъ отсюда.—И за ними велѣдъ
Пошелъ Юсифъ въ Дофанмъ, и ихъ
Нашелъ онъ въ Дофанмѣ. Пздали
Увидѣвши идущаго его,
Они сказали: вотъ идетъ сновидецъ!
И замысливъ погубить его ихъ сердце
Проникъ. Другъ другу такъ они сказали:
Когда придетъ онъ, мы убьемъ его
И бросимъ тѣло въ этотъ водоемъ,
И скажемъ, что его съѣлъ дикій звѣрь.
Тогда увидимъ, сбудется ли сонъ,
Которымъ хвасталъ онъ! Услышавъ ихъ
Слова, Рувимъ, чтобы изъ рукъ ихъ брата
Спасети, имъ такъ сказалъ: не убивайте
Его на вашу душу; рукъ своихъ
Не обгаряйте кровью; а живого
Его спустите въ этотъ водоемъ
И тамъ оставьте. Такъ онъ говорилъ,
А втайнѣ былъ намбрень отвести
Его къ отцу. Когда жъ къ нимъ подошелъ
Ихъ братъ Юсифъ, пеструю съ него

Одежду снявши, въ водоемъ они
Его спустили; былъ тотъ водоемъ
Глубокъ, но безъ воды. Потому все вмѣстѣ
Объѣдать начали. Но въ это время,
Поднявъ глаза, увидѣли они
Толпу людей. Измаильтяне шли
Изъ Галаада; на своихъ верблюдахъ
Коренья прише, бальзамъ и мирру
Они везли въ Египетскую землю.
Увидя ихъ, сказала Иуда братьямъ:
Какая будетъ польза намъ, когда
Его мы умертвили; онъ наша кровь,
Онъ братъ нашъ; лучше продадимъ его
Купцамъ измаильтянскимъ. Братьямъ
Совѣтъ понравился. Когда же купцы [этотъ
Приблизились, они, изъ водоема
Иосифа немедленно извлеки,
Его за двадцать золотыхъ монетъ
Купцамъ тѣмъ продали; и ими онъ
Былъ уведенъ въ Египетскую землю.
Когда жъ Рувимъ, который не случился
При этомъ торгѣ, ввечеру пришелъ
Къ пустому водоему, чтобъ оттуда
Взять брата, въ водоемъ брата онъ
Ужъ не нашель; свою отъ скорби ризу
Съ себя сорвавъ, онъ началъ горько пла-
И говорилъ: я брата не нашель! [кать,
Куда теперь пойду я!—Тѣ же, взявъ
Иосифову ризу и козленка
Заръзавъ, кровью облили ее,
И повѣли отнести ту ризу
Къ Якову и такъ ему сказать:
Вотъ что нашли въ ябсу мы! посмотри,
Не риза ли, которую ты далъ
Иосифу?—Яковъ посмотрѣлъ
И во мгновение въ доскутѣ кровавомъ
Онъ неструю Иосифову ризу
Узналъ. И онъ воскликнулъ: это платье
Иосифа! звѣрь лютый съѣлъ его!
Иосифа похитилъ лютый звѣрь!
И немомъ голову свою Яковъ
Осыпалъ, и сорвалъ съ себя одежды,
И вретичемъ облечея; и о многомъ
Иосифъ дни многіе онъ плакалъ.
И сыновья и дочери отца
Сошлись утѣшать; но утѣшенья
Не принималъ онъ и твердилъ: хочу
Я въ землю! къ милому хочу я сыну!
И объ Иосифѣ безъ утѣшенья

Яковъ плакалъ.—А Иосифъ былъ
Въ Египтѣ далекѣ. Въ Египтѣ былъ онъ
Пентефрію, свнуху Фараона,
Измаильтянскими купцами проданъ.

II.

Но былъ съ Иосифомъ Господь. И въ домѣ
Пентефріи онъ жилъ благополучно,
Понеже зналъ Пентефрій, что Господь
Иосифу уснѣхъ во всякомъ дѣлѣ
Ниспопслалъ, и въ милости великой
У господина былъ Иосифъ: вѣбрилъ
Ему весь домъ свой, все свои поля,
И все свое имущество Пентефрій.
И водворилъ свою щедроту, ради
Иосифа, въ Пентефріевомъ домѣ
Господь. Но восхотѣлъ онъ наноселѣдокъ
Иосифа подвергнуть испытанью,
И допустить благоволилъ, чтобъ въ сердцѣ
Пентефріевомъ злою клеветой
Противъ Иосифа великій гнѣвъ
Былъ возбужденъ. И гнѣвомъ ослѣпленный
Иосифа Пентефрій повелѣлъ
Въ темницу заключить, гдѣ содержались
Царевы узники. Но и въ бѣдѣ
Великой былъ Иосифъ сердцемъ веселъ
Предъ Господомъ. И былъ во мглѣ темничной
Господь съ Иосифомъ. Передъ темничнымъ
Старѣйшиною далъ ему свою
Онъ милость; и возлюбилъ его
Старѣйшина темницы; скоро
Ему надзоръ за узниками всеми
Онъ вѣбрилъ; и его главой поставилъ
Надъ стражами другими, и надъ всею
Темницей царскою—и было все
Въ рукахъ Иосифа; понеже былъ
Съ Иосифомъ Господь его отцовъ.

III.

Случилось тогда, что Фараона
Прогнѣвали и царскіи виночерій,
И царскій хлѣбодарь. Ихъ царъ велѣлъ
Окованныхъ въ темницу заключить.
Темница же та самая была,
Въ которой столько времени томился
Иосифъ. И старѣйшина темничный
Ему въ надзоръ обоихъ вѣбрилъ знатныхъ
Царевыхъ узниковъ. Въ одну имъ ночь
Тревожные привидѣлися сны.
Когда пришелъ по утру къ нимъ Иосифъ,

Увидѣлъ онъ, что были оба мрачны.
И онъ спросилъ ихъ: отчего такое
Уныніе на вашихъ блѣдныхъ лицахъ?
Они сказали: видѣли мы сны;
Ихъ знаменье тревожитъ насъ. Иосифъ
Отвѣтствовалъ: намъ сны отъ Бога. Что жъ
вамъ

Приснилось?—Я видѣлъ, такъ сказалъ
Великій виночерпій, будто я
Стою передъ лозою виноградной,
Что та лоза три отрасли цвѣтила,
Что зрѣлыя на ней вѣшали грозды,
Что въ правой я рукѣ цареву чашу
Держалъ, а лѣвою рукою давилъ
Въ цѣе царю душистый сокъ изъ гроздьевъ.
И виночерпію сказалъ Иосифъ:
Три на лозѣ отростка значать три дня;
По истеченіи трехъ дней вспомнить царь
Тебя, и ты попрежнему возвышенъ
Въ свой знатный будешь санъ, и будешь

въ ширѣ,

Попрехисму, какъ царскій виночерпій,
Наиптокъ подносить царю. Когда же
То сбудется съ тобою, помани
При счастья меня и сотвори
Со мною милость: извлеки изъ мрака
Меня темничнаго, гдѣ заключенъ
Я, никакого зла не сотворившій.
То слыша, въ свой чередъ и хлѣбодаръ
Иосифу сказалъ: а мнѣ приснилось,
Что будто я на головѣ несъ три
Корзины съ царскимъ хлѣбомъ, что отвсюду
Слетѣлись птицы, что онѣ обѣли
Корзины, и что весь расклеванъ ими
Былъ царскій хлѣбъ.— На то сказала
Иосифъ:

Проидеть три дня, и Фараонъ велитъ
Твою взять голову, и ты на дрѣвѣ
Повѣшенъ будешь, и слетятся птицы
И расклюютъ твой трупъ. Три дня прошли,
И праздновалъ свое рожденіе царь;
И пригласилъ въ свои палаты всѣхъ
Вельможъ на пиръ великій; вспомнилъ онъ
О виночерпій, и повелѣлъ
Ему опять вѣтунить въ высокій санъ свой,
И сталъ опять въ цареву руку чашу
Съ виномъ онъ подавать. А хлѣбодаръ,
Какъ предсказалъ ему Иосифъ, былъ
На третій день казненъ. По виночерпій

Объ узникѣ Иосифѣ забылъ,
И на-долго въ темницѣ онъ остался.
IV.

Два года протекли. Вдругъ царь встре-
воженъ

Былъ чуднымъ сномъ. Приснилось ему,
Что при рѣкѣ стоялъ онъ, и что семь
Коровъ большихъ, красивыхъ, тучныхъ,
вышли
Изъ той рѣки, и стали на прибрежномъ
Лугу пастися, и злаками питались.
Что изъ рѣки другія семь коровъ
Ужасныхъ видомъ, злыхъ и тощихъ, вышли,
И бросились на первыхъ, и сожрали
Ихъ всѣхъ, и отъ того ихъ чрево стало
Цвѣтѣи, чѣмъ было прежде. И въ испугѣ
Проснулся царь; но скоро онъ опять
Заснулъ, и сонъ другой ему приснился.
Онъ видѣлъ семь колосевъ, на одномъ
Растущихъ стеблѣ, и колосья были
Полны прекрасныхъ, крушыхъ зерешъ;

вдругъ

Другіе семь сухихъ, пустыхъ колосевъ,
Межъ первыми, на томъ же стеблѣ вышли,
И жирные колосья были разомъ
Безплодными поглощены. Въ испугѣ
Опять проснулся царь; и онъ ужъ болѣ
Заснуть не могъ. Его душа смутилась.
Когда жъ настало утро, онъ велѣлъ
Созвать гадателей и мудрецовъ,
Дабы они ему истолковали
Значенье сна. Но ни одинъ не могъ
Его истолковать. Тутъ виночерпій
О юношѣ, съ которымъ онъ былъ запертъ
Въ темницѣ, вспомнилъ и сказалъ царю:
Я тяжко согрѣшилъ, великій царь!
Я за добро, оказанное мнѣ,
Поблагодарностью воздалъ жестокой.
Мы были, я и хлѣбодаръ, твои
Рабы, заключены по волѣ царской
Твоей въ темницѣ; тамъ мы были спомъ,
Какъ нынѣ ты, утрашены. Въ темницѣ жъ
Былъ съ нами юноша, еврей, невольникъ
Египетскій, вельможа твоего.
Онъ наши сны истолковалъ, и все
Намъ сказанное имъ сбылось: я
Тобою былъ помилованъ; а царскій
Твой хлѣбодаръ тобой былъ преданъ казни.—
И повелѣлъ представить Фараонъ

Къ себѣ Іосифа. Былъ изведенъ
Изъ мрачной онъ темницы; былъ омытъ,
Благоухающимъ пахотъ елеемъ,
Очищенъ, въ ризу новую одѣтъ,
И такъ его представили царю.

И царь сказалъ: я видѣлъ сонъ, но мнѣ
Его никто истолковать не можетъ.

Ты, говорятъ, пророчественнымъ духомъ
Исполненъ.—Я, отвѣтствовалъ Іосифъ,
Ничто; одинъ лишь Богъ Всевышній можетъ
Царю открыть въ грядущемъ зло и благо.
И царь ему сказалъ: приснилось мнѣ,
Что близъ рѣки стоялъ я, и что вдругъ
Изъ той рѣки семь добрыхъ, тучныхъ

вышло

Коровъ, и что за ними слѣдомъ вышли
Другія семь коровъ, но злыхъ и тощихъ.
И что послѣднія сожрали первыхъ
И отъ того страшнѣй лишь отоцзали
Потомъ я семь колосевъ, на одномъ
Цвѣтущихъ стеблѣ, тучныхъ и зернистыхъ
Во снѣ увидѣлъ, и межъ ними вдругъ
На томъ же стеблѣ семь другихъ колосевъ
Безплодныхъ выросли, и во мгновенье
Безплодные пожрали плодоносныхъ.
Вотъ что приснилось мнѣ. Я вопрошалъ
Гадателей и мудрецовъ; но сна
Изъ нихъ никто не могъ мнѣ объяснить.
Тогда сказалъ Іосифъ Фараону:

Въ обоихъ снахъ одно знаменованье;
Господь имъ хочетъ отворить
Передъ тобой время грядущихъ тайну.
И нынѣ знай, великій царь: семь тучныхъ
Коровъ и семь колосевъ полныхъ значать
Семь лѣтъ обилія; а тощихъ семь
Коровъ и семь пустыхъ колосевъ—семь
Голодныхъ означаютъ лѣтъ. Сперва
Семь лѣтъ во всей Египетской землѣ
Великое плодородженіе будетъ;
Потомъ семь лѣтъ безплодія настанетъ,
И голодъ всю Египетскую землю
Обыметъ, и во дни великихъ бѣдствій
О временахъ благихъ забудутъ люди.
И надлежитъ тому свершиться скоро,
Понеже ты двукратно видѣлъ сонъ.
Но посланъ онъ отъ Бога во спасенье
Тебѣ и всей Египетской землѣ.
Мои же нынѣ тебѣ устами
Смирными, царь мудрый, говорить:

Немедленно тобою долженъ быть
Мужъ многоопытный и мудрый избранъ;
Надъ всей землей Египетской его
Поставь, и купно съ нимъ назначь по-

всюду

Мѣстопачальниковъ. Пускай отъ всѣхъ
Земныхъ плодовъ, въ теченіе семи
Обильныхъ лѣтъ, часть пятую они
Сбираютъ и хранятъ по городамъ;
Пускай пшеницею и всякимъ житомъ
Запасные наполнятся амбары,
Дабы во дни обилія на дни
Безплодія въ Египетской землѣ
Соблюдено богатство нищѣ было,
Чтобъ голодомъ народъ твой не погибъ.—

Такъ говорилъ передъ царемъ Іосифъ.
Царю и всѣмъ вельможамъ царскимъ былъ
Его совѣтъ благой угоденъ. Царь
Помыслилъ: гдѣ и скоро ли найдется
Мужъ опытный и боговдохновенный?
И, обратясь къ Іосифу, сказалъ онъ:
Могу ли я кого избрать премудрѣй
И опытнѣй тебя? Ты откровенно
Пріялъ отъ Бога. Будь же ты отпущенъ
Въ моему дому; вѣлѣньямъ устъ твоихъ
Да покорятся всѣ! Однимъ престоломъ
Тебя я выше буду. Поставляю
Тебя надъ всей Египетской землей.
И снявъ свой царскій перетень, Фараонъ
Украсилъ имъ Іосифову руку,
Облекъ его пурпурною одеждою,
Златую цѣпь надѣлъ ему на шею,
И повелѣлъ, чтобъ въ царской колесницѣ
По городу всему его воззали,
И чтобъ предъ нимъ шелъ царскій про-

возвѣстникъ

Народу власть его провозглашать.
И властвовать въ Египетской землѣ
Іосифъ началъ; юноша цвѣтушій,
Изъ узника, забытаго въ темницѣ,
Въ единый мигъ онъ сдѣлался могучимъ
Правителемъ Египетской земли,
Понеже былъ съ Іосифомъ Господь.

У.

Семь первыхъ лѣтъ роскошнѣйшую
Въ Египетской землѣ давали нивы; жатву
Былъ собираѣ тамъ запасъ неисчислимый
Пшеницы, ржи и всѣхъ земныхъ плодовъ.
По городамъ, въ селеніяхъ, на полѣ,

Амбары полные сохранивъ нивныхъ
 Безчисленны стояли. И когда
 Прошли семь лѣтъ обильныхъ, и за ними
 Семь лѣтъ безплодныхъ наступили—голодъ
 По всей землѣ потоками разлился.
 И возопиаша египетскій народъ
 Къ царю въ своей бѣдѣ. Но царь народу
 Отвѣтствовалъ: къ Іосифу идите,
 Онъ дастъ вамъ пищу. И открылъ Іосифъ
 Веѣ житницы. И не одинъ народъ
 Египетскій отъ голода пришелъ въ нихъ
 Спасеніе: изъ ближнихъ и далекихъ
 Земель во множествѣ стекаться стали
 Въ Египетъ люди, и цѣною малой
 Изъ царскаго великаго запаса
 Іосифъ хлѣбъ имъ продавалъ. И все
 Премудраго Египетской земли
 Правителя народы прославляли...

14/26 марта 1845.—9/21 [іюня].

ЕГИПЕТСКАЯ ТЬМА.

[ПРЕМ. СОЛОМ. ГЛАВА XVII].

Великъ, неизглаголанно великъ
 Твой судъ, Господь!
 Онъ въ помѣшательство ввергаетъ нече-
 стивыхъ.
 Святой народъ возмнилъ притѣснять
 Они, безумцы, связанные тьмою,
 Оупутанные долгой ночью.
 И, блѣсны отъ промысла, они
 Подъ кровлями лежали тайно;
 Подъ мрачной зеленой забвенья
 Они укрытыя мнили
 Съ своими темными грѣхами...
 И были вдругъ великимъ тренетащемъ
 Проникнуты; отвсюду
 Ихъ неслезанныя видѣнья обступили;
 Въ вертепахъ ихъ все стало страшно;
 Имъ слышались невѣдомые шумы;
 И дряхлые съ лицомъ печальнымъ мертвецы
 Смотрѣли имъ въ глаза;
 И былъ огонь безсилень
 Давать имъ свѣтъ; и звѣзды не могли
 Разсвѣтъ мглу ихъ страшной ночи;
 И лишь одинъ невыразимый,
 Самогорящій, страха полный огонь
 Предъ ними вдругъ воспламенялся;
 И вверженные въ трепетъ
 Страшилищемъ, которое и было

И не было, они за нимъ
 Еще страшнѣйшее живое мнieni видѣть.
 И были ихъ волхвы невластны
 Подать имъ помощь; кто жъ изъ нихъ ны-
 Болящую имъ душу нецѣлать. [тался
 Былъ самъ обнять болѣзнию страха,
 И трепеталъ; и слышались ему
 Звѣрный бѣгъ, змѣиный свистъ,
 И въ воздухъ онъ, которымъ тягостно ды-
 Болея очи устремить... [шалъ,
 Въ своемъ свидѣтельствѣ сама
 Свое пріемлетъ осужденіе злоба;
 И страхъ двойной рождаетъ совѣсть,
 Томимая вишою сокровенной;
 Тревожитъ все того, въ комъ вѣры нѣтъ
 Въ спасеніе, чье неутѣшимо сердце;
 Ему гроза грядущія бѣды
 Ужаснѣ самой бѣды наставшей.
 И тѣмъ, которые въ ту ночь
 (Изъ адовыхъ ишедшую вертеповъ)
 Смятеннымъ сномъ объята были,
 Мечтался бѣгущія за ними
 Страшилища, и слились напрасно
 Они уйти...
 На нихъ лежалъ тяжелый ужасъ!
 И тотъ, на комъ лежалъ тотъ ужасъ,
 Какъ брошенный въ темницу узникъ
 Былъ скованъ безъ желѣзъ;
 И кто былъ онъ ни былъ, пахарь иль пастухъ,
 Иль дѣлатель трудовъ пустынныхъ,
 Отъ неизбѣжнаго не могъ онъ убѣжать;
 Все были вдругъ
 Оупутаны одною цѣною тьмы;
 Свисталъ ли вѣтеръ, мимо пролетая,
 Былъ слышенъ ли въ густыхъ
 Древесныхъ сѣняхъ говоръ птицъ,
 Шумѣли ль быстролетящая воды,
 Иль громъ отъ падающихъ камней былъ,
 Или играющихъ животныхъ
 Теченіе, невидимое оку,
 До слуха достигало,
 Иль рыкъ звѣрей пустынныхъ раздавался,
 Или изъ дебрей горныхъ
 Отзывный голосъ говорилъ —
 Все въ трепетъ ихъ ввергало неслезанный.
 Небесный свѣтъ по всей землѣ сіялъ,
 И каждый, всюду, невозбранно,
 Могъ трудъ обычный мирно совершать:
 На нихъ же темная лежала почь,

Преобразитель той великой ночи,
Которой нѣтъ конца;
А сами для себя они
Тяжелъ тьмы, на нихъ лежавшей, были.

1848.

КЪ РУССКОМУ ВЕЛИКАНУ.

Не тревожься, великанъ!
Мирно стой, утѣсь нашъ твердой,
Отшибая грудью гордой,
Вдругъ ревущій океанъ!
Вихрей бунтъ ветревожилъ воды;
Воемъ дикою непогоды
Отъ поверхности до дна
Вся пучина ихъ полна;
На тебя ихъ бури злитя;
На тебя ихъ вой и ревъ;
Повалить тебя грозится
Обезумѣвшій ихъ гнѣвъ.
Но съ главы твоей подвѣздной
Твой орелъ, прострапства князь,
Надъ бунтующей смѣяеъ
У твоей подошвы бездной,
Сжавши молнии въ когтяхъ,
Въ высотѣ своей воздушной—
Наблюдаетъ равнодушно,
Какъ раздоръ кипитъ въ волнахъ,
Какъ онѣ горами плыны
Многоглавыя вегаютъ
И толною всей бѣгутъ
На твои ударить стѣны.
Ты же, бездны господишь,
Моцный первенецъ творенья,
Стой среди всевозмущенья
Недоступенъ, тихъ, одинъ;
Волнъ ругательныя визги
Вѣтръ, озлившій ихъ, умчить;
Ихъ гранить твой разразитъ,
На тебя нападшихъ, въ брызги!

1849.

ЧЕТЫРЕ СЫНА ФРАНЦІИ.

[вольный переводъ].

1789.

Играетъ на широкой
Террасѣ Тюльери
Младенецъ свѣтлокудрый,

Сынъ Франціи, дофинъ.
Младенцемъ королева
Любуяеъ, говорить:
Онъ Франціи надежда;
Рости, мое дитя!
Толпяеъ къ рѣшеткѣ сада,
Народъ кричитъ: *Ура!*
Насльдуетъ престолъ онъ,
Когда умретъ отецъ!
И лѣтъ проходить мало...
Сынъ Франціи, дофинъ,
Избитый, умираетъ
У Симона на когтяхъ...
А мать на гильотинѣ,
Всей Франціи въ виду,
Ругательной рукою
Подъ ножъ кладетъ налачъ..

1812.

Играетъ на широкой
Террасѣ Тюльери
Младенецъ свѣтлокудрый;
И честь ему отдать
Съдые гренадеры
Становятея во фронтъ:
Ему завоевала
Ползвѣта храбрость ихъ.
Толпяеъ къ рѣшеткѣ сада,
Народъ кричитъ: *Ура!*
Онъ будетъ императоръ,
Когда умретъ отецъ!
И лѣтъ прошло не много...
Дней новыхъ Прометей,
Угаснулъ императоръ
Въ неволѣ на скалѣ;
А сынъ, томимый прошлымъ
Величіемъ отца
И спомъ времени чудесныхъ,
Исчахъ въ тоскѣ души...

1830.

Играетъ на широкой
Террасѣ Тюльери
Младенецъ, Людовика
Святого милый внучъ.
Еще лилися слезы
На гробъ его отца,
Когда онъ Богоданнымъ
Отъ всѣхъ былъ нареченъ.
Толпяеъ къ рѣшеткѣ сада,
Народъ кричитъ: *Ура!*

*Насльдуетъ престолъ онъ,
Когда умретъ король!*

И лѣтъ проходитъ мало...
Въ изгнаніи король;
Въ изгнаніи Людовика
Святого милый звукъ.
Ему съ клейнодомъ право
Осталось одно:

Надежды троесть, чтобъ тверже
Онъ шелъ дорогой бѣдъ.

1848.

Играетъ на широкой
Террасѣ Тюльери
Дитя... Его былъ прадѣдъ
Филиппъ Egalité;

И весело играетъ
Дитя на мѣстѣ томъ,
Гдѣ весело играли
Предмѣстники его.

Толпясь къ рѣшеткѣ сада,
Народъ кричить: *Ура!*
*Насльдуетъ престолъ онъ,
Когда умретъ король!..*

Дитя, не върѣ ихъ крику:
Встрѣчаешь крикомъ чернь
И ходъ къ коронованью
И къ плахѣ страшный ходъ;
Не върѣ тому, что крадетъ
Здѣсь воръ и точитъ моль;
Не върѣ своей коронѣ...
Вѣрѣ Богу одному.

18...

Играетъ на широкой
Террасѣ Тюльери
Народъ самодержавный;
Имъ созданный король
И имъ же сокрушенный,
Сказалъ вѣщцу: *проси!*
Близъ мѣста, гдѣ на плаху
Введенъ былъ Людовикъ,
Сломивъ рѣшетку сада,
Ура! кричить толпа:

*Разрушены заграды;
Теперь твое—мое!*
И дней проходитъ мало...
Разстрѣляя царь-народъ;
На тѣнь горы ступила
Наполеона тѣнь...
Что даль?.. Богъ не дремлетъ!

Въ одинъ—мы зрѣли—годъ
Свершилося полѣвка!
Онъ близко—день суда!

Шагаетъ по широкой
Террасѣ Тюльери
Кровавый, страшный призракъ,
И вопить день и ночь
Онъ граду: *горе! горе!*
И внемля грозный вопль,

Трепететь ожидаемъ
Оцѣпенѣнный градъ;
А съдностью голодной
Озлобленная чернь.

Грабежъ желанный чуя,
Тайкомъ свой точитъ ножъ.
Но вдругъ изъ мрака ночи
Сверкнулъ граненый штыкъ,
Заговорилъ—всѣхъ бунтозъ
Смиритель—барабанъ...
Исчезъ кровавый призракъ
И спиртала своей ножъ
Благимъ совѣтомъ пушки
Наставленная чернь.

Гуляетъ по широкой
Террасѣ Тюльери
Двойникъ Наполеона,
Пока лишь президентъ,
Но скоро императоръ
Наполеонъ Второй;
Уже орлы смѣляютъ
Повеюду цѣтуха;
Свободу и равенство

И братство на стѣнахъ
Народъ самодержавный
Замазывать смѣняютъ;
И все, что опрокинулъ
Бунтующій февраль
Воскрешено волшебствомъ.
Второго декабря:
Воскресли дюки, перы,
Полиціи министръ,
И шитые мушкетеры,
И съѣзды въ Тюльери.

Дала намъ мелодраму
Ты, Франція, свою;
Полѣвка представленья

Тянулося ея;
 Теперь, пять актовъ кончивъ,
 Дать хочешь водевилъ;
 Но долго ль представляешь
 Протянется его?
 Неопытный директоръ
 Театра невпопадъ
 Созвалъ двухъ несомѣстныхъ
 Актеровъ вмѣстѣ пѣть:
 Народъ самодержавный
 Съ владыкою штыкомъ.
 Имъ спѣться невозможно:
 Они не знаютъ нотъ,
 Ни такта—будутъ соло
 По одиночкѣ выть,
 То штыкъ самоуравный,
 То бунтовщикъ-народъ...

О, Франція! такая ль
 Должна развязка быть
 Шестидесятилѣтнихъ
 Накликанныхъ тобой
 На всѣ страны волнений,
 Кровавыхъ сѣчъ и золь?
 Судь Божій правъ: изъ чаши,
 Въ которой буйно ты
 Царсубійства ужасъ,
 Безвѣрія чуму,
 И бѣшенство разврата
 Въ одинъ смѣшала ядъ —
 Святой воды здоровья
 Не можешь ты испить;
 Ни ты, ни зараженный
 Твоимъ безумствомъ свѣтъ!
 Но есть спасенья чаша;
 Она передъ тобой,—
 Къ ней, къ ней съ страхомъ Божиимъ
 П съ вѣрой приступи!..

1849. Мал ¹/₁₂. Баденъ-Баденъ.

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ,
 ГОСУДАРЫНѢ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНѢ МА-
 РІИ НИКОЛАЕВНѢ ПРИВѢТСТВІЕ ОТЪ
 РУССКИХЪ, ВСТРѢТИВШИХЪ ЕЕ ВЪ
 БАДЕНѢ.

Посланникомъ отъ нашихъ добрыхъ
 русскихъ
 Я влбрацъ, чтобъ—въ цвѣтахъ благоу-
 ханныхъ

Полудня—вамъ, благословенной гостьѣ
 Ихъ съвера, привѣтъ ихъ передать.
 Благодарю соотчичей моихъ
 За этотъ выборъ; онъ глубоко мнѣ
 По сердцу; весело на чужѣ мнѣ
 Предъ дочерью царя Россіи нашей,
 Мнѣ, устарѣлому ея поэту,
 Сказать за нихъ и за себя, что мы
 Свою царевну здѣсь встрѣчаемъ съ тою
 Любовію, какая согрѣваетъ
 Такъ душу намъ, когда мы помышляемъ
 О нашемъ славномъ, мирномъ и могучемъ
 Отечествѣ, и о его великомъ
 Царѣ. Въ живыхъ цвѣтахъ здѣсь подношу я
 Вамъ, русская великая княгиня,
 Встрѣчальный русскій нашъ привѣтъ. А
 самъ

Съ растроганной душою [послѣ долгой
 Съ отечествомъ разлуки] вамъ смотрю
 Въ лицо, столь мнѣ знакомое, которымъ
 Отъ колыбели вашей до цвѣтущихъ
 Лѣтъ милой младости, день за день, я
 Такъ любовался. Тамъ, въ царевомъ домѣ,
 Въ его семьѣ, подъ тайнымъ обаяньемъ
 Той Прелести, которая была
 Мнѣ и поэзіей и сердца идеаломъ,
 Какъ быстро для меня промчались годы!
 Но жизнь изъ свѣтлаго того предѣла
 Перевела меня въ уединенный
 Пріютъ семейный, далеко отъ шума
 Мірскаго. И со мною на престорѣ
 Тамъ милое минувшее мое,
 Въ воспоминаніи дружиа съ настоя-
 щимъ,

Въ отечество чужбину превращая,
 Всегда присутственною невидимой
 Спокойно жило. Но теперь внезапно,
 Здѣсь въ очарованномъ явленіи вашемъ,
 Оно лицомъ къ лицу передо мною
 Явилось вновь, прекрасное, какимъ
 Бывало нѣкогда. Въ часъ добрый! Я,
 Имъ вдохновенный, за себя, за всѣхъ
 Здѣсь собранныхъ царя любящихъ рус-
 И за мою жену съ двумя моими [сѣихъ,
 Дѣтьми, молитву приношу къ святому
 Хранившему васъ путь далекій Богу,
 Чтобъ до конца его Онь сохранилъ,
 Чтобъ съ вашего страдающаго сердца
 Отеческой рукой тревоги сгладила,

И чтобъ, при радостномъ на Русь святую
 Моемъ возвратѣ, я царю и царству
 Могъ ибѣть сказать, что Божьей благодатью
 Вамъ все то спасено, въ чемъ ваше сердце
 Свой сокровища земныя заключило.

1851. 1/13 июля. Бадень-Бадень.

ЧЕТЫРЕ СТИХОТВОРЕНІЯ ДЛЯ ДѢТЕЙ.
 [посвящены Павлу и Александрѣ Жуковскимъ].

I. ПТИЧКА.

Птичка летаетъ,
 Птичка играетъ,
 Птичка поетъ;
 Птичка летала,
 Птичка играла,
 Птички ужъ ибѣтъ!
 Гдѣ же ты, птичка?
 Гдѣ ты, пѣвчица?
 Въ дальнемъ краю
 Гвѣздышко вьешь ты;
 Тамъ и поешь ты
 Пѣсню свою.

II. КОТИКЪ и КОЗЛИКЪ.

Тамъ котикъ усатый
 По саду бродить,
 А козликъ рогатый
 За котикомъ ходить;
 И лапчочкой котикъ
 Помадигъ своей ротикъ;
 А козликъ сѣдою
 Трясетъ бороною.

III. ЖАВОРОНОКЪ.

На солнцѣ темный лѣсъ зардѣлъ,
 Въ долинь парь бѣлѣтъ тонкій,
 И пѣсню раннюю запѣлъ
 Въ лазури жаворонокъ звонкій.

Онъ голосисто съ вышины
 Поетъ, на солнцѣ сверкая:
 Весна пришла къ намъ молодая,
 Я здѣсь пою приходить весны!

Здѣсь такъ легко мнѣ, такъ радушно,
 Такъ безпредѣльно, такъ воздушно!
 Весь Божій міръ здѣсь вижу я,
 И славить Бога пѣснь моя!

IV. МАЛЬЧИКЪ СЪ ПАЛЬЧИКЪ.

[сказочка].

Жилъ маленькій мальчикъ:
 Былъ ростомъ онъ съ пальчикъ,
 Лицомъ былъ красавчикъ,
 Какъ искры глазенки,
 Какъ пухъ волосыны;
 Онъ жилъ межъ цвѣточковъ;
 Въ тѣни ихъ листочковъ
 Въ жары отдыхалъ онъ,
 И ночью тамъ спалъ онъ.

Съ зарей просыпался,
 Живой умывался
 Росой, наряжался
 Въ листочекъ атласной
 Лицею прекрасной;
 Проворную пчелку
 Въ свою одноколку
 Изъ легкой скорлупки
 Потомъ запрягалъ онъ,
 И съ пчелкой леталъ онъ,
 И жадныя губки
 Съ ней вмѣстѣ вивалъ онъ
 Въ цвѣты луговые.
 Къ нему золотыя
 Цикады слетались,
 И съ нимъ забавлялись,
 Кружась съ мотыльками,
 Жужжа и порхая,
 И ярко сверкая
 На солнцѣ крылами.

Ночною жъ порою,
 Когда темнотою
 Земля покрывалась,
 И въ небѣ съ луною
 Одна за другою
 Звѣзда зажигалась,
 На дугъ благовонный
 Съ лампадой зажженной
 Лазурно-блестящій
 Къ малюткѣ являлся
 Свѣтлякъ; и сбирался
 Къ нему въ круговую
 На пляску почую
 Рой эльфовъ летучій;
 Они—какъ бѣгучій
 Петочникъ волнами—
 Шумѣли крылами,

Свивались, слетались,
Проворно качались
На тонкихх былинкахъ,
Въ перловыхъ купались
На травкѣхъ росинкахъ,
Какъ искры сверкали,
И шумно плясали
Предъ нимъ до полночи.
Когда же на очи
Ему услышенье,
Подъ пляску, подъ пѣнье,
Сходило — смолкали
И вмгъ исчезали
Плясуньи ночныя;
Тогда, подъ живые
Цвѣты угнѣздившись,
И въ сонъ погружившись,
Онъ спалъ подъ защитой
Ихъ кровли, омывтой
Росой, до восхода
Зари лучезарной
Съ границы янтарной
Небесаго свода.
Такъ милый красавчикъ
Жилъ мальчикъ нашъ съ пальчикъ...

ЦАРСКОСЕЛЬСКІЙ ЛЕБЕДЬ.

Лебедь бѣлогрудый, лебедь бѣлокрылый,
Какъ же не подимо, ты, отшельникъ хилый,
Здѣсь сидишь на лонѣхъ водъ уединенныхъ!
Спутниковъ давнишнихъ, прежней совре-
менныхъ
Жизни, переживши, събгя глубоко,
Ихъ ты помиасашъ думой одинокой!
Сумрачный пустынный, изъ уединенья
Ты на молодое смотришь поколѣнье
Грустными очами; прежняго единый
Брошенный обломокъ, въ новый лебединый
Свѣтъ на пирь веселый гость непритла-
шенный,
Ты вступишь, дичишься въ кругъ неблаго-
склонный
Рѣзвой молодежи. На водахъ широкихъ,
На виду царевыхъ теремовъ высокихъ,
Предъ Чесменской гордо блещущей колонной,
Лебеди младые голубое лоно
Озера тревожатъ плаваньемъ, плесканьемъ,

Боемъ крыль могучихъ, бѣлыхъ шей ку-
пальемъ;
День они встрѣчаютъ, звонко окликаясь;
Въ зеркалѣ прозрачной влаги отражаясь,
Длинной вереницей, бѣлымъ флотомъ
стройно
Плаваютъ въ сѣяньи солнца по спокойной
Озера лазури; ночью жъ межъ звѣздами
Въ небѣ, повторенномъ тихими водами,
Облакомъ перловымъ, водъ не зыбли, рѣютъ,
Иль двойною тѣнью, дремя, въ нихъ
бѣлѣютъ;
А когда гуляетъ мѣсяць межъ звѣздами,
Влагу расшибая сильными крылами,
Въ блескѣ волнь, зажженныхъ мѣсяч-
нымъ сѣяньемъ,
Окружены брызговъ огненныхъ свер-
кальемъ.
Кажутся волшебныхъ призраковъ яв-
леньемъ —
Племя молодое, полное кипѣньемъ
Жизни своевольной! Ты жъ, старикъ пс-
чальный,
Молодость ихъ образъ твой монументальный
Рѣзвую пугаетъ; онъ на нихъ наводитъ
Скуку, и въ приютъ твой ни одинъ не
входитъ

Гость изъ молодежи, вѣтрено летящей
Велѣдъ за быстрымъ мигомъ жизни на-
стоящей.
Но не събгуй, старецъ, пращуръ лебединый:
Ты родился въ славный вѣкъ Екатерины,
Былъ ся ласкаемъ царскою рукою, —
Памятниковъ гордыхъ битвѣхъ подъ Чесмою.
Битвѣхъ при Кагулѣ воздвижене зрѣлъ ты;
Съ вѣкомъ Александра тихо устарѣлъ ты;
И почти столѣтній, въ вѣкѣ Николая
Видишь, угасая, какъ вся Руель святая
Вкругъ царевой силы — вѣковой зеленый
Плюющъ вкругъ силы дуба — вьется подъ
короной
Царской, отъ окрестныхъ бурь ища защиты.

Дни текли за днями. Лебедь позабгтый
Таялъ одиноко; а младое племя
Въ шумѣ рѣзвой жизни забывало время...
Разъ среди ихъ шума раздался чудесно
Голосъ, всю произвгтый бездну подлѣбесной;
Лебеди, услышавъ голосъ, присмирѣли,

И стремимы тайной силой, полетѣли
 На голосъ: предъ нимъ, вновь помолодѣли,
 Радостно вздымая перья груди бѣлой,
 Голову на шеѣ гордо распрямленной
 Къ небесамъ подъемля — весь воспламе-

ненный
 Лебедь благородный дной Екатерины
 Пѣлъ, прощаясь съ жизнью, гимнь свой
 лебединый!

А когда допѣлъ онъ — на небо взглянувши —
 И крылами сильно дряхлыми взмахнувши —
 Къ небу, какъ во время опое бывало,
 Онъ съ земли рванулся... И его не стало
 Въ высотѣ... И навзничь съ высоты упалъ
 онъ;

И прекраснѣ мертвый на хребтѣ лежалъ онъ,
 Широко раскинувъ крылья, какъ летящій,
 Въ небеса вперяя взоръ ужъ негорящій...

Р О З Ы.

Розы цвѣтущія, розы душистыя, какъ
 вы прекрасно
 Въ нестрѣй вѣнокъ сплетены милой
 рукой для меня!
 Свѣтлое, чистое дѣвственной кисти со-
 зданье, глубокой
 Смысль заключается здѣсь въ легкихъ
 воздушныхъ чертахъ.

Розъ разнovidныхъ семья на одномъ окру-
 женномъ шипами
 Стеблѣ — не вся ли тутъ жизнь? Корень
 же твердый цвѣтовъ —

Крестъ, претворяющій чудно своей жизне-
 дательной силой

Стебля терновый вѣнецъ въ свѣжій вѣ-
 нокъ изъ цвѣтовъ?

Вѣры хранительный стебель, цвѣтущія
 почки надежды,

Цвѣтъ благовоный любви въ образъ
 одинъ здѣсь слитъ, —

Образъ великій, для насъ бытія выражаю-
 щій тайну;

Все, что плѣняется, какъ цвѣтъ, все,
 что произрастаетъ, какъ тернъ,

Радость и скорбь на землѣ знаменуютъ
 одно: ихъ въ единый

Свѣжій сплетаетъ вѣнокъ Промыслъ
 тайной рукой.

Розы прекрасныя! въ этомъ вѣнкѣ оча-
 рованномъ здѣсь вы

Будете свѣжи всегда: пѣтъ увиданья
 для васъ;

Будете вѣчно душисты; здѣсь памятью
 сердца о милой

Васъ здѣсь собравшей рукѣ будетъ
 вашъ живъ ароматъ.

Отдѣль второй.

1805—1808.

БОГАТЫРЬ АЛЕША ПОПОВИЧЪ

или

СТРАШНЫЯ РАЗВАЛИНЫ.

ОПЕРА КОМИЧЕСКАЯ.

Горюнь, Разбойникъ, бывший богатырь и обладатель разваливнагося замка.
Милолика, жена его, подъ разными видами.
Алеша Поповичъ, богатырь.
Барма Кудрявая Голова, его оруженосецъ.
Громобой, вельможа кievскій, живущій въ своемъ замкѣ близъ Кіева.
Любимира, его дочь.
Ксенія, ея мамка.
Торопъ, первый служитель Громобоя.
Добрыня Никитичъ
Чурило Пленковичъ
Василій Богуслаевичъ
Ерусланъ Лазаревичъ
Илья Муромецъ
Калита } богатыри.
Соловей, пѣвецъ.
Силуянъ, содержатель гостиницы близъ Кіева.
Ольга, его дочь.
Проворъ, его мальчикъ.
Добрада, благотѣльная волшебница.
Служители, воины богатыря Калиты, судіи сраженія, служители Громобоя, служители.

ПЕРВОЕ ДѢЙСТВІЕ.

[гостиница].

Алеша Поповичъ, Илья Муромецъ, Чурило Пленковичъ, Ерусланъ Лазаревичъ, Василій Богуслаевичъ сидятъ и пьютъ вино большими чарашми. Соловей, пѣвецъ, сидитъ между ними съ балабайкою и

поеть. Служители, оруженосцы, Барма Кудрявая Голова, Силуянъ. Проворъ разноситъ вино.

Веселый хоръ.

Пейте сладкое вино,
Пойте пѣсни хоромъ!
Кто не любитъ пить вино,
Тотъ живетъ напрасно!
Въ добрый часъ
Наливай!
Чашу вмѣстѣ разольемъ!
Душу, сердце оживимъ!
Кто красавицей любимъ,
Кто пылаетъ страстью,
Тотъ блаженство испыталъ,
Тотъ прямой другъ славы!
О, любовь, жизнь сердца
Спутникъ война въ бою—
Въ насъ своей пламень изливай
Кто съ людьми, какъ пѣжрый братъ
Страждущихъ помога—
Тотъ приди въ нашъ тѣсный кругъ!
Мы того съ всельемъ
Въ знакъ любви
Объемемъ—

Другомъ, братомъ назовемъ,
Съ нимъ союзъ свой заключимъ!

Чурило Пленковичъ. Прекрасно поешь,
пріятели! Откуда ты?

Соловей. Изъ Новагорода! Теперь иду
изъ Кіева; былъ на этомъ великолѣпномъ
праздникѣ, который давалъ великій князь
Владимиръ своимъ боярамъ! Видѣлъ ваши
богатырскія игры—скажу откровенно, что
больше всѣхъ удивилъ меня богатырь
Алеша Поповичъ!

Алеша (*который сидѣлъ задумав-
шись*). Что? Кто меня спрашиваетъ?

Соловей. Я говорю, что вы передъ
всѣми отличились на играхъ богатыр-
скихъ въ Кіевѣ. Я замѣтилъ еще боль-
ше. Не погнѣвайтесь, если скажу, что
вы очень умилно поглядывали на пре-
красную Любимиру, дочь боярина Громо-
боя, что вы даже краснѣли, когда не-
чаянно встрѣчались съ нею глазами, что
она сама краснѣла, что вы одни ее за-
пимали, что всѣ прочіе богатыри ею не
замѣчались, что...

Барма (*подастъ ему чарку*). Выпей,
добрый человѣкъ; я вижу, что ты и пѣть
и говорить большою охотинь!

Соловей. Ошибаешься! (*Выпиваетъ
однимъ духомъ все вино*).

Проворъ. Чтобы тебѣ лопнуть, опи-
вало!

Барма. Молчи, дурачно! Развѣ не
знаешь, что такое горло много барыша
приноситъ!

Проворъ. Не вѣрю! Эти господа умѣютъ
пѣть, а не платить.

Василій Богуслаевичъ. Чурило Плен-
ковичъ, Ерусланъ Лазаревичъ—пора намъ
ѣхать.

Ерусланъ (*встаетъ*). Пора, пора, Ва-
силій Богуслаевичъ!

Чурило (*къ своимъ оруженосцамъ*).
Сила! Пресвѣтъ! Сѣдлайте коней; готовь-
тесь (*Изъкоторыя оруженосцы выхо-
дятъ*).

Илья. Въ Кіевъ, Чурило Пленковичъ?
Конечно, плѣнила тебя какая-нибудь

красная дѣвушка! О, на прошедшихъ бо-
гатырскихъ играхъ было множество кра-
савицъ! Трудно выбирать въ такой кучѣ.

Чурило. Я не смотрѣлъ на нихъ! И
было ли время смотрѣть!

Илья. Не смотрѣлъ! Право? Какой чу-
дакъ! Для чего же ты живешь на свѣтѣ.
Но моему мнѣнію, человѣкъ, у котораго
сердце не забьется при видѣ красавицы,
конечно, безъ нужды бременить землю.
Я бы совѣтовалъ ему поскорѣе утопиться!

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Тѣ же и Сила оруженосецъ.

Сила. Осѣдланы лошади, господинъ
богатырь!

Чурило. Простите, товарищи! Алеша
Поповичъ, мы должны ѣхать ко двору
князя Владимира!

Василій Богуслаевичъ. Если до завтра
здѣсь пробудешь, то, можетъ быть, еще
увидимся...

Ерусланъ. И найдемъ тебя не такимъ
печальнымъ (*цѣлуются*).

Алеша. Кто знаетъ, что быть можетъ!
Илья (*Чурилу*). Скажи кіевлянамъ,
Чурило Пленковичъ, что я ихъ покорный
слуга, что я даю богатырское слово слу-
жить имъ вѣрою и правдою.

Чурило. Скажу, скажу; за другихъ
хлопотать мое дѣло. (*Всѣ три уходятъ*).

Илья. Пойдите!.. еще по чаркѣ! (*Въ-
жмутъ за ними*).

Барма (*беретъ чарку и кувшинъ*).
Вотъ настоящій богатырь! Пьетъ до упаду!
(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 3-е

Алеша Поповичъ. Соловей. Силуянъ.

Соловей. Вы, господинъ богатырь, всѣхъ
побѣдили на послѣднихъ игрищахъ!

Алеша. Побѣдилъ—и остался побѣж-
деннымъ!

Соловей. Что вы говорите? Я васъ не
понимаю!

Алеша. Ахъ, братъ, какъ прекрасна
эта Любимира!

Соловей. Подивно, прекрасна! Какіе глаза! Какая погушь! Какой румянец!

Алеша. Далеко ли замокъ вельможи Громобоя?

Соловей. Неужели хотите къ нему ѣхать? Не думаете ли посвататься?

Алеша. Попробую счастья!

Соловей. Жаль мнѣ васъ! Этотъ старикъ есть самый скаредный скупецъ! Богатырь Калита — почему богатырь, не знаю — прельстил его своимъ золотомъ, своими сокровищами! Онъ женихъ Любимиры; уже всѣ условія сдѣланы.

Алеша. Женихъ? условія сдѣланы? Милосердные боги, для чего я не богатъ!..

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Тѣ же и Милолика, въ видѣ стараго путешественника.

Милолика. Здравствуйте, добрые люди! Благодарю боговъ, что нашелъ на дорогѣ эту гостиницу! Силы мои истощались; ужась прошедшей ночи едва не умертвилъ меня!..

Алеша. Напой виномъ этого добраго старика (*Силуянь подноситъ ему вина*). Кто ты? Откуда идешь?

Милолика. Изъ великаго Новгорода; ходилъ молиться Перуну; прошедшею ночью застигла меня ужасная гроза на дорогѣ: я спрятался въ одно развалившееся строеніе, которое не далеко отсюда, подѣлъ лѣса!..

Силуянь (*всплеснувъ руками*). Ахъ, бѣдный человѣкъ! Знаешь ли, куда заносила тебя пелегкая? въ «страшныя развалины»!.. Такъ у насъ называютъ эту кучу камней—чужное дѣло, что ты живъ остался!

Алеша. Садись, старикъ, выпей еще чарку: вино подкрѣпляетъ силы.

Милолика. Благодарю тебя, добрый, незнакомый человѣкъ!

Алеша. Скажи мнѣ, Силуянь, что это за развалины?

Силуянь. Это проклятыя развалины. Тамъ дѣлаются страшныя чудеса. Тамъ видятъ огромныхъ волотовъ съ огненны-

ми глазами, рогатыхъ лѣшаевъ, русалокъ, которыя кричатъ, воютъ, плачутъ, смѣются! Иногда цѣлую ночь не заснешь отъ этихъ неугомонныхъ сосѣдей. Сказываютъ, что на томъ мѣстѣ стоялъ когда-то замокъ одного богатыря, котораго прозвали Горюномъ разбойникомъ за то, что онъ разбойничалъ по дорогамъ; говорятъ, что онъ былъ другъ одного злого чародѣя людодѣда, безбожника, сожженного молніей Перуна,—говорять!..

Алеша (*смѣется*). Ха-ха-ха!.. Что еще говорить?..

Силуянь. Не смѣйтесь, послушайте! Этотъ Горюнь разбойникъ долго проказничалъ на семь свѣтъ; не было отъ него проходу ни ветрѣчному, ни поперечному, всѣхъ душилъ и рѣзалъ; наконецъ, вдругъ онъ и жена его, Милолика, пропали, не знаемъ, ни вѣдаемъ куда! Съ тѣхъ поръ замокъ опустѣлъ, почти развалился и сдѣлался жилищемъ привидѣній, волотовъ, лѣшаевъ, русалокъ.

Алеша. Чудная сказка! Я любопытенъ видѣть этотъ прекрасный, пустой замокъ!

Силуянь. Покорно прошу дослушать! (*Силуянь и Соловей поютъ*).

Романсъ.

Тамъ нынѣшній замокъ прежде былъ,

Тамъ жилъ Горюнь съ женой;

Онъ былъ разбойникъ, людодѣдъ,

Ужасный человѣкъ!

Полвѣка, болѣе, прошло,

Какъ онъ пропалъ ни вѣсть куда!

Безбожникъ—въ бѣшенствѣ своемъ

Зарѣзалъ бѣдную жену!

Она красавица была,

Жила въ тоскѣ, въ слезахъ;

И въ гробѣ ей покои нѣтъ:

Ея печальный духъ

Скитается и день и ночь,

Пугаетъ робкихъ бѣдниковъ,

Пугаетъ дерзкихъ смѣльчаковъ,

Но зла не сдѣлала никому!

Въ развалинахъ богатый кладъ

Для смѣлаго скрытъ;

Тамъ кучи золота, сребра
И кампей дорогихъ.
Кто бѣдной успокоитъ духъ—
Тотъ будетъ счастливъ и богатъ!
Тотъ всѣ сокровища возьметъ!
Желаю счастья смѣльчаку!
(Оба уходятъ).

ЯВЛЕНИЕ 5-е.

Алеша Поповичъ. Милолика. Потомъ
Добрада волшебница.

Алеша. Чудная повѣсть!

Милолика. Вы хотите, господинъ богатырь, ѣхать къ боярину Громобою, хотите свататься за дочь его Любимиру?

Алеша. Хочу! Кто тебѣ сказывалъ?

Милолика. Желаю вамъ счастья! Но прежде, нежели его получите, вы должны будете побѣдить множество пренятствій! Много испытать ужаснаго!

Алеша. Что ты говоришь, старикъ?

Милолика. Мужество и непоколебимость приведутъ васъ къ вашей цѣли! Безъ нихъ ни въ чемъ не успѣете!.. Не забудьте о бѣдномъ, страждущемъ духѣ въ ужасныхъ развалинахъ, богатырь! Однимъ его искупленіемъ приобрѣтешь желаемое счастье. (Гроизъ грешитъ. Является Добрада въ бѣломъ лучезарномъ платьѣ).

Избранный Чернобогомъ,—

Страдальца Милолики

Ты, юный богатырь, прервешь!

Скорѣй сверши уставъ боговъ!

Въ награду смѣлости своей

Съ любезной будешь сопряженъ!

(Исчезаетъ).

Алеша. О, Перунъ!.. Что это значить? Что я слышалъ?.. Не сонъ ли меня обманываетъ!

Милолика. Нѣтъ, не сонъ! Ты видѣлъ передъ собою Добраду, благотворительную волшебницу, твою покровительницу! Мужайся, молодой человѣкъ! Ступай въ замокъ Громобоя!.. Но прежде искупи страждущій духъ Милолики: на этотъ подвигъ основано все твое счастье.

Алеша. Кто мнѣ за него поручится?
(Грозовой ударъ. Милолика является

въ своемъ настоящемъ видѣ,—въ видѣ духа женщины).

Духъ. Я, богатырь! Успокой меня во гробѣ! Ужасные боги осудили меня на страданіе: мучусь, скитаюсь по свѣту и не нахожу нигдѣ спокойствія.. Успокой меня во гробѣ и будешь счастливъ! (Исчезаетъ).

ЯВЛЕНИЕ 6-е.

Алеша Поповичъ. Скоро потомъ Барма
Кудрявая Голова.

Алеша (пораженный ужасомъ). Боги! Какое чудесное явленіе!.. (Смотритъ на то мѣсто, гдѣ стоялъ духъ).

Барма (входитъ). Ну, можно сказать... (Остановивъшается; про себя). Что это мой богатырь такъ уставилъ глаза въ полъ?.. Что ему чудится?

Алеша. Такъ, ѣду къ боярину Громобою! Если онъ пренебрежетъ меня ради моей бѣдности, то исполню повелѣніе духа! Любимира будетъ моя, непременно будетъ!

Барма (спрусивъ, про себя). Духъ, духъ... Что онъ говорить о духѣ?.. Поскорѣе убраться отсюда... (Хочетъ бѣжать, Алеша кличетъ его).

Алеша. Барма!

Барма (не оборачиваясь). Не слышу ничего!

Алеша. Куда ты бѣжишь; остановись! Мы ѣдемъ къ боярину Громобою! Хочу жениться на его дочери!

Барма. Въ саможъ дѣлъ! Въ добрый часъ! Желаю вамъ счастья! Пора одуматься. Мнѣ давно наскучило шататься съ вами по бѣлому свѣту!..

Алеша. Когда смеркнется, ступай за мною въ «страшныя развалины».

Барма (испугавшись). Куда?.. Какъ?.. въ страшныя развалины?.. Въ эти развалины, которыя подлѣ лѣса—гдѣ живутъ привидѣнія, горные духи, огненные змѣи?..

Алеша (улыбаясь). Да—я хочу къ нимъ въ гости...

Барма. Прекрасная выдумка! (Въ слезахъ). Но знаете ли, господинъ богатырь, что вмѣсто угощенія намъ свернуть головы или повѣсятъ насъ ребромъ на крюкъ!

Помилуйте, образумьтесь, неужели хотите жениться на чародѣйкѣ!

Алеша. Я тебѣ сказалъ, что мы въ сумерки ѣдемъ на «страшныя развалины»!

Барма. Но за что хотите вы меня изувѣчить и уморить?.. Добрые люди говорятъ, что нѣтъ ничего на свѣтѣ опаснѣе и злѣе чародѣекъ и волшебниковъ...

Алеша. Замолчи, уродъ!

Барма. Я вамъ скажу...

Алеша. Я буду дожидаться тебя у воротъ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ 7-е.

Барма и Проворъ (*изъ боковой двери*).

Барма (*глядитъ за нимъ вслѣдъ*). Дождаться у воротъ... Конечно—изволь дождаться—прождешь долго... Развѣ я сумасшедшій? Кто меня понесетъ къ лѣшачьмъ и русалкамъ?

Проворъ (*ударивъ его по плечу*). Что ты говоришь, пріятель?

Барма. Ай! ай! Господишь волоть, не гнѣвайтесь! Онъ хочетъ задушить меня!..

Проворъ. Опомнись: я—Проворъ.

Барма (*вылупя глаза*). Проворъ!.. Да! ты—Проворъ...

Проворъ. Отчего же ты такъ испугался?

Барма. Бездѣлица! Миѣ иришелъ въ голову вздоръ... Скажи миѣ, Проворъ—знаешь ли «страшныя развалины»?

Проворъ. Какъ не знать... Духи меня поугали...

Барма. Такъ это правда!

Проворъ. Я шелъ однажды подъ вечеръ мимо лѣса. Что же! Вдругъ все вокругъ меня загорѣлось! Страшный великанъ, съ синимъ лицомъ и огненными глазами...

Барма. Съ синимъ лицомъ, огненными глазами...

Проворъ. Да!—пробѣжалъ мимо меня и завывалъ дикимъ голосомъ...

Барма. О нѣтъ, не пойду съ вами, господишь богатырь! Извините меня! Я не охотникъ до такой прекрасной музыки...

Арія.

Напрасно! Я, право, не глупъ!

Съ духами боюсь говорить!

Они не умѣютъ ни съ кѣмъ пошутить!

Зайди къ нимъ—не выйдешь! Простись съ Нѣтъ, лучше останусь я здѣсь... [головой... И лучше съ виномъ подружусь!

Есть духи. Людми ихъ зовутъ,

Которыхъ не ночью искать—

Мнѣ съ тѣми встрѣчаться не страшно ни гдѣ,

Для ихъ избавленья я я—богатырь!

Я имъ—всепокорный слуга!

Я имъ радъ душевно служить! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ 8-е.

Проворъ. Скоро спустя Ольга.

Проворъ. Барма Кудрявая Голова говорить правду: безопаснѣе водиться съ живыми, тѣлесными духами, то-есть съ людьми, нежели съ этими страшными привидѣніями, отъ которыхъ волосы становятся дыбомъ и выходитъ холодный потъ на тѣлѣ.

Ольга (*вбѣгаетъ*). Это ты, Проворъ! Богатыри поѣхали!

Проворъ. Скоро назадъ будутъ—черезъ два часа; много если черезъ три!

Ольга. Пѣвецъ Соловей остался: я просила его сказать за насъ доброе словечко отцу, Сидуяну.

Проворъ. То-есть объ нашей свадьбѣ?.. Сомнѣваюсь, чтобы онъ согласился.

Ольга. Почему же сомнѣваешься?

Проворъ. Потому, что я совершенный бѣднякъ! Ничего не имѣю! Голь какъ соколь!.. Послушай, Ольга, сказываютъ, что тамъ, подъ «страшными развалинами» погребено сокровище! Что, если бы я...

Ольга. Что ты говоришь, Проворъ!.. Надобно побѣдить двадцать волотовъ, разогнать кучу лѣшаевъ и русалокъ, чтобы достать это сокровище...

Проворъ. О нѣтъ! покорный слуга... Я съ ними не слажу... Лучше отказаться отъ сокровища!

Ольга. Не беспокойся, мой милый! батюшка когда-нибудь согласится! Онъ все говоритъ: не время, вы еще молоды! Со временемъ скажетъ: теперь время, въ добрый часъ, мои дѣти... Мы бѣдны! Что жъ за бѣда, развѣ мало бѣдныхъ! Станемъ работать; когда любишь другъ друга, то и работа кажется забавою! Не такъ ли, Проворъ?

Проворъ. Такъ, моя милая Ольга! Мы станемъ любить другъ друга, очень любить,—и вѣрно будемъ счастливы!

ДУЭТЪ.

Проворъ и Ольга.

Проворъ.

Дай руку мнѣ, мой милый другъ!
Со мною будешь ты счастливо жить,
Съ тобою—веселье я въ жизни найду!
Годъ или два—я твоей навѣкъ!

Ольга.

Проворъ, твоей я быть хочу!
Когда же будешь печаленъ, угрюмъ—
Моей любовью утѣшу тебя!
Мигъ насъ смутить—мигъ помирить!

Оба.

Минутныя ссоры—приправа любви,
Мы будемъ браниться и весело жить!
Когда же насъ Лада дѣтми наградитъ—
Мы будемъ другъ друга сильнѣе любить!

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Палаты боярина Громобой. **Громобой,**
Алеша Поповичъ.

Алеша. Ты ли бояринъ Громобой?

Громобой. Я! Чего ты хочешь, незнакомый человѣкъ?

Алеша. Я богатырь Алеша Поповичъ; служу съ честью князю Владимиру. Дочь твоя Любимира мнѣ поправилась: будь мнѣ отецъ, отдай за меня прекрасную Любимиру!.. Я видѣлъ ее въ Кіевѣ на прошедшихъ богатырскихъ шрамахъ; она какъ солнце свѣтилась между другими киевскими красавицами... Я подумалъ: неужели отецъ не захочетъ счастья такому необходимому сокровищу; скажу ему, что люблю его прекрасную Любимиру—люблю, какъ должно совѣтному богатырю; онъ знаетъ, что одна любовь дѣлаетъ жену счастливою, и отдастъ мнѣ дочь свою... Такъ я думалъ, вельможка Громобой! Скажи—неужели обманулся я въ своихъ мысляхъ?..

Громобой. Обманулся, богатырь Алеша Поповичъ! Я люблю свою дочь, это правда; радъ жениху честному человѣку; но же-

лаю, чтобъ дочь моя не нуждалась: ты бѣднѣй!

Алеша. Но развѣ одно богатство дѣлаетъ человѣка счастливымъ? Ты забылъ любовь и душевное спокойствіе! Я могу прокормить и жену и дѣтей. Чего же для тебя больше?..

Громобой. Этого мало... Дочь моя не можетъ быть твоею! Никогда не будетъ!

Алеша. Никогда!.. Ты видно не знаешь, что такое любовь, жестокой человѣкъ! Ты видно ни во что ставишь счастье твоей дочери, которымъ готовъ пожертвовать кучѣ золота!.. Ногуби ее, безжалостный! Можетъ-быть, со временемъ откроются глаза твои, но это будетъ уже поздно...

Громобой. Любимира имѣетъ жениха. Богатырь Калита, богатый, честный человѣкъ, за нее сватается,—я ихъ помолвилъ, и ни за что не перемѣню слова. *(Уходитъ).*

Алеша. Онъ не оставилъ мнѣ никакой надежды!.. Бѣдный я человѣкъ! Лада мнѣ жестоко отстала! Я прежде смѣялся надъ любовью, называлъ ее сумасшествіемъ, думалъ объ однихъ сраженіяхъ, гонялся за дикими звѣрями, побивалъ войска и побѣждалъ богатырей—теперь люблю страстно и пламенно!.. Чувствую даже, что сила руки моей уменьшилась... *(Молчаніе).* Мнѣ ли, богатырю, страдать, какъ ребенку!.. Но развѣ нѣтъ никакой надежды?.. а волшебница Добрада?.. а сокровище, сокрытое въ страшныхъ развалинахъ?.. *(Думаетъ).* А! Чувствую новую живость въ душѣ моей! Такъ, все сдѣлаю; всѣ препятствія уничтожу! Любимира моя!.. Но должно ее увидѣть, и потому начать дѣйствовать!

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Теремъ Любимиры. **Любимира** сидитъ за палачами передъ окномъ и шить.

Ксенія.

Ксенія. Что такъ приуныла, мое милое дитя? Я тебя не узнаю! Ты совсѣмъ на себя не похожа!

Любимира. Ахъ, мамушка! Сама не знаю, что со мною дѣлается! Не глядѣла

бы на бѣлый свѣтъ! Такъ скучно, такъ грустно!

Ксенія. Хочешь ли, отгадаю, что у тебя на сердцѣ... Ты не даромъ была на кievскихъ игрищахъ. Богатырь Алеша Поповичъ тебѣ поправился. Я видѣла, какими глазами ты на него смотрѣла,—какъ ты вѣя понуцовѣла, когда онъ на тебя взглянулъ...

Любимира. Кто тебѣ это сказывалъ, мамушка! Какой волшебникъ научилъ тебя узнавать тайныя скрытныя чувства?..

Ксенія. О! Я все знаю, отъ моихъ глазъ ничто не утаится! И пора знать! Я довольно пожила на семь свѣтъ... Я еще тебѣ скажу болѣе: богатырь любить тебя всѣмъ сердцемъ.

Любимира (*съ робостію*). Ахъ! Что ты говоришь?.. Неужели?.. Какъ бы я была рада!.. Но почему ты знаешь?

Ксенія. Знаю! Повѣрь мнѣ! Онъ смотрѣлъ на тебя такъ пристально, такъ нѣжно... Надобно быть слѣпою, чтобы этого не замѣтить.

Любимира. Милая мамушка! (*Задумывается*). Видно мнѣ не суждено быть счастливою; батюшка назначилъ мнѣ другого жениха! Этотъ несносный богатырь Калита... О! какъ я его ненавижу!

Ксенія. Что дѣлать, мое дитя! Надобно покориться! Наша доля терпѣніе и покорность.

Любимира. Хорошо это говорить, но какъ тяжело исполнять. Я никогда не буду счастлива.

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Тѣ же. Добрада, въ видѣ маленькой дѣвочки съ лирою.

Добрада. Здравствуй, красавица! Здравствуй, старушка! Скажите мнѣ, гдѣ я найду Любимиру прекрасную?

Ксенія. Вотъ Любимира прекрасная! Кто ты, малютка? какъ зашла въ нашъ теремъ?

Добрада. Меня послалъ богатырь Алеша Поповичъ!

Любимира. Ахъ, мамушка!

Ксенія. Богатырь Алеша Поповичъ? Что это значить?.. Кто ты, говори!

Добрада. Я дочь одного кievскаго пѣвца... Знаю множество прекрасныхъ пѣсень... Самыхъ прекрасныхъ... Хотите ли, спою вамъ одну?

Любимира. Спои, милая! Охотно буду тебя слушать!

Добрада играетъ на лирѣ и поетъ.

Романсъ.

Съ горемъ въ сердцѣ на брегѣ ручья
Сидѣла Пламира въ слезахъ.

Слезы капилсъ въ быстрый ручей,
И орошали травку, цвѣтки...

Бѣдняжка! что сдѣлалось съ ней!..

Арфу въ руки,— заигла она
Печально о нѣжной любви!
Тише и тише лился ручей,
Трепетомъ тихимъ шумѣли листы:
Любовью лишь счастливы мы!

Вдругъ подходитъ къ ручью богатырь—
Прелестный, какъ богъ Свѣтовидъ!
Въ сердцѣ Пламиры—пламень, любовь!
Милый другъ сердца здѣсь передъ ней!
Пламира! предайся ему.

(*Убѣгаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Любимира. Ксенія. Потомъ богатырь Алеша Поповичъ.

Любимира. Что это значить? Странное явленіе! Голосъ этой дѣвочки такъ меня трогалъ...

Ксенія. Боярышня, Любимира—я слышу стукъ! Идетъ мужичина... Ахъ, небо, что это?

Любимира (*прячется въ ея объятія*). Мамушка! Богатырь Алеша Поповичъ!.. Какъ онъ зашелъ въ нашъ теремъ?..

Богатырь. Прости меня, Любимира прекрасная! Мое сердце и добрый духъ привели меня къ тебѣ... Я не могъ... забыть тебя съ той минуты, какъ увидѣлъ на кievскихъ игрищахъ. Я люблю тебя! Но ты обѣщана другому...

Любимира. Ахъ, мамушка, что мнѣ ему сказать?..

Ксенія. Бѣдненькая, какъ ты робка!

Подними на него глаза, поговори съ нимъ...

Любимира. Я боюсь, сама не знаю чего... Но сердце мое трепещетъ такъ сильно...

Богатырь. Я видѣлъ твоего отца, боярина Громобоя... Жестокій человѣкъ! онъ лишилъ меня всякой надежды! Но я хочу знать, что думаетъ Любимира? Неужели она предпочтетъ богатства нѣжлѣйшей любви, пламенному сердцу, которое боготворитъ ее!..

Любимира (*съ живостью*). Ахъ, нѣтъ... (*Оторопьвъ*). Что мнѣ ему сказать, мамушка!

Богатырь. Если я не долженъ надѣяться любви твоей—то удалюсь! Оставлю Кіевъ; побѣду побивать враговъ отечества и, можетъ-быть, на сраженіи найду смерть, конецъ моимъ мученьямъ...

Ксенія. Что ты на это скажешь? Глупенькая, она молчитъ, краснѣетъ!.. Я буду говорить за тебя! Добрый богатырь, Любимира тебя любитъ, желаетъ быть твою, но повелѣніе отца для нея свято!.. Можетъ ли честная дѣвушка противиться волѣ родителя!

Богатырь. Любимира! (*беретъ за руку*). Ты меня любишь, прекрасная Любимира?

Любимира. Прекрасный богатырь, чего ты отъ меня требуешь?..

Богатырь. Скажи одно слово, любезная! Одно слово... оно рѣшитъ мою участь— оно оживитъ мое мужество! Ты будешь моя! Никакая сила, никакое могущество не похитятъ тебя изъ моихъ объятій... Хочу знать только, любимъ ли я тобою? Долженъ ли дѣйствовать для полученія руки твоей?

Любимира. Ахъ! можно ли тебя не любить?..

Богатырь (*прижимаетъ ее къ сердцу*). Прелестная, невинная Любимира! Ты восхищаешь мою душу!.. Клянусь именемъ Перуна, ты будешь моя, или я самъ погибну!.. Прими этотъ поцѣлуй въ увѣреніе чистѣйшей, благороднѣйшей любви!

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Тѣ же. Богатырь Калита вбѣгаетъ въ бѣшенствѣ и разлучаетъ любовниковъ. За нимъ **Громобой**, **Торопъ**, нѣсколько служителей.

Калита. Измѣнница!

Любимира. Спасите меня!.. Богатырь Калита!..

Калита. А! вижу, что я пришелъ не въ свое время!.. Безстыдная!.. безсовѣтная! (*Къ Алешу Поповичу*). А ты, богатырь, какъ позволяешь себѣ обольщать молодыхъ, неопытныхъ дѣвушекъ? Развѣ забылъ ты, что никакой мужчина не долженъ ходить къ нимъ въ теремъ! Безчестный человѣкъ!.. Я накажу тебя! узнаешь!..

Алеша. Богатырь Калита! совѣтую тебѣ замолчать!

Калита. Защищайся! (*Обнажаетъ мечъ*).

Любимира. Помогите! Спасите насъ! (*Хочетъ бѣжать*).

Калита. Постой измѣнница!.. Я хочу повергнуть твоего обольстителя мертвого къ ногамъ твоимъ! (*Устремляется на Алешу Поповича, который выбиваетъ изъ рукъ его мечъ*).

Алеша. Даю тебѣ жизнь! не хочу пользоваться своимъ преимуществомъ...

Калита (*въ бѣшенствѣ*) Оруженосцы! конюшіе! служители! (*Они являютя*). Возьмите его, умертвите, бросьте въ рѣку! (*Окружаютъ Алешу Поповича*).

Алеша (*малая мечомъ*). Никто не подходитъ первый, кто приблизится, погибнетъ!

Калита. Трусы, берите его!

Громобой (*съ обнаженнымъ мечомъ*). Что здѣсь пронесодить?..

(*Сраженіе. Алеша Поповичъ окруженъ, обезоруженъ. Громовой ударъ. Въ остатокъ неподвижными. Посреди является дугъ, въ видѣ воина, покрытаго черными латами, съ закрытымъ забраломъ шлема*).

Духъ (*Остановка въ музыкѣ при громовомъ ударѣ*). Калита! развѣ мало

одного убійства! взгляни сюда!.. Кто это?.. Узнай Мирославу, преступникъ!
(Громовой ударъ — задняя декорация подымается, виденъ черный тѣсъ; на земль лежатъ женщины, окровавленная, съ кинжаломъ въ груди. Гений смерти въ покрываль, съ потупленною головою, обративъ факель жизни, погашаетъ его).

Калита. О, Перунъ! Я погибъ! (Падаетъ на землю. Духъ и Алеша Поповичъ исчезаютъ. Занавѣсъ опускается).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Гостиница. Илья Муромецъ, Чурило Плейковичъ, Василій Богуслаевичъ, Ерусланъ Лазаревичъ за столомъ.

Проворъ.

Ерусланъ. Вина, мальчикъ!

Проворъ. Видно, вы очень торопились, что такъ скоро назадъ пожаловали изъ Кіева!— Сейчасъ принесу все, что вамъ угодно! (Выходитъ).

Чурило. Кто могъ думать, чтобы это сдѣлалось съ богатыремъ Алешей Поповичемъ!.. Какъ вообразить, чтобы такой уродъ, каковъ Калита, могъ перебить у него дорогу! Любимира достанется въ когти этому негодяю!

Василій Богуслаевичъ. Онъ богатъ; ослѣпилъ старика Громобоя своими деньгами! вотъ истолкованіе загадки; но про него разсказываютъ страшныя вещи!

Чурило. Да, и я слышалъ! Онъ любилъ Мирославу—дочь нашего добраго, стараго богатыря Добрыни Никитича! Она его не любила, не хотѣла объ немъ и слышать! Что жъ?.. За недѣлю передъ симъ эта красавица пошла гулять въ рощу, на берегъ Днѣпра—и не возвращалась! Ее нашли мертвую, съ кинжаломъ въ груди... Отецъ въ отчаяніи!..

Ерусланъ. Подозрѣваютъ Калиту!

Илья Муромецъ. Вотъ какова любовь ваша! Смотрите, какія проказы она дѣлаетъ!..

Проворъ (съ виномъ). На здоровье вамъ, честные богатыри! Только не лѣпитесь пить! Мы виномъ богаты!

Ерусланъ. Давай, давай, мальчикъ! (Пьетъ) Ты, мнѣ кажется, весельчакъ?

Проворъ. Ваша правда! Люблю смѣяться и пѣть... Если прикажете, повеселю и васъ пѣсней!

Ерусланъ. Пой, пой!

Проворъ (поетъ).

.....

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Тѣ же, кромѣ Провора. Скоро потомъ Барма.

Барма (входитъ въ слезахъ). Охъ, охъ, мой добрый господинъ! Вѣдный богатырь Алеша Поповичъ!.. Я говорилъ ему: не ходи, будетъ худо... Онъ не послушался! Теперь поминай, какъ звали.

Ерусланъ. Что ты, Барма? Гдѣ твой богатырь?

Василій Богуслаевичъ. Вѣд ты ѣздилъ съ нимъ къ боярину Громобою?

Барма. Ѣздилъ, ѣздилъ... но безъ него назадъ ирѣхалъ! Ахъ, бѣднѣй Барма Кудрявая Голова! Не видать тебѣ господина такого добраго, милостиваго, ласковаго! Что съ нимъ сдѣлали!.. Чѣмъ онъ виноватъ! Какое преступленіе любить прекрасную дѣвушку, которая сама насъ любить?..

Илья Муромецъ. Говори толковитѣе, безмозглый! (трясетъ его за шиворотъ съ силою). Гдѣ богатырь Алеша Поповичъ?

Барма. Эй, эй— не душите меня!.. Гдѣ ему быть? вы видите, что его здѣсь пѣтъ!

Чурило. Не вызвалъ ли его на поединокъ бѣшеный Калита?.. Говори, негодяй, или я тебѣ раскрою патрое голову! (Толкаетъ его).

Барма (кричитъ). Помилуйте! Я ничего не знаю!.. Богатырь пропалъ... Какой-то чародѣй утащилъ его!..

Чурило. Этотъ болванъ съ ума сошелъ! Алеша Поповичъ нашъ другъ и названный братъ... Надобно узнать, что съ нимъ сдѣлалось. Разошлемъ гонцовъ!

Всѣ. Разошлемъ!.. Скорѣе! скорѣе!

Чурило. А если бездѣльникъ Калита измѣнически умертвилъ его, то отметимъ

за своего товарища... Этотъ погодай давно намъ солонъ! (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Барма. Скоро потомъ Алеша Поповичъ.

Барма. Подите, подите! Попадетеся и вы въ когти какого-нибудь волота... Что теперь будетъ со мною, горемыкою... (*Входитъ Алеша Поповичъ и останавливается въ дверяхъ*). Счастье, что всёмъ извѣтна моя трусость!

Алеша (*приближается*). Это правда! и мнѣ извѣтна!

Барма (*орожитъ, падаетъ на колѣни и закрываетъ глаза рукою*). Ай! ай! ай!.. Пропаль я! Духъ моего господина!.. Помилуй! не гнѣвайся! во всемъ признаюсь!..

Алеша. Что съ тобою сдѣлалось, Барма?.. Ты съ ума сошелъ!.. Барма! Барма! (*Толкаетъ его*).

Барма. Я не Барма!.. Не тотъ Барма... другой!..

Алеша. Вредишь, дуракъ!

Барма. Нѣтъ! въ самомъ дѣлѣ!.. Я, можетъ быть, немножко похожъ на него... съ затылка... Но* я не Барма. (*Про себя*). Хотѣлъ бы превратиться въ осла, въ медвѣдя—только бы отъ него избавиться!..

Алеша. Мы ѣдемъ сейчасъ въ Кіевъ! Слышишь ли! Вставай!

Барма (*не открывая глазъ*). Говорятъ, что я не Барма... Оставь меня въ покоѣ!..

Алеша. Кто же ты, бездѣльникъ?

Барма. Кто я?... я кто?... Я богатырь... я пазываюсь... называюсь (*опомнись*). Ахъ, милостивый государь! повѣрьте, что я не Барма, который имѣлъ честь пазываться вашимъ покорнымъ конюшимъ и оруженосцемъ тогда, когда вы изволили жить на семь свѣтъ.

Алеша. Когда я жилъ на семь свѣтъ!

Барма. Да, господинъ духъ! на семь свѣтъ! Тамъ, гдѣ вы теперь, совсемъ не нужны оруженосцы!

Алеша. Что ты бредишь, сумасшедшій!.. Открой глаза! Погляди на меня!

Барма. Извините! Я боюсь глядѣть въ лицо привидѣньямъ!

Алеша. Привидѣньямъ!.. (*Про себя*) Что ему вопло въ голову? (*Громя*) Приказываю тебѣ на меня глядѣть, или узнаешь, что я шутить не охотникъ! (*Берется за мечъ*).

Барма (*выглядываетъ изъ-подъ руки*). Кажется онъ!.. да, онъ... точно! Какъ живо!.. (*Говоритъ, заикаясь*). И будто вы не привидѣніе, господинъ богатырь?..

Алеша. Кто набилъ тебѣ голову такимъ вздоромъ?.. Вемотришь въ меня, похожъ ли я на привидѣніе?

Барма (*ощупываетъ его*). Да! Настоящій живой человекъ! Мясо и кости; ноги, руки, какъ у меня! (*Встаетъ*). Но... прошу мнѣ сказать, не вась ли унесъ ужасный волотъ изъ терема боярина Громобоя?.. Не вы ли вдругъ пропали изъ глазъ двадцати человекъ?..

Алеша (*беретъ его за шорло*). Плутъ, молчи! Если еще разъ объ этомъ меня спросишь, то раздавлю тебя, какъ клопа!

Барма (*кричитъ*). Ай! ай! ай! Помогите—онъ душитъ меня!.. Хочетъ съѣсть!

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Тѣ же. Силуянъ вбѣгаетъ.

Силуянъ. Что вы здѣсь дѣлаете, господинъ богатырь! Помилуйте!.. Не обезславьте моего дома убійствомъ!

Алеша. Силуянъ, я долженъ оставить на время гостиницу. Скоро возвращусь назадъ. До вечера я долженъ совершить важный подвигъ!.. Этого погодая поручаю тебѣ! Ты отвѣчаешь за него жизнью!.. Онъ долженъ будетъ за мною сдѣлать (*Уходитъ*).

Силуянъ. Прекрасно! Быть сторожемъ этого шалуна! отвѣчать за него жизнью! Развѣ я мало заботъ имѣю!..

Барма. Не трудись пожадуй, только корми меня, пон хорошенько—не тронуешь съ мѣста!

Силуянъ. Есть ли чѣмъ платить за нить и пипцу?..

Барма. Есть у меня самый здоровый желудокъ!.. Чего тебѣ больше!

Силуянъ. Съ однимъ желудкомъ у меня сытъ не будешь!

Кто безъ денегъ здѣсь живетъ—

Тотъ ни пьетъ, ни ѣстъ!

Тотъ какъ тѣло безъ души!..

Въ деньгахъ все найдешь—

Умъ, любезность, красоту!

Всѣхъ милѣй богачъ.

Златомъ красится уродъ;

Злато умъ дастъ!

Злато славный чародѣй,

Имъ счастливы мы!

Съ нимъ по маслу жизнь течетъ,

Съ нимъ нѣтъ скуки здѣсь!..

Если деньги въ кошелекъ—

Я скачу, пою;

Если пусто въ кошелекъ—

Я повѣсилъ носъ! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Барма. Потомъ **Добрада**, въ видѣ молодой пѣвицы съ маленькою арфою.

Барма (*смотритъ ему въ глаза*). Ты лакомъ до денегъ, кто въ этомъ сомнѣвается! Только мнѣ очень не весело быть у тебя подъ призоромъ съ голоднымъ брюхомъ!.. Хорошъ мой богатырь! Оставитъ меня безъ денегъ, и забыть, что у меня самый тонкій и самый жадный желудокъ... Это что за красавица?.. въ какомъ странномъ парадѣ!

Добрада. Здравствуйте, Барма!

Барма. Почему ты меня знаешь?

Добрада. Я все знаю! Я пѣвица и ворожея.

Барма. Ворожея! Пѣвица!.. Право?.. Зачѣмъ же ты сюда пришла?

Добрада. Поглядѣть на тебя!

Барма. Поглядѣть на меня! Только за тѣмъ? Хотѣлъ бы я, чтобы ты пришла и меня накормить...

Добрада. Изволь! я спою тебѣ пѣню!

Барма. Ты кормишь людей пѣнями?

Добрада. Хорошая пѣсня стоитъ обѣда!

Барма. Неужели? Это для меня новость!.. Однако совѣтую тебѣ вмѣсто хорошей пѣсни повеселить меня хорошимъ кускомъ жареной телятины!

Добрада. Слушай и пой вмѣстѣ со мною.

Барма. Пѣть вмѣстѣ съ тобою? Про-

важь тебя возьми! Я хочу обѣдать!.. Убирайся отъ бѣды или пусти меня... (*Хочетъ идти. Добрада его удерживаетъ*).

Арія.

Милый мой Барма, останься!

Жить однимъ желудкомъ стыдно—

Лучше пѣсни пѣть!

Сердце музыка смягчаетъ—

Отъ обжорства жъ умираютъ!

Кто лишь пьетъ и ѣстъ—

Тотъ искусство жить не знаетъ!

Тотъ сердечныхъ наслаждений

Въ вѣкъ не испытываетъ!..

Вотъ тебѣ совѣтъ полезный—

Въ память дружбы, самой нѣжной,
И прямой любви!

Позабудь ты свой желудокъ:

Жить однимъ желудкомъ стыдно—

Лучше пѣсни пѣть! (*Убѣгаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Барма (*одинъ*). Покорный слуга! благодаренъ за совѣтъ—и желаю тебѣ самой ему послѣдовать! Скоро бы ты оскалила зубы и перестала пѣть пѣсни! Провалитесь вы, совѣтники, которые кормятъ одними складными словами, одними пѣсенками! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Силуянь. Соловей. Проворъ.

Соловей. Правда ли, что богатырь **Алеша Поповичъ** хочетъ непременно посягнуть «страшныя развалины»?

Силуянь. Правда, правда! Посѣтить ихъ не трудно—а трудно остаться въ нихъ на ея цѣлыми руками и ногами! Я бы на его мѣстѣ, не былъ такъ любопытенъ!

Проворъ. А сокровище? Развѣ забылъ ты, что тамъ хранится сокровище!.. Не знаю, чего бы я не сдѣлалъ для моей невѣсты!

Силуянь. Неужели хочешь отважиться на искупленіе духа?

Проворъ. Не совѣмъ!.. Однако я думаю, что отецъ могъ бы отдать за меня дочь свою и безъ сокровища... Я честный

малый; не лѣнись работать, и конечно не умру съ голода...

Соловей. Силуанъ, онъ говоритъ правду!

Силуанъ. Придетъ время, все сладимъ! Утро вечера мудренѣе. Погодите.

Проворъ. Противъ этого нѣтъ слова! Но подумай, что мы съ каждымъ днемъ становимся старѣе...

Силуанъ. И умѣй! Женишься не на одинъ день, не на два, а на всю жизнь: надобенъ умъ, постоянство. Многіе думаютъ, что женитьба игрушка! Суются въ воду, не спросясь съ бродомъ, и пропадають!

ТЕРЦЕТЪ.

Силуанъ. Соловей. Проворъ.

Женитьба, право, не пустякъ—

А жизни цѣль!

Жена, прямой намъ другъ—

Есть рѣдкій кладъ!

Съ такой женой

Нашъ вѣкъ пройдетъ—

Въ веселіи, любви,

Какъ быстрый мигъ!

Женитьба иногда

Есть точный адъ!

Супругамъ безъ любви—

Несносно жить!

Прощай любовь,

Прощай и все!..

Женитьба безъ любви—

Есть точный адъ!

(Уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Теремъ Любимиры. **Любимира** одна.

Любимира. Такъ! чего бы это ни стоило! Я буду твоею, прекрасный богатырь! Предатель Калита не получитъ руки моей. Скорѣй умру... (Промъ зритъ. Слышна музыка. Голосъ).

О! Любимира, ободрись!

Не смерти, счастья ожидай!

Въ любви блаженство ты найдешь!

Любезный—будетъ твой супругъ!

Любимира. Боги! какой голосъ!.. (Слышитъ шагъ). А! мои мучители идутъ!

Сокроюсь отъ нихъ! (Хочетъ уйти въ боковую дверь).

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Любимира. Громобой. Богатырь

Калита.

Громобой. Остаешься! или наше присутствіе тягостно для твоей совѣсти?

Любимира. Однимъ преступникамъ должно бояться присутствія людей—не мнѣ, певичной!

Громобой. Любимира... я еще хочу быть твоимъ отцомъ... Бойся меня раздражать!

Любимира. Помню, что вы мой отецъ; но вы для чего забываете, что я—ваша дочь? для чего хотите моего несчастья?

Громобой. Покорность приличіе всего дочери... Вотъ богатырь Калита! онъ хочетъ забыть прошедшее; онъ любитъ тебя—будь его женою!

Любимира. Батюшка, скажитесь надо мною! Не губите меня!.. я люблю богатыря Алешу Поповича!

Громобой. Этого чародѣя! который повелѣваетъ духами, который такъ неожиданно исчезъ передъ нашими глазами! Любимира, одумайся!.. Повинуйся отцу своему: я ручаюсь тебѣ, что никогда не раскаешься въ своемъ повиновеніи...

Любимира. Но я не могу любить богатыря Калиту!

Громобой. Это послѣднее твое слово?..

Любимира. Послѣднее!

Громобой. Ты отвѣчаешь рѣшительно?

Любимира. Рѣшительно!

Громобой. Хорошо!—и я говорю рѣшительно: ты сію же минуту, противъ своей воли, будешь женою богатыря Калиты!

Любимира (на колѣняхъ). Батюшка! Скажитесь! Тропните моими слезами! я у ногъ вашихъ... Я ваша дочь... Изъ челоувѣколюбія, не говорю изъ отеческой любви—скажитесь надо мною!..

Громобой. Безумная! вѣдь твои слова напрасны!.. Ты будешь брошена въ погребъ, ты будешь въ немъ заключена по тѣхъ поръ, пока не согласишься на мое требованіе... Торопи! Служители!

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Прежніе. Торопъ. Служители.

Торопъ. Что изволить приказать бояринъ?

Громобой. Вросьте ее въ погребъ!

Торопъ. Кого?.. Наншу боярышню?..

Громобой. Скорѣе! дѣлайте, что приказано! *(Служители хотятъ схватить Любимиру. Гремить громъ; всѣ неподвижны).*

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Прежніе. Добрада, въ видѣ генія съ арфкою.

Добрада *(Вбѣгаетъ съ лежкостью, киваетъ головою предстоящимъ и уходитъ изъ горницы Любимиру. Они приходятъ въ себя).*

Громобой. Что это было? Гдѣ моя дочь?

Калита. Гдѣ ваша боярышняя, бездѣльники?.. Вы въ заговорѣ! вы отдали ее въ руки моему сопернику! *(Вынимаетъ мечъ).*

Торопъ. Развѣ не видѣли вы, господинъ богатырь, того, что случилось передъ вашими глазами? Духъ ее похитилъ... Мы все были неподвижны!

Калита *(Громобой).* Это хитрость богатыря Алеши Поповича!.. Побѣдимъ вслѣдъ за нею! Я накажу измѣнника...

Громобой. Скорѣе! поспѣшимъ *(Хотятъ идти).*

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Милолика, въ видѣ старушки, идетъ къ нимъ навстрѣчу на костылѣ.

Милолика. Здравствуй, бояринъ! Куда спѣшишь?

Громобой. Пусти меня, старая! *(Хочетъ идти).*

Милолика. Постой, постой—я пришла съ важною вѣстью!.. Дочь твоя, Любимира прекрасная, пробѣжала мимо меня съ видомъ отчаянія; въ совершенномъ безумствѣ! Жестокій отецъ!—воскликнула она—сердце нечувствительное, безжалостное!.. Гдѣ найду спасенія! Волны Днѣпра, сокройте меня отъ моихъ гонителей!..—Она побѣжала ко Днѣпру.

Громобой. Къ Днѣпру!..

Калита. Старая вѣдма, вѣстница несчастія! Кто ты?..

Милолика *(перемѣнивъ голосъ).* Ты меня не знаешь! Я пришла предостеречь тебя, богатырь Калита!.. Трепещи!.. Ты будешь семь разъ убійцею невинныхъ—для искупленія твоей матери, которой духъ осужденъ богами на долговременное странствіе!.. Шесть убійствъ уже совершились: седьмое совершится съ твоею смертію...

Громобой. Ужасно! ужасно!

Калита *(вынувъ мечъ).* Обманщица! Я заставлю тебя молчать!..

Милолика. Удержись, безепланный!.. Гляжи сюда! Вотъ Любимира—она бросается въ волны Днѣпра... Одно мое могущество можетъ спасти ее!

(Ударъ грома. Сцена перемѣняется. Поле, рѣка, утесъ надъ рѣкою—на утесѣ Любимира, которая смотритъ нѣсколько минутъ въ отчаяніи на волны, ломаетъ руки въ грести, наконецъ бросается въ рѣку. Духъ является изъ воды, спасаетъ Любимиру и улетаетъ влѣтъ съ нею. Все исчезаетъ. Сцена опять представляетъ горницу).

Громобой. Непонятное существо! Кто ты?..

Милолика. Избавительница твоей дочери *(притимаетъ свой настоящий видъ)*—и мать этого преступника! *(Исчезаетъ).*

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

(Льсъ. Мыслигъ светитъ).

Алеша Поповичъ. Барма. Добрада передъ ними, съ факеломъ, въ видѣ мальчика.

Добрада. Идите за мною! мы скоро будемъ на мѣстѣ!

Барма *(ворчитъ).* Да, пора бы дойти! У меня поги не служатъ—пятки истерлись!

Алеша. Далеко ли еще, мальчикъ?

Добрада. Не далеко!.. При окончаніи подвига ожидаетъ васъ счастье!

Барма *(про себя).* Проваль тебя возьми, пустомеля! *(Рука бьетъ его по зубамъ).* Ай! ай! Что это?.. Господинъ богатырь! помилуйте!

Алеша. Что ты шумишь, Барма!

Барма. Меня бьютъ по зубамъ! а кто не знаю!.. Что это за шутки!

Алеша. Замолчи, дуракъ!

Барма. Не хочу молчать! Это твои проказы, мальчишка! Я тебя... *(Опять рука бьетъ его по зубамъ).* Ой! ой! ой! Еще!.. Господинъ богатырь! Уймите проказниковъ!..

Алеша *(идетъ къ нему съ сердцемъ).* Замолчишь ли ты, неугомонный!

Барма. Молчу!.. Не говорю ни слова!..

Добрада. Богатырь! Теперь я долженъ васъ оставить... Идите одни!

Алеша. Но куда?

Барма *(скоро).* Я думаю, назадъ въ гостиницу! Тамъ мягкія постели! вкусное вино! сытный ужинъ!..

Добрада. Ты долженъ трудиться для счастья людей, чтобы заслужить свое собственное счастье. Поди въ лѣвую сторону—тамъ увидишь развалины; въ полночь къ нимъ достигнешь... Мужество! Постоянство! Помни, что Любимира будетъ твоею наградою!

Алеша. Твои слова оживляютъ мое сердце! Иду, куда надобно. *(Хочетъ идти).*

Барма. Эй, господинъ богатырь! Мнѣ куда прикажете дѣться—неужели остаться одному въ дремучемъ лѣсу—я не знаю ни пути ни дороги!

Алеша. Иди за мною.

Добрада. Имѣешь ли довольно смѣлости, чтобы послѣдовать за господиномъ своимъ въ «страшныя развалины»?

Барма. Куда?—въ «страшныя развалины»?.. *(Дрожитъ).* Ахъ! отъ одного имени ихъ волосы становятся дыбомъ на головѣ моей,—нѣтъ не пойду туда!

Добрада. Ну, поди назадъ въ гостиницу!.. Я тебя оставлю, храбрый богатырь! Исполни все съ неустрашимостью! Ты будешь счастливъ! *(Исчезаетъ).*

ЯВЛЕНІЕ 14-е.

Алеша Поповичъ. Барма.

Алеша. Чудныя вещи!

Барма. Очень чудныя!.. Вы сыграли со мною изрядную шутку, милостивый государь!.. Если бы я зналъ это прежде, то

поискалъ бы себѣ другого господина... Таскаться за вами по лѣсамъ, по...

Алеша. Молчи, дурачина! Развѣ ты не знаешь, какъ я управляюсь съ болтунами...

Барма. Я знаю, что вы больно деретесь, по какая отъ этого польза!

Алеша. Полночь приближается! время идти!—нечего дожидаться!

Барма *(рыдаетъ).* Какъ... вы... хотите... идти! меня оставивъ! одного въ лѣсу!

Алеша. Иди за мною, если оставаться не хочешь!

Барма *(въ сторону).* Легко сказать, иди за мною! Что жъ дѣлать—надобно идти! Если увижу духа или привидѣніе, зажмурюсь! *(Вслухъ, плача.)* Настала моя послѣдняя минута...

Алеша *(идетъ впередъ).* Стыдно быть такимъ трусомъ! Пойдемъ.

Барма *(трясется).* Да, стыдно—я самъ это знаю! Но... *(Видитъ дерево и начинаетъ кричать во все горло.)* Ай, ай, ай! Какой ужасный великанъ!

Алеша *(оборачивается).* Гдѣ? Я ничего не вижу!

Барма. Посмотрите сюда!.. вотъ здѣсь...

Алеша. Дурачина! Это дерево! Иди за мною.

(Громоу ударъ. Страшный голосъ говоритъ:)

Голосъ. Оруженосецъ, удались! Ты недостойнъ участвовать въ подвигахъ богатыря!

Алеша. Дождись меня здѣсь. Мы увидимся. *(Уходитъ).*

Барма. Господинъ богатырь, господинъ богатырь, возьмите и меня съ собою! Здѣсь я пропаду... какъ мнѣ одному ладить съ чародѣями!

(Ужасный духъ съ дубиною и огромнымъ фонаремъ въ рукахъ является.)

Духъ. Иди за мною! Я провожу тебя въ гостиницу!

Барма. Нѣтъ, покорный слуга, я до такихъ проводниковъ не охотникъ... Я не хочу въ гостиницу, хочу къ своему богатырю.

Духъ. Пойдемъ къ богатырю!

Барма (*дрожитъ*). Не хочу и къ богатырю. Хочу... (*въ сторону*). Куда бы мнѣ хотѣть?.. (*Велухъ*). Хочу остаться одинъ!

Духъ (*подымая дубину*). Пойдешь ли за мною, уродъ?

Барма. Иду, иду!.. (*Про себя*). Какой же онъ чудакъ, —хочетъ быть непременно моимъ проводникомъ... Если я не попаду въ преисподнюю, то могу назвать себя счастливымъ человѣкомъ. (*Идетъ торрливо вслѣдъ за духомъ*).

ЯВЛЕНІЕ 15-е.

(*Внутренность развалишагося замка. Все въ безпорядкѣ. На стѣнахъ мохъ, трава. Окна, двери обрушились. Въ горницахъ, пространный, со сводомъ, видны признаки скорого быствя. Разбросанныя платья; на столѣ горятъ два свѣтильника, на полу кинжалъ. Впередѣ большое окно. Алеша Поповичъ входитъ и скоро потомъ духъ*).

Алеша (*осматриваясь*). Все здѣсь въ безпорядкѣ, все показываетъ поспѣшность, съ какою послѣдній обладатель замка долженъ былъ спастись отъ какихъ-нибудь непріятелей, его преслѣдовавшихъ... Кинжалъ... окровавленное покрывало... Здѣсь совершилось убійство... (*Страшный порывъ вѣтра. Громъ и молнія. Является духъ. Алеша обнажаетъ мечъ*). Удержись! Мой мечъ очарованъ, никакое волшебство не можетъ ему противиться!.. Отвѣчай, кто ты и чего требуешь?

Духъ (*глухимъ голосомъ*). Я духъ прежней обитательницы сего замка, Милолики! Мое происхожденіе славно; князья были моими предками; но участь моя несчастна! Супругъ мой, прежде могучій богатырь, потомъ злодѣй, разбойникъ, убійца, былъ извѣстенъ подъ именемъ Горюна-разбойника... Я умерщвлена предательски; духъ мой страждетъ и не находитъ спокойствія!

Алеша. Кто умертвилъ тебя? И отчего твой духъ страждетъ?

Духъ. Меня умертвилъ супругъ мой! Я спасла одного несчастнаго юношу, котораго онъ измѣнически заманилъ въ свой замокъ, затѣмъ, ограбивъ, закололъ... Разъяренный Горюнь пронзилъ въ мое сердце этотъ кинжалъ, и бросилъ мое тѣло въ источникъ, который течетъ въ глубинѣ лѣса... Ищу и не нахожу спокойствія; одна надежда мнѣ остается, надежда на твою могучую руку...

Алеша. Но скажи, какъ могу тебя избавить?

Духъ. Должно открыть убѣжище моего супруга! Онъ исчезъ неизвѣстно какъ и куда, послѣ умерщвленія жены своей! Замокъ его опустѣлъ и безпрестанно разрушается... Только тогда успокоюсь въ объятіяхъ Чернобога, когда мои кости будутъ погребены въ одномъ мѣстѣ съ прахомъ моего супруга. Это условіе ты можешь исполнить. Другое, ужаснѣйшее—мнѣ самой отъ боговъ предоставлено...

Алеша. Какое?

Духъ. Я имѣю сына! Странный жребій насъ съ нимъ ожидаетъ! Онъ никогда не зналъ ни отца ни матери —никогда и не узнаетъ! Такъ опредѣлила судьба. Онъ долженъ семь разъ сдѣлаться убійцею въ 34 года своей жизни; когда жъ они пройдутъ, онъ долженъ—въ отмщеніе—умереть отъ руки своей матери!

Алеша. Ужасная участь!..

Духъ. Послѣвши, юноша, меня избавить! Тебѣ все возможно—если только имѣешь мужество и невиненъ въ душѣ своей!

Алеша. Помогать страждущимъ есть моя должность. Боги видятъ мое сердце! Оно не осквернено порокомъ!

Духъ. О, я счастливая! Скоро засну покойнымъ спомъ въ тихомъ убѣжищѣ гроба!.. Скоро и ты, о могучій богатырь, получишь Любимиру, въ награду за свою добродѣтель!

Алеша. Не обмани меня надеждою! Я бѣденъ; а бояринъ Громобой корыстолюбивъ...

Духъ. Будешь богатъ! и получишь согласіе боярина Громобоя!.. Подъ сими раз-

валинами сокрыто великое сокровище. Оно тебе назначено... *(Слышно тихое движение вѣтра)*. Но полночь наступитъ — богатырь Алеша Поповичъ, не забудь меня! *(Молнія и громъ. Духъ исчезаетъ. Алеша падаетъ на колѣни и подымаетъ свой мечъ кверху)*.

Алеша. Клянусь не успокаиваться сномъ, не знать никакой радости въ жизни — по тѣхъ поръ, пока не избавлю тебя, страждущій духъ Милолика! Никакая опасность не ужаснетъ меня; никакое страданіе, никакой трудъ не побѣдятъ моего мужества!.. Но когда сей гибельный подвигъ свершится, когда останусь побѣдителемъ — о боги! тогда да будетъ наградою моею Любимпра! *(Сладостная гармонія раздается; слышится тихій, пріятный звукъ флейты. Добрада, въ видѣ сѣтлаго вѣія, является съ пальмовою вѣтвю позади богатыря)*.

ФИНАЛЬ.

Добрада.

Безмерные тебѣ внимаютъ! — Вѣлбно ихъ покоренъ будь! Твой путь — опасный, многотрудный — Къ блаженству вѣрному ведетъ! *(Добрада уводитъ его съ собою. Колоколъ протяжно бьетъ двѣнадцать часовъ. Во время боя входитъ Барма и говоритъ)*.

Барма. Этотъ добротный проводникъ привелъ меня къ «страшнымъ развалинамъ» — я совѣмъ не просилъ его — гдѣ же богатырь? — поминай, какъ звали... Видно, проклятыя привид... *(Тотчасъ послѣ двѣнадцатаго удара въ колоколъ, раздается громъ, буря реветъ; являются страшныя привидѣнія, огромныя великаны, русалки, чудовища, лишай. Барма прячется подъ столъ. Привидѣнія блиають по горницамъ)*.

Страшный хоръ.

Сбирайтесь, собирайтесь! полночные
Ужъ воевъ страшный вихрь! *(духи!)*
Ужъ вѣтры и громы лѣса поражаютъ —
Земная ось дрожитъ!

Барма *(выскальзываетъ)*. Ой! ой! ой!

пропалъ я!.. Какъ бы мнѣ вырваться изъ этой прекрасной компаніи...

Хоръ привидѣній.

Всѣ. Кто здѣсь? Кто?.. Какой смѣльчакъ!

Барма. Ахъ! пропалъ! съѣдятъ меня!

Всѣ *(пляшутъ)*.

Съ нами, съ нами, гость незваный!

По горамъ и по долинамъ,

Черезъ рѣки и лѣса,

Пошесемъ, полетимъ!

Съ нами, другъ, собирайся въ путь!

Будь проворнѣй, будь смѣлѣй!..

(Громовай ударъ. Является Добрада, подаетъ знакъ — всѣ привидѣнія дѣлаются неподвижными. Столъ, подъ которымъ сидитъ Барма, исчезаетъ, а самъ Барма является верхомъ на огромной летучей мыши, которая подымается съ шумъ на воздухъ и вылетаетъ въ окно. Стулъ и трескъ.

Занавѣсъ опускается.)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Гостиница. **Чурило Пленковичъ. Василий Богуслаевичъ. Ерусланъ Лазаревичъ. Илья Муромецъ. Силуанъ.**

Чурило Пленковичъ *(Силуану)*. Ты точно знаешь, что онъ пошелъ на «страшныя развалины?»

Силуанъ. Точно знаю! Я посылалъ туда пылче поутру своего мальчюка искать его, но онъ не нашелъ ни богатыря, ни оруженосца — ни слуху, ни духу, какъ канули на дно! *(Три раза стучатъ въ дверь)*.

Илья Муромецъ. Что это? Стучатся въ дверь?

Чурило Пленковичъ. Силуанъ, отвори!

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

(Силуанъ отворяетъ дверь. Входитъ Милолика, въ видѣ богатыря, одѣтаго съ черную броню, имѣя въ рукахъ бѣлый перламутровый свитокъ, обернутый въ черный кренъ).

Черный богатырь. Могуціе богатыри, Чурило Пленковичъ, Василий Богуслаевичъ,

вичъ, Ерусланъ Лазаревичъ, Илья Муромецъ! Зову васъ въ замокъ боярина Громобоя; будьте судьями богатыря Калиты, который долженъ сражаться не на животь, а на смерть... Придете ли? Будете ли свидѣтелями поединка?

Всѣ богатыри. Придемъ! Будемъ!..

Василій Богуслаевичъ. Кто ты, незнакомый человѣкъ?

Черный богатырь. Я обвинитель богатыря Калиты! Этотъ злодѣй умертвилъ предательски дочь старика Добрыни Никитича!.. Придите въ замокъ Громобоя, тамъ вы меня узнаете. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Тѣ же, кромѣ Чернаго богатыря.

Василій Богуслаевичъ. Итакъ, наше подозрѣніе основательно! Калита убійца Мирославы!

Чурило Пленковичъ. Пойдемте въ лѣсъ, братцы, поищемъ Алешу Поповича; онъ, вѣрно, еще бродитъ между «страшными развалинами». Надобно ему сообщить это важное извѣстіе.

Силуанъ. Совѣтывалъ бы вамъ не ходить туда, милостивые государи! Можетъ худо случиться!

Чурило Пленковичъ. Кто хочетъ спасти друга, тотъ не думаетъ объ опасности. Готовы ли вы, товарищи?

Всѣ. Пойдемъ. (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

Силуанъ. Ольга.

Силуанъ. Хорошо, что я не богатырь... Ольга (*обнимаетъ*). Батюшка! Опъ воротился...

Силуанъ. Кто? богатырь?

Ольга. Какой богатырь! Проворъ!.. Онъ ходилъ на «страшныя развалины»! вѣдь вы сами его посылали... Къ счастью, ничего дурного съ нимъ не случилось! Какъ я рада!

Силуанъ. Дурочка! Теперь день! Чего ты боялась?

Ольга. Какъ не бояться! Я люблю Провора! Очень люблю!.. Судѣайте милость, батюшка, не посылайте его больше туда! Не правда ли, вы не пошлете?

Силуанъ. Ой вы, нѣжныя сердчишки! Не бойся, твой Проворъ останется въ покоѣ, не пойдетъ на «страшныя развалины»... Будь только ты умна, веди себя порядочно—недѣли черезъ двѣ и свадьбу сыграемъ!

Ольга (*обнимаетъ его*). Недѣли черезъ двѣ? Ахъ, батюшка! Какъ вы милы, какъ я васъ люблю!.. Видно, вы сами по опыту знаете, какъ тошно любя дожидаться... Только смотрите, не перемѣните своего намѣренія!

Силуанъ. Не перемѣню, не перемѣню, будь спокойна, дурочка! (*Уходитъ*).

Ольга (*одна. Прымаетъ*). Недѣли черезъ двѣ! Черезъ двѣ недѣли!.. Что можетъ быть этого веселѣ!.. Охъ, когда бы здѣсь былъ мой Проворъ!

Арія.

Проворъ мой прекрасенъ, любезенъ, умненъ!

Всѣмъ дѣвкамъ завидно смотрѣть на меня!

Найдите себѣ такого жъ, какъ онъ;

Красавца женой всѣмъ весело быть!..

Невѣстой приятно и весело быть!

День цѣлый мечтаешь о другѣ своемъ;

А ночью его же находишь во снѣ!

Воснѣлъ, наявуль—вездѣ милый другъ!..

Когда-то счастливый увижу я день!

Когда-то я буду навѣки его!

Какъ тяжело желать, надежду питать,

Не видя конца желаньямъ своимъ!

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ 5-е.

Силуанъ. Проворъ.

Силуанъ. Ты не нашелъ богатыря?

Проворъ. И слѣду нѣтъ! Я доходилъ до самыхъ «страшныхъ развалинъ»—звалъ его по имени—все было тихо, никто мнѣ не отвѣчалъ—одни только кукушки въ лѣсу завывали.

Силуанъ. Какая причина? Жаль бѣднаго богатыря; видно, намъ ужъ не видать его на бѣломъ свѣтѣ! Зачѣмъ нелегкая носила его въ эту пропасть!

Проворъ. Неужли вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что привидѣнія ему что-нибудь едѣлали?

Силуанъ. Не только думаю—увѣренъ

въ этомъ! Съ привидѣніями и духами шутить не совѣтую. Послушай, что мнѣ разсказывала объ нихъ моя покойная бабушка:

Романсъ.

Прохожій шелъ дорогой;
Его застигла ночь!
Онъ въ хижинѣ убогой
Хотѣлъ ее провести!
Приходитъ—все безмолвно,
Все пусто, нѣтъ жильцовъ!
Убъжище спокойно,
Сказалъ онъ—и заснулъ.
Но полночь лишь настала—
Поднялся странный вой;
И въ хижинѣ предстала
Колдунья на клюкахъ!
Прохожій пробужденный
Вскочилъ и закричалъ,
Какъ будто изступленный:
Кто ты, за чѣмъ пришла?..
Старуха засверкала
Глазами на него,
Клюкою замахала—
Явилось сто духовъ!
Прохожаго схватили
Взвизывая съ нимъ къ облакамъ—
Что жъ тамъ съ нимъ училили,
Узнать никто не могъ!..

(Уходитъ).

Проворъ. Желалъ бы знать, откуда берутъ люди смѣлость! Идти въ гости къ духамъ, привидѣніямъ, лѣбіямъ, русалкамъ! Гдѣ это видано и слыхано?.. Признаться, я бы не желалъ встрѣтиться ни съ духомъ, ни съ привидѣніемъ!.. Одинъ взглядъ на этихъ господъ уморилъ бы меня въ одну секунду! Правду сказать, желалъ бы получить сокровище, которое—сказываютъ—спрятано въ «страшныхъ развалинахъ»: но боюсь, чтобы мнѣ тамъ не свернули шеи! Лучше быть не богатымъ, но съ головою! Два раза не жить на семь свѣтъ!..

Арія.

Вся наша жизнь какъ лѣтній день!
Заря прекрасная лишь мигъ:
Мелькнетъ на травкѣ лишь роса,
И вдругъ съ туманомъ улетитъ!

Сберутся черны облака
Завоегъ вѣтръ и пылъ взвоегъ!
Нль грозный жаръ начнетъ палить
Долины, горы и лѣса—
Сгуестися воздухъ, загремятъ
Ужасны громы въ облакахъ,
И дождь рѣкою зашумитъ,
Потопитъ нивы и луга,
Надежду, счастье поселянъ,
Съ полей богатство унесетъ...
Какъ сладокъ вечеръ послѣ бурь,—
Но ахъ, и вечеръ только мигъ!
Свѣтило мирное блеснетъ,
Въ душѣ веселье оживитъ—
Но мрачна ночь сокростъ все!
Но бурномъ днѣ наступитъ тьма!

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Лѣсъ. Барма сидитъ на обломкѣ утеса.
Потомъ Алеша Поповичъ.

Барма. Я оиить здѣсь — но какъ отсюда выбраться?.. Куда ни погляди, лѣсъ, густой, непроходимый! Что дѣлать! О, бѣдный Барма, Кудрявая Голова! Куда тебѣ дѣваться? Бѣдный мой богатырь Алеша Поповичъ! Что съ тобою сдѣлалъ эти уроды съ страшными харями!..

Алеша *(сходитъ поспѣшно)*. Голосъ моего оруженосца!.. Варма! Варма! Ты ли это? Какъ ты здѣсь очутился?..

Барма. Приѣхалъ сюда на летучей мыши—вась, вѣрно, привезли на слонѣ?

Алеша. Враль! Пойдемъ отсюда! Надобно выйти изъ лѣсу! Ты знаешь дорогу?

Барма. Не знаю! Я здѣсь не бывалъ отъ роду! Но вотъ идутъ прохожіе, спросимъ у нихъ.

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Тѣ же и нѣсколько служителей.

Алеша *(подходитъ къ нимъ)*. Не можете ли показать намъ дорогу изъ лѣсу?

Одинъ служитель. Это онъ!.. Мы его ищемъ!..

Другой служитель. Голубой панцырь, бѣлая перья на шлемѣ!

Третій. Опъ, опъ! Возьмемъ его!..

Барма. Госнодинъ богатырь,—эти люди не добрые! Пойдемъ отъ нихъ подалѣ!

Одинъ служитель *(обнаживъ мечъ)*

вмѣстѣ съ другими). Богатырь! Вы должны сдаться! Мы имѣемъ повелѣніе привести васъ къ своему господину.

Барма (*показъ въ кустарникъ*). Здѣсь будетъ жарко! Мое дѣло сторона.

Алеша (*обнаживъ мечъ*). Разбойники! Чего вы отъ меня хотите?

Одинъ служитель. Хотимъ взять васъ! Сдайтесь добровольно!

Алеша. Попробуйте взять меня. (*Отбивается. Его пересиливаютъ и берутъ*).

Одинъ служитель. Понался ты намъ, убійца нашей доброй боярыни!..

Алеша. Я убійца?.. Это клевета!.. Ведите меня къ своему господину!

Другой служитель. Ведите его къ богатырю Добрынь Никитичу!

Алеша. О, Любимира! (*Его уводятъ. Барма выльзаетъ изъ-за кустовъ и осматривается съ торопливостью*).

Барма (*одинъ*). То-то молодець! Насилу его взяли! И я не трусь! Я бы имъ не дался въ руки!.. Но въ чужія дѣла не люблю вмѣшиваться, и для того подалъ, подалъ! (*Осматривается*). Не рапень ли я однако жъ? Иногда можно умереть и глядя на сраженіе... Меня жъ кусали такіе сердитые овода, такъ больно, что па моему мѣтѣ и камень бы вскрикнулъ— а я имѣлъ духъ молчать!.. О, я человѣкъ терпѣливый и смѣлый!.. Поѣду за ними издали— можетъ быть... (*Хочетъ идти*).

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Барма и **Добрада**, въ видѣ лѣсниковой дочери.

Добрада. Здравствуй, пріятель! Откуда ты?

Барма. Прямо изъ сраженія! Мы дрались, какъ отчаянные!.. Кровь лилась ручьями, и шумѣла, какъ дѣфировскіе пороги! Тысячи тысячъ побиты! Веѣ убѣжали... Я одинъ остался, какъ видишь, непобѣдимымъ!

Добрада. На которомъ мѣтѣ произошло сраженіе?

Барма. Здѣсь, на этомъ самомъ мѣтѣ.

Добрада. Гдѣ жъ убились?

Барма. Веѣхъ схоронили!

Добрада (*про себя*). Постой, хвастунъ, я тебя накажу за твое самохвальство!

Барма. Не знаешь ли дороги изъ лѣсу? Проводи меня!

Добрада. Погоди, я пришлю къ тебѣ свою сестру,— она укажетъ тебѣ дорогу

Барма. Сестру! Молода ли она?

Добрада. Дѣвочка, 16-ти лѣтъ!

Барма (*про себя*). Прекрасно! (*Вслухъ*). А хороша ли!

Добрада. Какъ весеннее утро!

Барма. Въ самомъ дѣлѣ! Знаешь ли, что я тебѣ скажу? Пришли ея сюда поскорѣе! Съ красавицею въ лѣсу не страшно!

Добрада. Но смотри, обходишь ея нечестно! Вѣдненькая влюблена...

Барма. Влюблена (*про себя*), тѣмъ лучше! (*Вслухъ*). Но скажи мнѣ, знаешь ли ты, что такое любовь!

Добрада. Какъ не знать! Развѣ я не живою человѣкъ!

Арія.

Любовь—веселіе души!

Съ любовью жизнь, какъ вѣчный май!

Кто жизнь проводитъ безъ любви,—

Тотъ землю только бременить!..

Любовь приходитъ, не спросея!..

Вдохнешь и скажешь: я люблю!

Слезами сердце облегчишь!

Люби—коль хочешь счастье знать!

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Милолика, въ видѣ лѣсниковой дочери.

Барма (*одинъ*). Я это знаю! Дѣвушка не успѣетъ научиться говорить, какъ любовный вздоръ ползетъ къ ней въ голову!.. Но вотъ и ея сестра... Подлинно! Красавица!

Милолика. Тебя надобно проводить изъ лѣсу?.. Сестрица меня послала!

Барма. Меня, моя милая! Но... (*Про себя*). Ха-ха-ха! Такой дѣвкы я еще не видывалъ! (*Вслухъ*) Ты, ты... (*пожимаетъ ей руку*) ты очень мила! Какъ тебя зовутъ?

Милолика (*весело*). Меня зовутъ Марою!

Барма. Милая Маро! знаешь ли, что ты прекрасное твореніе!

Милолина. Благодарствую, добрый человекъ! Мнѣ говорятъ, что я хороня! Пойдемъ!

Барма (*тихо*). Охъ! эта дѣвка очень мнѣ по сердцу. (*Громко*) Послушай, милая, пооди сюда! Сядемъ подъ это дерево! Отдохнемъ немного!

Милолина. Нелзя! Боюсь!

Барма. Ха-ха-ха! Чего же боишься, плутовка! (*Трелетъ ее по щекѣ*). Какая полная, румяная щечка!.. Я думаю, очень весело цѣловать ее.. Попробуе! Поцѣлуй меня, Мароушка. (*Хочетъ обнять ее—Милолика превращается въ дряхлую, безобразную старуху, и говоритъ осиплымъ голосомъ*).

Милолика. Я здѣсь, мое сокровище!

Барма. Эхъ! Что это?.. (*Въжимтъ отъ нее*). Что за уродъ!

Милолика. Сядемъ подъ дерево!

Барма. Нелзя! (*Оглядывается*). Куда дѣбалась моя красавица?..

Милолика. Ты, конечно, говоришь о моей дочери.

Барма. Что? Она твоя дочь? Нелзя статья! У такой старой вѣдьмы, какова ты, не можетъ быть такой прекрасной дочери!

Милолика (*встаетъ*). Какъ, негодяй! Ты еще смѣешь говорить грубоети!.. Сюда! (*Страшный аккордъ въ музыкѣ. Являются духи съ бичами*). Покажите этому незваному гостю дорогу изъ моего владѣнія!.. Бѣги отселе и чувствууй мое мнѣніе. (*Уходитъ. Духи окружаютъ Барму, бьютъ ея бичами въ тактъ и юнятъ съ тестра*).

Хоръ.

Ругателямъ награда—бичъ!

Бѣги отселе!

Языкъ держать бы на цѣпи—

Не былъ бы бить!

Бѣги, бѣги, болваль! бѣги!..

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Огромная палата. Впереди двери съ занавѣсомъ, черезъ которыя входитъ въ другую горницу, одѣтую чернымъ сукномъ, и въ которой стоитъ ныншій

катафалкъ. На катафалкѣ мертвая Мирослава. **Добрыня Никитичъ, Алеша Поповичъ**, связанный, вводятся служителями.

Добрыня (*отдернувъ занавѣсу*). Смотри, злодѣй! Вотъ что ты сдѣлалъ!

Алеша. Старый и честный богатырь Добрыня Никитичъ, я тебя не понимаю—можешь ли подозревать меня въ такомъ ужасномъ дѣлѣ—я невиненъ, клянусь богами!

Добрыня. Погляди на эту несчастную жертву яростнаго твоего изступленія, и почувствуй, если можешь, терзанія совѣсти! Не ты ли ее обольстилъ насильственно: не ты ли умертвилъ ее, когда безъ всякой обороны эта невинная гуляла въ моихъ рощахъ, на берегу Дѣвира. Ея подруги описали мнѣ лицо убійцы, его одежду; я разослалъ своихъ вѣрныхъ служителей—они искали тебя долго, наконецъ нашли въ томъ же лѣсѣ, гдѣ ты совершилъ убійство, гдѣ обольстилъ мою невинную дочь и лишилъ меня моего счастья, всѣхъ моихъ радостей при старости!.. Я ночиталъ тебя честнымъ человекомъ; и не воображалъ, чтобы страшный убійца и обольститель невинности былъ храбрый, могучій богатырь Алеша Поповичъ—но я наученъ опытомъ не вѣрить людямъ!.. Они не могутъ удивить меня никакимъ злодѣйствомъ!..

Алеша. Удивляюсь тому, что отъ тебя слышу!.. Богатырь, Добрыня Никитичъ! Ты долженъ быть не такъ поспѣшенъ въ своихъ обвиненіяхъ! Ты долженъ вспомнить, что я почти не видалъ твоей дочери Мирославы прекрасной. Могу ли быть ея убійцею и обольстителемъ! Вотъ тебѣ рука моя—она не осквернена кровью невинности, она готова отмстить за твою несчастную дочь!

Добрыня. Позднее мнѣніе!.. Но тебя все обвиняетъ. Мои служители узнали тебя! Скажите, друзья, видали ли вы его? Не онъ ли приходилъ въ мое отсутствіе къ Мирославѣ! Не онъ ли скитался часто около моего замка, и въ густотѣ лѣса, дожидаясь ея выхода?..

Одинъ служитель. Онь, онъ! Мы его знаемъ.

Алеша. Дѣлайте со мною, что хотите! Но еще разъ клянусь богами—я невиненъ!

Добрыня. Клятвопреступникъ! Не обременяй себя новыми преступленіями, призывая имя боговъ въ свою защиту! Служители, бросьте его въ погребъ!
(Служители окружаютъ Алешу Поповича).

ЯВЛЕНИЕ 11-е.

Гостиница. Проворъ, потомъ Барма.

Проворъ. Богатыри отправились къ боярину Громобою. Въ гостиницѣ все такъ тихо, какъ будто бы все померло...

Барма (*вѣщаетъ, — вѣщаетъ по театру; запыхавшись, долго не можетъ говорить*). Проваль возьми эту службу—настоящая каторга!.. Пѣтъ, господинъ богатырь! Я вашъ покорный слуга! Ищите себѣ другого оруженосца—съ вами жизнь не жизнь, а мученье.

Проворъ. Гдѣ твой господинъ, Барма?

Барма. Кто его знаетъ!.. Можетъ быть, теперь посаженъ на колы и зѣваетъ на галокъ!.. Подѣлюмъ ему! Зачѣмъ дружились съ чародѣями...

Проворъ. Что такое сдѣлалось съ тобою?

Барма. Спроси у моей спины! Она тебѣ скажетъ!

Проворъ. Тебя пощѣкли?

Барма. Такъ пощѣкли, что съ самаго начала свѣта эдакаго сѣченія видомъ не видало.

Проворъ. На! Зайди свое горе, приятель!.. Вино укрѣпляетъ человѣка. (*Даетъ ему чарку вина*).

Барма (*пьетъ*). Такъ—ты говоришь правду... И—сказать безъ хвастовства—не будь я такъ смѣль, то бы теперь воронъ костей моихъ не собралъ...

Проворъ. Развѣ ты встрѣтился съ каплемъ—нибудь духомъ или чародѣемъ?..

Барма. Я видѣлъ сто тысячъ духовъ!—Слушай! Мы подходимъ къ лѣсу! Все тихо, все спокойно, ни одинъ листочекъ не шелохнется... Я не трусь!—шелъ

впереди, показывалъ своему богатырю дорогу; онъ держался за мою полу...

Проворъ. Потомъ что?

Барма. Потомъ?.. Я остался одинъ—богатырь пошелъ далѣе. Теперь — то слушай!..

Проворъ. Говори, говори.

Барма. Вдругъ со всѣхъ сторонъ зашумѣла буря, лѣсъ загорѣлся, и ко мнѣ навстрѣчу выѣхалъ зеленый огненный баранъ, верхомъ на горбатой старухѣ, у которой изо рта торчали огненные клыки—ты знаешь, что я смѣлый человѣкъ, но, признаться, увидя такихъ гостей, я задрожалъ, какъ осиновыя листь—хотѣлъ бѣжать, ноги подкосились, меня схватили, помчали, начали тормозить... Я думалъ, что меня занесутъ на край земли; ничуть... Прихожу въ себя—на дворѣ утро, все тихо... Я лежу на камнѣ—мой богатырь подлѣ меня...

Проворъ. Чудеса! Удивительно!

Барма. Еще не все!

Проворъ. Что жъ далѣе?

Барма. Выбѣгаютъ изъ лѣсу тысяча человѣкъ! Приступаютъ къ моему богатырю, хотятъ его схватить, онъ зоветъ меня на помощь.—я бросаюсь, какъ бѣшеный, на разбойниковъ, колю, бью, рѣжу, только что головы сыплются! Благодаря моей и господина моего храбрости, оставалось только сто человѣкъ—мы бы и съ ними управились, но у богатыря моего выбили изъ рукъ мечъ, отсѣкли носъ и четверть головы... Онъ долженъ былъ сдаться; его взяли—а я пошелъ домой!

Проворъ. Жаль богатыря! Гдѣ-то онъ теперь?

Барма. Вѣчная ему память!.. Но слушай: иду, иду—вдругъ выходитъ ко мнѣ навстрѣчу дѣвушка! Я молодецъ не промахъ! Тотчасъ къ ней; прошу ее проводить меня изъ лѣсу—она соглашается, и какая дѣвушка не согласится на мою просьбу? слово за слово—хочу съ ней короче познакомиться, хочу ее поцѣловать, и только что протянулъ губы—вообрази приятель!

Проворъ. Что такое?

Барма. Въмѣсто красавицы, очутилась передо мною старуха, скаредная, беззубая, хромая, кривая, губастая — я ахнулъ, ударилъ ее объ землю и бѣжалъ изъ лѣсу! Но, видно, эта старуха чародѣйка...

Проворъ. Что она сдѣлала?

Барма. Лишь только я побѣжалъ, поднялся въ лѣсу шумъ, свистъ, гарканье — страхъ что такое! Вдругъ окружило меня нѣсколько тысячъ уродовъ, одинъ съ плетью, другой съ дубиною, третій съ цѣлымъ дубомъ — и начали меня провожать изъ лѣсу! Я бѣжалъ безъ памяти, стужался лбомъ объ деревья — такъ крѣпко, что каждое дерево ломалось, и тамъ, гдѣ я бѣжалъ, деревья лежатъ рядами — не знаю, какъ я очутился здѣсь — только впередъ не пойду въ этотъ лѣсъ ни за какія деньги, и не стану цѣловаться съ молодыми дѣвками!

Проворъ. Самъ виноватъ, пріятель; если бы ты поцѣловался съ старухою, то твоя спина была бы здорова.

Барма. Поцѣловаться съ старухою! Легко сказать! Но если бы ты видѣлъ эту старуху — провалъ ее возьми — хромая, горбатая, кривая вѣдьма, на которую и глядѣть тошно! — желалъ бы, чтобы ты встрѣтился съ этою красавицею и поцѣловалъ ее!

Арія.

Красотка шестнадцатилѣтняя,
Невинность и сердцемъ и взглядомъ —
Но чести, прелестийъ всего!
Съ такою красоткой не стыдно
Проворствомъ своимъ похвалиться!
Съ красоткой — и я богатырь!
Не струшу, не струсю никакъ!
Но если беззубая вѣдьма,
Старуха забредитъ любовь —
Пропалъ я, какъ ракъ на мели!
Легко ли прельщаться уродомъ?
Съ уродомъ шутить, цѣловаться?
Раздуй ихъ, проклятыхъ, горой!
Барма — имъ цокорный слуга!

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Проворъ. **Ольга.** **Добрада,** въ видѣ лѣсниковой дочери.

Проворъ (*одино*). Не ходитъ бы тебѣ въ лѣсъ, пріятель! Чародѣи — не свой братъ!

Ольга съ Добрадою. Проворъ, эта маленькая дѣвочка тебя спрашиваетъ!

Проворъ. Маленькая дѣвочка? меня? Чего ей хочется?

Добрада. Не ты ли нынче былъ въ лѣсу? Не съ тобою ли встрѣтился старикъ, пиццъ?

Проворъ. Такъ, я былъ въ лѣсу, встрѣтился и съ нищимъ, которому далъ кусокъ хлѣба и нѣсколько мелкихъ денегъ.

Добрада. Смотри — никакое благодѣяніе не остается безъ награды! Старый пиццъ даритъ тебѣ этимъ мѣшкомъ золота за твой кусокъ хлѣба и твои деньги...
(*Подаетъ ему полный мѣшочекъ денегъ*).

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Тѣ же. **Силуанъ.** **Соловей.**

Проворъ. Радуйся, Проворъ! Теперь честнымъ пиргомъ да за свадьбу! Будь дѣтей полна изба — не стану тужить! Все мѣ на часть достанется!

Силуанъ. Дѣти, откуда взялись эти деньги?

Ольга. Батюшка, батюшка! послушайте, какое чудо! Проворъ нынче поутру подалъ нищему... — а этотъ пиццъ подарилъ его мѣшкомъ золота!

Соловей. Удивительно! Но доброе дѣло всегда награждается!

Силуанъ. Кто ты, дѣвочка!

Добрада. На что тебѣ знать мое имя, добрый человекъ! Живи спокойно въ своемъ семействѣ и будь счастливъ! Вотъ все, чего тебѣ желаю!

Канонъ изъ пяти голосовъ.

Гдѣ радость въ хижинѣ простой

Съ невинностью живеть,

Гдѣ дружбою составленъ кругъ —

Тамъ счастье цвѣтеть;

Тамъ нѣтъ тоски и нѣтъ заботъ,

Тамъ все любовь живить!

Друзья людей блаженны здѣсь!

Ихъ взоръ боговъ храпитъ!

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 14-е.

Палата Громобоя. **Громобой. Калита.**

Громобой. Ахъ! Если бы я могъ оживить дочь мою! Чѣмъ бы для нее не пожертвовалъ?.. Боги, возьмите все мое имущество—и возвратите мнѣ мою Любимиру!

Калита. Эта негодница была тебя недостойна, бояринъ Громобой. Завтра мы побѣдемъ съ тобою въ Кіевъ; тамъ будемъ веселиться при дворѣ князя Владимира—веселость разсѣетъ твои печальныя мысли!

Громобой. Ты никогда не бывалъ отцомъ, богатырь Калита!.. Это видно: иначе говорилъ бы другое... Ахъ, какъ тяжело родительскому сердцу, когда малое дитя отъ него оторвано!

(Входитъ слугитель).

Слугитель. Кіевскіе богатыри стоятъ у воротъ твоего замка и желаютъ тебя видѣть.

Громобой. Милости прошу—зови ихъ. *(Слугитель уходитъ).* Боги, неужели мое сердце трепещетъ отъ радости безъ причины?.. Что—если они спасли мою Любимиру! если хотятъ возвратить мнѣ мою дочь!

Калита. Это невозможно! Она утонула въ Дибирѣ; мы сами видѣли...

ЯВЛЕНІЕ 15-е.

Тѣ же. Чурило Пленковичъ, Василій Богуслаевичъ, Еруслаанъ Лазаревичъ, Илья Муромецъ входятъ, обнимаются съ Громбоемъ и смотрятъ презрительно на Калиту.

Чурило. Здравствуй, старый бояринъ Громобой!

Всѣ. Добраго тебѣ здоровья, старый человекъ!

Громобой. Зачѣмъ пожаловали ко мнѣ, богатыри кіевскіе?..

Чурило. Бояринъ Громобой, выслушай насъ: въ домъ твоимъ живетъ убійца! Мы присланы сюда обличить этого злодѣя

и сразиться съ нимъ не на живото, а на смерть!

Громобой. Кто же этотъ убійца?

Всѣ. Богатырь Калита!

Калита. Клевета! Кто обличитъ меня? И готовъ сражаться!

Чурило. Я твой обвинитель; я буду сражаться съ тобою! Бояринъ Громобой, приготовь мѣсто для сраженія, призови свидѣтелей; боги будутъ судить насъ!

Всѣ. Боги будутъ судить преступника!

(Всѣ уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ 16-е.

(Темная, глубокая тюрьма или погребъ, въ который брошенъ Алеша Поповичъ. Горящій факелъ, воткнутый въ землю, освѣщаетъ стѣны, очертившія отъ сырости).

Алеша Поповичъ, потомъ **Милолика,** въ видѣ бѣлаго старика.

Алеша. Бѣдная участь человѣческая!

Пыльча счастливъ, завтра погнѣбашь!

(Внѣтъ стѣнокъ; старикъ съдой, худощавый, блѣдный, съ длинною бѣлою бородою, съ фонаремъ, является передъ нимъ).

Старикъ. Не бойся ничего—я здѣсь, я спасу тебя!

Алеша. Ты присланъ отъ богатыря Добрыни? Признать ли онъ меня виновнымъ? Хотеть ли освободить меня?

Старикъ. Ошибаешься! Я не знаю богатыря Добрыни!

Алеша. Какъ же ты узналъ, что я страдаю въ его темницѣ?

Старикъ. Не спрашивай ни о чемъ! Стѣдуй за мной—или будетъ поздно!

Алеша. Нѣтъ, я не тронусь съ мѣста по тѣхъ поръ, покуда не узнаю, кто ты, чего отъ меня хочешь и за что я здѣсь?

Старикъ. Упрямый! Ты погибнешь отъ своего упрямства!

Алеша. Какъ? Погибну?.. Почему я долженъ погибнуть?

Старикъ. Тебя почитаютъ убійцею дочери богатыря Добрыни. Тебя поймали въ томъ лѣсу, гдѣ совершилось убійство.

Ты одинакого роста, виду—съ настоящимъ убійцею! Латы твой похожи цвѣтомъ на его латы! Добрыня тебя знаетъ, но всё обстоятельство противъ тебя соединились— все обвиняетъ тебя—огорченный отецъ жаждетъ мщенія!.. Не слышишь ли, враги твои приближаются!

(Отходитъ въ сторону).

ЯВЛЕНІЕ 17-е.

Прежніе. Добрыня Никитичъ съ своими служителями, которые имѣютъ въ рукахъ зажженные факелы.

Добрыня. Рѣшился ли ты, злодѣй, признаться въ своемъ преступленіи? Говори—не хочу быть несправедливымъ, осуждая тебя.

Алеша. Я невиненъ! я не знаю никакого преступления за собою!

Добрыня *(людямъ своимъ).* Умертвите жъ его! Скорѣе!.. *(Служители бросаются на Алешу Поповича съ поднятыми булавами; старикъ является посреди ихъ и восклицаетъ).*

Старикъ. Удержитесь! Онъ невиненъ! **Всѣ** *(въ ужасъ).* Привидѣніе! *(Цѣпи спадаютъ съ богатыря Алеша).*

Алеша. Я свободенъ! Чудо спасло меня!

Старикъ. Богатырь Добрыня Никитичъ, ты самъ едва не сдѣлался убійцею невиннаго! Знай, что обольститель и настоящій убійца твоей дочери есть богатырь Калита, этотъ безсовѣстный чловѣкъ, обремененный ужасными преступленіями. Сію минуту начнется смертный поединокъ. Алеша Поповичъ сразится съ нимъ не на животь, а на смерть. Боги суть заступники справедливаго.

(Исчезаетъ. Громоной ударъ. Поле. Мѣсто для поединка ооружено черными перилами. Впередичерныя скамьи, на которыхъ сидятъ богатыри, судьи поединка, въ черныхъ латахъ. У входа водружены въ землю два колья, обвитыя чернымъ крпомъ. На двухъ деревьяхъ висятъ оружія для соперниковъ: шлемъ, панцырь и булава на раждомъ. Тихая, унылая гармонія каждается; бьютъ въ литавры и буб-

ны, обтянутые сукномъ. Тихіе голоса поютъ).

Преступникъ будь наказанъ;
Злодѣйство, обличись!

Да кровію злодѣя
Заглядится оно!

Громобой *(какъ судія поединка).* Приблизьтесь, честные богатыри! Вотъ висятъ оружія! Щиты, панцыри, булавы, мечи—изберите и вооружитесь!

(Алеша и Калита выходятъ на сцену. Каждый беретъ мечъ и щитъ. Оруженосецъ Калиты держитъ булаву подлѣ богатыря своего; Алеша оставляетъ свою булаву на деревь).

Алеша. Я обвиняю этого злодѣя въ убійствѣ Мирославы прекрасной! Мы должны сразиться не на животь, а на смерть. Боги рѣшатъ между нами!

Калита. Ты—кляветникъ! выходи!

Громобой. Богатыри! начинайте сраженіе!

Калита. Но прежде говорю въ присутствіи всѣхъ богатырей, что я невиненъ! Клянусь богами...

Чурило. Не клянись, а докажи мечомъ свою невинность!

Алеша. Выходи!

Всѣ богатыри. Погибель убійцѣ! Побѣда метителю!

(Бьютъ въ литавры. Богатыри становятся одинъ противъ другаго, покрывшись щитами, обнаживъ мечи. Хотятъ начать сраженіе. Является блѣдный чловѣчскій образъ, смертная блѣдность изображена на лицѣ его; онъ медленно приближается, становится противъ Калиты, устремляетъ на него неподвижные глаза и говоритъ медленно).

Духъ. Богатырь Калита! Боги справедливы! Я буду свидѣтелемъ поединка!

Всѣ *(въ ужасъ).* Что это?

Громобой. Духъ убиенной!

Калита. Выходи, обвинитель! За тебя сражаются духи, я одинъ—но моя невинность со мною!

(Опять звучатъ литавры, музыка

раздается, сражение начинается, во время которого тихие голоса поют:)

Преступникамъ ужасенъ
Боговъ безсмертныхъ судъ!
Рукой ихъ да сорвется
Личина съ ихъ чела!

(Богатыри сражаются. Духъ во время сражения стоитъ неподвижно и не спускаетъ глазъ съ Калиты. Алеша Поповичъ ломаетъ мечъ свой и остается безоружнымъ. Калита вырываетъ булаву изъ рукъ оруженосца и, поднявъ ее, бѣжитъ къ Алешѣ Поповичу, который накрывается щитомъ. Духъ исчезаетъ. Незвѣстный старикъ является посреди соперниковъ и удерживаетъ руку Калиты.)

Старикъ. Стой, убійца! Признайся немедленно, ты ли умертвилъ Мирославу?

Калита *(роняетъ булаву)*. Боги! Какой ужасъ меня объемлетъ! Дрожу! Кровь во мнѣ леденеетъ! Отъ этого страшнаго голоса волосы на головѣ моей становятся дыбомъ!.. Такъ—боги меня обличаютъ!.. Я убійца Мирославы!

Старикъ. И боги да накажутъ тебя! *(Является въ видѣ Милолики.)* Умирай отъ кипжала своей матери! *(Колетъ его кинжаломъ.)*

Калита *(падаетъ)*. Моя мать!.. *(Всѣ въ ужасѣ.)*

Духъ Милолики *(поднявъ кинжалъ)*. Совершилось! Искупленіе мое близко! *(Идетъ медленными шагами мимо изумленныхъ зрителей. Занавѣсъ опускается.)*

ДѢЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНИЕ 1-е.

Гостиница.

Барма за столомъ ѣсть и пить, потому

Соловей.

Барма *(пѣтъ съ болѣною жадностью)*. Теперь дѣлайте, что хотите, духи, привидѣнья и старухи колдуньи—я не боюсь васъ! за добрымъ обѣдомъ и съ полною чаркою вина—я храбрый богатырь!

Соловей. Хлѣбъ да соль, пріятель!

Барма *(съ набитымъ ртомъ)*. Милости просимъ!

Соловей. Видно ты немного усталъ и проголодался! Изрядно тебѣ бока помяли!

Барма. Не приходи ко мнѣ! Я прогложу тебя и съ баламайкою!

Соловей. Знаешь ли, кто заплатитъ за твой обѣдъ?

Барма. Не знаю и знать не хочу! Лишь бы только набѣться до сыта!

Соловей. Незвѣстный никому старикъ, съ посохомъ въ рукѣ, отдалъ кошелекъ съ золотыми деньгами Силуяну, говоря: корми до сыта Барму Кудрявую Голову!

Барма. Неужели? Кто бы таковъ былъ этотъ доброхотъ? *(пѣтъ)* За здоровье моего благодѣтеля!

ЯВЛЕНИЕ 2-е.

Тѣ же и богатырь Алеша Поповичъ.

Богатырь. Благодарствую, Барма!

Барма *(струсивъ, въ сторону)*. Онъ опять тутъ!.. Что за пронасть!

Алеша. Тебѣ, какъ я вижу, здѣсь не худо?..

Барма *(набивъ ротъ)*. Изрядно! изрядно!.. Не угодно ли покушать вмѣстѣ со мною?..

Алеша. Мнѣ некогда! Я имѣю важныя дѣла?..

Барма. Желаю вамъ ихъ счастливо кончить!

Алеша. Обѣдай проворнѣе и етунай за мною въ дѣла!

Барма. Кто?..

Алеша. Ты!

Барма. Я?.. Извините, никакъ не могу васъ послужать! Я цѣлую ночь не спалъ, голова болитъ! Горло засохло и спина очень чешется!..

Алеша. Бездѣльникъ! развѣ ты не оруженосецъ мой, развѣ не долженъ всюду за мною слѣдовать?..

Барма. Я все знаю! Но я не обязанъ имѣть дѣла съ проклятыми духами, которые безъ милости мучать честныхъ людей—я...

Алеша. Дуракъ! я не къ духамъ тебя

зову! Я долженъ посѣтить одного пустышника, который живетъ въ ближнемъ лѣсу, на берегу Дигъра.

Барма. Пустышника! вы хотите, чтобы я проводилъ васъ къ пустышнику! О, это другое дѣло! Я готовъ идти *(идетъ)*.

Алеша. Я буду дожидаться тебя у воротъ гостиницы *(идетъ)*.

Барма. Подите, сейчасъ догоню васъ.

Соловей *(Барма, который встаетъ и утирается екатерью)*. Но, приятель—что, если этотъ пустышникъ какой-нибудь злой духъ? Если онъ захочетъ позабавиться, и тебя изжаритъ себѣ на ужинъ?..

Барма *(опять садится за столъ)*. Я неиду въ лѣсъ! Остаюсь за своимъ столомъ!—только и всего.

Алеша *(за кулисами)*. Барма, скорѣй!

Барма. Иду, иду! *(сидитъ и ѣсть)*.

Соловей. Ты разсердишь богатыря! Совѣтую тебѣ идти съ нимъ.. Развѣ онъ захочетъ погубить тебя? Поди, Барма!

Барма. Ой, не хочется! Здѣсь за столомъ сытно, а тамъ въ лѣсу странно! *(ѣсть)*.

Алеша *(входитъ)*. Долго ли мнѣ дожидаться тебя, мошенникъ? Что ты здѣсь дѣлаешь?.. Онъ ѣсть и не трогается съ мѣста! Прошу покорно...

Барма *(съ полнымъ ртомъ падаетъ на колѣни, плачетъ и говоритъ)*. Ахъ, господинъ богатырь, оставьте меня здѣсь! Помилуйте! не берите меня съ собою! Тамъ меня съѣдятъ, какъ жаренаго барана...

Алеша. Плутъ! я вижу, ты вздумалъ шутить надо мною!.. погоди!.. *(хватается за мечъ)*.

Барма *(вскочивъ, бѣжитъ въ двери)*. Иду, иду! Ничего не боюсь!

(Алеша гонитъ его; оба уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Соловей *(одинъ)*. Счастливъ я, что судьба избавила меня отъ всѣхъ трудныхъ опасностей богатырскаго званія! Какое блаженство, что я лишь пѣвецъ; Спокойно, безмячно я жизнь провожу!

Гремящая слава награда героямъ;
Но я не завистливъ, сей славою не льщусь!
Желаю награды отъ милыхъ красавицъ!
Въ любовныхъ походахъ—и я богатырь!
За полную чарой, на шумныхъ пирахъ,
Питьемъ и весельемъ я радъ побѣждать;
Когда же увяну, когда посѣдью,
И старости скучной отдамся въ полонъ—
Тогда съ балалайкой, за полную чарой,
О прежнемъ весельѣ, вздохнувъ, помяну!
(Уходитъ)

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Комната въ замкѣ Громобоя. **Громобой** сидитъ на большихъ креслахъ.

Потомъ **Торопъ**.

Громобой. Что мнѣ осталось дѣлать, бѣдному одинокому старику! Безъ дѣтей, безъ наследниковъ, безъ роду и племени. На что я копилъ богатство, на что берегъ сокровища, беспокоился, мучился? Кто мнѣ бѣдному закроетъ глаза? Кто пожалѣетъ обо мнѣ, когда меня не будетъ? О, злодѣй Калита! отъ тебя одного я несчастливъ! Боги жестоко наказали меня!

Торопъ *(входитъ)*. Бояринъ, слѣпая старушка нищая, съ маленькимъ мальчикомъ, просится неотступно къ тебѣ!

Громобой. Я никого не хочу видѣть, не хочу ни съ кѣмъ говорить! Одинъ въ уединенной горницѣ проведу бѣдственный остатокъ своей жизни! Кто мнѣ можетъ быть нуженъ, и кому до меня нужда, когда нѣтъ со мной моей доброй, милой Любимиры...

Торопъ. Итакъ, ты приказываешь отослать эту бѣдную старушку безъ всякой помощи, безъ подавня?

Громобой. Нѣтъ, Торопъ; накорми ее досыта; дай ей сколько хочешь денегъ—я не хочу, чтобы убогой и несчастный отходилъ безъ всякой отрады отъ моихъ воротъ...

Торопъ. Милость твоя неказанна! Пойду, обрадую старушку.. Но вотъ и она!

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Прежніе и **Любимира**, въ видѣ слѣпой нищей старушки и **Добрада**, въ видѣ мальчика, ея провожатаго.

Громобой. Откуда вы, бѣдные люди?

Любимира. Мы съ Волхова! Мужъ мой служилъ въ войскѣ Святослава! Онъ погибъ вмѣстѣ съ нимъ на Днѣпровскихъ порогахъ; я попала въ плѣнъ злодѣямъ печенѣгамъ, которые выкололи мнѣ глаза и пустили скитаться по бѣлому свѣту, котораго уже не увижу, никогда не увижу...

Громобой (*тронутый*). Бѣдная жепщина!

Любимира. Я подбираюсь! Этотъ мальчикъ, сынъ моего племянника, сирота, безъ отца и безъ матери, меня не покидаетъ...—Наградите его, Боги!—проситъ за меня милостыню и водить меня по дорогамъ! Безъ него куда бы я дѣвалась, бѣдная!

Громобой (*беретъ мальчика за руку*). Нѣтъ! онъ не будетъ скитаться по большимъ дорогамъ! онъ останется со мною! Сдѣлаю его своимъ наследникомъ! Ахъ, моя бѣдная Любимира, можетъ ли кто-нибудь замѣнить тебя?.. Но хочу какое-нибудь утѣшеніе! (*Трелетъ мальчика по щекѣ*). Хочешь ли со мною остаться?

Добрада. А моя бабушка? Куда ей дѣваться! Можно ли ее покинуть!

Громобой. Торопъ! Отведи эту старушку въ теремъ, чтобы ей ни въ чемъ не было недостатка! слышишь ли!.. Друзья мои, вы останетесь со мною! Вы замѣните мою потерю — если только что-нибудь на свѣтѣ можетъ замѣнить ее! Ахъ! по крайней мѣрѣ, рука благодарнаго человѣка закроетъ мнѣ глаза!

Любимира. Что жъ скажете объ этомъ ваша дочь Любимира, если вдругъ, возвратяе въ свое жилище, найдеть вмѣсто себя чужихъ людей...

Громобой (*изумленный*). Любимира— моя дочь, говоришь ты?..

Добрада. Что, если она жива...

Громобой (*державиий Добраду на рукахъ, ставитъ ее на землю*). Жива?.. О, если бы она была жива!.. (*Добрада подаетъ знакъ; тицеское платье спадаетъ съ Любимиры; она является въ натуральномъ своемъ видѣ. Добрада исчезаетъ*).

Любимира. Она жива! она у ногъ вашихъ! батюшка!..

Громобой. Любимира! Боги! (*Обнимаетъ ее съ горячностью*).

Торопъ. Что это за чудо! боярышня!..

Громобой. Прижмись къ моему сердцу, милая дочь! Почувствуй, какъ оно бьется отъ радости, неописанной, неизреченной. Теперь чувствую, что отецъ, лишенный дочери, со вѣмъ своимъ богатствомъ, есть самый бѣдный, несчастный человѣкъ. Торопъ, бѣги въ близкую гостиницу—тамъ найдешь богатыря Алешу Поповича, найдешь многихъ другихъ богатырей, зови ихъ вѣхъ ко мнѣ и все приготовь для помолвки... (*Торопъ уходитъ*). Хочу радоваться! Хочу веселиться! Моя дочь, моя Любимира возвратилась! Съ нею возвратилось мое спокойствіе, мое счастье!

Любимира. О батюшка! (*Целуетъ его руку*).

Громобой. Я былъ самый бѣдный человекъ, потому что потерялъ было дочь свою. Теперь она опять со мною! Я опять богатъ! Пойдемъ, моя милая, я покажу тебя вѣмъ! Чтобы вѣе со мною радовались. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Гостиница.

Богатырь **Илья Муромецъ**. **Силуанъ**.

Силуанъ. Кажется мнѣ, господинъ богатырь, что я дѣло сдѣлаю.

Илья. Что такое?

Силуанъ. Я говорю о своей дочери. Отдамъ ее замужъ за Провора; малой хоть куда!

Илья. Желало ей счастья!

Силуанъ. Кажется, будетъ счастлива! Дѣвка не глупая, не вздорная, руководълица!.. Къ тому же не ребенокъ! Дѣвкамъ неподобно долго засыживаться подъ крыломъ отца и матери. Птичка, оперившись, пролетитъ вонъ изъ гнѣзда. Лучше научиться се летать, нежели дать ей убитъся. Не правда ли?..

Илья. Правда, Силуанъ; ты, видно, говоришь по собственному опыту!

Силуанъ. Нечего таить! Самому скучно безъ жены! Моя покойная сожительница шесть лѣтъ, какъ скончалась—съ тѣхъ поръ мнѣ тошно жить на свѣтѣ! Все кажется такъ пусто, такъ уныло!

Илья. Что ты говоришь?

Силуанъ. Сущую правду! Только бы дочь выдать замужъ—самъ жениюсь!

Илья. Но ты уже не молодъ!

Силуанъ. Не молодъ!.. Какой вздоръ! Быть хорошимъ мужемъ никогда не поздно!

А р і я.

Любить не поздно никогда!

Любовь и въ старости любовь!

Ребенокъ, въ цвѣтъ лѣтъ весеннихъ,

Любовью тайно пламенѣетъ,

И далѣ, далѣ—наконецъ,

Вздохнетъ и сердце подаритъ.

Едва увидитъ бѣлый свѣтъ,

Ужъ сердце дѣвухи горитъ!

Ужъ грудь ея любовь волнуется!

Ужъ кровь ея кипитъ, выласть—

И далѣ, далѣ—наконецъ,

Давай ей мужа иль бѣда!..

Любовь есть сильный чародѣй,

Съ любовью—молодець старикъ!

И старымъ красото цѣловаться,

И старыхъ красото плѣняться!

Отъ колыбели до клюки—

Любовь за нами вслѣдъ идетъ!

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Ольга. Проворъ.

Проворъ. Ну, Ольга, на нашей улицѣ праздникъ! Отецъ соглашается, завтра свадьба!

Ольга. Нечего говорить, какъ я рада! Но сколько труда намъ стоило согласить батюшку! Ты знаешь, что онъ скупенекъ! Если бъ не эти золотыя деньги, которые прислала тебѣ чудный нищій, то едва ли бы мнѣ быть за тобою замужемъ.

Проворъ. Я бы ушелъ съ тобою.

Ольга. Куда?

Проворъ. Свѣтъ развѣ малъ? Нашли бы много мѣста!

Ольга. А чѣмъ бы мы стали жить! воздухомъ что ли?.. Нѣтъ, Проворъ, все лучше родительское позволеніе.

Проворъ. Конечно, милая—развѣ я ему не радъ!

Д У Э Т Ъ.

Проворъ.

Навѣки завтра буду твой!

Счастливыи день!

Какая радость вѣчно жить,

Мой другъ, съ тобой!

Какое счастье съ своимъ

Сравню тогда!

Кому завидовать могу,

Чего желать, искать?

Ольга.

Навѣки завтра быть твоей!—

Счастливыи день!

Тебя любить, тобой дышать

О, милый другъ!

Какое счастье на землѣ

Сравню съ своимъ!

Какое благо предпochу

Твоей любви!..

Оба.

О! завтра блаженный счастливыи день!

Проворъ. } Я завтра твой!

Ольга. } Ты завтра мой!

Прощю ожиданье, печалюмъ конецъ,

Конецъ тоскѣ!

Мы будемъ супруги, прямиа любовь

До самаго гроба насъ будетъ живить!..

(Присаютъ, пляшутъ и уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

(Льст на крутомъ берегу Дняпра; на высотѣ пустынищья хижина).

Алеша Поповичъ. Барма Кудрявая Голова.

Алеша. Мы пришли на назначенное мѣсто! Вотъ пустынищья хижина, которой мы ищемъ.

Барма *(ворчитъ про себя)*. Да, вижу!— Но когда этому конецъ будетъ? Мы шагаемъ, какъ угорѣлые! Не лучше ли бы во сто разъ было, когда бы мы сидѣли дома...

Алеша. Этотъ дурачина еще умничаеть!

Барма. Я не умничаю!

Алеша. Пошелъ, поспучишь у дверей?

Барма. Я? Не лучше ли вамъ? Вы богатырь, а я простой оруженосецъ! *(Про*

себя) Лучше быть въ сторонѣ и наготовѣ бѣжать, если какая-нибудь бѣда приключится!

Алеша. Трусъ! (*Идетъ къ жилищю и стучится*).

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Прежніе. Милолика, въ видѣ пустытника.

Пустынникъ. Милости прошу, дѣти мои, войдите въ жилище нищеты и уединенія!

Алеша. Благодаримъ, добрый пустыжникъ!

Пустынникъ. Что вамъ надобно? Ищете ли убѣжища отъ непогоды? Томитесь ли голодомъ или жаждою? Подъ моимъ соломеннымъ кровомъ ожидаетъ васъ гостеприимство! Чистая ключевая вода и земляные плоды—вотъ все, чѣмъ могу утолить вамъ голодъ и жажду.

Барма (*про себя*). Не вкусный обѣдъ!

Алеша. Я люблю простую пищу гостеприимнаго человѣка и предпочту ся пышнымъ обѣдамъ гордыхъ богачей—дружелюбіе всего для меня привлекательнѣе!

Барма (*про себя*). Чего добраго! Влюбленный сытъ однимъ воздухомъ!

Пустынникъ. Кто ты, странникъ?

Алеша. Я богатырь Алеша Поповичъ!

Барма. А я—его оруженосецъ, славный Барма Кудрявая Голова, смѣлый, храбрый, умный, проворный...

Алеша. Зажми ротъ, гаупецъ! (*Пустыннику*). Меня послали къ тебѣ, отецъ мой!

Пустынникъ. Хочешь ли знать свою будущую участь, богатырь?

Алеша. Хочу ли? Какой вопросъ! Хочу знать, что будетъ со мною и Любимирою.

Пустынникъ. Смотри! (*Подымается задняя декорация. Сквозь флеръ виденъ пышный, блестящій храмъ—кумиръ Лады; передъ нимъ пылающій жертвенникъ; жрецъ приноситъ жертву; передъ жертвенникомъ стоитъ Любимира възвѣстивъ съ юношею, имѣющимъ образъ Алешы Поповича, въ брачныхъ вѣнцахъ. Громобой ихъ благословляетъ*).

Алеша. Боги! Это я! Это Любимира!

О счастье! Она будетъ моею! (*Все исчезаетъ*).

Барма (*съ ужасомъ*). Нѣтъ, провалъ ихъ возьми! Они всю землю вверхъ дномъ оборотятъ! Вѣжать мнѣ поскорѣе отсюда. (*Хочетъ бѣжать*).

Алеша. Куда ты? Остаешься!

Барма (*плача*). Развѣ хотите вы умерить меня? или не видите, что я въ лихорадкѣ!..

Пустынникъ. Я открывалъ тебѣ будущее; теперь открою прошедшее (*Подаетъ знакъ—занавѣсъ опять подымается. Громъ и молнія. Сквозь флеръ видно море, волнуемое бурей. Корабль, на которомъ плышетъ юноша въ латахъ, имѣющій образъ богатыря Алешы Поповича, борется съ волнами,—корабль ударяется объ камень, разсыпается въ орехи. Юноша тонетъ. Является старикъ посреди волнъ, спасаетъ его и выноситъ на берегъ; юноша становится на колѣна и подымаетъ руки къ небу. Все опять исчезаетъ. Барма отъ страха падаетъ на землю и визжитъ*).

Алеша. Старецъ, что значить бурное море?

Пустынникъ. Это бурное море изображаетъ твою жизнь. Нѣсколько разъ ты подвергался погибели и нѣсколько разъ судьба тебя спасала!.. Болѣе ни о чемъ у меня не спрашивай, юноша! Священная должность, которую тридцать лѣтъ исполняю, отзывастъ меня отсюда.

Алеша. Какая должность?

Пустынникъ (*подымаетъ подземную дверь*). Здѣсь, въ глубокомъ подземельи, томится одинъ несчастный; уже тридцать лѣтъ страдаетъ онъ за свои преступленія, желаетъ смерти, которая бѣжить отъ него, проклинаетъ жизнь и живетъ! Онъ по тѣхъ поръ будетъ томиться, пока смѣлый, отважный юноша не согласится добровольно подать ему руку помощи!

Алеша. Что я слышу!..

Пустынникъ. Дожди меня здѣсь! Я скоро возвращусь! (*сходитъ въ подземелье*).

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Алеша Поповичъ. Барма.

Алеша. А! Какая мысль! Что, если я близко своей цѣли! (*Кричитъ*). Барма!

Барма (*припавъ къ землѣ*). Молчите, господинъ богатырь, я уже не живой, а мертвый! Дайте покой хоть мертвому!

Алеша. Встань и слѣдуй за мною.

Барма (*приподнявъ голову*). Куда? въ гостилицу?

Алеша (*хрюно*). Встанешь ли ты, погодя!

Барма (*вскочивъ*). И всталъ! что прикажете?

Алеша. Иди за мною, не отступай ни на пядь; слышишь ли?.. Я предчувствую, что скоро все совершится! (*Приподымаетъ дверь*).

Барма. Что еще? Не хотите ли отправиться въ подземное государство?

Алеша (*сходитъ внизъ*). Барма! за мною!

Барма (*кричитъ*). Иду, иду!.. (*Тихо*). Какъ бы не такъ! Развѣ я сумасшедшій! Чего я не видалъ подъ землею... (*Наклоняется и кричитъ въ дверь*). Далеко ли вы, господинъ богатырь! Гдѣ вы? Я ничего не вижу... (*Пламя вылетаетъ изъ земли; черный, ужасный духъ выставляетъ голову и восклицаетъ громозвучнымъ голосомъ*).

Духъ. Назадъ, малодушный! (*Дверь со стукомъ затворяется*).

Барма. Покорный слуга! Я не сержусь за грубый отказъ! Я знаю пословицу: не ходи куда не зовутъ! Но куда дѣвался пустынный?

(*Глядитъ въ хижину, которой дверь открывается и въ которой видна Добрада въ такомъ же платьѣ, какъ пустынный; она сидитъ на скамьѣ и плететъ корзину*).

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Барма. Добрада.

Барма (*подходитъ къ хижинѣ и кланяется*). Съ позволенія сказать, — если смѣю спросить...

Добрада (*встаетъ*). Чего тебѣ хочется, незнакомый человекъ?

Барма (*тихо*). Что за пропасть! Старикъ, видно, ушелъ куда-то!

Добрада. Не пужна ли тебѣ моя помощь, добрый человекъ? (*Выходитъ изъ хижины*).

Барма (*про себя*). Это карликъ! Мальчикъ съ пальчикъ!

Добрада (*толстымъ голосомъ*). Не заблудился ли ты?.. (*Женскимъ голосомъ*). Барма!

Барма (*оборачивается во всю сторону*). Ась!.. какая дѣвушка меня кличетъ?

Добрада. Не удивляйся, въ этомъ лѣсу много дѣвушекъ, самыхъ прекрасныхъ и милыхъ!

Барма. Пустыннику съ ними не скучно, я думаю.

Добрада (*женскимъ голосомъ*). Ахъ, Барма, милый Барма! ахъ!

Барма. Добрый человекъ! подлѣ меня вздыхаютъ! и какъ нѣжно! Кто это?

Добрада. Одна изъ лѣсныхъ красавицъ. Она называетъ тебя по имени!

Барма. Одна изъ лѣсныхъ красавицъ? Но куда годятся эти красавицы, которыя смущаютъ бѣдныхъ пустынныхъ?..

Добрада. Ахъ, нѣтъ! ты судишь объ нихъ несправедливо! всѣ они очень добродѣтельны! (*вздыхаетъ*). Одинъ только порокъ имѣютъ...

Барма. Какой порокъ?

Добрада. Очень малорослы! не выше меня. Но всякій нѣжный взглядъ мужчины прибавляетъ имъ росту!

Барма. Ха-ха-ха! чудныя творенья! (*Добрада превращается въ малорослую дѣвушку*).

Добрада. Я здѣсь, Барма!

Барма. Добро пожаловать!.. Подлинно великашня! Скажи мнѣ, чего ты хочешь?

Добрада. Хочу тебя видѣть и на тебя любоваться!

Барма. Покорный слуга! По я не охотникъ до такихъ малорослыхъ уродовъ, какова ты, понимаешь ли!

Добрада. Я не уродъ! мой Сила меня любить. Я въ глазахъ его красавица!

Барма. У тебя есть Сила, то-есть сердечный другъ? не такъ ли? Скажи жь мнѣ, хороши ли собою этотъ Сила?

Добрада. Лучше тебя! Не такой огромный болванъ, а маленькій, тоненькій, миленькій! Пойдемъ со мною въ гостиницу, я покажу тебѣ его!

Барма. Пойдемъ, пойдёмъ! Я радъ вырваться изъ этихъ проклятыхъ очарованныхъ мѣсть...

Добрада. Пойдемъ, полюбуемся на моего Силу!..

Арія.

Мой Сила прекрасенъ, какъ утренній свѣтъ!
Онъ веселъ, любезенъ, такъ точно, какъ я,
Играетъ и шутитъ со мною одной!
О, Сила мой лучше на свѣтъ всего!..
Лишь встанеть съ зарею, чтобъ въ поле

идти,

Придетъ, поцѣлуетъ съ улыбкой меня;
Воротится съ поля и тотчасъ ко мнѣ!
Нигдѣ мнѣ покою, нигдѣ не дасть!

По праздникамъ пляшетъ съ одною со мною!

Гдѣ я не бываю, тамъ нѣтъ и его!
Съ одною со мною онъ веселъ и милъ—
Со мною жь въ разлукѣ онъ грустенъ,
угрюмъ!

(Вертится съ Бармою и уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ 12-е.

Подземная пещера. **Горюнь Разбойникъ** въ цѣпяхъ. Онъ блѣденъ, сухъ, борода по колено. Богатырь **Алеша Поповичъ** стоитъ въ отдаленіи.

Горюнь. Еще разъ насытитъ меня рука моего благотворителя! Можетъ быть, этотъ разъ послѣдній... Ахъ! когда кончится моя жизнь и вмѣстѣ ея мученія! *(Алеша выступаетъ).* Боги! Что я вижу? Человѣкъ или привидѣніе?..

Алеша. Человѣкъ! Твой избавитель! Утѣшься, несчастный! Конецъ твоего страданія близокъ!

Горюнь. Ты меня знаешь?

Алеша. Невсозвѣдима судьбы богаты! Ты—Горюнь Разбойникъ!

Горюнь. Ужасное имя! Мучительное воспоминаніе! Такъ! я этотъ несчастный!

Алеша. Успокойся! Я пришелъ снять съ тебя сія тяжкія оковы! Какъ ты очутился въ этой пещерѣ?

Горюнь. Пересвѣтъ богатырь есть мое настоящее имя! Я потерялъ его и слилкомъ заслужилъ то ужасное прозваніе, которымъ память моя теперь оскверняется. Убіенство и грабежъ были моею забавою! моею единственною силою бытія... Жена моя спасла отъ кнѣзка моего одного юншу, моего плѣнника, указавъ дорогу изъ моего жилища — я въ бѣшенствѣ закололъ Милолику и самъ скрылся, боясь, чтобы меня не стали преслѣдовать; но грозные духи мщенія привлекли меня въ этотъ ужасный лѣсъ, невидимую силой повергли меня въ глубокое подземелье, заковали въ оковы,—въ которыхъ томлюсь тридцать лѣтъ, хранимый однимъ милосердіемъ стараго пустытника, который приноситъ ко мнѣ пищу...

Алеша. Несчастный! Успокоеніе Милолики требуетъ того, чтобы ты оставилъ мѣсто своего заточенія. Слѣдуй за мною!

Горюнь. Но мои оковы!

Алеша. Они спадутъ съ тебя! Иди смѣло! Высшее существо намъ помогаетъ! *(Оковы спадаютъ съ Горюня; онъ подымается и выходитъ впередъ).*

Горюнь. Я свободенъ! не сошъ ли это? Великодушный незнакомецъ! Дай мнѣ твою руку! Дай облить ее слезами!

Алеша. Слѣдуй за мною, бѣдный страдалецъ; ты долженъ исполнить послѣднее повелѣніе духа!

Горюнь. Ахъ! Я больше не увижу своего благотворителя! Часто, въ минуты ужаснѣйшаго отчаянія, онъ проливалъ отраду въ растерзанное мое сердце...

(Громовой ударъ).

Голосъ духа. Ободришь, несчастный! Боги открываютъ тебѣ путь къ примиренію!

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

(Сильный и громовой удар. Глухой лязг. Источникъ, спадающій съ утеса. Въ сторону видны развалины замка).

Горюнь. Гдѣ мы! Боги! мое прежнее жилище! Развалины моего замка! Ахъ! этотъ источникъ напоминаетъ мнѣ послѣднее ужасное дѣло мое, убійство Милолики!

Алеша. Здѣсь, въ этомъ источникѣ, сокрыты кости жены твоей. Духъ Милолики—такъ опредѣлила судьба—по тѣхъ поръ будетъ страдать и странствовать, пока прахъ твой не будетъ подлѣ ея костей покоиться... Рѣшишь, Пересвѣтъ!

Горюнь. Я готовъ на все! *(Громовой ударъ. Страшная гроза шумитъ. Все покрыто мракомъ — одни молнии блистаютъ. Горюнь бросается на колѣни и подымаетъ къ небу руки).*

ФИНАЛЪ.

Мелодрама.

Горюнь. Боги! вы ужасны въ громѣ своемъ—ужасны для преступника!.. Онъ трепещетъ, падаетъ во прахъ — и не смѣетъ надѣяться пощады!

Хоръ духовъ.

Мирный сонъ въ безмолвномъ гробѣ!
Онъ открытъ—сойди въ него!
Ободришь, не ужасайся!
Смерть, о труженикъ, есть сонъ!

Мелодрама.

Горюнь. Такъ — безъ трепета покоряюсь судьбѣ *(встаетъ)*. Покой, мирный, безмятежный покой—тебя призываетъ! Гробъ, открой мнѣ свое пѣдро! *(Приближается къ источнику)*.

Хоръ духовъ.

Блещитъ во мракѣ мощный лучъ!
Врится вихрь—реветъ гроза—
Ужъ часъ насталъ.

(Громъ убиваетъ Горюня. Онъ падаетъ съ источникъ. Страшный громовой ударъ. Быстрая музыка переливается съ тихое, унылое адажіо. — Милолика является въ видѣ веселаго,

преображеннаго духа, окружастя облакомъ надъ самымъ тѣмъ мѣстомъ, на которомъ исчезъ Горюнь — одивкозая отътъ въ рукахъ ея).

Мелодрама.

Милолика. Я получила свою награду—миръ и спокойствіе меня ожидаютъ. Юный богатырь, ты мужественно сражался! Должно заплатить тебѣ за все твои необычайные подвиги... Подъ тѣми развалинами найдешь великое сокровище: оно принадлежитъ тебѣ! Спѣши въ объятія Любимиры!.. Лада увѣчаетъ тебя вѣнкомъ неуязвимой любви. Я стремлюсь въ обители блаженства; въ обители безсмертныхъ...

(Она улетаетъ, сопровождаясь небеснымъ гимномъ, который поетъ ея льдующее).

Хоръ.

Лети, лети въ страны небесны.—
Тамъ ждетъ тебя вѣнецъ!
Тамъ правосудіе безсмертныхъ
За горести воздастъ!

Облака закрываютъ дѣсь. На блестящемъ, лучезарномъ облакѣ является Добрада въ натуральномъ своемъ образѣ, окруженная духами; все въ бѣлой, свѣтлой одеждѣ. На среднѣй театра является пылающій жертвенникъ. **Громобой, Любимира, все богатыри и пружіе.**

(Любимира бѣжитъ въ объятія Алешы Поповича; Громобой обнимаетъ ихъ обоихъ и соединяетъ ихъ руки).

Хоръ *(со время котораго все падаютъ на колѣна)*.

Богъ любви насъ да хранить,
Нашъ союзъ вѣнчаетъ!
Огонь его сердца живить,
Душу воещищаетъ!
Гдѣ любовь, тамъ счастья тронъ,
Тамъ въ тоскѣ—отрада!
О любовь!—ты нашъ законъ,
Счастье и награда!

(Занавѣсъ опускается).

1808—1819.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЪ.

Не прилично ли будетъ намъ, братія,
 Начать древнимъ складомъ
 Печальную повѣсть о битвахъ Игоря,
 Игоря Святославича!
 Начатъся же сей пѣсни
 По былинамъ сего времени,
 А не по вымысламъ Бояновымъ.
 Вѣщій Боянь,
 Если пѣснь кому сотворить хотѣль,
 Растекался мыслию по древу,
 Сѣрымъ волкомъ по земли,
 Сизымъ орломъ подь облаками
 Вамъ памятно, какъ пѣли о браняхъ
 первыхъ временъ:
 Тогда пускались 10 соколовъ на стадо
 лебедей;
 Чей соколъ долеталъ, тотъ и первую пѣснь
 пѣлъ—
 Старому ли Ярославу, храброму ли Мети-
 славу;
 Сразившему Редюю передъ полками ка-
 сожескими,
 Красному ли Роману Святославичу.
 Боянь же, братія, не 10 соколовъ на
 стадо лебедей пускалъ!
 Онъ вѣще персты свои на живыя струны
 вкладывалъ!
 И сами они славу князьямъ рокотали.
 Начнемъ же, братія, повѣсть сію
 Отъ стараго Владимирадо нынѣшняго Игоря.
 Натянулъ онъ умъ свой крѣпостью,
 Изострилъ онъ мужествомъ сердце,
 Ратнымъ духомъ исполнился,
 И навелъ храбрыя полки свои
 На землю Половецкую за землю Русскую.
 Тогда Игорь возвратъ на свѣтлое солнце,
 Увидѣлъ онъ воевъ своихъ тьмою отъ него
 И рекъ Игорь дружинѣ своей: [прикрытыхъ.
 «Братія и дружина!
 Лучше намъ быть порубленнымъ, чѣмъ
 даваться въ полонъ.
 Сядемъ же, други, на борзыхъ копей,
 Да посмотримъ синяго Дона!»
 Вспала князю на умъ охота,
 Знаменье заступило ему желаніе
 Отвѣдать Дона великаго.

«Хочу, онъ рекъ, преломить копье
 Конецъ поля Половецкаго съ вами, люди
 Хочу положить свою голову [русскіе!
 Или испить шеломамъ Дона!»
 О, Боянь, соловей стараго времени!
 Какъ бы воснѣлъ ты битвы сіи,
 Кача соловьемъ по мыслину древу,
 Валетая умомъ подь облаки,
 Свивая все славы сего времени,
 Рыща тропою Троянвою черезъ поля на
 горы!
 Тебѣ бы пѣснь гласить Игорю, того Олега
 внуку!
 Не буря соколовъ занесла чрезъ поля
 широкія!
 Ганки стадами бѣгутъ къ Дону великому!
 Тебѣ бы пѣть, вѣщій Боянь, внуку Велесовъ.
 Ржутъ кони за Сулою,
 Звенить слава въ Кіевѣ,
 Трубы трубятъ въ Повѣградѣ,
 Стоять знамена въ Путивлѣ,
 Игорь ждетъ милаго брата Всеволода!
 И рекъ ему буй-туръ Всеволодъ:
 «Одинъ мнѣ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый
 Оба мы Святославичи! [ты, Игорь!
 Сѣдлай, братъ, борзыхъ коней своихъ—
 А мои тебѣ готовы!
 Осѣданы предъ Курскомъ!
 А куряне мои быстрые кмети—
 Подъ трубами повиты,
 Подъ шеломами взлелѣяны,
 Концомъ копыя вскормлены!
 Пути имъ все вѣдомы,
 Овраги имъ знаемы,
 Луки у нихъ натянута,
 Тулы отворены,
 Сабли отпущены,
 Сами скачутъ, какъ сѣрые волки въ полѣ,
 Ища себѣ чести, а князю славы!»
 Тогда вступилъ князь Игорь въ златое
 И поѣхалъ по чистому полю. [стремя
 Солнце дорогу ему тьмой заступило;
 Почъ, грозой шумя на него, птицъ про-
 Ревъ въ стадахъ звѣриныхъ. [будила!
 Дивъ кличетъ на верху древа:
 Великъ прислушать землѣ незнаемой,
 Волгѣ, Поморію и Посулію
 И Сурожу и Корсуню
 И тебѣ, итукать Тьмутараканскій.

И половцы неготовыми дорогами побѣжали
къ Дону великому:
Кричатъ въ полночь телѣги, словно рас-
пущенны лебеди.
Игорь ратныхъ къ Дону ведетъ!
Уже бѣда его птицъ окликаетъ!—
И волки угрозою воютъ по оврагамъ,
Клѣтомъ орлы на кости звѣрей зовутъ,
Лисицы бршутъ на червленые щиты...
О, Русская земля! Ужъ ты за горами
Далеко!
Ночь мергнеть,
Свѣтъ-заря запала,
Мгла поля покрыла,
Щекоть соловьиный заснулъ,
Галочій говоръ затихъ.
Русскіе поле великое червлеными щитами
Ища себѣ чести, а князю славы. [огородили,
Въ пятницу на зарѣ потоптали они не-
честивыя полки половецкіе,
И, разсѣявъ стрѣлами по полю, помчали
красныхъ дѣвъ половецкихъ,
А съ ними и золото и наволоки и драгія
оксамиты!
Ортами, спончицами и мѣхами и раз-
ными узорочьями половецкими
По болотамъ и грязнымъ мѣстамъ начали
мосты мостить.
А стягъ червленый съ бѣлою хоругвию,
А чолка червленая со древкомъ серебрянымъ
Храброму Святославичу!
Дремлетъ въ полѣ Олегово храброе гнѣздо—
Далеко залетѣло!
Не родилось оно на обиду
Ни соколу, ни кречету,
Ни тебѣ, черныи воронъ, невѣрный по-
ловчанинъ!
Гзакъ бѣжить сѣрымъ волкомъ!
А Кончакъ ему сѣдъ прокладываетъ къ
Дону великому!
И рано на другой день кровавья зѣри
свѣтъ повѣдаютъ;
Черныя тучи съ моря идутъ,
Хотятъ прикрыть четыре солнца!
И въ нихъ тренещутъ синія молвіи—
Быть грому великому!
Иди дождю стрѣлами съ Дону великаго!
Ту-то коньямъ поломаться,
Ту-то саблямъ притупиться!

О шелома половецкіе,
На рѣкѣ на Каялѣ у Дона великаго!
О, Русская земля! далеко ужъ ты за горами!
И вѣтры, Стрибоговы внуки,
Вѣютъ съ моря стрѣлами
На храбрые полки Игоревы!
Земля гремитъ,
Рѣки текутъ мутно,
Прахи поля покрываютъ,
Стяги глаголютъ!—
Половцы идутъ отъ Дона, и отъ моря, и
отъ всѣхъ странъ!
Русскіе полки отступили.
Бѣсовы дѣти кликомъ поля прегородили,
А храбрые русичи щитами червлеными!
Ярый туръ Всеволодъ!
Стоишь на оборонѣ,
Прыщешь на ратныхъ стрѣлами,
Гремишь по шеломамъ мечомъ харалуж-
нымъ!
Гдѣ ты, туръ, ни проскачешь, шеломомъ
златымъ посвѣчивая,
Тамъ лежатъ нечестивыя головы поло-
вецкія!
Порублены калеными саблями шлемы
аварскіе
Отъ тебя, ярый туръ Всеволодъ!
Какою раною подорожитъ онъ, братья,
Онъ, позабывшій о жизни и почестяхъ,
О градѣ Черниговѣ, златомъ престолѣ ро-
дительскомъ,
О красной Глѣбовицѣ, миломъ своемъ же-
ланіи, свычаѣ и обычаѣ?
Были сѣчи Трояновы,
Миновались лѣта Ярославовы;
Были походы Олеговы,
Олега Святославича.
Тотъ Олегъ мечомъ крामолу коваль,
И стрѣлы онъ по землѣ сѣялъ!
Ступалъ онъ въ златое стремя въ градѣ
Тьмутараканѣ—
Молву объ немъ слышала давній великій
Ярославъ, сынъ Всеволодовъ!
А князь Владиміръ всякое утро уши за-
тыкала въ Черниговѣ.
Бориса же Вячеславица слава на судъ
привела
И на конскую зеленую попону положила
За обиду Олега, храбраго юнаго князя.

Съ той же Каялы Святополкъ постѣ съчи
 взявъ отца своего
 Между угорскою конщицей ко святой Со-
 фии въ Кіевъ.
 Тогда при Олегѣ Гориславичѣ съялось и
 выросло междуусобіемъ,
 Погибла жизнь Дажь-божінхъ внуковъ!
 Въ крамолахъ княжескихъ вѣкъ человѣ-
 ческій сокращался!
 Тогда по Русской землѣ рѣдко оратаи рас-
 Но часто враги кричали, [пѣвали,
 Труны дѣля межъ собою;
 А галки рѣчь свою говорили,
 (Сбираясь летѣть на обѣдъ!
 То было въ тѣхъ ратяхъ и тѣхъ походахъ!
 По битвы такой и не слыхано!
 Отъ утра до вечера,
 Отъ вечера до свѣта
 Летаютъ стрѣлы казенныя,
 Гремятъ мечи о шелома,
 Трещать харалужныя коня
 Въ полѣ незнаемомъ,
 Среди земли Половецкія!
 Черна-земля подъ копытами
 Костями была посяяна,
 Полита была кровію,
 И по Русской землѣ взошло бѣдой!
 Что мнѣ шумить?
 Что мнѣ звенить?
 Такъ задолго рано передъ зарею?
 Игорь полки заворачиваетъ!
 Жаль ему милого брата Всеволода!
 Билися день,
 Бились другой,
 На третій дець къ полдню
 Пали знамена Игоревы!
 Тутъ разлучилися братья на брегѣ бы-
 строй Каялы!
 Тутъ кроваваго вина не достало!
 Тутъ пиръ докончали храбрые воины рус-
 Сватовъ попили, [скіе:
 А сами легли за Русскую землю!
 Поникаеть трава отъ жалости,
 А древо печалію
 Къ землѣ приклонилось!
 Уже не веселое время, братья, настало!
 Уже пустыня силу прикрыла—
 И встала обидя въ сплахъ Дажь-божінхъ вну-
 дѣвой ступя на Троянову землю, [ковъ!

Встрепенула крыльями лебедиными,
 На спнемъ морѣ у Дону плещаяся.
 Прошли времена благоденствія,
 Миноваленя брани князей на невѣрныхъ!
 Братъ сказалъ брату: то мое, а это—
 мое же!
 И стали князи про малое спорить, какъ
 бы про великое,
 И сами на себя крамолу ковать—
 А невѣрные со всѣхъ странъ пабѣжали съ
 побѣдами на землю Русскую!..
 О! далеко залетѣлъ ты, соколъ, сбивая
 птиць къ морю!
 А безстрашному полку Игореву уже не
 воскреснуть!
 Велѣдъ за нимъ крикнули Карна и Жля,
 и по Русской землѣ поскакали,
 Мча разореніе въ пламенномъ рогѣ!
 Жены русскія веплакали, приговаривая:
 «Ужъ намъ своихъ милыхъ ладъ
 Ни мыслію смьслить,
 Ни думою едумать,
 Ни очами сглядѣть!
 А злата-сребра много потратить!»
 И застоналъ, друзья, Кіевъ печалію,
 Черниговъ напастію,
 Тоска разлилася по Русской землѣ;
 Обильна печаль потекла среди земли Рус-
 Князи сами на себя крамолу ковали! [екой!
 А невѣрные сами съ побѣдами врывались
 въ землю Русскую,
 Дань собирали по бѣлкѣ съ двора.
 Такъ то сіи два храбрые Святославича,
 Игорь и Всеволодъ, пробудили коварство;
 Едва усыпиль его мощный отецъ ихъ,
 Святославъ грозный, великій князь кiev-
 Гроза Святославъ! [скій.
 Притрепеталъ онъ враговъ своими силь-
 И мечами булатными! [ными ратями
 Наступилъ онъ на землю Половецкую,
 Притопталъ холмы и овраги,
 Возмутилъ озера и рѣки,
 Пзеушилъ потоки-болота—
 А Кобыяка невѣрнаго изъ луки моря,
 Отъ желѣзныхъ великихъ полковъ поло-
 Вихремъ исторгнулъ. [вецкихъ,
 И Кобыякъ очутился въ городѣ Кіевъ
 Въ гридницѣ Святославовой!
 Нѣмцы и венеды,

Греки и моравы,
 Славу поють Святославу,
 Кають Игоря князя,
 Погрузившаго сына на дѣи Каялы, рѣки
 половецкія,
 Насылавъ ее золотомъ русскимъ!
 Тамъ Игорьъ князь нзъ златаго сѣдла пере-
 сѣлъ въ сѣдло Кошцево!
 Уныли въ градахъ забрады,
 И веселіе попякло.
 И Святославу мутный сонъ привидѣлся:
 «Въ Кіевѣ на горахъ въ ночь сію съ вечера
 Одѣвали меня, рекъ онъ, чернымъ покровомъ
 на кровати тесовой;
 Черпали мнѣ синее вино, съ горечью смѣ-
 сышали мнѣ пустыми колчанами [шанное;
 Жемчугъ великой въ нечистыхъ раковинъ
 И мени пѣжили! [нахъ на доно,
 А кровля безъ князя была на теремѣ моемъ
 златоверхомъ!
 И съ вечера пѣбую ночь граляи враны
 зловѣщіе,
 Слетѣвшисъ на склонѣ у Пленьска въ
 дебри Кисановой...
 Ужъ не послать ли мнѣ къ сипему морю?»
 И бояре князю въ отвѣтъ рекли:
 «Печаль намъ, князь, умы полонила!
 Слетѣли два сокола съ золотого престола
 Поискать города Тьмутараканя [отцовскаго,
 Или выпить шелономъ Доупу!
 Ужъ соколамъ и крылья невѣрныхъ
 сабьями подрублены,
 Сами жъ запутаны въ желѣзныхъ опуты-
 Въ третій день тьма наступила! [нахъ!»
 Два солнца померкли!
 Два багряныхъ столпа угасли!
 А съ ними и два молодые мѣсяца, Олегъ
 Тьмою подернулись! [и Святославъ,
 На рѣкѣ на Каялѣ свѣтъ темнотою по-
 крылся.
 Гнѣздомъ леопардовъ простерлися половны
 И въ море ее погрузили, [по Русской землѣ
 И въ хана вселилось буйство великое!
 Нашла хула на хвалу!
 Неволя ударила на волю!
 Звергнудеа Дивъ на землю!
 Вотъ ужъ и готекія красныя дѣвы
 Венѣли, на брегѣ синяго моря;
 Звоця золотомъ русскимъ,

Поють онѣ время Бусово!
 Величаютъ месть Шуракашову!
 А наши дружины гладны веселіемъ.
 Тогда изронилъ Святославъ великій слово
 златое, съ слезами смѣшанное:
 «О, сыновья мои, Игорь и Всеволодъ!
 Рано вы стали мечами разить Половец-
 А себѣ некаютъ славы! [кую землю,
 Не съ честію вы побѣдили!
 Съ нечестіемъ пролили кровь невѣрную!
 Ваше храброе сердце въ жесткомъ булатѣ
 И въ буйствѣ закалено! [заковано,
 То ль сотворили вы моею серебряной сѣ-
 динѣ!
 Уже не вижу могущества моего сильнаго, бо-
 гатаго, многовойнаго брата Ярославла!
 Съ его черниговскими племенами,
 Съ монгутами, татринами и шельбирами,
 Съ топчачками, ревутами и ольберами!
 Они безъ щитовъ съ кипжалами засапож-
 Кликомъ полки побѣждали, [ными
 Звеня славою прадѣдовъ.
 Вы же рекли: «мы одни стоимъ за себя!
 «Славу передню сами похитимъ!
 «Заднюю славу сами подѣлимъ!»
 И не диво бы, братья, старому стать мо-
 Соколь учепый [лодымъ!
 Птиць высоко взбиваеъ,
 Не дастъ онъ въ обиду гнѣзда своего!
 Но горе, горе! князья мнѣ не въ помощь!
 Времена обратилсѣ на низкое!
 Вотъ и Романъ кричить подъ сабьями
 половецкими,
 А князь Владиміръ подъ рапами!
 Горе и бѣда сыну Глѣбову!
 Гдѣ жъ ты, великій князь Всеволодъ?
 Иль не помыслишь прилетѣть издадеча
 отцовскій златой престоль защитить?
 Силенъ ты веслами Волгу разбрызгать,
 А Доуп шеломами вычерпать!
 Вудъ ты съ нами, и была бы чага по по-
 А кощей по резанѣ! [гатѣ
 Ты же по суху можешь съ чадами Глѣба
 удалыми
 Стрѣлять живыми самострѣлами.
 А вы, безстрашны, Рюригъ съ Давыдомъ,
 Не ваши ль позлащенные шелома въ крови
 плавали?
 Не ваша ль храбрая дружина рыкаеъ,

Словно какъ туры, калеными саблями
ранены, въ полѣ незнаемомъ?
Вступите, вступите въ стрема златое
За честь сего времени, за Русскую землю,
За раны Игоря, буйнаго Святославича!
Ты, галицкій князь Осмомысль Ярославъ!
Высоко ты сѣдишь на престолѣ своемъ
златокованномъ!
Подперъ угрскія горы полками желѣз-
Заступилъ ты путь королю, [ными,
Затворилъ Дунаю ворота,
Бремена черезъ облаки мечешь,
Рядишь суды до Дуная!
Гроза твоя по землямъ течеть!
Ворота отворяешь ты Кіеву,
Стрѣляешь въ султановъ съ златаго пре-
стола отцовскаго черезъ далекія земли!
Стрѣляй же, князь, въ Кончака, невѣрнаго
кощея, за Русскую землю,
За раны Игоря, буйнаго Святославича!
А ты, Мстиславъ, и смѣлый Романъ!
Храбрая мысль носитьъ вашъ умъ на
подвиги,
Высоко взлетаете вы на дѣло отважное,—
Словно какъ соколъ на вѣтрахъ ширяется,
Итицъ одолѣть замыслия въ отважности!
Шелома у васъ латинскіе! Подъ ними же-
лѣзные панцири!
Дрогнули ими многія земля и области
Литва, Деремсла, ятвяги, [хановы!
И половцы, конья свои повергнувъ,
Главы подклонили
Подъ ваши мечи харалужные.
Но уже для Игоря князя солнце свѣтъ
свой утратило!
И древо свой листь не добромъ сронило!
По Роси по Сулѣ грады подѣлены!—
А храброму полку Игоря уже не воскрес-
Донъ тебя, князя, кличьтъ! [путь!
Донъ зоветь князей на побѣду!
Ольговичи, храбрые князи, доспѣли на
бой!
Вы же, Ингварь, и Всеволодъ, и всѣ три
Мстиславича,
Не худого гнѣзда щестокрильци,
Не по жеребью ли побѣды власть себѣ вы
[похитили?
На что вамъ златые ваши шелома,
Ваши польскія конья, щиты?

Заградите въ поле врата своими острыми
стрѣлами
За землю Русскую, за раны Игоря, смѣ-
лаго Святославича!
Не течеть уже Сула струею серебряной
Ко граду Переяславлю!
Ужъ и Двина болотомъ течеть
Къ онымъ грознымъ полочанамъ подъ кли-
комъ невѣрныхъ.
Одинъ Изяславъ, сынъ Васильковъ,
Позвенѣлъ своими острыми мечами о пле-
мы литовскіе,
Утратилъ онъ славу дѣда своего Всеслава,
А самъ подъ червлеными щитами на кро-
[навой травѣ
Положенъ мечами литовскими.
И на семъ одрѣ возгласилъ онь:
«Дружину твою, князь Изяславъ,
«Крылья птици приодѣли!
«И звѣри кровь полизали!»
Не было тутъ брата Брючислава, ни дру-
гого Всеволода.
Одинъ изронилъ ты жемчужную душу
Изъ храбраго тѣла
Черезъ златое ожереліе!
Голоса приуныли,
Попыло веселіе,
Трубятъ городенскія трубы!
Ты, Ярославъ, и вы, внуки Всеслава,
Пришло преклонить вамъ стяги свои!
Пришло вамъ въ ножны вонзять мечи
поврежденные!
Отскочили вы отъ дѣдовской славы!
Навели нечестивыхъ крамолами
На Русскую землю, на жизнь Всеславу!
Бывало намъ прежде какое насиліе отъ
земли Половецкя!
На седьмомъ вѣкѣ Трояномъ,
Бросилъ жребій Всеславъ о дѣвицѣ милой.
Онъ, подпершись клюками, сѣлъ на коня,
Поскакалъ ко граду Кіеву
И коснулся древкомъ копья до златаго
престола кіевского,
Лютымъ звѣремъ въ полночь поскакалъ онъ
Синюю мглою обившанный, [изъ Бѣлграда,
По утру же стрикузы водрузивши, раз-
двинулъ врата Новугорода,
Славу расшилъ Ярославову!
Волкомъ помчался съ Дудутовъ къ Немигѣ!

На Немигъ стелють снопы головами,
 Молотятъ цѣпами будатными,
 Жизнь на току кладуть,
 Вьютъ душу отъ тѣла!
 Кровавые брега Немиги не добромъ были
 посяяны,
 Посяяны костями русскихъ сыновъ!
 Князь Весславъ людей судилъ,
 Князьямъ онъ ридилъ города,
 А самъ въ ночи волкомъ рыскалъ;
 До пѣтуховъ онъ изъ Кіева успѣвалъ къ
 Тьмутаракани,
 Къ Херсоню великому волкомъ онъ путь
 перерыскивалъ!
 Ему въ Полоцкѣ рано къ заутрени заво-
 Въ колокола у святыхъ Софій— [пили
 А онъ въ Кіевѣ звонъ слышалъ!
 Пусть и вѣщая душа была въ крѣпкомъ
 его тѣлѣ,
 Но часто страдалъ онъ отъ бѣды!
 Ему и вѣщій Боянъ древней припѣвкой
 «Будь хитерь, будь смышленъ, [предревъ:
 «Будь по птичью гораздъ,
 «А Божяго суда не минуешь!»
 О, стонать тебѣ, земля Русская,
 Вспоминая времена первые и первыхъ
 князей!
 Нельзя было стараго Владимира пригвоз-
 дить къ горамъ киевскимъ!
 Стяги его стали нынѣ Рюриковы,
 А другіе Давыдовы!
 Нося на рогахъ ихъ, волны нынѣ землю
 А коня поютъ на Дунаѣ». [папуть;
 Голосъ Ярославни въ слышится, на зарѣ
 одинокой чечоткою кличетъ:
 «Полечу, говорить, кукушкою по Дунаю,
 Омочу бобровый рукавъ въ Каялѣ рѣкѣ,
 Оботру князю кровавыя раны на отвер-
 дѣвшемъ тѣлѣ его!»
 Ярослава по утру плачетъ въ Путивлѣ
 на стѣнѣ, приговаривая:
 «О, вѣтеръ, ты вѣтеръ!
 Къ чему же такъ сильно вѣешь?
 На что же наносишь ты стрѣлы ханскія
 Своими легковѣйшими крыльями
 На воинвъ лады моеи?
 Мало ль подоблачныхъ горъ твоему вѣяню?
 Мало ль кораблей на синемъ морѣ твоему
 лелѣяню?»

На что жъ, какъ ковыль траву, ты раз-
 вѣялъ мое веселіе?»
 Ярослава по утру плачетъ въ Путивлѣ
 на стѣнѣ, припѣваючи:
 «О, ты Днѣпръ, ты Днѣпръ, ты слава-
 Ты пробилъ горы каменны [рѣка!
 Сквозь землю Половецкую!
 Ты, лелѣя, несъ суда Святославы къ
 рати Кобяковой!
 Прилелѣй же ко мнѣ ты ладу мою,
 Чтобы не слала къ нему по утрамъ по за-
 рямъ слезъ я на море!»
 Ярослава по утру плачетъ на стѣнѣ го-
 родской, припѣваючи:
 «Ты свѣтлое, ты пресвѣтлое солнышко!
 Ты для всѣхъ тепло, ты для всѣхъ красно!
 Что жъ такъ простерло ты свой горячій
 лучъ на воинвъ лады моеи?
 Что въ безводной степи луки имъ ждало
 И заточило имъ тулы печалію?» [каждой
 Приснуло море ко полуночи;
 Идутъ мглою туманы;
 Игорю князю Богъ путь указываетъ
 Изъ земли Половецкой въ Русскую землю,
 Къ золотому престолу отцовскому.
 Приугасла заря вечерняя!
 Игорь князь спитъ не спитъ;
 Игорь мыслию поле мѣряетъ
 Отъ великаго Дона
 До малаго Донца.
 Конь къ полуночи;
 Овлуръ свиснулъ за рѣкою,
 Чтобъ князь догадался.
 Не быть князю Игорю!
 Кликнула, стукнула земля;
 Зашумѣла трава;
 Половецкія вежи подвинулись!
 Принулъ князь Игорь горностаемъ въ трост-
 вѣлымъ гоголемъ на-воду! [никъ,
 Ввернулся князь на быстра коня!
 Соскочилъ съ него бѣсомъ-волкомъ,
 И помчался онъ къ лугу Донца;
 Полетѣлъ онъ, какъ соколъ подъ мглами,
 Избивая гусей-лебедей къ завтраку и
 обѣду и ужину.
 Когда Игорь князь соколомъ полетѣлъ,
 Тогда Овлуръ волкомъ потекъ за нимъ,
 Сбивая съ травы студеную росу:
 Притомили они своихъ борзыхъ коней!

Донецъ говоритъ: «Ты, Игорь князь!
 Не мало тебѣ величія,
 Кончаку нелюбія,
 Русской землѣ веселія!»
 Игорь въ отвѣтъ: «Ты, Донецъ рѣка!
 И тебѣ славы не мало!
 Лелѣявшему на волнахъ князя,
 Подстилавшему ему зеленѣ траву
 На своихъ берегахъ серебряныхъ,
 Одѣвавшему его теплыми мглами
 Подъ навѣсомъ зеленого древа,
 Охранявшему его на водѣ гоголемъ,
 Чайками на струяхъ,
 Чернядьми на вѣтрахъ.
 Не такъ она, примолвилъ онъ, Стугна рѣка,
 Худая про нее слава!
 Пожираетъ она чужіе ручьи!
 Струги межъ кустовъ раздираетъ!
 А юношѣ князю Ростиславу
 Дѣбрь затворилъ брега темные.
 Плачетъ мать Ростиславова
 По юношѣ князѣ Ростиславѣ.
 Увянуть цвѣтъ жалобою,
 А деревья печалію къ землѣ преклонило».
 Не сороки застрекотали —
 Вслѣдъ за Игоремъ ѣдутъ Гзакъ и Кончакъ.
 Тогда враны не граяли,
 Галки замолкли,
 Сороки не стрекотали,
 Ползкомъ только ползали,
 Дятлы стукомъ путь къ рѣкѣ кажутъ,
 Соловьи веселыми пѣснями свѣтъ проре-
 Молвилъ Гзакъ Кончаку: [каютъ!
 «Если соколя къ гнѣзду долетитъ,

Соколенка мы разстрѣляемъ стрѣлами зла-
 чеными!»

Гзакъ въ отвѣтъ Кончаку (sic)
 «Если соколя ко гнѣзду долетитъ,
 Соколенка опутаемъ красною дѣвицей!»
 И сказалъ опять Гзакъ Кончаку:
 «Если опутаемъ красною дѣвицей,
 То соколенка не будетъ у насъ,
 Не будетъ и красныя дѣвицы!
 И начнутъ насъ бить птицы въ полѣ
 половецкомъ!»
 Пѣлъ Боянь пѣснотворецъ стараго времени,
 Пѣлъ онъ походы на Святослава,
 Правнука Ярославова, сына Ольгова, су-
 пруга дщери Когановой:
 «Тяжко—сказалъ онъ—быть головѣ безъ
 Худо тѣлу, какъ пѣтъ головы!» [плечъ!
 Худо Русской землѣ безъ Игоря!
 Солнце свѣтитъ на небѣ —
 Игорь князь въ Русской землѣ!
 Дѣвы поютъ на Дунаѣ,
 Голоса долетаютъ черезъ море до Кіева.
 Игорь ѣдетъ по Боричеву
 Къ святой Богородицѣ Пирогошей.
 Радуются земли,
 Веселы грады!—
 Пѣнь мы спѣли старымъ князьямъ,
 Пѣнь мы спѣли князьямъ молодымъ:
 Слава Игорю Святославичу!
 Слава буйному туру Всеволоду!
 Слава Владиміру Игоревичу!
 Здравствуйте, князья и дружина,
 Ноборая за христіанъ полки невѣрные!
 Слава князьямъ, а дружинѣ—аминь!

1817—1821.

ОРЛЕАНСКАЯ ДѢВА.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА.

ИЗЪ ШЛЛЕРА.

ДѢЙСТВУЮЩЕ.

Карль Седьмой, король французскій.
Королева Изабелла, или Изабо, его мать.
Агнеса Сорель.
Филиппъ Добрый, герцогъ бургундскій.
Графъ Донуа.
Ла Гирь.
Дю Шатель.
Архиепископъ реймскій.
Шатильонъ, бургундскій рыцарь.
Рауль, лотарингскій рыцарь.
Тальботъ, главный вожь англичанъ.
Лионель, }
Фастольфъ, } английскіе вожди.
Монгомери, валлиецъ.
Французскіе, бургундскіе, английскіе рыцари.
Чиновники орлеанскіе.
Англискій герольдъ.
Тибо д'Аркъ, земледѣлецъ.
Алиа, }
Луиза, } его дочери.
Юанна, }
Этьенъ, }
Арманъ, } ихъ женихи.
Раймондъ, }
Бертрандъ, поселянщикъ.
Черный рыцарь.
Угольщикъ.
Его жена.
Пажі.
Солдаты.
Народъ.
Придворные.
Епископы.
Маршалы.
Чиновники.
Дамы, дѣти и пр.

Дѣйствіе происходитъ въ 1430 году.

ПРОЛОГЪ.

Сельское мѣсто; впереди на правой сторонѣ часовня и въ ней образъ Богоматери; на лѣвой сторонѣ высокій, вѣтвистый дубъ.

Тибо д'Аркъ, Этьенъ, Арманъ, Раймондъ, Алиа, Луиза, Юанна.

Тибо.

Такъ, добрые сосѣди, нынче мы
Еще французы, граждане, свободны
Святой землей отновъ своихъ владѣемъ;
А завтра... какъ узнать? чьи мы? что наше?
Во всѣхъ мѣстахъ пришелецъ торжествуетъ;
Вездѣ враговъ знамена; ихъ конями
Истоптаны отеческія нивы;
Парижъ врата ихъ войскамъ отворилъ,
И древняя корона Дагоберта
Досталася въ добычу иноземцу;
Впускъ королей безъ трона, безъ пріюта,
Скитается въ своей землѣ, какъ странникъ;
Знатнѣйшій перъ, ближайшій изъ родныхъ
Противъ него съ врагами въ заговорѣ;
Родная мать ему готовить гибель;
Деревни, города пылаютъ; тихо
Еще у насъ въ долинахъ... но дойдетъ,
Дойдетъ и къ намъ гроза опустошенья.
И такъ, друзья, пока еще есть воля,
Я дочерей хочу пристроить съ Богомъ:
Для женщины противъ временъ опасныхъ
Необходимъ заботливый защитникъ;
А съ кѣмъ любовь, тому въ бѣдахъ легко.
Этьенъ, тебѣ понравилась Алиа;

У насъ поля сосѣдственно граничатъ,
Сердца же заодно... такой союзъ
Угоденъ Богу. Ты, Арманъ, ни слова,
А ты глаза, Луиза, опустила...
Друзья, друзья, вы встрѣтились сердцами—
Не мнѣ васъ различать. Къ чему богатство?
Кто въ наши дни богатъ? Теперь все наше
До перваго врага или пожара;
Теперь одинъ спасительный пріютъ:
Грудь вѣрная испытаннаго мужа.

Луиза.

Арманъ.

Арманъ *(подавая ей руку)*.

Твой навсегда.

Луиза.

А ты, сестра?

Тибо.

На каждую дамъ тридцать десятинъ,
И огородъ, и дворъ, и стадо—Богъ
Благословилъ меня, благословитъ
И васъ.

Алина.

Утѣшь отца, сестра Иоанна,
Пусть въ этотъ день устроится три счастья.

Тибо.

Подите; завтра мы сыграемъ свадьбу,
И пиръ на всю деревню; приготовьте,
Что надобно.

*(Алина, Луиза, Арманъ и Этьенъ
уходятъ).*

Твой, Жаннета, сестры

Выходятъ замужъ, ихъ судьба счастлива,
При старости онѣ мое веселье;
Одна лишь ты мнѣ горе и печаль.

Раймондъ.

Сосѣдъ, на что Жаннету огорчать?

Тибо *(указывая на Рай-
монда)*.

Вотъ юноша прекрасный, честный; съ нимъ
Никто у насъ въ деревнѣ не сравнится;
Тебѣ онъ отдастъ душу; три весны,
Какъ онъ, задумчивый, съ желаньемъ
тихимъ,
Съ безропотнымъ, покорнымъ постоял-
ствомъ

Вдыхаетъ по тебѣ; а ты молчишь,
Ты холодно сама въ себѣ таишься;
И ни одинъ изъ нашихъ поселянъ

Улыбкою твоею не утѣшенъ.

Смотрю: ты въ полнотѣ прекрасной жизни;
Пора надеждъ, весна твоя пришла;
Цвѣтешь... но я напрасно ожидаю,
Чтобы любовь въ душѣ твоей созрѣла;
Прискорбно это мнѣ. Боюсь, но вижу,
Что надъ тобою ошиблася природа;
Я не люблю души холодной, черствой,
Безчувственной въ порѣ прекрасной чув-
ства.

Раймондъ.

Не принуждай ея, мой честный Аркъ.
Любовь моей Иоанны есть прекрасный
Небесный плодъ: прекрасное свободно,
Оно медлительно и тайно зрѣетъ.
Теперь ея веселе жить въ горахъ;
Къ намъ въ хижины, жилища суеты,
Съ вершины ихъ она сходить боится.
Нерѣдко я съ благоговѣньемъ тихимъ
Изъ дола велѣдъ за ней смотрю, когда
Она одна, въ величій надъ стадомъ
Стоитъ и взоръ склоняетъ въ размышленіи
На мелкія обители земныя.
Я вижу въ ней тогда знаменованье
Чего-то высшаго, и часто минтѣ,
Что изъ другихъ времянь пришла она.

Тибо.

А это мнѣ противно! для чего
Жуждаться ей своихъ сестеръ веселыхъ?
Всегда встаетъ до раннихъ пѣтуховъ,
Чтобы бродить по высотамъ пустыннымъ;
И въ страшный часъ—въ который че-
ловѣкъ
Довѣрчивѣй тѣснится къ человѣку—
Украдкою, какъ птица, другъ развалинъ,
Въ туманное жилище привидѣній,
Въ почную тьму бѣжитъ, чтобъ горный
вѣтеръ
Подслушивать на темномъ перекресткѣ.
Зачѣмъ она всегда на *этомъ* мѣстѣ?
Зачѣмъ *сюда* гонять ей стадо? Часто
Видалъ я, какъ она часъ цѣлый въ думѣ
Подъ этимъ деревомъ Друидовъ, гдѣ
Боится быть счастливое созданье,
Сидитъ недвижима... а здѣсь не пусто;
Здѣсь водится недобрый съ давнихъ лѣтъ;
У стариковъ ужасныя преданья
Сохранены объ этомъ старомъ дубѣ;

И часто шумъ какихъ-то голосовъ
 Намъ слышится въ его печальныхъ вѣтвяхъ.
 Однажды мнѣ случилось запоздать;
 Меня вела дорога мимо дуба;
 И вдругъ, мнѣ видится: подъ нимъ сидитъ
 Туманное, а что?.. не знаю! тихо
 Изсохшею рукой приподняло
 Широкую одежду, и меня
 Какъ будто бы манило... сотворивъ
 Молитву, я бѣжалъ скорѣе прочь.

Раймондъ *(указывая на
 образъ въ часовнѣ).*

Не вѣрю я; не козни сатаны,
 А чудотворный ликъ Пречистой Дѣвы
 Ее всегда приводитъ въ это мѣсто.

Тибо.

Нѣтъ, нѣтъ! и сны и страшныя видѣнья
 Меня, мой другъ, тревожатъ не напрасно:
 Три ночи я все вижу, будто въ Реймѣ
 Она сидитъ на королевскомъ тропѣ;
 Семь яркихъ звѣздъ вѣнцомъ на головѣ;
 Въ ея рукѣ какой-то чудный скипетръ,
 И изъ него три бѣлыя лласы,
 И я—ея отецъ—и обѣ сестры,
 И герцоги, и графы, и прелаты,
 И самъ король предъ нею на колѣняхъ...
 Моей ли хижинѣ такая слава?
 Нѣтъ, это не къ добру; то знакъ паденья;
 Иносказательно мнѣ этотъ сонъ
 Ея души изобразилъ надменность;
 Убожества она стыдится; Богъ
 Ей даровалъ богатство красоты,
 Ее щедрѣй всѣхъ нашихъ поселянокъ
 Благословилъ чудесными дарами...
 И гордость грѣшная зашла къ ней въ душу;
 А гордостью и ангелы погнѣли,
 И ею врагъ въ свои насъ ловить съѣти.

Раймондъ.

Но кто жъ скромнѣй, кто неспорочнѣй въ
 нравахъ
 Твоей смиренныя Юанны? Старшимъ
 Сестрамъ она съ веселымъ сердцемъ
 служить;
 Въ селѣ у насъ она всѣхъ выше... правда,
 Но гдѣ найдешь работницу прилежнѣй?
 Бывалъ ли ей и низкій трудъ противенъ?
 Ты видишь, подъ ея рукой чудесно
 Твои стада и жатвы проциѣтаютъ;

На все, къ чему она коснется, сходить
 Непостижимое благословенье.

Тибо.

Непостижимое... такъ, правда! ужасъ
 Объемлетъ при такомъ благословеньи.
 Ни слова; я молчу; молчать мнѣ должно...
 Мнѣ ль вызывать на судъ свое дитя?
 Могу лишь остеречь; могу молиться;
 Но остеречь мой долгъ... Оставь сей дубъ;
 Не будь одна; не рой кореньевъ въ полночь;
 Не составляй изъ сока ихъ питья,
 И не черти въ нескѣ волшебныхъ знаковъ.
 Намъ въ области духовъ легко пропикнуть;
 Насъ ждутъ они и молча стерегутъ,
 И, тихо внемля, въ буряхъ вылетаютъ.
 Не будь одна: въ пустынѣ неукротитель
 Передъ самимъ Создателемъ явился.

*(Бертрандъ входитъ съ шлемомъ въ
 рукахъ).*

Раймондъ.

Молчи, идетъ Бертрандъ; онъ возвратился
 Изъ города. Но что несетъ онъ?

Бертрандъ

Вы

Дивитесь, что съ такимъ добромъ я къ
 Явлюсь? [вамъ

Тибо.

Подлинно; откуда взялъ
 Ты этотъ шлемъ? На что знакъ бѣды и
 смерти
 Принесъ ты къ намъ въ жилище тишины?
*(Юанна, которая досихъ поръ не при-
 нимала никакого участія въ томъ, что
 вокругъ нея происходило, становится
 внимательнѣе и подходитъ ближе).*

Бертрандъ.

И самъ едва могу я объяснить,
 Какъ мнѣ достался онъ. Я покупалъ
 Желѣзные издѣлья въ Вокулёрѣ;
 На площади толпилась тьма народа
 Вкругъ бѣглецовъ, лишь только прибѣ-
 жавшихъ
 Съ педоброю изъ Орлеана вѣстью;
 Весь городъ былъ въ волненьи; сквозь
 толпу
 Съ успиємъ я продирался... вдругъ
 Цыганка смуглая со мной столкнулась;
 Въ рукахъ у ней былъ этотъ шлемъ; она,

Пронзительно въ глаза мнѣ посмотрѣвъ,
Сказала: ты, я знаю, ницешь шлема;
Вотъ шлемъ, по дороге онъ, возьми.—На
Я отвѣчалъ ей, къ латинкамъ поиди; [что?
Я земледѣлецъ, мнѣ нѣтъ нужды въ
шлемъ.—

Но я никакъ не могъ отговориться;
Возьми, возьми! она одно твердила,
Теперь для головы стальная кровля
Пріютитъ всѣхъ каменныхъ палатъ.
И такъ изъ улицы одной въ другую
Она за мной гналася съ этимъ шлемомъ.
Я посмотрѣлъ: онъ былъ красивъ и свѣтелъ;
Былъ рыцарской достоинъ головы;
Я взялъ его, чтобъ ближе разглядѣть;
Но между тѣмъ, какъ я стоялъ въ сомнѣннй,
Она изъ глазъ моихъ, какъ сонъ, пропала:
Ее толпой народа унесло...
И этотъ шлемъ въ моихъ рукахъ остался.

Юанна (*ухватясь за него поспѣшно*).

Отдай мнѣ шлемъ.

Бертрандъ.

На что? Такой нарядъ
Не дѣвичьей назначенъ головѣ.

Юанна (*вырывая шлемъ*).

Отдай, онъ мой и мнѣ принадлежитъ.

Тибо.

Юанна, что съ тобой?

Раймондъ.

Оставь ее;

Въ ней мужествомъ наполнена душа,
И ей уборъ воинственный приличенъ.
Ты помнишь самъ, какъ прошлою весной
Она въ горахъ здѣсь волка одолѣла,
Ужаснаго для стада и пастуховъ.
Одна, одна, душою львица, дѣва
Чудовище сразила, и ягненка
Исторгнула изъ челюстей кровавыхъ.
Чью бь голову сей шлемъ ни украшалъ,
Но ей приличнѣй онъ.

Тибо.

Бертрандъ, какая
Бѣда еще случилась? Что сказали
Въжавшіе изъ Орлеана?

Бертрандъ.

Боже,
Помилуй короля и нашъ народъ!

Мы въ двухъ большихъ сраженіяхъ разбиты;
Враги въ срединѣ Франціи; все взято
До самыхъ береговъ Луары; войска
Со всѣхъ сторонъ сошлись подъ Орлеанъ,
И страшная осада началась.

Тибо.

Какъ! съверъ весь уже опустошенъ,
А хищникамъ все мало; къ югу мчатся
Съ войной...

Бертрандъ.

Безчисленный снарядъ осадный
Со всѣхъ сторонъ придвинуть къ Орлеану
Какъ лѣтомъ пчелъ волнующійся рой,
Слетаяся, жужжитъ кругомъ улья,
Какъ саранча, на пивы темной тучей
Обрушившись, кипитъ необозримо:
Такъ Орлеанъ безчисленно народы
Осыпали, въ одно столпившись войско;
Отъ множества племенъ разноязычныхъ
Наполненъ станъ глухимъ, невнятнымъ
шумомъ;

И всѣхъ своихъ землевластителей герцога
Бургундскій въ строй съ пришельцами
поставилъ:

Изъ Литтиха, изъ Генего, изъ Гента,
Богатаго и бархатомъ и шелкомъ,
Изъ мирнаго Брабанта, изъ Намура,
Изъ городовъ Зеландіи приморскихъ,
Влпстающихъ опрятностью веселой,
Отъ нажитей голландскихъ, отъ Утрехта,
Отъ сѣверныхъ Фризландіи предѣловъ,
Подъ знамена могущаго Бургунда
Сошлись полки разрушить Орлеанъ.

Тибо.

О горестный, погибельный раздоръ;
На Францію оружіе французовъ!

Бертрандъ.

И броню покрывшись, Изабелла,
Мать короля, князей баварскихъ племя,
Примчалась въ станъ враговъ, и разжи-
Ихъ хитрыми словами на погибель [гасть
Того, кто жизнь пріялъ у ней подъ сердцемъ.

Тибо.

Срази ее проклятіемъ Господъ!
Богоотступница, погибнешь ты,
Какъ нѣкогда Изабель погибла.

Бертрандъ.

Заботливо осадой управляетъ

Рушитель стѣвъ, ужасный Салибури;
Съ нимъ Лионель, боець съ душой звѣ-
риной;

И вождь Тальботъ, одинъ судьбу сраженій
Свершающій убійственнымъ мечомъ;
Они клялись, въ отвагѣ дерзновенной,
Всѣхъ нашихъ дѣвъ предать на погра-
мленье,

Сразить мечомъ, кто встрѣтится съ мечомъ.
Придвинуты къ стѣнамъ четыре башни,
И, городомъ владычествуя грозно,
Съ ихъ высоты убійства жаднымъ окомъ,
Невидимый, считаетъ Салибури
На улицахъ поспѣшныхъ пѣшходовъ.
Ужь много бомбъ упало въ городъ; церкви
Въ развалинахъ; и самъ великолѣпный
Храмъ Богоматери грозитъ паденьемъ.
Безчислены подкопы подъ стѣнами;
Весь Орлеанъ стоитъ теперь надъ бездной,
И робко ждетъ, что вдругъ подъ нимъ она,
Гремящая, разверзется и венхнется.
*(Иоанна слушаетъ съ великимъ безтре-
станно усиливающимся вниманіемъ и
наконецъ надъвѣваетъ на голову шлемъ.)*

Тибо.

Но гдѣ Саптраль? Что сдѣлалось съ Ла
Гдѣ Дюау, отечества надежда? [Гиромъ?
Съ побѣдою впередъ стремится врагъ—
А мы объ нихъ не знаемъ и не слышимъ.
И что король? Уже ль онъ равнодушенъ
Къ потерѣ городовъ, къ бѣдамъ народа?

Бертрандь.

Король теперь съ дворомъ своимъ въ Ши-
новѣ;
Людей взять негдѣ, всѣ полки разбиты.
Что смѣлый вождь? Что рыцарей отваж-
ность,
Когда нѣтъ силъ, когда все войско въ страхѣ?
Насъ Богъ казнить; непослашный имъ
ужасъ
Къ безстрашнѣйшимъ запалъ глубоко въ
душу;
Все скрылося; всѣ вызывы напрасны;
Какъ робкія бѣгутъ къ заградамъ овцы,
Послышавши ужасный волчій вой,
Такъ, древней чести измѣнивъ, французы
Спѣшатъ искать защиты въ крѣпкихъ
замкахъ.

Едва одинъ панелся храбрый рыцарь.
Онъ слабый полкъ собралъ и къ королю
Съ шестнадцатю знаменами идетъ.

Иоанна (постынно).

Кто этотъ рыцарь?

Бертрандь.

Бодрикуръ; но трудно
Отъ поисковъ врага ему укрыться:
Двѣ арміи преслѣдуютъ его.

Иоанна.

Но гдѣ же онъ? Скажи скорѣй, что слышно?

Бертрандь.

На переходъ одинъ отъ Вокулера
Стоитъ онъ лагеремъ.

Тибо.

Молчи, Иоанна;
Ты говоришь о томъ, чего не смыслишь.

Бертрандь.

Увѣрившись, что врагъ неодолимъ,
И помощи отъ короля не чая —
Чтобы снастись отъ ига иноземцевъ,
И сохранить себя законной власти—
Рѣшились граждане Вокулера
Могучему Бургунду покориться,
Но съ тѣмъ, чтобы онъ ихъ принять до-
говоръ:

Чтобъ возвратилъ насъ древнему престолу,
Какъ скоро миръ опять межъ ними будетъ.

Иоанна (вдохновенно).

Съ кѣмъ договоръ? Ни слова о покорствѣ!
Спаситель живъ; грядеть, грядеть онъ въ
силѣ!..

Могущій врагъ падеть подъ Орлеаномъ:
Исполнилось! для жатвы онъ созрѣлъ!...
Своимъ серпомъ вооружилась дѣва;
Пожнетъ она кичливыя надежды;
Сорветъ съ небесъ продерзостную славу,
Взнесенную безумцами къ звѣздамъ...
Не трепетать! впередъ! не пожелтѣть
Еще на нивѣ класъ, и кругъ луны
На небесахъ еще не совершится—
А ни одинъ уже британскій конь
Не будетъ пить изъ чистыхъ водъ Луары.

Бертрандь.

Ахъ! въ наши дни чудесъ ужъ не бываетъ.

Иоанна.

Есть чудеса!.. Взовьется голубица,

И налетитъ съ отважностью орла
 На ястребовъ, терзающихъ отчизну;
 И низразитъ она сего Бургунда
 Царсоступника, сего Тальбота,
 Сторукаго громителя небесъ
 Съ ругателемъ святыни Саллебурп;
 И побѣгутъ толпы островитянь,
 Затрепетавъ, какъ агницы, передъ нею...
 Господь въ ней будетъ! Богъ всеисильный
 Пошлетъ свое дрожашее созданье: [Брани
 Творецъ земли себя въ смиренной дѣвѣ
 Явитъ землѣ... *зана Онъ Всемоуцый!*

Тибо.

Какой въ ней духъ пророчить?

Раймондъ.

Этотъ шлемъ
 Воинственно воспламенилъ въ ней душу;
 Взгляните на нее: глаза какъ звѣзды,
 И все лицо ея преобразилось.

Юанна.

Какъ! древнему престолу пасть? Странѣ,
 Избранной славою, подъ вѣчнымъ солнцемъ
 Прекраснѣйшей, счастливому Эдему,
 Странѣ, Творцу любезной, какъ зѣница
 Его очей, рабою быть пришельца?...
 Здѣсь рухнула невѣрныхъ сила; здѣсь
 Былъ первый крестъ, спасеня знакъ,
 воздвигнуть;
 Здѣсь прахъ лежитъ Святого Людовика;
 Иерусалимъ отсюда завосвахъ...

Бертрандъ.

Вы слышите?.. Откуда вдругъ открылся
 Такой ей свѣтъ?.. О! дочерью чудесной,
 Сосѣдъ, тебя Господь благословилъ.

Юанна.

Намъ не имѣть властителей законныхъ,
 Воспитанныхъ единымъ съ нами небомъ?
 Для насъ король нашъ долженъ умереть,
 Неумирающей, защитникъ плуга,
 Хранитель стадъ, плодотворитель нивъ,
 Невольникамъ дарующий свободу,
 Скликающей предъ тронъ свой наши грады,
 Покровъ бесилыи, гроза злодѣйства,
 Безъ зависти возвышенный надъ міромъ,
 И человекъ и ангель утѣшеня
 На вражеской землѣ?.. Престоль законныхъ

Властителей и въ пышности своей
 Для слабаго приютъ; при немъ на стражѣ
 И власть и милость; стать передъ нимъ
 боится
 Виновный; предъ него съ надеждой правый
 Идетъ въ лицо судьи смотрѣть безъ
 страха...
 Но царь-пришлецъ, чужой страны питомецъ,
 Предъ кѣмъ отцовъ священныи прахъ не
 скрытъ
 У насъ въ землѣ, земли не взыбуть нашей.
 Кто нашимъ юношамъ товарищъ не былъ,
 Кому языкъ нашъ въ дуну не бжзжитъ,
 Тотъ будетъ ли для насъ отецъ въ коронѣ?

Тибо.

Да защитить Всевышній короля
 И Францію! Намъ мирнымъ поселянамъ
 Мечъ незнакомъ; намъ браннаго коня
 Не укротить; мы будемъ ждать смиренно,
 Кого намъ дать владыкою побѣда!
 Сраженія успѣхъ есть Божій судъ.
 Король нашъ тотъ, кто былъ муропомазанъ
 Въ священномъ Реймѣ, кто пріялъ державу
 Надъ древними гробами Сень-Дени...
 Друзья, пора къ работѣ; помни каждый
 Ближайшій долгъ свой; пусть князья земные
 Земную власть по жеребью берутъ!
 А намъ смотрѣть въ тиши на разрушенье:
 Покорной намъ земли оно не тронетъ;
 Пускай пожжетъ седея наши пламень,
 Пускай кони прытнутъ наши нивы —
 Съ молодой весной взойдетъ младая жатва,
 А низкія легко возстанутъ кровли.
 (*Всѣ, кромѣ Юанны, уходятъ*).

Юанна (*долго стоить
 въ задумчивости*).

Простите вы, холмы, поля родные;
 Приютно-мирный, ясный доль, прости;
 Съ Юанной вамъ ужъ болѣ не видаться,
 Навѣкъ она вамъ говорить: прости.
 Друзья-луга, древа, мои шитѣнцы,
 Вамъ безъ меня и цвѣть и доцвѣтатъ;
 Ты, сладостный долины голосъ, эхо,
 Такъ часто здѣсь игралъ со мной,
 Прохладный гротъ, потокъ мой быстро-
 течный,
 Иду отъ васъ, и не приду къ вамъ вѣчно.

Мѣста, гдѣ все бывало мнѣ усладой,
Отвынѣ вы со мной разлучены;
Мои стада, не буду вамъ оградой...
Безъ пастыри бродить вы суждены;
Досталось мнѣ пасти иное стадо
На пажитяхъ кровавыя войны.
Такъ вышнее назначило избранье;
Меня стремить не суетныхъ желанье.

Кто нѣкогда, гремя и пламенѣя,
Въ горящій кустъ къ пророку нисходилъ,
Кто на царя воздвигнулъ Мойсея,
Кто отрока Давида укрупилъ—
И съ сильнымъ въ бой сталъ пастырѣ
не блѣднѣя—

Кто пастырямъ всегда благоволилъ,
Тотъ здѣсь вѣщалъ ко мнѣ изъ сѣни древа:
«Иди о Мнѣ свидѣтельствовать, дѣва!

«Надѣтъ должна ты латы боевыя,
«Въ желѣзо грудь младую заковать;
«Страшисъ надеждъ, не знай любви зем-
ныхъ:

«Вѣнчалыхъ свѣчъ тебѣ не зажигать;
«Не быть тебѣ душой семьи родныя;
«Цвѣтущаго младенца не ласкать...
«Но въ битвахъ Я главу твою прославлю;
«Всѣхъ выше дѣвъ земныхъ тебя поставлю.

«Когданачеть блѣднѣть и смѣлый въ брани,
«И роковой пробьетъ отчизнѣ часъ—
«Возьмешь мою ты орифламу въ длани,
«И мощь враговъ сорвешь, какъ жница
клась;

«Поставишь ихъ надменной власти грани,
«Преобразишь во плачъ побѣдный гласъ,
«Дашь ратнымъ честь, дашь блескъ и
силу трону,
«И Карла въ Реймъ введешь принять
корону.»

Мнѣ обѣщаль Небесный извѣщенье,
Исполнилось... и шлемъ сей посланъ *Имъ*.
Какъ браанный огонь его прикосновенье,
Съ нимъ мужество, какъ Божій херувимъ...
Въ кипящій бой несетъ души стремленье;
Какъ буря, пылъ ея неукротимъ...
Се битвы кличъ! полки съ полками стали!
Взвизли кони и трубы зазвучали!

(Уходитъ).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Дюнуа, Дю Шатель.

Дюнуа.

Нѣтъ! долѣ не стерплю; пора покинуть
Намъ короля, который самъ безславно
Себя покинулъ. Кровь бунтуетъ въ жилахъ,
И душу всю я выплакать готовъ,
Смотря на бѣдную отчизну... Боже!
Разбойники мечами города,
Старинныя жилища чести, дѣлятъ,
И выдаютъ ихъ ржавые ключи
Съ покорностью врагу... а мы, мы здѣсь
Въ бездѣйствіи покоя расточаемъ
Священные спасенія часы.
Лишь вѣсть пришла, что Орлеанъ въ осадѣ—
Слѣшу свою Нормандію покинуть,
Лечу сюда въ надеждѣ, что король,
Готовый въ бой, полки ужъ вывелъ въ поле...
Но что жъ? Онъ окруженъ толпой шутовъ;
Въ кругу своихъ безпечныхъ трубадуровъ
Забогитесь разгадывать загадки,
И лишь пиры дасть своей Агнесѣ.
Какъ будто все спокойно!.. Конетабль,
Терпѣнье потерявъ, уже рѣшился
Разстаться съ нимъ... и я, и я разсталусь;
Пора судьбѣ на власть его предать.

Дю Шатель.

Но вотъ и онъ.

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Тѣ же и король Карлъ.

Король.

Друзья, скажу вамъ новость:
Нашъ конетабль прислалъ мнѣ мечъ свой;
онъ...
Онъ просится въ отставку... въ добрый часъ!
Брюзгливецъ мнѣ ужъ сдѣлался несносенъ;
Все не по немъ; лишь онъ одинъ все знаетъ.

Дюнуа.

Ахъ! твердый мужъ безцѣненъ въ наше
время;
Разстаться съ нимъ мнѣ было бъ тяжело.

Король.

Другъ Дюнуа привыкъ противорѣчить...
Но самъ же ты всегда съ нимъ былъ въ
раздорѣ.

Дюнуа.

Я признаюсь: онъ гордъ, досаденъ, скученъ,
Вѣкъ ничего онъ кончить не умѣлъ...
Но въ пору онъ узналъ сіе искусство:
Онъ прочь идетъ, когда остаться—стыдъ.

Король.

Я вижу, ты въ своемъ веселомъ нравѣ;
Смущать его не стану... Дю Шатель,
Король Рене прислалъ ко мнѣ пословъ;
Они пѣвцы, ихъ имя знаменито;
Ихъ угостить хочу великолѣпно,
И каждому по цѣпи золотой...

(Къ Дюнуа).

Къ чему твой смѣхъ?

Дюнуа.

Ты цѣпи золотыя

Куешь словами.

Дю Шатель.

Государь, твоя

Казна ужъ вся давно истощена,
И денегъ нѣтъ...

Король.

Найди; пѣвецъ высокій

Безъ почести отсель не пойдетъ;
Для насъ при цемъ нашъ мертвый жезлъ
цвѣтетъ;
Онъ жизни вѣтвь безсмертно-молодую
Вилетаеть въ нашъ безжизненный вѣнецъ;
Властителю совластвуетъ пѣвецъ;
Переселясь въ обитель неземную,
Изъ легкихъ сповъ себѣ онъ виждетъ тронъ;
Пусть объ руку идетъ съ монархомъ онъ:
Они живутъ на высотахъ созданья.

Дю Шатель.

О государь, до сихъ норъ я щадилъ
Твой слухъ: для насъ была еще надежда;
Но все сказать велитъ необходимость:
Не о дарахъ намъ думать, нѣтъ! о томъ,
Гдѣ завтра хлѣбъ найти себѣ насущный.
Растрчено все золото твое,
И наши всѣ сокровищницы пусты;
Съ роптаньемъ ждетъ условной платы
Грозясь твои покинуть знамена; [войско,
Не въ силахъ я твой королевскій домъ
И скудную рукою содержать.

Король.

Но развѣ намъ ужъ средства не осталось?
Отдай въ залогъ, что можно заложить.

Дю Шатель.

Все, государь, напрасно: на три года
Доходы всѣ впередъ заложены.

Дюнуа.

А срокъ придетъ... ни денегъ, ни залоговъ!

Король.

Еще у насъ земель богатыхъ много.

Дюнуа.

Пока щадить ихъ Богъ и мечъ Тальбота;
Но Орлеанъ въ осадѣ; сдайся онъ—
Тогда паси овецъ съ своимъ Рене.

Король.

Насчетъ Рене ты любишь умъ острить;
Но этотъ твой безобластный король
Мнѣ въ даръ прислалъ сокровище безцѣнно.

Дюнуа.

Избави Богъ! не право ль на Неаполь?
Несчастный даръ! оно въ цѣнѣ унало
Съ тѣхъ поръ, какъ онъ пасеть своихъ
овецъ.

Король.

То ясная забава, шутка, праздникъ,
Который онъ душѣ своей готовить:
Средь ужасовъ существенности мрачной,
Онъ сотворилъ невинный, чистый міръ;
Онъ царское, великое замыслилъ:
Призвать назадъ то время старины,
Тѣ дни любви, когда любовь вздымала
Грудь рыцарей великимъ и прекраснымъ,
Когда въ судѣ присутствовали жены,
Суровое смягчая нѣжнымъ чувствомъ.
Въ сихъ временахъ живетъ незлобный
старець;
И въ той красѣ, какой онъ плѣняютъ
Насъ въ дѣдовскихъ преданьяхъ, въ древ-
нихъ пѣсняхъ—
Какъ Божій градъ на свѣтлыхъ облакахъ
Онъ мыслить ихъ переслать на землю.
Онъ учредилъ верховный *судъ любви*,
Гдѣ рыцарей дѣла судимы будутъ,
Гдѣ чистыхъ женъ святое будетъ царство,
Гдѣ чистая любовь для насъ воскреснетъ—
И онъ меня избралъ *царемъ любви*.

Дюнуа.

Не столько я еще забыть природой,
Чтобъ отвергать владычество любви;
Я сынъ ея, она дала мнѣ имя,

И въ областяхъ любви мое наслѣдство;
Моимъ отцомъ былъ Орлеанскій принцъ—
Онъ не встрѣчалъ красавицъ непреклон-

ныхъ;
Зато не зналъ и крѣпкихъ вражскихъ
замковъ.

Ты хочешь быть царемъ любви по праву?
Храбрѣйшимъ будь изъ храбрыхъ. Въ ста-
рыхъ книгахъ

Случалось мнѣ читать, что неразлучны
Любовь и рыцарская бодрость были;
Не пастухи, слыхалъ я, а герои
За круглый столъ садилсъ въ древни годы.
Лишь тотъ, чья грудь защитой красотѣ,
Берегъ ея награду... Мѣсто боя
Передъ тобой—сразисъ за тронъ наслѣдный;
Опасность ждетъ—стань съ рыцарскимъ
мечомъ

За честь вѣнца, за славу женъ прекрасныхъ.
Когда жъ, сломивъ враговъ, изъ ихъ когтей
Кровавую корону смѣло вырвешь—
Тогда твоя часть, тогда царю прилично
Вѣнцомъ любви чело свое украсить.

Король (*вошедшему пажу*).

Что скажешь?

Пажъ.

Ждутъ гонцы изъ Орлеана.

Король.

Впусти.

(*Пажъ уходитъ*).

Они пришли просить защиты...

Что отвѣчать? И самъ я беззащитенъ.

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Тѣ же, орлеанскіе чиновники.

Король.

Какую вѣсть, граждане Орсана,
Вы принесли? Что мой надежный городъ?
Все такъ же ли съ отважнымъ постояп-
Упорную осаду отражаетъ? [ствомъ

Чиновникъ.

Ахъ! государь, мы въ крайности; погибелъ
Часть отъ часу неизбѣжимѣй; сбиты
Все вѣшшія твердыни; каждый приступъ
Лишаетъ насъ и войска и земли;
Ужъ на стѣпахъ защитники рѣдѣютъ;
Всечасно въ бой выходить рать; но съ боя
Немногіе приходятъ въ городъ; скоро

Постигнетъ насъ бѣда ужаснѣй—голодь.
Въ такой бѣдѣ высокій Роншесьеръ,
Намѣстникъ твой, обычаемъ стариннымъ,
Съ врагомъ вступилъ въ послѣдній дого-
воръ:
Чтобъ городъ сдать черезъ двѣнадцать дней,
Когда къ нему не подоспѣетъ войска,
Могущаго осаду отразить.
(*Дюнуа показываетъ досаду*).

Король.

Двѣнадцать дней! какъ мало!

Чиновникъ.

Неприятель

Насъ пропустилъ, и мы пришли тебя
О помощи спасительной молить.

Будь жалостливъ, не медли, государь,
Иль Орлеанъ для Франціи погибнетъ.

Дюнуа.

Возможно ль? Какъ Сантраль могъ согла-
На гнусный этотъ договоръ? [ситъсь

Чиновникъ.

О, нѣтъ!

Никто не смѣлъ о сдачѣ и помыслить,
Юка былъ живъ Сантраль великодушный.

Дюнуа.

Его ужъ нѣтъ?

Чиновникъ.

Сражаясь на стѣнѣ,

За короля онъ съ честію погибъ.

Король.

Сантраль погибъ! Ахъ! въ немъ одномъ
Мнѣ войско храбрыхъ. [погибло
(*Входитъ рыцарь и говоритъ тихо съ
Дюнуа, который показываетъ изумле-
ніе и недоуваніе*).

Что еще случилось?

Дюнуа.

Къ тебѣ прислалъ Дугласъ: его шотландцы
Волнуются, грозятся отетунить,
Когда не дашь задержанной имъ платы.

Король (*къ Дю Шателю*).

Ты слышишь?

Дю Шатель (*пожимая плечами*).

Что могу я?

Король.

Обычай

Продать, что есть; въ залогъ полкоролевства.

Дю Шатель.

Напрасно все: они словамъ не вѣрятъ.

Король.

Они мое надежнѣйшее войско;

Уже ль теперь, теперь меня покينуть?

Чиновникъ (на колѣняхъ).

О государь, спаси твой Орлеанъ.

Король (въ отчаяніи).

Могу ль родить вамъ войско изъ земли?

Въ моей рукѣ созрѣетъ ли вамъ жатва?

Вотъ грудь моя; мое пусть вырвутъ сердце;

Пусть выбьютъ изъ него монету; жизнью

Готовъ купить вамъ золото и войско.

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

Тѣ же и Агнеса съ ларчикомъ въ рукахъ.

Король (бѣжитъ къ ней навстрѣчу).

Агнеса, ты ль? Приди, мой утѣшитель;

Дай руку мнѣ въ ужасный часъ бѣды;

Отчаянье въ мою тѣснитъ душу;

Но ты моя... не все еще погибло.

Агнеса.

О государь!

(*Смотря на предстоящихъ въ смѣтени*).

Что слышу?.. Дюнуа,

уже ли?

Дюнуа.

Правда.

Агнеса.

Какъ! такая крайность?

Солдатамъ платы нѣтъ, бунтуетъ войско?

Дю Шатель.

Все правда.

Агнеса (отдавая ему ларчикъ).

Вотъ вамъ деньги; здѣсь мои

Алмазы; серебро мое расплавте

въ монету; замки все мои въ залогъ;

Въ залогъ мой прованскія помѣстья;

Все въ золото, чтобъ войско успокоить!

Скорѣй! бѣги, не медли, Дю Шатель.

Король.

Что, Дюнуа? Что, Дю Шатель? Еще ли

я бѣденъ? Нѣтъ... Взгляните на нее;

Она со мной порокою равна;

Кровь Валуа не благороднѣй крови

Ея отцовъ; престола украшеньемъ

Была бъ она... но ей престолъ не лестенъ.

Мою быть—одно ея желанье.

Дарами ль я ее осыпалъ?... Нѣтъ!

Весенній первый цвѣтъ или рѣдкій плодъ—

Вотъ все мои дары... Все въ жертву мнѣ,

И ничего на жертву отъ меня.

И что жъ теперь?.. Послѣднее вѣрять

Она моей обманчивой судьбѣ.

Дюнуа.

Она тебѣ въ безумствѣ не уступить;

Она свое въ горящій домъ бросаетъ,

И бочку Данаидъ наполнить мыслитъ.

Тебя ей не спасти, себя лишь вмѣстѣ

Съ тобою погубить.

Агнеса.

Не вѣрь ему;

Онъ жертвовалъ тебѣ стократно жизнью...

Ему ль дрожать за золото мое?

И не давно ль тебѣ съ веселымъ сердцемъ

Я отдала все то, что драгоценнѣй

И золота и перловъ? Мнѣ ли нынѣ

Лишь для себя спасать земное счастье?

Пойдемъ, все лишнія убранства жизни

Отбросимъ прочь... О другъ! дай мнѣ при-

Высокаго пожертвованья быть; [мѣромъ

Преобрати свой дворъ въ военный станъ,

И золото въ желѣзо; брось отважно

Все, все за твой обиженный вѣнецъ.

Пойдемъ! бѣды и бѣдность пополамъ;

Пора намъ съѣсть на браннаго коня;

Пусть солнце льетъ свой жаръ на нашу

грудь;

Пусть кровлею намъ будутъ облака;

Пусть будетъ намъ подушкой острый камень.

Безопасно снесетъ суровый ратникъ

свою бѣду, когда король примѣръ

И твердости и самоотверженья.

Король (усмѣхаясь).

Итакъ, должно обѣщанное сбыться:

Давно, давно монахиня въ Клермонѣ

Въ пророческомъ жару мнѣ предсказала,

Что женщина сразитъ моихъ враговъ,

И мой престолъ послѣдній завоеуетъ.

Я мнилъ ее найти въ британскомъ станѣ,

Ея искалъ я въ материнскомъ сердцѣ...

Но здѣсь она, спасительница славы;
Въ священный Реймсъ за нею мы пойдемъ;
Побѣду дастъ любовь моей Агнесы.

Агнеса.

Ты побѣдишь мечомъ своихъ друзей.

Король.

Раздоръ враговъ другая намъ надежда.
Уже молва мнѣ вѣрная сказала,
Что охладѣлъ къ союзу англичапъ
Мой родственникъ бургундскій герцогъ;
Узнаю все; къ Филиппу я Ла Гира [скоро
Послалъ, чтобъ онъ озлобленнаго пера
Склонилъ на миръ и дружбѣ возвратилъ.
Всечасно жду отвѣта.

Дюнуа (смотря въ окно).

Рыцарь здѣсь;

Сейчасъ сошелъ съ коня онъ у крыльца.

Король.

Желанный гость!.. Друзья, теперь рѣшится:
Къ побѣдѣ ль намъ идти, или уступить?

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Тѣ же, Ла Гиръ.

Король.

Скажи, Ла Гиръ, надежда или смерть?
Чего намъ ждать? Скорѣй, двумя словами!

Ла Гиръ.

Твой мечъ—вогъ вся теиерь для насъ
надежда.

Король.

Итакъ, непримиримъ надменный герцогъ.
Но что же онъ тебѣ сказалъ въ отвѣтъ?

Ла Гиръ.

Еще не давъ произнести мнѣ слова,
Потребовалъ онъ съ гордостью, чтобъ вы-
данъ
Былъ Дю Шатель: онъ мыслить и помышлѣ,
Что Дю Шатель убилъ его отца.

Король.

Когда жъ такой постыдный договоръ
Отвергнемъ мы...

Ла Гиръ.

Тогда и миръ отвергнуть.

Король.

И ты мое исполнилъ повелѣнье?
Сказалъ, что я готовъ съ нимъ на мосту

У Монтеро, гдѣ палъ его отецъ,
Сразиться?..

Ла Гиръ.

Я твою перчатку бросилъ;
Я объявилъ, что ты, забывъ свой санъ,
Идешь съ нимъ въ бой на жизнь и смерть,
какъ рыцарь.

Но гордо онъ отвѣтствовалъ: нѣтъ нужды
Сражаться мнѣ за то, что ужъ мое.

Когда же Карлъ столь жадничаетъ боя,
То пусть найдетъ меня подъ Орлеаномъ:
У стѣнъ его я завтра съ войскомъ буду.
Такъ отвѣчалъ съ презрительнымъ онъ
смѣхомъ.

Король.

Но что жъ? ужель въ парламентъ моемъ
Совеѣмъ умолкъ священный голосъ правды?

Ла Гиръ.

Нѣмъзеть онъ предъ дерзкимъ буйствомъ
партій;
Парламентомъ и ты и весь твой родъ
Отрѣшены на вѣки отъ престола.

Дюнуа.

Безумное властительство толпы!

Король.

Но видѣлся ль ты съ матерью моею?

Ла Гиръ.

Съ твоею матерью?..

Король.

Что королева?

Ла Гиръ.

Скажу ли все?.. Былъ день коронованья,
Когда вошелъ я въ Сентъ-Дени; граждане,
Какъ на триумфъ, разубраны все были;
Я видѣлъ рядъ торжественныхъ воротъ—
И въ нихъ вступалъ съ надменностью
британецъ;
Усыпанъ былъ цвѣтами путь; и, словно
Спасеніе отъчизны торжествуя,
Рукоплескалъ народъ за колесницей.

Агнеса.

Рукоплескала... предавши короля,
И растерзавъ отеческое сердце!

Ла Гиръ.

Таясь въ толпѣ, я видѣлъ, какъ Ланкастеръ,
Дитя, сидѣлъ на королевскомъ тронѣ
Святого Людвига, какъ близъ него

Быль пережить назначенъ; не напрасно
Ты на престолъ нежданнѣй возведенъ;
Твой, твоя прекрасная душа
Есть избранный цѣлитель тяжкихъ ранъ,
Отечеству раздоромъ нанесенныхъ;
Пожаръ войны гражданской ты потушишь;
Мнѣ сердце говорить: ты дашь намъ миръ,
И Франціи создатель новый будешь.

Король.

Не я... крутымъ и бурнымъ временамъ
Въ правители сильнѣйшіи кормщикъ пу-
жеть.
Счастливить могъ бы я народъ спокой-
ный—
Но съ дикостью бунтующей не слажу;
Не мнѣ мечомъ кровавымъ разверзать
Себѣ сердца, запершіяся въ злобѣ.

Агнеса.

Народъ твой слѣбъ; онъ призракомъ
обмануть;
Сей тяжкій сонъ не можетъ продолжиться;
День недалекъ: пробудится любовь
Къ законнымъ королямъ—въ груди фран-
Она всегда жива и неизмѣнна— [цузовъ
Пробудится и ненависть и ревность,
Врожденныя двумъ націямъ противнымъ,
И гордый врагъ своимъ погибнетъ
счастьемъ...

Не отходи жъ отъ поприща побѣдъ,
Воюй, борись за каждый шагъ земли;
Обороняй, какъ собственную грудь,
Твой Орлеанъ—скорѣи веѣ переправы
Разрушь, скорѣи веѣ сожги мосты,
Ведущіе за грань твоей державы,
Туда, гдѣ нѣтъ ужъ чести, за Луару

Король.

Что могъ, то все я сдѣлалъ; самъ, какъ
рыцарь,
Я былъ готовъ на смертный поединокъ
За мой вѣнецъ... но вызовъ мой отвергнуть.
Я тщетно жизнь моихъ народовъ трачу;
Веѣ города мои валятся въ прахъ.
Иль, матери свирѣбной угодяея,
Своихъ дѣтей на жертву самъ я брошу?
Нѣтъ, лучше самъ погибну, ихъ спасая!

Дюна.

О Боже! то ль языкъ монарха? Такъ ли
Вѣнецъ свой должно уступать?.. Последній

Твой поданный отважно отдастъ
И кровь и жизнь за мѣны, за любовь
И ненависть свою; все жертва партій
Во времена войны междусобной!
Тогда свой плугъ бросаетъ земледѣлецъ;
Старикъ, дитя кидаются къ мечу;
И гражданинъ свой городъ, пахаръ ниву
Своей рукою жгутъ; и каждый рвется
Тебѣ служить иль вредъ тебѣ нанести,
Чтобъ отстоять души своей желанье.
Никто не дастъ пощады и не приметъ,
Какъ скоро честь зоветъ и биться должно
За идола иль Бога своего.
Итакъ, отбрось измѣженную жалость—
Она душѣ монарха неприлична;
Пускай война сама свой огонь потушитъ;
Не ты ее безумно воспалилъ.
Народъ за тропѣя себя падить не долженъ—
Таковъ законъ и вѣчный жребій свѣта;
Иного мы, французы, не признаемъ;
И стыдъ той націи, которой жаль
Все положить за честь свою святую.

Король (къ чиновникамъ).

Подите! вамъ защитой небеса;
А я для васъ ничто.

Дюна.

Да отвратится жъ
Навѣки Богъ побѣды отъ тебя,
Какъ ты отъ Франціи! Когда ты самъ
Себя оставилъ—мы должны разстаться.
Не Англія съ бунтующимъ бургундцемъ—
Твой робкій духъ тебя сгоняетъ съ трона.
Природный даръ французскихъ королей
Геройство—ты жъ не мужемъ быть рожденъ.
(Къ чиновникамъ).

Монарха нѣтъ у васъ; но я за вами!
Я затворюсь въ родимый Орлеанъ,
И съ нимъ въ его развалинахъ погибну.
(Хочетъ идти).

Агнеса.

О государь! останови его;
Онъ на словахъ жестокъ, но сердцемъ
вѣренъ,
Какъ золото; онъ твой; тебя онъ любить;
Онъ за тебя лилъ кровь... прольетъ и
Признайся, Дюна, ты далеко [нынѣ...
Быль заведенъ досадой благородной...
А ты прости его суровой дружбѣ...

Ахъ! дайте мнѣ, пока не разгорѣлся
Въ сердцахъ огонь вражды непримиримой,
Завременно быть вашимъ миротворцемъ.
(Дюнуа смотритъ на короля и ждетъ
ответа).

Король (къ Дю Шателю).
Мы перейдемъ Луару; на суда
Вели скорѣй все нагружать...

Дюнуа (поспѣшно Агнеса).
Прости.
(Уходитъ съ чиновниками).

Агнеса.
Стой, Дюнуа!.. Теперь мы беззащитны!..
Вѣги за нимъ, Ла Гиръ, смягчи его.

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Король, Агнеса, Дю Шатель.

Король.
Ужели тронъ единственное благо?
Ужель разстаться съ нимъ такъ тяжело?..
О, нѣтъ! я зло несноснѣйшее знаю:
Игрушкой быть сихъ дерзкихъ, гордыхъ
Душъ;
Покорствовать; жить милостью вассаловъ;
Отъ грубой ихъ падменности зависѣть—
Вотъ бѣдствие, вотъ жребій нестерпимый.
Не легче ли судьбѣ своей податься?
(Къ Дю Шателю).

Исполни мой приказъ.

Дю Шатель (на колѣняхъ).
О Государь!

Король.
Ни слова! рѣшено, поди.

Дю Шатель.
Нѣтъ! нѣтъ!
Склонись на миръ съ Филиппомъ, Государь;
Другого нѣтъ спасенья для тебя.

Король.
Какой совѣтъ!.. Но развѣ ты забыть,
Что жизнь твоя цѣною примиренья?

Дю Шатель.
Вотъ голова моя; я за тебя
Не разъ ее послалъ въ сраженье... нынѣ
Я за тебя жъ несу ее на плаху.
Иного средства нѣтъ; предай меня
На произволъ неумолимой злобы;
Пусть вражда въ моей крови потухнетъ.

Король (съ горестію).
Какъ! до того ль дошло?.. Мои друзья,
Которымъ вся душа моя открыта,
Мнѣ путь стыда къ спасенью выбираютъ!
Теперь свою всю бѣдность узнаю:
На честь мою довѣренность погибла.

Дю Шатель.
О, нѣтъ!..

Король.
Молчи! не раздражай меня!
Хотя бы сто престоловъ мнѣ терять—
Я не спасусь погибелію друга...
Исполни то, что я велѣлъ, иди;
Чтобъ на суда немедленно грузились.

Дю Шатель.
Иду.

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Король, Агнеса.
Король.
Не унывай, моя Агнеса.
Есть Франція для насъ и за Луарой.

Агнеса.
Какой должна я страшный встрѣтить день!
Король идти въ изгнанье осужденъ;
Семейный домъ покинуть долженъ сынъ,
И съ милою разстаться колыбелью...
О родина, прекрасная земля,
Прости, тебя мы вѣчно не увидимъ!

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Тѣ же, Ла Гиръ.
Агнеса.
Ла Гиръ, ты здѣсь? А Дюнуа?
(Смотритъ на него пристально).
По что?
Сверкаетъ взоръ твой... говори, Ла Гиръ,
Иль новая бѣда?

Ла Гиръ.
Бѣды прошли:
Намъ небеса опять благоприятны.

Агнеса.
Возможно ль? Какъ?
Ла Гиръ (королю).
Скорѣе орлеанскихъ
Чиновниковъ вели позвать.

Король.
Зачѣмъ?

Ла Гирь.

Судьба войны на нашей сторонѣ:
Дано сраженіе; мы побѣдили.

Король.

Ла Гирь, меня ты льстишь молвой напрасной.
Мы побѣдили? Нѣтъ, то слухъ невѣрный

Ла Гирь.

Повѣришь ты чудеснѣйшему скоро.
Но вотъ идетъ архіепископъ; съ нимъ
И Дюна.

Агнеса.

О, сладкій чѣвъ побѣды!

Какъ скоро плодъ небесный онъ приносить:
Согласіе и миръ!

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Тѣ же, архіепископъ, Дюна, Рауль.

Архіепископъ.

Графъ, государь,

Забудьте гнѣвъ, другъ другу дайте руку;
Раздору мѣста нѣтъ; за насъ Всевышній.

(Король и Дюна обнимаются).

Король.

Друзья, мое сомнѣнье разрѣшите;
Я вѣрю вамъ и вѣрить намъ страшусь;
Когда и какъ столь быстро перемѣна
Чудесная свершилась?

Архіепископъ (Раулю).

Говори.

Рауль.

Шестнадцать было насъ знаменъ; мы или
Примкнуть къ тебѣ; нашъ хвабрый пред-
водитель

Былъ рыцарь Бодрикуръ изъ Вокулера.
Но только мы достигли фермантонскихъ
Высотъ и въ доль, Юнной орошенный,
Спустились... вдругъ явился намъ вдали
Равнину всю занявшій непріятель.
Хотимъ назадъ... возвратный путь захва-
Спасенія нѣтъ; побѣда невозможна; [чепъ;
Храбрѣйшіе упали духомъ; ратникъ
Оружіе готовъ былъ кинуть; тѣсно,
Совѣтуясь, вожди искали средства
Къ отиору—средства нѣтъ... Но въ этотъ
Свершается неслыханное чудо: [мигъ]
Изъ глубины густой дубовой рощи
Выходитъ къ намъ дѣвица, яркій шлемъ
На головѣ; идетъ, какъ божество,
Прекрасная и страшная на взглядъ,

И темными кудрями по плечамъ
Летаютъ волосы... и вдругъ чело
Сіяніемъ небеснымъ обвилось,
Когда она, приблизившись, сказала:
«Что медлите, французы? На врага!
«Будь онъ морскихъ песковъ неисчисли-
[мѣй...

«За васъ Господь и Дѣва Пресвятая!»
И вмигъ она изъ рукъ знаменосца
Исторгла знамя; съ нимъ впередъ, и въ
страшномъ

Величіи пошла передъ рядами.
Мы, изумясь, безмолвные, невольно
За дивною вопительницей велѣдъ...
И на врага ударили, какъ буря.
Оторопѣвъ, ударомъ оглушенный,
Недвижимый, испуганными смотреть
Очами онъ на гибельное чудо...

И вдругъ—какъ будто сталь Господніи
ужасъ

Ему въ лицо—онъ дрогнувъ и бѣжить,
Бросая щитъ и мечъ; и по равнинѣ
Въ единый мигъ все войско разметалось;
Забыто все; невнятенъ кликъ вождей;
Преслѣдуемъ, разимый безъ отпора,
Бѣжитъ онъ, глазъ не смѣя обратить;
Въ рѣку стремглавъ и конь и всадникъ
мчатся...

И то была не битва, но убійство;
На мѣстѣ ихъ двѣ тысячи легло,
Но болѣе въ волнахъ рѣки погибло...
А наши все остались невредимы.

Король.

Неслыхано! чудесно!

Агнеса.

Кто она?

Рауль.

Одинъ король сію узнаетъ тайну.
Пророчицей, посланницею Бога
Она себя зоветъ и обличаетъ
До совершенія луны прогнать
Врага и снять осаду Орлеана.
Ей вѣруя, народъ сраженъ жаждетъ;
И скоро здѣсь она сама явится.
[Звонъ колоколовъ и шумъ за сценою].
Вы слышите... шумитъ народъ... Она!
Король *(къ Дю Шателю)*.
Введи ее сюда.

(Архіепископу).

Но что мнѣ думать?
Побѣда намъ отъ дѣвы... и когда же?
Когда лишь Богъ одинъ спасти насъ можетъ.
Естественно ль? И гдѣ законъ природы?
Скажи, отецъ, повѣрять ли мнѣ чуду?

Голоса за сценою.

Да здравствуетъ спасительница, дѣва!

Король.

Идетъ.

(*Къ Дюнуа*).

Займи мое на время мѣсто;
Пророчицу мы опыту подвергнемъ;
Когда съ небесъ ей послано везнаные—
Она сама откроетъ короля.

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Прежніе, Иоанна, за нею **чиновники орлеанскіе** и множество **рыцарей**, которые занимаютъ всю глубину сцены. Съ величіемъ выступаетъ она впередъ и осматриваетъ предстоящихъ одного за другимъ.

Дюнуа (*съ важностію*).

Ты ль, дивная...

Иоанна (*прерываетъ его величественно*).

Ты Бога испытуешь;

Не на своемъ ты мѣстѣ, Дюнуа;
Вотъ тотъ, къ кому меня послало небо.
(*Ръшительно приближается къ королю, преклоняетъ передъ нимъ колѣно, потомъ встаетъ и на нѣсколько шаговъ отступаетъ. Дюнуа сходитъ съ мѣста. Король остается одинъ посреди сцены*).

Король.

Мое лицо ты видишь въ первый разъ;
Кто далъ тебѣ такое откровенье?

Иоанна.

Я видѣла тебя... но только тамъ,
Гдѣ ты никѣмъ незрякъ былъ, кромѣ Бога.
(*Приближается и говоритъ таинственно*).

Ты помнишь ли, что было въ эту ночь?
Тогда, какъ все кругомъ тебя заснуло
Глубокимъ сномъ— не ты ль, покинувъ
ложе,

Съ молитвою предъ Господомъ простерся?
Вели имъ выдти... я твою молитву
Тебѣ скажу.

Король.

Что Богу я повѣрилъ,
Не потаю того и отъ людей.
Открой при нихъ моей молитвы тайну—
Тогда твое признаю назпаченье.

Иоанна.

Ты произнесъ предъ Богомъ три молитвы;
И первую молилъ ты, чтобъ Всевышній—
Когда твой тронъ стяжаніемъ неправымъ
Иль незаглаженной изъ древнихъ лѣтъ
Виною обремененъ и тѣмъ на насъ
Навлечена губящая война—
Тебя избралъ мирительною жертвой,
И на твою покорную главу
Излилъ за насъ всю чашу наказанья.

Король (*отступая съ трепетомъ*).

Но кто же ты, чудесная?... Откуда?
(*Вѣсь въ изумленіи*).

Иоанна.

Другая же твоя была молитва:
Когда уже назначено Всевышнимъ
Тебя лишить родительскаго трона,
И все отнять, чѣмъ праотцы твои,
Вѣнчаные, владѣли въ сей землѣ—
Чтобъ сохраить тебѣ три лучшихъ блага:
Спокойствіе души самодовольной,
Твоихъ друзей и вѣрную Агнесу.
(*Король закрываетъ лицо и плачетъ. Движеніе изумленія въ толпѣ. Иоанна, помолдавъ, продолжаетъ*)

Скажу ль твою послѣднюю молитву?

Король.

Довольно; вѣрую; сего не можетъ
Единый человекъ; съ тобой Всевышній!

Архіепископъ.

Откройся жъ намъ, всезнающая, кто ты?
Въ какомъ краю родилась? Кто и гдѣ
Счастливые родители твои?

Иоанна.

Святый отецъ, меня зовутъ Иоанна;
Я дочь простого пастуха; родилась
Въ мѣстечкѣ Домъ-Ремі, въ приходѣ Тула;
Тамъ стадо моего отца пасла
Я съ дѣтскихъ лѣтъ; и я слышала часто,
Какъ набѣжалъ на насъ островитянинъ
Неистовый, чтобъ сдѣлать насъ рабами,
Чтобъ посеадить на тропъ нашъ иноземца,
Немиллаго народу, какъ етолицей

И Франціей властительствовалъ оуп...
 И я въ слезахъ молила Богоматерь:
 Насъ отъ цѣпей пришельца защитить,
 Намъ короля законнаго сберечь.
 И близъ села, въ которомъ я родилась,
 Есть чудотворный ликъ Пречистой Дѣвы—
 Къ нему толпой приходятъ богомольцы—
 И близъ него стоитъ священный дубъ,
 Прославленный издревле чудесами;
 И я въ тѣни его сидѣть любила,
 Нася овецъ—меня стремилло сердце—
 И всякій разъ, когда въ горахъ пустыни—
 Стучалось ягненку затеряться, [ныхъ
 Пропадшаго являлъ миѣ дивный сонъ,
 Когда подъ тѣмъ я дубомъ засыпала.
 И разъ—всю ночь съ усердною молитвой,
 Забывъ о снѣ, сидѣла я подъ дровомъ—
 Пречистая предстала миѣ; въ рукахъ
 Ея былъ мечъ и знамя, но одѣта
 Она была, какъ я, пастушкой, и сказала:
 «Узнай меня, возстань; иди отъ стада;
 «Господь тебя къ иному призываетъ.
 «Возьми мое святое знамя, мечъ
 «Мой опояшь и имъ неустрасимо
 «Рази враговъ народа моего,
 «И проведи помазанника въ Реймсъ,
 «И увѣнчай его вѣнцомъ наслѣднымъ».
 Но я сказала: миѣ ль, смиренной дѣвѣ,
 Неопытной въ ужасномъ дѣлѣ брани,
 На подвигъ гибельный такой дерзать?
 «Держай—она рекла миѣ—чистой дѣвѣ
 «Доступно все великое земли,
 «Когда земной любви она не знаетъ».
 Тогда моихъ очей Она коснулася...
 Подъземлю взоръ: исполнено все небо
 Сіяющихъ, крылатыхъ серафимовъ;
 И въ ихъ рукахъ прекрасныя лилии;
 И въ воздухѣ провѣялъ сладкій голосъ...
 И такъ Пречистая три ночи сряду
 Являлася миѣ и говорила: «ветань,
 «Господь тебя къ иному призываетъ».
 Но въ третью ночь, Она, явися во гнѣвѣ,
 Миѣ строгое сіе вѣчала слово:
 «Удѣлъ жены—тяжелое терпѣнье;
 «Возьми твой крестъ, покоретвуй небесамъ;
 «Въ страданіи земное очищенье;
 «Смиранный здѣсь — возвышенъ будетъ
 тамъ».
 И съ словомъ симъ Она съ себя одежду

Пастушки сбросила, и въ дивномъ блескѣ
 Явилаасъ миѣ царицею небесъ,
 И на меня съ утѣхой поглядѣла,
 И медленно на свѣтлыхъ облакахъ
 Къ обители блаженства полетѣла.
 (Всѣ тропуты. Атмоса въ слезахъ за-
 крываетъ лицо руками).

Архіепископъ (по долгомъ
 молчаніи).

Должно молчать передъ глаголомъ неба
 Сомнѣніе премудрости земной:
 Здѣсь истиннѣ событіе свидѣтель;
 Единый Богъ подобное творить.

Король.

Достоинъ ли я милости такой?..
 Всевидящій, Необольстимый, Ты,
 Свидѣтель душъ, въ моей душѣ читаешь.

Іоанна.

Покорности всегда Господь доступенъ;
 Смирился ты—тебя Онъ возвеличилъ.

Король.

Итакъ, съ врагомъ могу еще бороться?

Іоанна.

Я Францію во власть твою предамъ.

Король.

И Орлеанъ не будетъ завоеванъ?

Іоанна.

Скорѣй назадъ Луара потечеть.

Король.

И Реймса я съ побѣдою достигну?

Іоанна.

Но трунамъ ихъ тебя въ него введу.

(Всѣ предстоящіе рыцари, показыва-
 вая мужество, времятъ копьями и
 щитами).

Дюнуа.

Вели ей стать предъ нашимъ войскомъ;
 слѣно

За дивною мы бросимся во слѣдъ.

Намъ вождь ся пророческое око;

А вѣрныи ей защитникъ—этотъ мечъ.

Ла Гиръ.

Будь миръ на насъ, будь врагъ въ союзѣ
 съ адомъ—

Не дрогнемъ, стой она лишь впереди;

Мы рады въ бой. Чудесная, веди!

Самъ Богъ побѣдъ поидеть съ тобою рядомъ.

Король.

Такъ, я тебѣ свое вѣрю войско;

Его вожди твою признаютъ власть.
Прими сей мечъ, сей знакъ верховной силы,
Покинутый строптивымъ полководцемъ—
Его кладу въ достойнѣйшую руку;
И будь отнынѣ ты...

Иоанна.

Постой, дофиниъ.

Орудіе могущества земного
Не совершить побѣды. Мечъ другой,
Предъизбранный сразить врага, я знаю.
Чудеснымъ спомъ мнѣ этотъ мечъ указать;
Мнѣ вѣдомо то мѣсто, гдѣ онъ скрытъ.

Король.

Гдѣ?

Иоанна.

Въ городѣ старинномъ Фьербуа
Кладбище есть святой Екатерины;
На древнемъ томъ кладбищѣ есть палата,
Гдѣ множество набросано оружія—
Военная добыча древнихъ лѣтъ—
Межъ ними скрытъ мой мечъ обѣтованный.
Примѣта жъ: три лилеи золотыя
Изебчены на лезвѣ булатномъ.
Найди сей мечъ—въ немъ сила и побѣда.

Король.

Немедленно исполнить, Дю Шатель.

Иоанна.

И бѣлою хочу носить я знамя,
Обшитое пурпурной полосой.
Изобразить на немъ Святую Дѣву
Съ Спасителемъ-Младенцемъ на рукахъ,
И подъ Ея стонами шаръ земной:
Въ Ея рукѣ такое было знамя.

Король.

Неполно все.

Иоанна (къ архіепископу).

Святой архіепископъ,

Моей главы коснись твоей рукою,
И дочь свою, отецъ, благослови.

(Стаивитъ на коленнѣ).

Архіепископъ.

Не памъ тебя благословлять; тобою
Сошло на насъ благословенье... Съ Богомъ
Гряди; а мы, и въ мудрости своей,
Слѣбцы.

Пажъ.

Герольдъ отъ графа Салиебури.

Иоанна.

Введи; Господь приводитъ къ намъ его.

ЯВЛЕНИЕ 11-е.

Тѣ же, герольдъ.

Король.

Кѣмъ посланъ ты, герольдъ? Съ какою
вѣстью?

Герольдъ.

Найду ли здѣсь я Карла Валуа?

Дюнуа.

Презрительный ругатель, какъ дерзашъ
Ты короля законнаго французовъ
Здѣсь, на его землѣ, не признавать?
Твой санъ тебѣ защита; безъ того...

Герольдъ.

Одинъ король законный у французовъ;
Но онъ теперь живетъ въ британскомъ станѣ.

Король (къ Дюнуа).

Спокойся, другъ... доканчивай, герольдъ!

Герольдъ.

Военачальникъ мой, жалья крови,
Которая пролита и прольется,
Свой грозный мечъ въ ножнахъ остановилъ;
И, гибнущій спасая Орлеанъ,
Съ тобой вступитъ желаетъ въ договоръ.

Король.

Въ какой?

Иоанна.

Позволь мнѣ именемъ твоимъ

Сказать отвѣтъ герольду.

Король.

Говори.

Тебѣ рѣшить судьбу войны изъ мира.

Иоанна.

Кто говорить, герольдъ, въ твоемъ лицѣ?

Герольдъ.

Графъ Салиебури, вождь британцевъ.

Иоанна.

Лжешь,

Герольдъ; одни живые говорятъ;
Итакъ, твой вождь здѣсь говорить не
можетъ.

Герольдъ.

Но вождь мой живъ—и здравіемъ и силой
Исполнень онъ врагамъ на истребленье.

Иоанна.

Вчера былъ живъ—а нынче на зарѣ
Убитъ онъ выстрѣломъ изъ Орлеана,
Когда стоялъ на башнѣ Латурнель.
Смѣешься ты моею чудесной вѣсти;
Но вѣрь не мнѣ—своимъ глазамъ, герольдъ.

Ты, въ лагерь свой вступаая, будешь встрѣ-
Печальными его похоронами. [чѣмъ
Теперь скажи: въ чѣмъ ваше предложенье?

Герольдь.

Когда тебѣ все тайное открыто—
Его сама ты знаешь безъ меня.

Іоанна.

Но зпать его не нужно мнѣ теперь.
Внимаи, герольдь, внимаи и повтори
Мои слова британскимъ полководцамъ:
Ты, англійскій король, ты, гордый Глостеръ,
И ты, Бедфордъ, бичи моей страны,
Готовьтесь дать Всевышнему отчетъ
За кровь пролитуую; готовьтесь выдать
Ключи градовъ, отъятыхъ вопреки
Святѣйшаго божественнаго права.
Отъ Господа предъизбранная дѣва
Несетъ вамъ миръ или гибель—выбирайте!
Вѣщай здѣсь, и вѣдомо да будетъ:
Не вамъ, не вамъ Всевышній завѣщалъ
Святую Францію—но моему
Владыкѣ, Карлу; онъ отъ Бога избранъ;
И вступитъ онъ въ столицу съ торжествомъ,
Любовію народа окруженный...
Теперь, герольдь, сгнѣши къ твоимъ вождямъ;
Но знай, когда съ сѣй вѣстію до стана
Достигнешь ты—ужь дѣва будетъ тамъ,
Съ кровавою свободой Орлеана.

(Уходитъ; всѣ за нею).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Мѣсто, окруженное утесами. Ночь.

**Тальботъ, Ліонель, герцогъ Бургунд-
скій, Фастольфъ, Шатильонъ, сол-
даты.**

Тальботъ.

Здѣсь можемъ мы, подъ этими скалами,
Разбить шатры; здѣсь мѣсто безопасно;
Сюда сберемъ скорѣе бѣглецовъ,
Разстроенныхъ внезапностью и страхомъ.
По влѣстамъ разставить стражу; правда,
Преслѣдовать не будутъ ночью насъ;
Хотя бѣ они имѣли крылья—намъ
Нельзя теперь бояться нападенія:
Но все пужна предосторожность; врагъ
Успѣхомъ ободренъ, а мы разбиты.

(Фастольфъ уходитъ съ солдатами).

Ліонель.

Разбиты! мы! невѣрная судьба!
Возможно ли постигнуть, чтобъ французъ
Торжествовалъ и насъ бѣгунчихъ видѣлъ...
О, Орлеанъ! могила нашей славы,
Честь Англии погибла предъ тобой!
Постыдное, презрительное бѣгство!
Повѣрять ли грядущія лѣта,
Чтобъ женщиной былъ прогнанъ побѣдитель
При Пуатье, Креки и Азинкуръ?

Герцогъ.

Утѣшимся, не силой человека
Разбиты мы, но силой чародѣйства.

Тальботъ.

Нѣтъ, силой нашего безумства... Герцогъ,
Ужель и ты испуганъ привидѣньемъ?
Но суетвѣріе не оправданье
Для робкихъ; первый ты бѣжалъ съ твоими.

Герцогъ.

Но кто же устоялъ? Все побѣжало.

Тальботъ.

Нѣтъ, прежде всѣхъ твое крыло смѣшалось.
Не вы ли въ лагерь къ намъ вломились
съ вондемъ:

«Пронали! адъ за Францію воюетъ!»
И не тогда ль смятенъе стало общимъ?

Ліонель.

Вы первые бѣжали, это правда.

Герцогъ.

На первыхъ насъ ударилъ неприятель.

Тальботъ.

Онъ угадалъ, что вы не устоите,
Что робкіе и храбрыхъ увлекутъ.

Герцогъ.

Какъ?.. Я ль одинъ виною пораженъя?

Ліонель.

Свидѣтель Богъ, безъ васъ бы Орлеана
Не потерять намъ...

Герцогъ.

Такъ! но потому,

Что вы безъ насъ его бѣ и не видали.
Кто намъ открылъ во Францію дороту?
Кто руку намъ защитную простеръ,
При выходѣ на берегъ враждебно-чуждый?
Кѣмъ Генрихъ вашъ въ Парижъ коронованъ?
Кто покорилъ ему сердца французовъ?..
Не будь моя могучая рука
Возгнанный вангъ—вы дыма бѣ не видали,
Встающаго вдали съ французской кровли.

Лионель.

Такъ, будь въ словахъ напыщенныхъ
побѣда—
Ты былъ бы здѣсь одинъ завоеватель.

Герцогъ.

Раздражены утратой Орлеана,
Хотите вы всю желчь напрасной злобы
На вѣрнаго союзника пролить.
Но кто жь у васъ похитилъ Орлеанъ?
Не вы ли? Онъ готовъ былъ покориться—
Кто помѣшалъ?.. Корысть и зависть ваша.

Тальботъ.

Не для тебя его мы осаждали.

Герцогъ.

Уйди я съ войскомъ... что бъ тогда вы были?

Лионель.

Все то жь, что въ день побѣды Азинкурской,
Когда съ тобой и съ Франціей одни
Мы сладили.

Герцогъ.

Но цѣну дорожю
За мой союзъ регентъ вашъ заплатилъ.

Тальботъ.

Онъ стоитъ намъ теперь еще дороже:
Онъ чести насъ лишилъ предъ Орлеаномъ.

Герцогъ.

Молчи, Тальботъ, иль будешь сожалѣть!
За тѣмъ ли я отчества отрекаю
И на себя навлекъ позоръ измѣны,
Чтобы сносить ругательства припельцевъ?
Зачѣмъ я здѣсь? Зачто сражаюсь съ Карломъ?
Когда служить неблагодарнымъ должно—
Вѣрнѣй служить родному королю.

Тальботъ.

Мы знаемъ: ты въ переговоры съ Карломъ
Уже вступилъ... повѣрь, что отъ измѣны
Себя мы защитимъ.

Герцогъ.

Великій Боже,
Что слышать мнѣ досталось?.. Шатильонъ,
Собрать полки! сейчасъ отступимъ...

(Шатильонъ уходитъ).

Лионель.

Съ Богомъ.

Британія всегда торжествовала,
Когда ея надежный мечъ одинъ
Разилъ, не ждавъ союзниковъ невѣрныхъ.
Всякъ за себя сражайся; кровь французъ
Съ британскою не породнится кровью.

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

**Тѣ же, королева Изабелла.
Королева.**

Возможно ли? Что слышу, полководцы?
Какой враждебный духъ васъ обуялъ?
Вы на себя раздоромъ безразсуднымъ
Постыдную накличете погибель.
Въ согласіи теперь спасенье наше...
Останови полки свои, Филиппъ;
А ты, Тальботъ, достойно-славный, руку
Въ знакъ мира дай обиженному другу...
Тебя зову на помощь, Лионель,
Скажи вождамъ мирительное слово.

Лионель.

Нѣтъ! я молчу; мнѣ все равно; и лучше
Разрознить то, чему нельзя быть вмѣстѣ.

Королева.

Ужель и здѣсь владычествуетъ адъ,
Столь гибельно смутившій насъ въ сра-
женьи?

Скажите, кто зачинщикъ былъ? Тальботъ,
Ты ль, выгоду свою пренебрегая,
Достоинство союзника обидѣлъ?

Но что начнешь, союзъ его отринувъ?
Не имъ ли вашъ король на тронѣ нашемъ?

Кого вѣнчалъ, того и развѣнчать
Ему легко. Пускай пахлынетъ вся
Британія на наши берега...

Не побѣдитъ, когда согласны будемъ:

Лишь Франція для Франціи онаена.

Тальботъ.

Союзника надежнаго я чту;
Но долгъ вождя предателей беречься.

Герцогъ.

Кто пренебрегъ коварно благодарность,
Тому знакомъ и лжи языкъ безстыдный.

Королева.

Какъ, герцогъ, ты ль забудешь честь, и руку
Подашь рукѣ, еще облитой кровью
Предательски убитаго отца?

Безуміе повѣрять, чтобъ дофинъ,
Къ погибели тобою приведенный,
Тебѣ свой стыдъ простить отъ сердца могъ.

Надъ бездной онъ, и насть въ нее готовъ...
Ты ль самъ свое творенье уничтожишь?

Здѣсь, здѣсь твои друзья; въ союзѣ тѣсномъ
Съ Британіей спасеніе твое.

Герцогъ.

О мирѣ я съ дофиномъ и не мыслялъ;

Но какъ молчать?.. Могу ль спести презрѣнье
И дерзкую хвастливость пришлецовъ?

Королева.

Не обвиняй горячности минутной.
Прискорбень вождь: побѣдой онъ обмануть;
Въ несчастіи мы все несправедливы;
Спѣши же съ нимъ обняться; примиритесь,
Пока раздоръ еще не разгорѣлся.

Тальботъ.

Что скажешь, герцогъ? Кто душою правъ,
Тому легко покорствовать разсудку;
Я убѣжденъ совѣтомъ королевы.
Забудь мои послѣднія слова,
И руку мнѣ залогомъ дружбы дай.

Герцогъ.

Согласенъ, вотъ рука; необходимость
Велить мнѣ гнѣвъ правдивый укротить.
(Даютъ другъ другу руку).

Лионель *(смотря на нихъ
про себя).*

Надеженъ миръ, подписанный Мегерой.

Королева.

Въ сраженьи мы разбиты, полководцы,
И счастье не за насъ; но бодрость нашу
Сразить ли не успѣхъ? Пускай дофиня,
Отчаяся въ защитѣ неба, адъ
Въ сообщники зоветъ... напрасно губить
Онъ душу; адъ его не защититъ.
Будь дѣла ихъ возждемъ побѣдоноснымъ—
За васъ его разгнѣванная мать.

Лионель.

Нѣтъ, королева, мой совѣтъ: въ Парижъ
Вамъ возвратиться; намъ не нужно
женщинъ.

Тальботъ.

Такъ, признаюсь, съ тѣхъ поръ какъ въ
станѣ вы,
Намъ ни на что благословенья нѣтъ.

Герцогъ.

Подите; вамъ при войскѣ быть не должно;
На васъ глядять неблагоклонно ратникъ.

Королева *(смотря на каж-
даго съ изумленіемъ).*

И ты за нихъ! и ты къ неблагодарнымъ,
Филиппъ, пристаешь, ругаться надо мной!

Герцогъ.

Нѣтъ, королева, рать теряетъ бодрость;
Противно ей за васъ идти въ сраженье.

Королева.

Возможно ль? Васъ едва я примирила—
И вы меня согласны ужъ отречься.
Но знать хочу, въ союзѣ мы или нѣтъ?
Не за одно ль сражаемся мы дѣло?

Тальботъ.

Не за одно; мы рыцарски стоимъ
За честь отечества, за наше право.

Герцогъ.

Я за отца убійцамъ отомщаю;
Сыновій долгъ вложилъ мнѣ въ руку мечъ.

Тальботъ.

Но, признаюсь, ностунки ваши съ сыномъ
И человѣчеству и Божеству
Противны.

Королева.

Проклять будь онъ въ чадахъ чадъ;
Надъ матерью своею онъ ругался.

Герцогъ.

Онъ метилъ за честь супруга и отца.

Королева.

Онъ быть дерзнулъ судьей моихъ дѣяній;
Онъ мать свою на сылку осудилъ.
Мнѣ, мнѣ его простить? Скорѣй погибну!
Скорѣй, чѣмъ дать ему престолъ на-
слѣдный...

Тальботъ.

Вы честь свою готовы посрамить.

Королева.

Не знаете вы, слабыя сердца,
Что чувствуетъ обиженная мать.
Безъ мѣры я люблю и ненавижу;
Чѣмъ ближе къ сердцу врагъ — и будь
онъ сынъ —

Тѣмъ ненависть моя непримиримѣй.
Когда онъ грудь, питающую его,
Дерзнулъ прозвить въ богоотступной злобѣ:
Сама своей рукою истреблю
Я бытїе, дарованное мною.

Но вы за что ведете съ нимъ войну?

На тронъ его какое ваше право?

Обидой ли, нарушеннымъ ли долгомъ

Онъ на себя наваскъ гоненье ваше?

О, нѣтъ! корысть и зависть вашъ законъ.

Но мнѣ онъ сынъ — властна я ненавиждѣть.

Тальботъ.

Такъ, мать свою по мнѣнию знаешь онъ.

Королева.

Ругатели презрѣнные, не вамъ

Правдивый свѣтъ коварствомъ обмануть.
 На Францію разбойнически руку
 Простерли вы, британцы—но по праву
 Здѣсь шагу нѣтъ земли, подвластной вамъ;
 Вы хищники. А ты, бургундскій герцогъ,
 Ты, обезславенный прозванемъ: *Добрый*,
 Не ты ль врагамъ свою отчизну продалъ?
 Не ты ль отцовъ наслѣдіе пришелицу,
 Грабителю отдать на разграбленье?
 А все твердить языкъ вашъ: справедливость.
 О, лицемеры, васъ я презираю.
 На мнѣ личины нѣтъ; съ лицомъ открытымъ
 Иду на судъ; пусть судить свѣтъ... Простите!
 (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Тальботъ, герцогъ, Ліонель.

Тальботъ.

Вотъ женщина!..

Ліонель.

Что дѣлать, полководцы?
 Все ль отступать, иль, быстро обратившись,
 Рѣшительнымъ ударомъ истребить
 Безславіе послѣдняго сраженья?

Герцогъ.

Мы слабы; всё разтросены полки;
 И ратникомъ владычествуетъ ужасъ.

Тальботъ.

Насъ побѣдилъ слѣпой, минутный страхъ—
 Незашное могущество мгновенья;
 Но робкаго воображенья призракъ
 Исчезнетъ самъ, увидѣнный вблизи;
 И мой совѣтъ: съ разсвѣтомъ перенравить
 Черезъ рѣку все воинство и стать
 Въ лицо врагу.

Герцогъ.

Подумайте.

Ліонель.

Но, герцогъ,
 Что думать здѣсь? Минута драгоценна;
 Теперь для насъ одинъ ударъ отважный
 Рѣшить навѣтъ: безчестье или честь.

Тальботъ.

Такъ, рѣшено, и завтра мы сразимся,
 Чтобъ истребить мечту, передъ которой
 Все наше войско въ страхѣ дѣнцѣтъ.
 Увидимъ мы: Тальботова меча
 Осмѣлится ль отвѣдать чародѣйка?
 Когда она со мною выйдетъ въ бой—
 Тогда однимъ все кончено ударомъ;

Когда же нѣтъ (и, вѣрѣте, не посмѣтъ),
 Тогда и страхъ волшебный истребленъ.

Ліонель.

Дай мнѣ, Тальботъ, съ ней выйти въ
 Не обнаживъ меча, ее живую [поединкомъ].
 Въ виду всего ихъ войска принесу
 Въ британскій станъ.

Герцогъ.

Не слишкомъ на себя

Надѣйся, Ліонель.

Тальботъ.

Сведи насъ Богъ—

Ее ласкать рука моя не станетъ.

Теперь пойдемъ; истраченные силы

Возобновимъ минутою покоя;

Но только день займется—на сраженъе.

(*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Темная ночь. Вдали показывается
Іоанна въ шлемѣ, въ панцырѣ; остальная
 одежда женская; въ рукахъ ея
 знамя. За нею **Дюнуа**, **Ла Гиръ**, множе-
 ство **рыцарей** и **солдатъ**. Они сперва
 являются на высотахъ, осторожно про-
 бираются между утесами, потомъ сходятъ
 на сцену.

Іоанна (*отружающимъ ее рыцарямъ*).

(*Между тѣмъ безпрестанно подходитъ войско; оно занимаетъ наконецъ всю глубину тѣстра*).

Мы стражу обошли—и вотъ ихъ лагерь;
 Намъ мракъ не измѣнилъ; теперь пора
 Съ себя сложить покровъ безмолвной ночи;
 Пусть въ ужасѣ погибельную близость
 Узнаетъ нашу врагъ... Ударьте разомъ,
 Воскликнувъ: Богъ и дѣва!

Солдаты (*время оружіемъ*).

Богъ и дѣва!

Стражи (*за сценою*).

Къ оружію!

Іоанна.

Огня! зажечь шатры!

Пускай пожаръ удвоитъ ихъ тревогу!

Извѣчь мечи! рубить и истреблять!

(*Всѣ солдаты обнажаютъ мечи и бѣгутъ за сцену; Іоанна хочетъ за ними слѣдовать*).

Дюнуа (*удерживая ее*).

Юанна, стой; свое ты совершила;
Мы введены тобой въ средину стана,
И въ руки намъ врага ты предала—
Довольна будь, отъ боя удались,
И намъ оставь кровавую расправу.

Ла Гирь.

Такъ, пролагай для войска путь побѣды;
Неси предъ нимъ святыю орифламму;
Но до меча сама не прикасайся;
Чтобъ о тебѣ не вѣдалъ богъ сраженій,
Обманчивъ онъ и слѣпъ и безпощаденъ.

Юанна.

Кто путь мнѣ заградить? Кто остановить
Мной властвующій духъ?.. Лети стрѣла,
Куда ее стрѣлокъ послалъ могучій.
Гдѣ гибель, тамъ должна Юанна быть;
Не въ *этой* часъ, не *здесь* она падетъ;
Ей Короля въ коронѣ видѣть должно;
Доколь она *всего* не совершила—
Ея главы не тропеть вражья сила.

(*Уходитъ*).

Ла Гирь.

Другъ Дюнуа, поидемъ за ней; пусть будетъ
Ей наша грудь защитой.

(*Уходятъ*).

ЯВЛЕНИЕ 5-е.

Англійскіе солдаты бѣгутъ черезъ сцену,
потомъ Тальботъ.

Одинъ солдатъ.

Дѣва! Дѣва!

Другой.

Кто?

Первый.

Дѣва въ лагерь!

Другой.

Не можетъ быть!

Какъ въ лагерь ей зайти?

Третій.

На облакахъ

Примчалась, съ ней все бѣсы заодно!

(*Множество бѣжитъ черезъ сцену*).

Спасайтесь!.. бѣгите!.. все пропало!

Тальботъ (*за ними*).

Куда вы?... Стой! Не видятъ и не слышатъ.

Разрушена покорность, страхъ бунтуетъ:

Какъ будто адъ все ужасы свои

Наслалъ на насъ и вдругъ одно безумство

Постигло всехъ; и робкій и безстрашный

Бѣгутъ; врагу отпора нѣтъ; весь лагерь
Внезапная погибель охватила.

Ужель во мнѣ одномъ осталась память,

А все вокругъ меня въ чаду безумства?

Итакъ, опять бѣжать отъ малодушныхъ,

Во всехъ бояхъ бѣжавшихъ передъ нами!—

Но кто жъ сія владычица судьбы,

Ужасная рѣшительница битвы,

Дающая и лживую отважность,

И ратный духъ, и силу малодушнымъ?

Обманщица ль подъ маскою геройства

Въ презрѣнный страхъ безстрашныхъ

приведетъ?

И женщина ль — о вѣчный стыдъ! —
исторгнетъ

Изъ рукъ моихъ награду славы?

Солдатъ (*бѣжитъ черезъ сцену*).

Дѣва!

Бѣги! бѣги! спасайся, полководецъ!

Тальботъ.

(*Гонится за нимъ съ мечомъ и убиваетъ его*).

Безумецъ! вотъ тебѣ мое спасенье!

Никто не смѣй о бѣгствѣ помнить!

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ 6-е.

Сцена открывается. На высотахъ виденъ пылающій англійскій лагерь. Бѣгство и преслѣдованіе; стукъ оружія и громъ барабановъ. Черезъ нѣсколько времени является Монгомери.

Монгомери.

Куда бѣжать?.. Кругомъ враги, вездѣ
погибель!

Тамъ вожь разгнѣванный, карающимъ
мечомъ

Дорогу заслонивъ, навстрѣчу смерти
гонитъ;

А здѣсь ужасная... повеюду, какъ пожаръ

Губительный, она свирѣпствуетъ... И пѣтъ

Защитнаго куста, пещеры темной нѣтъ.

Зачѣмъ переплывалъ я море?.. Бѣдный!

Бѣдный!

Обманутый любимой мечтой, я здѣсь

Искалъ въ бою прекрасной славы... что жъ
напелъ?

Моей судьбы неодолимая рука

Меня въ сей бой на гибель привела...

Почто

Не на берегу моеи Саверны я теперь,
Въ дому родительскомъ, гдѣ мать я
покинула
Въ печали, гдѣ моя цвѣтущая невѣста?
(*Иоанна является на утѣсъ, освѣщен-
ная пламенемъ пожара*).

О страхъ!.. Что вижу я?.. Ужасная идетъ;
Изъ пламени, сіяя грозно, поднялась
Она, какъ мрачное страшилище изъ ада...
Куда спасусь?.. За мною огненные очи
Ужъ погнались; уже бросаешь на меня
Издалека неизбѣжимыхъ взоромъ сѣть;
Я чувствую, уже волшебный узелъ мнѣ
Опуталъ ноги; я прикованъ къ мѣту, силы
Для бѣгства нѣтъ; я принужденъ—хоть
вси душа
Противится — смотрѣть на смертоносный
образъ.

(*Иоанна дѣлаетъ нѣсколько шаговъ и
опять останавливается*).

Подходить... Вуду ль ждать, чтобъ гроз-
ная ко мнѣ
Приблизилась?.. Моля о жизни, обниму
Ея колѣни; можетъ быть, се смягчу;
Въ ней сердце женщины; слезамъ она
доступна.

(*Хочетъ идти къ ней навстрѣчу;
Иоанна быстрыми шагами къ нему
подступаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Монгомери, Иоанна.

Иоанна.

Стой! ты погибъ; британка жизнь тебѣ дала.

Монгомери (*падаетъ предъ
нею на колѣни*).

Помсди, грозная; не опускай руки
На беззащитнаго; я бросилъ мечъ и щитъ;
Я предъ тобой обезоруженный, въ слезахъ;
Оставь мнѣ свѣтъ прекрасной жизни; мой
отецъ

Богатъ помѣстьями въ цвѣтущей сторонѣ
Валлійской, гдѣ Саверна по густымъ дугамъ
Катитъ веселый свой потокъ; тамъ много
нивъ

Обильныхъ у него; и злато и серебро

Онъ дастъ, чтобъ выкупить единствен-
наго сына,
Когда къ нему дойдетъ молва его неволи.

Иоанна.

Обманутый, погбшій, въ руку дѣвы ты
Въ неумолимую достался; изъ нея
Ни избавленія, ни выкупа ужъ нѣтъ;
Когда бъ у крокодила ты во власти былъ,
Когда бы трепеталъ подъ тяжелой лапой
тигра,

Или дѣтей младыхъ у львицы истребилъ—
Тебѣ осталася бы надежда на пощаду.
Но встрѣча въ дѣвою смертельна... Я
вступила

Съ могуществомъ, нездѣшнымъ, строгимъ,
недоступнымъ,
Навѣкъ въ связующій-ужасно договоръ:
Все умерщвлять мечомъ, что мнѣ сраже-
ній Богъ
Живущее пошлетъ на встрѣчу роковую.

Монгомери.

Ужасна рѣчь твоя, въ зорь твой ясно-
тихъ;
И, зрима я вблизи, уже ты не страшна;
Всю душу мнѣ плѣнилъ твой милый,
кроткій ликъ...
Ахъ! женскою прелестью и нѣжностью
твоей

Молю тебя: смягчися надъ младостью моею.

Иоанна.

Не уповай на нѣжный полъ мой; не зови
Меня ты женщиной... Подобно безтѣлеснымъ
Духамъ, не знающимъ земногo сочетанья,
Не приобщаюсь я породѣ челоѵка.

Престань молить... подъ этой броней
сердца нѣтъ.

Монгомери.

Душевластительнымъ, святымъ любви
закономъ,
Передъ которымъ все смиряется, молю:
Смягчися; на родинѣ меня невѣста ждетъ,
Прекрасная, какъ ты, въ прекрасномъ
цвѣтѣ жизни;

И ждетъ она возврата моего въ печали.
О! если ты сама любовь знавала, если
Ждешь счастья отъ любви—не разрывавай
жестоко

Двухъ сочтавшихся любовію сердець.

Юанна.

Ты именуешь здѣсь боговъ земныхъ и
чуждыхъ,
Нечтимыхъ мной и мной отверженныхъ;
вотще
Зовешь любовь, не знаю я объ ней, и вѣчно
Моя душа не будетъ знать ея закона.
Готовься жизнь оборонять — твой часъ
насталъ.

Монгомери.

Увы! смягчись моихъ родителей судьбою;
Они ждутъ сына... о своихъ ты вспомни,
вѣрно
И день и почь они тоскуютъ по тебѣ.

Юанна.

Несчастный! ты жь родителей напомнилъ
мнѣ.
Но сколько здѣсь отъ васъ безчадныхъ
матерей!
И сколько чадъ осиротѣлыхъ, и невѣсть,
Безбрачно овдовѣвшихъ!.. Пусть теперь
узнаютъ
И матери британскія, какъ тяжко трогать
Надежду жизни, милыхъ чадъ! пусть ваши
вдовы
Поймутъ, что значить скорбь по милыхъ
невозвратныхъ!

Монгомери.

Увы! погибну ли на чужь, не оплакашь?

Юанна.

Но кто васъ звалъ въ чужую землю —
истреблять
Цвѣтущее богатство нивъ, насъ изъ домовъ
Семейныхъ выгонять и пламенникъ войны
Вносить въ спокойное святилище градовъ?..
Мечтали вы, въ надменности души своей,
Свободно-дышущимъ французамъ дать не-
волю,
И Францію великую, какъ чолнъ покорный,
Пустьитъ воездѣ за вашимъ гордымъ
кораблемъ...
О, вы безумцы! нашъ державный гербъ
прибить
Къ престолу Бога; легче вамъ сорвать звѣзду
Съ небесъ, чѣмъ хижину единую похитить
У Франціи нераздѣлнмо-вѣчной!.. Часъ
Возмездія ударилъ; ни одинъ живой
Не проплыветъ въ обратный нуть святого
моря,

Сей грани, Божествомъ уставленной межъ
нами,
Которую безумно вы перестушили.

Монгомери (*опускаетъ ея руку*).

Итакъ, погибнуть, смерть ужасную увидѣть?

Юанна.

Умри, другъ... и замѣлъ такъ робко тре-
петать
Предъ смертію, предъ неизбѣжною!.. Смотри,
Кто я? Простая дѣва; бѣдною пастушкой
Родился я; и мечъ былъ чуждъ моеи рукѣ,
Привыкнувшей носить невинно-легкій по-
сохъ...

Новдругъ, отъятая отъ пажитей домашнихъ,
Отъ груди милаго отца, отъ милыхъ сестръ,
Я здѣсь должна... *должна* — не выборъ
сердца, голосъ
Небесъ меня влечетъ — на гибель вамъ, себѣ
Не въ радость, призракомъ карающимъ
бродить,

Носить повсюду смерть, потомъ... быть
жертвой смерти.

И незойдетъ мнѣ день свиданія съ семейю;
Еще для многихъ васъ погибельна я буду;
И много сотворю вдовицъ; но наконецъ
Сама погибну... и свершу свою судьбу.
Сверши жь свою и ты... берись за бодрый
мечъ,

И бой начнемъ за мнѣную добычу жизни.

Монгомери (*встаетъ*).

Итакъ, когда ты смертная, когда мечу
Подвластна, какъ и мы — сразимся; мнѣ,
быть можетъ,

За Англію назначено тебѣ отмстить.

Я жребій свой кладу въ святую руку Бога;
А ты, призвавъ на помощь весь твой
страшный адъ,

Отступница, дерись со мной на жизнь и
смерть.

(*Схватываетъ мечъ и цитъ и напа-
даетъ на нее. Вдали раздается воен-
ная музыка. Черезъ нѣсколько минутъ
Монгомери падаетъ*).

Юанна.

Твой рокъ привелъ тебя ко мнѣ... про-
сти, несчастный!
(*Отходитъ отъ него и оставлен-
нается въ размышленіи*).

О Благодатная! что ты творишь со мною?
 Ты невоинственной рукѣ даруешь силу;
 Неумолимостью вооружаешь сердце;
 Тѣнится жалость въ душу мнѣ; рука,
 готовая
 Сразить жинущее созданіе, трепещетъ,
 Какъ будто храмъ божественный неспро-
 вергая;
 Одинъ ужъ блескъ изъятаго меча мнѣ
 страшень...

Но только поведить мой долгъ—готова сила;
 И неизбѣжный мечъ, какъ нѣкій духъ живой,
 Владычествуетъ самъ трепещущей рукой.

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

**Іоанна, рыцарь, съ опущеннымъ за-
 брамомъ.**

Рыцарь.

Ты здѣсь, отступница?. Твой часъ ударилъ;
 Тебя давно ищу на полѣ ратномъ;
 Страшилище, созданіе сатаны,
 Исчезни; въ адъ сокройся, призракъ адскій.

Іоанна.

Кто ты?.. Тебя послалъ не добрый ангельъ
 Навстрѣчу мнѣ... по виду, не простой
 Ты ратникъ; мнится мнѣ, ты не бриталець;
 Бургундскій гербъ ты носишь на щитѣ,
 И мечъ мой самъ склонился предъ тобою.

Рыцарь.

Проклятая! не вняжеской рукѣ
 Тебя бы поразить; подъ топоромъ
 Презрѣннымъ налача должна бы ты
 На плахѣ умереть—не съ честью пасть
 Подъ герцогскимъ Бургундіи мечомъ.

Іоанна.

Итакъ, ты самъ державный этотъ герцогъ?

**Рыцарь (пожимая за-
 брало).**

Я!.. Трепещи, конецъ твой наступилъ;
 Теперь тебѣ не въ помощь чародѣйство;
 Лишь робкихъ ты досель одолевала—
 Мужъ твердый ждетъ тебя...

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Тѣ же, Дюнуа, Ла Гирь.

Дюнуа.

Постой, Филиппъ;
 Не съ двами, но съ рыцарями бейся;
 Мы защищать пророчицу клялись;
 Намъ прежде грудь пронзить твой дол-
 жень мечъ.

Герцогъ.

Я не страшусь ни хитрой чародѣйки,
 Ни васъ рабовъ презрѣнныхъ чародѣйства.
 Стыдися, Дюнуа; краснѣй, Ла Гирь;
 Упизили вы рыцарскую храбрость;
 Вы санъ вождей на санъ оруженосцевъ
 Отступницы коварной промѣняли...
 Я жду васъ, бѣмся... Тотъ въ защитѣ Бога
 Отчаялся, кто адъ зоветъ на помощь.

(*Обнажаютъ мечи.*)

**Іоанна (становится ме-
 жду ними).**

Стой!

Герцогъ.

Прочь!

Іоанна.

Ла Гирь, остави ихъ. Нѣтъ!
 Не должно здѣсь французской литься крови;
 И не мечомъ рѣшить сей споръ; иное
 На небесахъ назначено; я говорю,
 Оставайтесь; мнѣ внемлите; духу
 Покорствуйте, глашащему во мнѣ.

Дюнуа.

Зачѣмъ ты мой удерживаешь мечъ?
 Онъ дать готовъ кровавое рѣшенье;
 Готовъ упасть карательный ударъ,
 Отмщающій отечеству обиду.

Іоанна.

Ни слова, Дюнуа... Ла Гирь, умолкни.
 Я съ герцогомъ бургундскимъ говорю.

(*Всѣ молчатъ.*)

Что дѣлаешь, Филиппъ? И на кого
 Ты обнажилъ убійства жадный мечъ?
 Сей Дюнуа—сынъ Франціи, какъ ты;
 Сей храбрый—твоей землякъ и сослуживецъ;
 И я сама—твоей отчизны дочь;
 Всѣ мы, которыхъ ты обрекъ на гибель,
 Принадлежимъ тебѣ, тебя готовы
 Принять въ объятія, склонить колѣни
 Передъ тобой почитательно желаемъ,
 И для тебя нашъ мечъ безъ острія.
 Въ твоемъ лицѣ, подъ самымъ вражьиимъ
 шлемомъ,
 Мы зримъ черты любимата монарха.

Герцогъ.

Волшебница, ты жертву обольетишь
 Приманкою сладкорѣчивой мыслишь;
 Но не меня тебѣ поймать; мой слухъ
 Обороненъ отъ сѣти словъ коварныхъ;

Дюнуа.

Ла Гирь, ты любишь дѣву;
И тайный твой мнѣ замыселъ извѣстенъ.
Я знаю, ты пришель съуда просить
У короля Иоанниной руки.
Не можетъ быть, чтобъ храбрости твоей
Онъ отказалъ въ награждъ заслуженной;
Но знай, Ла Гирь, чтобъ ею обладать,
Сперва со мной...

Ла Гирь.

Спокойся, Дюнуа.

Дюнуа.

Не блескомъ я минутной красоты,
Какъ юнона кипящей, очарованъ;
Любви моя упорная душа,
До встрѣчи съ сей чудесною, не знала;
Но здѣсь она, предъизбранная Богомъ
Избавить Францію, моя невѣста;
И ей моя душа при первой встрѣчѣ
Любовію и клятвой отдалася.
Могучій мужъ могучую подругу
Сопутникомъ житейскимъ избираетъ;
Я сильную, пылающую грудь
Хочу прижать ко груди равносильной.

Ла Гирь.

Не мнѣ съ тобой достоинствомъ равняться,
Не мнѣ съ твоей великой славой спорить;
Съ кѣмъ Дюнуа идетъ въ единоборство,
Покорно тотъ безъ боя отетупи.
Но вспомни, кто она; дочь земледѣльца.
Приличенъ ли тебѣ такой союзъ?
Кто твой отецъ? и съ кровью королей
Смѣшается ль простая кровь састушки?

Дюнуа.

Она небесное дитя святой
Природы, какъ и я; равны мы сапомъ
И принцу ли безсезавно руку дать
Ей, ангеловъ невѣстѣ непорочной?
Блнстательнѣйшій земныхъ коронъ сіяютъ
Лучи небесъ кругомъ ея главы;
Невидимы, ничтожны и презрѣнны
Предъ нею все величія земли;
Поставьте тронъ на тропѣ, до самыхъ звѣздъ
Воздвигнитесь... но все вамъ не достигнуть
Той высоты, на коей предстоитъ
Памъ въ ангельскомъ величествѣ она.

Ла Гирь.

Искай рѣшить король.

Дюнуа.

Нѣтъ! ей одной
Рѣшить. Она свободу намъ спасла—
Искай сама останется свободна.

ЯВЛЕНИЕ 2-е.

**Тѣ же, король, Дю Шатель, Ша-
тильонъ, Агнеса.**

Ла Гирь.

Вотъ и король.

Король (къ Шатильону).

Онъ будетъ? Онъ готовъ
Меня признать и дать обѣтъ подданства?

Шатильонъ.

Такъ, -государь; въ Шалонѣ всенародно
Желаетъ пасть Филиппъ, бургундскій
герцогъ,
Къ твоимъ стопамъ; и мнѣ онъ повелѣлъ
Привѣтствовать тебя, какъ короля,
Законнаго владыку своего;
За мною вслѣдъ онъ скоро самъ здѣсь
будеть.

Агнеса.

Онъ близко, день стократъ благословенный!
Желанный день согласія и мира!

Шатильонъ.

Съ нимъ двѣсти рыцарей; передъ тобой
Готовъ склонить свои колѣни герцогъ;
Но мыслить онъ, что ты того не стерпишь,
И родственно прострешь ко брату руки.

Король.

Моя душа летитъ къ нему навстрѣчу.

Шатильонъ.

Желаетъ онъ, чтобъ о враждѣ минувшей
Не поминать при первой вальей встрѣчѣ.

Король.

Минувшее навѣки позабыто;
Лишь ясные дни въ будущемъ я вижу.

Шатильонъ.

За всѣхъ своихъ ходатайствуетъ герцогъ;
Прощеніе безъ исключенія всѣмъ.

Король.

Всѣмъ! всѣмъ! они опять мое семейство!

Шатильонъ.

Не исключать и королевы, если
На миръ съ тобой она согласна будетъ.

Король.

Не я воюю съ ней, она со мною;
Конечъ враждѣ, когда ей миръ угоденъ.

Шатильонъ.

Двѣнадцать рыцарей залогомъ мира.

Король.

Мнѣ слово свято.

Шатильонъ.

Пусть архіепископъ
Предъ алтаремъ присягой обоюдной
Спасительный союзъ сей утвердить.

(Посмотрѣвъ на Дю Шателю).

Здѣсь есть одинъ... присутствіемъ своимъ
Онъ возмутитъ свиданья сладость.

(Дю Шатель удаляется молча).

Король.

Другъ,

Поди; пускай смиритъ Филиппа время;
Дотоль его присутствія чуждайся.

*(Смотритъ за нимъ вольно, потомъ
бѣжитъ къ нему и обнимаетъ его).*

О вѣрный другъ, ты болѣе хотѣлъ
За мой покой на жертву принести.

Шатильонъ *(подавая свитокъ).*

Здѣсь прочія означены статьи.

Король.

Все напередъ безспорно утверждаю.
Что дорого за друга?—Дюнау,
Возьми съ собою сто рыцарей избранныхъ,
И къ герцогу съ привѣтствіемъ сѣдши.
Должны надѣтъ зеленые вѣнки
Солдаты все для встрѣчи братьевъ; городъ
Торжественно убрать, и звонъ
Колоколовъ пускай провозгласитъ,
Что Франція съ Бургундіей мирится.
Но что?.. Трубить!

(Звукъ трубы).

Пажъ *(вбѣгая постыжно).*

Бургундскій герцогъ въ городъ
Вступается.

Дюнау.

Рыцари, къ нему навстрѣчу!
*(Уходитъ съ Ла Гиромъ и Шатильо-
номъ).*

Король.

Агнеса, плачешь?.. Ахъ! и у меня
Нѣтъ силъ для этой радостной минуты;
Сколь много жертвъ досталось смерти
Чѣмъ мирно мы увидѣться могли. [Прежде,
Но стихнула свирѣлость бури; день
Смѣнилъ починую тьму; настанетъ время,
И намъ плоды прекрасные созреютъ.

Архіепископъ *(смотря въ окно).*

Народъ со всѣхъ сторонъ; и нѣтъ ему
Дороги; на рукахъ его несутъ,
Сорвавъ съ коня; цѣлуютъ платье, шпоры...

Король.

О, добрый мой народъ! огонь во мщеніи!
Огонь въ любви!.. Какъ скоро, примиренный,
Онъ позабылъ, что этотъ самый герцогъ
Его отцовъ и чаду убицей былъ.

Всю жизнь одна минута поглощаетъ.
Агнеса, укрѣпясь; восторгъ твой сплывши
Его душѣ быть можетъ укоризной;
Чтобъ здѣсь ничто его не оскорбляло.

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

**Герцогъ Бургундскій, Дюнау, Ла
Гиръ, Шатильонъ,** два рыцаря изъ
свиты герцога и прежніе. Герцогъ
останавливается въ дверяхъ; король
дѣлаетъ движеніе, чтобы къ нему по-
дойти, но герцогъ его предупреждаетъ;
онъ хочетъ преклонить колѣна, но ко-
роль принимаетъ его въ объятія.

Король.

Ты насъ предупредилъ; тебѣ навстрѣчу
Хотѣли мы; твои кони крылаты.

Герцогъ.

Они къ стопамъ монарха моего
Несли меня...

(Увидя Агнесу).

Прекрасная Агнеса,
Вы здѣсь?.. Позвольте мнѣ обычай нашъ
Арапскій сохранить; въ моемъ краю
Прекрасный полъ ему не прекословить.
(Цѣлуетъ ее въ лобъ).

Король.

Молва идетъ, что твой блестящій дворъ
Учтивостью обычаевъ отличенъ,
Что онъ любви и красоты столица.

Герцогъ.

Васъ, государь, молва не обманула;
Моя земля отчество красавицъ.

Король.

Но про тебя молва гласитъ иное:
Что будто ты въ любви непостояненъ,
И вѣрности не вѣришь.

Герцогъ.

Государь,
Невѣріемъ невѣрный и наказанъ;

Заранѣ вы постигли сердцемъ то,
Что поздно мнѣ открыто бурной жизнью.
(Увидя архіепископа, подаетъ ему руку).

Вы здѣсь, отецъ; вы вѣчно тамъ, гдѣ честь.
Благословите; кто васъ хочетъ встрѣтить,
Тотъ праведной стези не покидай.

Архіепископъ.

Благодарю Всевышняго! я радость
Вкусилъ исполнѣ, и свѣтъ готовъ покинуть:
Мои глаза прекрасный день сей зрѣли.

Герцогъ *(Агнесъ).*

До насъ дошло, что всѣ свои алмазы
Вы отдали, дабы сковать изъ нихъ
Оружіе противъ меня... ужели
Вамъ такъ была пужна моя погибель?
Но споръ нашъ конченъ; вседолжно найтись,
Что въ немъ утрачено; алмазы ваши
Нашлись; войнѣ вы жертвовали ими—
Ихъ отъ меня примите знакомъ мира.
(Беретъ у одною изъ пришедшихъ съ нимъ ларчикъ и подаетъ его Агнесъ; она смотритъ съ недоульми на короля).

Король.

Возьми; то мнѣ залогъ, вдовоинѣ священный,
Прекрасныя любви и примиренья.
(Агнеса плачетъ; король тронутъ; ося смотрятъ на нихъ съ чувствомъ).

Герцогъ *(посмотря на всѣхъ, бросается съ объятія къ королю).*

О, государь!

(Въ эту минуту три бургундскіе рыцаря бѣгутъ къ Дюица, Ла Гиру и архіепископу и обнимаютъ ихъ. Герцогъ нѣсколько минутъ держитъ короля въ объятіяхъ).

И васъ я могъ отречься?

И вамъ я недругъ былъ?

Король.

Молчи! пи слова!

Герцогъ.

Я могъ врага вѣнчать короной вашей,
Принеслицу дать обѣтъ подданства, гибель
Законному монарху приготовить?

Король.

Спокойся; все забыто; этого мигъ

Всему, всему замѣна; то была
Судьба или враждебная звѣзда.

Герцогъ.

Заглажу все; повѣрите, все заглажу;
И вамъ за всѣ страданія воздамъ;
Вся Франція во власти вашей будетъ;
Ни одного села имъ не похитить.

Король.

Въ союзѣ мы—какой же врагъ опасенъ?

Герцогъ.

О, вѣрите, я спокоенъ сердцемъ не былъ,
Воюя противъ васъ. Когда бъ вы знали...

(Указывая на Агнесу)

Но для чего жъ ее вамъ не прислать?
Ея слезамъ кто бъ могъ не покориться?
Теперь всему колецъ! самъ адъ не властенъ
Насъ разлучить, прижавшихъ сердце къ
сердцу;

Узналъ свое теперь я мѣсто; здѣсь,
При васъ свое я странничество кончилъ.

Архіепископъ.

Въ союзѣ вы—и Франція, какъ фениксъ,
Подымется изъ пепла своего;
Загладится войны кровавый слѣдъ;
Сожженныя селенья, города
Блестательнѣй возстануть изъ развалинъ,
И жатвою поля зазеленѣютъ.

Но падшіе раздора жертвой—ихъ
Уже не воскресить! и слезы, въ вашей
Враждѣ пролитыя, пролиты были
И будутъ; расцвѣтетъ другое племя,
Но *прежнее* все жертвой бѣдъ увяло...

Пробудятся ль отцы для счастья внуковъ?
Таковъ раздора плодъ: для васъ, монархи,
Урокъ сей; божество меча ужасно;
Его могущества не ищите; разъ
Исторгнувшись съ войной, оно уже—
Какъ соколъ, съ вышины на крикъ знакомый
Слегающій къ стрѣлку—не покорится
Напрасному призванью челоука;
И не всегда къ намъ вовремя, какъ пылѣ,
Спасеніе небесное нисходитъ.

Герцогъ.

О, государь! при васъ небесный Ангель.
Но гдѣ жъ она? Что медлить?...

Король.

Гдѣ Іоанна?

Почто въ торжественно-счастливый мигъ
Не видимъ мы создательницы счастья?

Архіепіскопъ.

Ея душѣ противень, государь,
Веселья блескъ роскошнаго двора.
Когда ее гласъ Божій не стремитъ
Въ среду людей, застѣнчиво она
Скрывается отъ взоровъ любопытныхъ;
Какъ скоро нѣтъ заботы ей о благѣ
Отечества—она въ бесѣдѣ съ Богомъ;
И всюду съ ней Его благословенье.

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Прежніе, Иоанна, въ панцырѣ, но безъ
шлема; на головѣ ея вѣнокъ изъ бѣ-
лыхъ розъ.

Король.

Иоанна, ты священницей пришла
Благословить тобою утвержденный
Союзъ.

Герцогъ.

Ужасна ты была въ сраженіи;
Но сколь мила въ спокойной красотѣ!
Иоанна, я исполнилъ свой обѣтъ;
Довольна ль мною ты?

Иоанна.

Себя, Филиппъ,
Возвысилъ ты смиреніемъ своимъ.
Доселѣ намъ въ пожарномъ блескѣ брани
Являлся ты комою бѣдоюсою;
И благостью теперь ты намъ сіяешь.

(Осматриваясь)

Всѣ рыцари въ торжественномъ собраніи;
И свѣтлая горитъ въ очахъ ихъ радость;
Лишь одного несчастнаго я зрѣла...
Тоскуеть онъ при общемъ торжествѣ.

Герцогъ.

Кто онъ? Какимъ тяжелымъ преступленьемъ
Обремененъ, чтобъ милости не вѣрить?

Иоанна.

Дерзнетъ ли онъ приблизиться? Скажи...
И онъ у ногъ твоихъ. О! доверши
Прекрасный подвигъ твой; нѣтъ прими-
Когда душа не вся еще свободна! [Грѣня,
Отравой намъ цѣлебное питье,
Когда въ святомъ мирительномъ сосудѣ
Хотя одна есть ненависти капля.
Не можетъ быть обиды столь кровавой,
Чтобъ ты ее въ сей день не позабыла.

Герцогъ.

Я понимаю.

Иоанна.

Такъ! и ты простишь;
Не правдаль, другъ?.. Войди же, Дю Шатель;
Своихъ враговъ всѣхъ милуетъ Филиппъ;
И ты прощень.

Герцогъ.

Что дѣлаешь со мною,
Иоанна?.. Знаешь ли, чего ты просишь?

Иоанна.

Привѣтливо, безъ исключенья, всѣхъ
Зоветь въ свой домъ гостеприимецъ добрый;
Какъ небеса вселенную свободно,
Такъ друга и врага объемлетъ милость;
Безъ выбора, повсюду блескомъ равнымъ
Въ неизмѣримости сіяетъ солнце;
Всѣмъ жаждущимъ растеніямъ равно
Дастъ свою живую росу небо;
Иа всѣхъ, для всѣхъ добро нисходитъ свыше.

Герцогъ.

Не властень я упорствовать предъ нею;
Моя душа въ рукахъ ея, какъ воскъ...
Приблизься, Дю Шатель... Не оскорбись,
О, тѣнь отца, что руку я свою
Въ сразившую тебя влагаю руку;
Не оскорбитесь, вы, боги смерти,
Что измѣнилъ я страшной клятвѣ мщенья;
У васъ, во тьмѣ подземнаго покоя,
Не бьется сердце; тамъ все вѣчно, все
Неизмѣняемо... но все иное
Здѣсь на землѣ, подъ яснымъ блескомъ
солнца;
Здѣсь человекъ, живымъ влскомъ чув-
Игралице всеильнаго мгновенья. [ствомъ,

Король (Иоаннъ).

О! какъ тебя благодарить, Иоанна?
Прекрасно ты свершила свой обѣтъ;
Ты всю мою судьбу преобразила:
Мои друзья со мной примирены,
Мои враги низринуты во прахъ,
У хищника мои отняты земли,
И все тобой... Что дамъ тебѣ въ награду?

Иоанна.

Будь въ счастья человекъ, какъ былъ въ
На высотѣ величія земнаго [несчастья;
Не забудь, что значить другъ въ бѣдѣ:
То испыталъ ты въ горькомъ униженіи;
Къ бѣднѣйшему въ народѣ правосуднымъ
И милостивымъ будь: изъ бѣдной кущи
Тебѣ извелъ спасительницу Богъ...

Вся Франція твою признасть власть;
Ты праотцемъ владыкъ великихъ будешь;
Потомки отъ тебя своею славою
Затмятъ твоихъ предшественниковъ славу;
И родъ твой будетъ цвѣсть, доколь любовь
Онъ сохранилъ къ себѣ въ душѣ народа;
Лишь гордостью погибнуть можетъ онъ;
И въ низкой хижинѣ, откуда пылъ
Спаситель вышелъ твой, таится грозно
Для правнуковъ виновныхъ истребленье.

Герцогъ.

Пророчица, наставленная небомъ,
Когда тебѣ въ грядущемъ тайны пѣтъ,
Скажи и мнѣ о племени моемъ;
Продлится ли величіе его?

Іоанна.

Филиппъ, я зрю тебя во блескѣ, въ силѣ;
Близъ трона ты, и выше гордый духъ
Стремится возлетѣть; подъ облака
Онъ смѣлое свое возноситъ зданье;
И сильная рука изъ высоты
Строеніе гордыни оставитъ...
Но не страшисъ, не рушитесь твой домъ;
Онъ дѣвою для славы сохранился;
И скипетроносные монархи, сильныхъ
Народовъ пастыри, отъ ней родятся;
Могучіе, они съ двухъ славныхъ троповъ
Дадутъ законъ и знаемому свѣту
И новому, сокрытому Всевышнимъ
Еще за мглой морей перепелытыхъ.

Король.

О! если духъ открылъ тебѣ, повѣдай:
Сей дружескій, спасительный союзъ—
Продлится ль онъ, чтобы и внукамъ нашимъ,
Какъ намъ, благотворить?

Іоанна (помолчавъ).

Владыки міра,
Страшитесь раздора; не будите
Вражды въ ся ужаenomъ логовницѣ;
Разверзѣнныя, не стихнетъ; отъ нея
Ужаeno родится поколѣнне;
Она пожаръ пожаромъ зажигаетъ...
Но я молчу... Спокойно въ настоящемъ
Ловите счастье, а мнѣ оставьте
Грядущее безмолвіемъ закрытьъ.

Агнеса.

Іоанна, ты въ душѣ моей читаешь;
Ты вѣдаешь, хочу ль мірскихъ величій...
Скажи и мнѣ пророческое слово.

Іоанна.

Небесный духъ являетъ мнѣ одну
Великую всемірнаго судьбину...
Твоя жъ судьба въ твоей душѣ таится.

Дюнуа.

Но что жъ тебѣ самой назначилъ Богъ?
Откройся намъ, небесная. О! вѣрно
Тебя ждетъ лучшее земное счастье,
Въ награду за твоё смиренье.

Іоанна (*задумчиво и смиренно показавъ на небо*).

Счастье

На небесахъ у Вѣчнаго Отца.

Король.

Повѣрь его монарху твоесму;
И почтено твое да будетъ имя
Во Франціи; пускай тебѣ дивятся
Позднѣйшіе потомки... да свершится
Теперь же долгъ мой; на колѣни!
(*Іоанна становится на колѣни; король вынимаетъ мечъ и прикасается имъ къ ней*).

Симъ

Прикосновеніемъ меча, Іоанна,
Король тебѣ даруетъ благородство;
Возстань, твоя возвышена порода,
И самый прахъ отцовъ твоихъ прославленъ;
Лилея Франціи твой гербъ; знатнѣйшимъ
Отнынѣ будь равна высокимъ саномъ;
Твоя рука будь первому изъ первыхъ
Великою наградой; мнѣ жъ оставь
Тебѣ найти достойнаго супруга.

Дюнуа.

Моя она; се и въ низкой долѣ
Я выбралъ сердцемъ—честь не возвышастъ
Моей любви, ни доблести ея;
Передъ лицомъ монарха моего, я
Въ присутствіи святого мужа церкви,
Готовъ се наречь моею супругой,
Готовъ подать ей княжескую руку,
Когда мой даръ принять благоволишь.

Король.

Неизъяснимая, за чудомъ чудо
Творишь ты... Такъ, я вѣрю, для тебя
Возможно все; ты въ этомъ гордомъ сердцѣ,
Любовію досель неносбжденномъ,
Любовь произвела.

Ла Гирь.

Краса Иоанны

Есть кроткое души ея смиренье;
Она всего великаго достойна—
Но чужды ей и гордыя желанья,
И почестей блестящая ничтожность;
Простой удѣлъ, любовь простаго сердца
Съ моею рукою я предлагаю ей...

Король.

И ты, Ла Гирь? Два равныхъ предъ тобою
Соперника по мужеству и сану,
Иоанна... ты враговъ со мною сдружила,
Мой тронъ возвысила; ужель теперь
Меня лишишь друзей моихъ вѣрнѣйшихъ?
Для одного награда; но достойны
Равно награды оба; отвѣчай.

Агнеса.

Ея душа внезапною смутилась,
И дѣвственнѣмъ стыдомъ она краснѣеть.
О! дайте ей спроситься съ сердцемъ, тайну
Съ подругой вѣрной раздѣлить, и душу
Передо мною открыть испринужденно;
Теперь мой часъ; какъ вѣжная сестра,
Приблизиться могу я къ строгой дѣвѣ,
Чтобъ женское съ заботливостью женскою
Размыслить вѣбѣтъ съ ней. Оставьте пастъ
Рѣшить наединѣ.

Король.

Поидемъ.

Иоанна.

Постояйте;

Нѣтъ, государь, мои пылають щеки
Не пламенемъ смятеннаго стыда;
И то, что я могу сказать ей втайнѣ,
То я скажу и предъ лицомъ мужей...
О, рыцари! своимъ избраньемъ вы
Великую мнѣ дѣлаете честь;
Но развѣ я для суетныхъ величій
Покинула отеческую наставу?
Для брачнаго ль вѣнца я грудь младую
Одѣла въ сталь и панцирь боевой?
Нѣтъ, призвана я къ подвигу иному;
Лишь чистою свершится дѣвой онъ;
Я на землѣ востательница Бога;
Я на землѣ супруга не найду.

Архіепископъ.

Быть на землѣ сопутницей супруга
Есть жребій женщины; храня законъ
Природы, Божеству она угодна;

И, совершивъ указанное небомъ,
Тебя пославшимъ въ бой, ты броню ски-
нешь,
Ты перейдешь къ судьбѣ своей смиренной,
Покинутой для браннаго меча;
Не дѣвственной рукъ имъ управлять.

Иоанна.

Святой отецъ, еще не знаю я,
Куда меня пошлетъ могучій духъ;
Придетъ пора, и онъ не промолчитъ,
И покорюсь тогда его велѣнью;
Теперь же онъ велитъ начатый подвигъ
Свершить: еще монархъ мой не увѣнчалъ;
Еще елей главы его избранной
Не освятилъ; еще онъ не король.

Король.

Но мы идемъ стезей прямою къ Реймсу.

Иоанна.

И медлить памъ не должно; врагъ повеюду;
Дорогу намъ онъ мыслить заградить;
Но сквозе него проручу къ побѣдѣ васъ.

Дюнуа.

Когда же все, Иоанна, совершится,
Когда войдемъ съ тобою въ стѣны Реймса,
Склянишь ли ты вниманіе тогда...

Иоанна.

Когда Господь велитъ, чтобъ я съ побѣдой
Изъ грозныхъ борьбы со смертию вышла,
Тогда всему конецъ; тогда пастушкѣ
Ужъ мѣста нѣтъ въ обители монарха.

Король (взявъ ее за руку).

Теперь тебѣ лишь голосъ Духа внятень;
Любовь молчитъ въ груди, горящей Богомъ;
Но вѣрь, она молчать не вѣчно будетъ;
Утихнеть брань; побѣда приведетъ
Къ намъ ясный миръ; въ сердца волеется
радость;

И вѣжнѣйшія пробудятся въ нихъ чувства..
Тогда объ нихъ провѣдаешь и ты;
Тогда впервой нечлаи сладкой слезы
Прольютъ твои глаза и будешь сердцемъ,
Исполненнымъ допынѣ только неба,
Съ любовію некатъ земного друга;
Всплхъ пынѣ ты для счастья спасла—
И одному тогда ты будешь счастьемъ.

**Иоанна (посмотрѣвъ на него
съ улыльмъ негодованіемъ).**

Иль, утомясь божественнымъ явленіемъ,
Ужъ хочешь ты разбить его сосудъ,

И благовѣстницу верховной воли
 Низвесть во прахъ ничтожности земной?
 О, маловѣрные! сердца слѣбныя!
 Величіе небесъ кругомъ васъ блещеть;
 Ихъ чудеса предъ вами безъ покрова;
 А я для васъ лишь женщина... безумцы!
 Но женщинѣ ль подѣ броней желѣзной
 Мѣшаться въ бой, водить мужей къ побѣдѣ?
 Погибель мнѣ, когда, Господне мщенье
 Нося въ рукѣ, я суетную душу
 Отдамъ любви, отъ Бога запрещенной;
 О, нѣтъ! тогда мнѣ лучше бѣ не родиться;
 Ни слова болѣе; не раздражайте
 Моей душой владѣющаго Духа;
 Одинъ ужъ взоръ желаннаго мужа
 Есть для меня и страхъ и оскверненье.

Король.

Умолкните; ея не преклонить.

Іоанна.

Вели, вели гремѣть трубъ военной;
 Спокойствіе меня тѣснить и мучить;
 Стремительно зоветь моя судьба
 Меня отъ сей бездѣйственности хладной;
 И строгій гласъ твердитъ мнѣ: довершай.

• ЯВЛЕНИЕ 5-е.

Тѣ же, рыцарь (*вбѣгаетъ поспѣшно*).

Король.

Что сдѣлалось?

Рыцарь.

Близъ Марны непріятель;

Онъ строится въ сраженье.

Іоанна (*вдохновенно*).

Бой и браня!

Теперь душа отъ узъ своихъ свободна...
 Друзья, къ мечамъ; а я устрою войско.

(*Уходитъ поспѣшно*).

Король (*Да Гирю*).

Поди за ней. Передъ стѣнами Реймса

Они хотятъ сорвать съ меня корону.

Дюнуа.

Ихъ мчить не мужество, но безнадежной
 Свирѣпости отчаянный порывъ.

Король (*герцогу*).

Филиппъ, тебя я не зову; но часъ

Насталъ минувшее загладить.

Герцогъ.

Будешь

Доволенъ мной.

Король.

Я самъ дорогой чести

Хочу итти предъ войсками моими,
 Хочу въ виду вѣнчательнаго Реймса
 Вѣнецъ мой заслужить. Моя Агнеса,
 Твой рыцарь говоритъ тебѣ: *прости!*

Агнеса (*подаетъ ему руку*).

Не плачу я; моя душа спокойна;
 На небесахъ живетъ моя надежда;
 На то ль даны столь явные залог
 Спасенья ихъ, чтобъ послѣ намъ погиб-
 нуть?..

Ты побѣдишь; то сердца предвѣщаешь;
 И въ Реймсѣ намъ назначено свиданье.

(*Всѣ уходятъ*). Сцена перемѣняется;
 видно открытое поле; на немъ разсыпаны
 группы деревьевъ; за сценою слышны
 военные инструменты, выстрѣлы, стукъ
 оружія; сражающіеся пробѣгаютъ черезъ
 сцену; наконецъ все тихо: сцена пуста.

ЯВЛЕНИЕ 6-е.

Тальботъ выходитъ раненый, опираясь
 на **Фастольфа**, за нимъ **солдаты**, скоро
 потомъ **Лионель**.

Тальботъ.

Подъ этими деревьями, друзья,
 Меня оставьте; сами въ бой подите;
 Чтобъ умереть, помощникъ мнѣ не нуженъ.

Фастольфъ.

Несчастный день! враждебная судьба!
 (*Къ Лионелю*)

Зачѣмъ пришелъ ты, Лионель? Смотри,
 Нашъ храбрый вождь отъ раны умираетъ.

Лионель.

Да сохранить насъ Небо! встань, Тальботъ!
 Не время намъ о ранахъ помышлять;
 Вели ожить природѣ; одолѣй
 Бунтующую смерть.

Тальботъ.

Напрасно все;

Судьба произнесла: должна погибнуть
 Во Франціи британская держава;
 Последнее отчаянною битвой
 Я истощилъ, чтобъ рокъ сей отвратить;
 И здѣсь лежу, разбитъ стрѣлой громовой,
 Чтобъ болѣе не вѣтать. Потерявъ Реймсъ—
 Парижъ спасайте.

Лионель.

Нѣтъ для насъ Парижа;
Онъ договоръ съ дофиномъ заключилъ.

Тальботъ (*срывая съ себя повязку*).

Бѣгите жъ вы, кровавые потоки;
Противно мнѣ смотрѣть на это солнце.

Лионель.

Мнѣ ждать нельзя; Фастольфъ, на этомъ
мѣстѣ

Вождю опасно быть; намъ отстоять
Его не можно: насъ тѣснить ужасно;
Ряды разстроены; за дѣвой вѣлѣдъ
Они бѣгутъ—и все, какъ буря, ломаютъ.

Тальботъ.

Безумство, ты превозмолго; а я
Погибнуть осужденъ. И сами боги
Противъ тебя не въ силахъ устоять.
О, гордый умъ, ты, свѣтлое рожденье
Премудрости, верховный основатель
Создания, правитель міра, что ты?
Тебя несетъ, какъ бурный конь, безумство;
Ботце твоя узда; ты бездну видишь;
И самъ въ нее съ нимъ надахшь невольню;
Будь проклять тотъ, кто въ замыслахъ ве-
ликихъ

Теряетъ жизнь, кто мудро выбираетъ
Себѣ стезю вѣрнѣйшую. Безумству
Принадлежитъ земля.

Лионель.

Тальботъ, тебѣ
Не много здѣсь минутъ осталось; вспомни
О Богѣ...

Тальботъ.

Если бъ мы разбиты были,
Какъ храбрые отъ храбрыхъ—намъ отрадой
Была бы мысль, что мы въ рукѣ судьбы,
Играющей землею самовластно;
Но жалкой быть игрушкою мечты...
Иль наша жизнь, вся отданная бурямъ,
Не стоила славнѣйшаго конца?

Лионель.

Тальботъ, прости; дань слезъ моихъ тебѣ
Я принесу, какъ другъ твой, послѣ битвы,
Когда остануся цѣль... теперь иду;
Еще судьба на полѣ боевомъ
Свой держитъ судъ и жребіи бросаетъ;
Простимся до другого свѣта; кратокъ
Разлуки мигъ за долую любовь (*Уходитъ*).

Тальботъ.

Минута кончить все; отдамъ землѣ
И солнцу все, что здѣсь во мнѣ сливалось
Въ страданіе и въ радость такъ напрасно;
И отъ могучаго Тальбота, славою
Наполнившаго свѣтъ, на свѣтъ будетъ
Одна лишь гореть летучей пылин. Такъ
Весь гибнетъ человекъ — и вся намъ
прибыль
Отъ тягостной борьбы съ суровой жизнью
Есть убѣжденіе въ небытіи
И хладное презрѣніе ко всему,
Что мнилось намъ великимъ и желан-
нымъ.

ЯВЛЕНИЕ 7-е.

**Король, герцогъ, Дюнуа, Дю Шатель
и солдаты входятъ.**

Герцогъ.

Сраженье рѣшено.

Дюнуа.

Побѣда наша.

Король (*замытливъ Тальбота*).

Но кто же тамъ, покинутый, лежитъ
Въ бореніи съ послѣднею минутой?
По броне онъ не ратникъ рядовой.—
Скорѣй! помочь, когда еще не поздно!
(*Къ Тальботу приближаются
солдаты*).

Фастольфъ.

Не приближайтесь, прочь! почтенье къ
смерти
Того, кто былъ такъ страшенъ вамъ живымъ!

Герцогъ.

Что вижу я? Тальботъ лежитъ въ крови.
(*Приближается къ нему: Тальботъ,
взглянувъ на него, быстро умираетъ*).

Фастольфъ.

Не подходи, предатель ненавистный!
Твой видъ смутитъ послѣдній взоръ героя.

Дюнуа.

Тальботъ, погибельный, неодолимый,
Столь малое пространство для тебя,
Котораго желаньямъ исполнскимъ
Всей Франціи обширной было мало!
(*Преклоняетъ мечъ передъ королемъ*)
Теперь привѣтствую васъ королемъ;
Дрожаль вѣнецъ на вашей головѣ,
Пока душа жила еще въ семь тѣлѣ.

Король (*посмотрѣвъ молча на мертваго*).

Не мы его сразили—нѣкто выеший!
На землю Франціи онъ легъ, какъ бодрый
Боецъ на щитъ, котораго не выдадь.

(*Къ соинамъ*)

Возьмите.

(*Трупъ Тальботовъ выносятъ*).

Миръ его великой тѣщи;

Здѣсь памятникъ ему достойный будетъ;
Въ срединѣ Франціи, гдѣ онъ геройски
Свой кончилъ путь, покойся прахъ его;
Столь далеко враги не заходили,
И лучшее надгробіе ему
То мѣсто, гдѣ его найдутъ во гробъ.

Фастольфъ (*подавая мечъ королю*).

Я пѣнникъ вашъ.

Король (*возвращая ему мечъ*).

Нѣтъ, рыцарь; и война

Священный долгъ умѣетъ чтить: свободно
Ты своего проводишь полководца...

Но Дю Шатель... моя Агнеса въ страхѣ;
Слѣши ее обрадовать побѣдой;

Скажи, что я и живъ и невредимъ,

Что въ Реймсеѣ жду се къ коронованью.

(*Дю Шатель уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Тѣ же, Ла Гиръ.

Дюнуа.

Ты здѣсь, Ла Гиръ? но гдѣ Иоанна?

Ла Гиръ.

Какъ?

Она не съ вами? Я ее покинулъ

Въ сраженіи близъ тебя.

Дюнуа.

Я побѣжалъ

На помощь къ королю; я былъ въ на-

Что ты останешься при ней... [деждѣ,

Герцогъ.

Недавно

Я видѣлъ самъ въ густой толпѣ враговъ

Ея распущенное знамя...

Дюнуа.

Боже!

Страшусь я; гдѣ она? Скорѣе къ ней

На помощь. Можетъ-быть, ее далеко

Замчало мужество. Она, быть можетъ,

Она, толпой стѣняемая, бьется,

И тщетно ждетъ защиты отъ друзей.

Король.

Слѣшите.

Дюнуа.

Я бѣгу.

Ла Гиръ.

И я.

Герцогъ.

Мы всѣ.

(*Всѣ уходятъ поспѣшно*).

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Другое мѣсто на полѣ сраженія; утесы, деревья; вдали башни Реймса, освѣщенные заходящимъ солнцемъ.

Рыцарь въ черномъ панцирѣ съ опущеннымъ забраломъ. **Иоанна** преслѣдуетъ его, онъ останавливается.

Иоанна.

Коварный, я твою узнала хитрость;

Обманиво притворнымъ бѣгствомъ ты

Меня сюда увлекъ изъ жаркой битвы,

Чтобы своихъ спасти отъ грозной встрѣчи

Съ моимъ мечомъ; но самъ теперь погибнешь.

Черный рыцарь.

Почто за мной ты гонишься? Почто

Такъ бѣшено къ моимъ столамъ пристала?

Не суждено мнѣ часть твоей рукой.

Иоанна.

Противень ты душѣ моеѣ, какъ ночь,

Которой цвѣтъ ты носишь; истребить

Тебя съ лица земли неодолимо

Влечетъ меня могучее желанье.

Скажишь, кто ты? Открой забрало. Если бѣ

Передо мной Тальботъ не палъ въ сра-

Тогда бы я сказала: ты Тальботъ. [женны,

Черный рыцарь.

Иль смолкнулъ гласъ пророческаго Духа?

Иоанна.

Нѣтъ, громко оны вѣщаютъ мнѣ, что здѣсь

Моя бѣда стойтъ съ тобою рядомъ.

Черный рыцарь.

Иоанна д'Аргъ, съ побѣдою до Реймса

Дошла ты—стой! не давай! будь довольна

Своимъ вѣнцомъ, и счастье отпусти,

Служившее тебѣ рабомъ покорнымъ;

Не жди, чтобы оно забунтовало;

Ласкает пась, но вѣрность ненавидить,
И никому не служить до конца.

Іоанна.

Почто ты мнѣ велишь съ моеи дороги
Сойти, забывъ пачатый мною подвигъ?
Свершу его, исполню свой обѣтъ.

Черный рыцарь.

Могучая, ты все испровергаешь;
Покорешь бой тебѣ—но удержишь
Отъ боя; мнѣ новѣрь, пока не поздно.

Іоанна.

Не выпущу меча я изъ руки,
Доколя враги не втоптаны во прахъ.

Черный рыцарь.

Смотри же, тамъ сіяютъ башни Реймса;
Туда твой путь; ты видишь, блещетъ купольъ
Соборныи величественной церкви—

Въ нее вступитъ ты можешь съ торже-
ствомъ,

Въ ней увѣнчать монарха, свой обѣтъ
Исполнить, по... Іоанна, не входи
Въ ту церковь; мнѣ повѣрь и возвратись.

Іоанна.

Но кто же ты, прельститель двуязычный?
Ты мнишь меня смутить и ужаснѣтъ
Обманчивымъ пророчествомъ...

*(Черный рыцарь хочетъ уйти; она
заступаетъ ему дорогу).*

Постой;

Отвѣтствуй мнѣ, или гибни...

(Хочетъ ударить въ него мечомъ).

Черный рыцарь.

*(Прикасается къ ней рукой и она
остаётся неподвижна).*

Умерщвляй

Одно лишь смертное.

(Громъ и молнія; рыцарь исчезаетъ).

Іоанна.

*(Долго молчитъ съ изумленіемъ, потомъ
опомнившись говоритъ).*

То былъ не здѣшній,

И не живой... то было привидѣнье,
Враждебный духъ; изникнувшій изъ ада,
Чтобы смутить во мнѣ святую вѣру.

Но мнѣ съ мечомъ владыки моего
Кто страшенъ? Нѣтъ, иду; зоветь побѣда;

Пусть па меня весь адъ вооружится;
Живъ Богъ—моя надежда не смутится.

(Хочетъ идти; ей навстрѣчу Іоанна).

ЯВЛЕНИЕ 10-е.

Іоанна, Іоанель.

Іоанель.

Отступница, готовься въ бой; погибнуть
Одинъ изъ пась на этомъ мѣстѣ долженъ;
Храбрѣйшіе тобой умерщвлены;

Герой Тальботъ въ объятіяхъ моихъ
Съ великою душой своей разстался;
Отмщу за храброго, или будь одна

Для пась судьба; по пасты ли мнѣ, или пѣтъ,
Ты прежде знать должна, кого твой рокъ
Съ тобою свелъ—я Іоанель, послѣдній

Бритапекій вождь, еще необъяденный.

*(Нападаетъ на нее; черезъ минуту
она вышибаетъ изъ руки его мечъ).*

О счастье!

*(Борется съ нею; Іоанна во время
борьбы срываетъ съ него шлемъ, и
онъ остается съ непокрытою го-
ловою; поднявши мечъ, чтобы его
поразить, она говоритъ):*

Іоанна.

Умри! святая Дѣва

Моей рукой тебя приносишь въ жертву.

*(Въ эту минуту ея глаза встрѣчаются
съ глазами Іоанелю; пораженная ви-
домъ его, она стоитъ неподвижна; и
рука ея опускается).*

Іоанель.

Что медлишь? Что ударъ твой задержало?
Взявъ честь, возьми и жизнь; я не хочу
Попада; я въ твоихъ рукахъ.

*(Она подаетъ ему знакъ рукою,
чтобы онъ бѣжалъ).*

Бѣжать

Мнѣ должно? Быть обязаннымъ тебѣ
Презрѣнной жизнью? Скорѣи погибнуть!

Іоанна (отвративъ глаза).

И знать я не хочу, что жизнь твою
Была въ моихъ рукахъ...

Іоанель.

Я ненавижу

Тебя и даръ твой; не хочу попада;,
Не медли, поражай того, кто самъ
Сразитъ тебя хотѣлъ.

Іоанна.

Убей меня

И удались

Лионель.

Что слышу?

Иоанна (*закрываетъ лицо руками*).

Горе мнѣ!

Лионель (*приближаясь къ ней*).

Молва идетъ, что ни одинъ британецъ
Тобой не пощажень; за что же мнѣ
Пощада одному?

Иоанна.

(*Собравшись съ духомъ, поднимаетъ
мечъ, чтобы его поразить; но опять
взглянувъ на него, опускаетъ руку*).

Святая Дѣва!

Лионель.

Почто зовешь Святуго? О тебѣ
Не вѣдасть Она; ты небесами
Отвержена.

Иоанна (*въ сильнѣйшемъ отчаяніи*).

О горе! горе! что

Я сдѣлала? Нарушенъ мой обѣтъ.

(*Ломаетъ въ горести руки*).

Лионель.

(*Смотритъ на нее съ участіемъ и
подходитъ ближе*).

Несчастливая, жалѣю о тебѣ;
Ты трогашь меня; со мной однимъ
Великодушною была ты; сердце
Мое тебя, я чувствую, простило;
Съ участіемъ оно къ тебѣ стремится.
Скажи, кто ты? откуда?

Иоанна.

Прочь! бѣги!

Лионель.

Мнѣ жаль твоей цвѣтущей красоты,
Жаль младости твоей; твой милый образъ
Тѣнитъ въ душу мнѣ, и я хотѣлъ бы
Тебя спасти, но какъ и чѣмъ спасу?
Поди за мной; оставь союзъ свой страшный;
Оставь погибельный свой мечъ.

Иоанна.

Увы!

Носить его я недостойна.

Лионель.

Брось.

Его; иди со мной.

Иоанна (*съ ужасъ*).

Съ тобой? О небо!

Лионель.

Пойдемъ; еще тебя спасти возможно,

И я тебя спасу... но поспѣши;

Моя душа печалью непонятной
Томится по тебѣ... невыразимымъ
Желаніемъ спасти тебя полна.

(*Беретъ ее за руку, вдали показы-
ваются Дюнуа и Ла Гиръ*).

Иоанна.

О Боже! Дюнуа... они ужъ близко;
Бѣги, тебя найдутъ.

Лионель.

Я твой защитникъ.

Иоанна.

О, нѣтъ! Бѣги! Умру, когда погибнешь.

Лионель.

Иль дорогъ я тебѣ?

Иоанна.

О, Пресвятая!

Лионель.

Увидимся ль? Услышу ль о тебѣ?

Иоанна.

Нѣтъ, никогда.

Лионель.

Сей мечъ въ залогъ, что я

Тебя найду.

(*Вырываетъ изъ рукъ ея мечъ*).

Иоанна.

Ты смѣешь, безразсудный?

Лионель.

Теперь я уступаю силѣ; мы
Увидимся.

(*Уходитъ поспѣшно*).

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Дюнуа, Ла Гиръ, Иоанна.

Ла Гиръ.

Она! она!

Дюнуа.

Иоанна,

Спокойна будь: друзья твои съ тобою.

Ла Гиръ.

Не Лионель ли тамъ бѣжитъ?

Дюнуа.

Оставь

Его; Иоанна, битва рѣшена;
Реймсъ отворилъ ворота; весь народъ
Бѣжитъ толпой навстрѣчу королю.

Ла Гиръ.

Но что она?... Шатается, блѣднѣетъ.

Дюнуа.

Ты ранена.

(Юанна падаетъ къ нимъ на руки).

Снять панцырь! рана

Въ плечѣ и легкая.

Ла Гирь.

Но льется кровь.

Юанна.

Пускай она съ моею льется жизнью.

(Лихається памяти).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Богато-убранная зала; колонны обвиты гирляндами изъ цвѣтовъ; вдали слышны флейты и гобои; они играютъ во все продолженіе первой сцены.

Юанна.

(Стоитъ въ задумчивости и слушаетъ, потомъ говоритъ):

Молчать гроза военной непогоды;
Спокойствіе на полѣ боевомъ;
Вездѣ шумягъ по стогнамъ хороводы;
Алтарь и храмъ блистаютъ торжествомъ.
И жидутся изъ вѣтвей пышны входы,
И гордый столбъ обвить живымъ вѣнцомъ,
И гости ждуть вѣщательнаго пира:
Готовы тронъ, корона и порфира.
И все горитъ единымъ вдохновеньемъ,
И груди веѣмъ подъемлетъ мысль одна,
И счастье волшебнымъ упоеньемъ
Сдружило все, что рознила война;
Гордитесь франкъ своимъ происхожденьемъ,
Какъ будто веѣмъ отчизна вновь дана;
И съ честью примирена корона;
Вся Франція въ собраніи у трона.
Лишь я одна, великаго свершитель,
Ему чужда безчувственной душой;
Ихъ счастья, ихъ славы хладный зритель,
Я прочь отъ нихъ лечу моею мечтою;
Британскій ставъ любви моей обитель,
Ищу враговъ желаньемъ и тоской;
Таюсъ друзей, бѣгу въ уединеніе
Скрыть души преступное волненіе.

Какъ! мнѣ любовію пылать?

Я клятву страшную нарушу?

Я смертному дерзну отдать

Творцу обѣщанную душу?

Мнѣ, усладительницѣ бѣдъ,
Вождо спасенія и побѣдъ,
Любить врага моей отчизны?
Снесу ли сердца укорины?
Скажу ль о томъ сіянью дни?
И стыдъ не истребитъ меня!

(Звуки инструментовъ за сценою слышатся въ тихую, нѣжную мелодію).

Горе мнѣ! какіе звуки!
Пламень душу всю проникъ,
Милый слышится мнѣ голосъ,
Милый видится мнѣ ликъ.

Возвратися, буря брани!
Загremите, стрѣлы, коня!
Вы ударьте, строй на строй!
Битва, дай душѣ покой!

Тише, звуки! замолчите,
Обольстители души!
Непонятнымъ упоеньемъ
Вы ее очаровали;
Слезы льются отъ печали.

(Шомолчавъ, съ большею живостію).
Могла ли я его сразить? О, какъ
Сразить, узрѣвъ его прекрасный образъ?
Нѣтъ, нѣтъ, себя скорѣй бы я сразила.
Виновна ль я, склоняяся душой на жалость?
И грѣхъ ли жалость?... Какъ?... Скажи жь,
Юанна,
Была ль къ другимъ ты жалостлива въ
битвѣ?

И жалости ль покоренъ былъ твой мечъ,
Когда младый валленецъ предъ тобою
Лежалъ въ слезахъ, вотще моля о жизни?
О, сердце хитрое, ты ль небеса
Всезряція заманишь въ ослѣпленіе?
Нѣтъ, нѣтъ, тебя влекло не сожалѣніе.
Увы! почто дерзнула я примѣнить
Его лица младую красоту?
Несчастная, сей взоръ твоя погибель;
Орудія слѣпного хочеть Богъ.
Идти за нимъ должна была ты слѣпо;
Но волю ты дала очамъ узрѣть—
И отъ тебя щитъ Божій откололся,
И адекая тебя схватила сътъ.

(Задумывается, вслушивается въ музыку; потомъ говоритъ).

Ах! почто за мечь воинственный
Я мой посохь отдала,
И тобою, дубъ таинственный,
Очарована была?
Мнѣ, Владычица, являла Ты
Свѣтъ небеснаго лица;
И вѣнецъ мнѣ обѣщала Ты...
Недостойна я вѣнца.

Зрѣла я небесъ сіяніе,
Зрѣла ангеловъ въ лучахъ...
Но души моей желаніе
Не живетъ на небесахъ.
Грозной силы повелѣніе
Мнѣ ль безсильной совершить?
Мнѣ ли дать ожесточеніе
Сердцу, жадному любить?

Нѣтъ, изъ чистыхъ небожителей
Избирай Твоихъ свершителей;
Съ неприступныхъ облаковъ
Призови Твоихъ духовъ,
Безмятежныхъ, не желающихъ,
Не скорбящихъ, не теряющихъ...
Дѣву съ пѣжною душой
Да минуетъ выборъ Твой.

Мнѣ ль свирѣствовать въ сраженіи?
Мнѣ ль рѣшить судьбу царей?..
Я нашла въ уединеніи
Стадо родины моей...
Бурный путь мнѣ указала Ты,
Въ домъ царей меня ввела;
Но... лишь гибель мнѣ послала Ты...
Я ль сама что избрала?

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Агнеса, Иоанна.

Агнеса.

(Идетъ въ сильномъ волненіи чувства къ Иоаннѣ, хочетъ броситься къ ней на шею, но одумавшись падаетъ передъ нею на колѣни).

Нѣтъ! нѣтъ! во прахъ передъ тобою...

Иоанна *(стараясь ее поднять)*.

Встань,

Агнеса, ты свой шагъ позабывашь.

Агнеса.

Оставь меня; томительная радость
Меня къ твоимъ ногамъ бросаетъ—сердце
Предъ Богомъ взыгнать себя стремится;

Незримаго въ тебѣ боготворю.

Нашъ ангель ты; тобою мой властитель
Сюда введенъ; готовъ обрядъ вѣнчанья;
Стопть король въ торжественной одеждѣ;
Собираются кругомъ монарха перы,
Чтобы нести регалии во храмъ;
Народъ толпой бѣжитъ къ соборной церкви;
Повсюду кликъ и звонъ колоколовъ...
Кто дастъ мнѣ силу нести такое счастье?
(Иоанна поднимаетъ ее. Агнеса смотритъ на нее пристально).

Лишь ты одна сурово-равнодушна;
Ты благъ, тобой даруемыхъ, не дѣлишь;
Ты холодно глядишь на нашу радость;
Ты видѣла величіе небесъ
И счастію земному неприступна.

(Иоанна въ сильномъ движеніи схватываетъ ее за руку, потомъ задумчиво опять ее опускаетъ).

О! если бѣ ты узнала сладость чувства;
Войны ужъ нѣтъ; сложи твой бранный
панцырь,

И грудь открой чувствительности женской...

Моя душа, горящая любовью,
Чуждается тебя вооруженной.

Иоанна.

Чего ты требуешь?

Агнеса.

Обезоружь

Себя, покнижь твой мечъ; любовь страшится
Окованной желѣзомъ тяжкимъ груди;
Будь женщина и ты любовь узнаешь.

Иоанна.

Мнѣ, мнѣ себя обезоружить? Нѣтъ,
Я побѣгу съ открытой грудью въ бой...
Навстрѣчу смерти... нѣтъ, тройной булатъ
Пусть будетъ мнѣ защитою отъ вашихъ
Шировъ и отъ меня самой.

Агнеса.

Иоанна,

Графъ Дюна, великодушный, славный,
Къ тебѣ горитъ святымъ, великимъ чув-
ствомъ;

О! вѣрь мнѣ, быть любовію героя
Удѣлъ прекрасный... но любить героя
Еще прекраснѣе.

(Иоанна отвращается въ сильномъ волненіи).

Ты ненавидишь
Его?.. Нѣтъ, нѣтъ, его не любишь ты;
Но ненависть... лишь тотъ намъ нена-
вистень,
Кто милаго изъ нашихъ рукъ исторгнулъ;
Но для тебя нѣтъ млага; ты сердцемъ
Спокойна... Ахъ! когда бь оно смягчилось!

Иоанна.

Жалѣй меня, оплачь мою судьбу.

Агнеса.

Чего жь тебѣ не достаетъ для счастья?
Все рѣшено: отчизна спасена;
Съ побѣдою, торжественно въ свой Реймсъ
Вступилъ король, и слава твой удѣлъ;
Тебя народъ честить и обожаютъ;
Во всѣхъ устахъ твоя хвала; ты геній,
Ты божество спѣхъ праздниковъ веселыхъ,
И самъ король не столь въ своей коронѣ
Величественъ, какъ ты.

Иоанна.

О! если бь скрыться
Могла во тьмѣ подземной я отъ васъ!

Агнеса.

Что слышу? Какъ понять тебя, Иоанна?
И пынѣ кто жь взглянуть дерзнетъ на свѣтъ,
Когда тебѣ глаза потушить должно?...
Мнѣ, мнѣ краснѣть, мнѣ, пизкой предъ
Не смѣющей и мыслию постигнуть [тобою,
Величія души твоей прекрасной.
Открою ль все ничтожество мое?

Не славное спасеніе отчизны,
Не торжество побѣдъ, не обвѣщенный
Престола блескъ, не шумный ниръ народа
Мнѣ радости причина; нѣтъ, *одинъ*
Живеть въ моей душѣ—иному чувству
Въ пей мѣста нѣтъ — *онъ*, сей боготво-
Его народъ привѣтствуетъ; *его* [римый;
Вѣгутъ встрѣчать; предъ *нимъ* цвѣты
бросаютъ—
И онъ, для всѣхъ *единственный*—онъ *мой*.

Иоанна.

Счастливица, завидую тебѣ;
Ты любишь тамъ, гдѣ любить все; ты
смѣешь
Свободно, велухъ изречь свое блаженство;
Передъ людьми его ты не таишь;
Ихъ общій ниръ есть ниръ твоей любви;
И этотъ весь безчисленный народъ,

Ликующій съ тобой въ однѣхъ стѣнахъ—
Прекрасное твое онь чувство дѣлится;
Тебя привѣтствуетъ, тебя вѣнчаетъ;
Ты съ радостью всеобщей заодно;
Твоей душѣ небесный день сияетъ;
Любовью все твоей озарено.

Агнеса (*падая въ ся объятія*).

О радость! мой языкъ тебѣ понятенъ;
Иоанна, ты... любви ты не чужда;
Что чувствую, ты выразила сильно;
И ободренная душа моя
Довѣрчиво тебѣ передается...

Иоанна (*вырывается изъ ся объятій*).

Прочь, прочь! бѣги меня; не заражайся
Губительнымъ сообществомъ монмъ;
Поди, будь счастлива; а мнѣ дай скрыть
Во мракъ мой стыдъ, мой страхъ, мое
страданье.

Агнеса.

Я трепещу; ты мнѣ нестижима;
Но кто жь тебя постигнулъ? Кто пропнкъ
Во глубину твоей великой тайны?
Кто можетъ вѣдать, что святому сердцу,
Что чистотѣ души твоей понятно?

Иоанна.

Нѣтъ, нѣтъ, *ты* чистая, святая *ты*;
Когда бь въ мою ты внутренность проникла,
Ты бь отъ меня, какъ отъ врага, бѣжала.

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Иоанна, Агнеса, Дюнуа и Ла Гиръ
со знаменемъ Иоанны.

Дюнуа.

Мы за тобой, Иоанна; все готово;
Король тебя зоветъ: въ ряду вельможъ,
Ближайшая къ монарху, ты должна
Передъ нимъ нести святую орифламу.
Онъ признаетъ и хочетъ всепародно
Передъ лицомъ всей Франціи признать,
Что лишь тебѣ одной принадлежитъ
Вся честь сего торжественнаго дня.

Иоанна.

О Боже! мнѣ предшествовать сму?
Мнѣ передъ нимъ нести святое знамя?

Дюнуа.

Кому жь, Иоанна? Чья рука пошепчетъ
Святости сей коснуться? Это знамя
Носила ты въ сраженіи; имъ должна ты
И торжество побѣдное украсить.

Ла Гирь.

Вотъ знамя; поспѣшимъ; король, вожди
И весь народъ зовутъ тебя, Иоанна.
(Хочетъ подать ей знамя, она от-
ступаетъ съ ужасомъ).

Иоанна.

Прочь, прочь!

Ла Гирь.

Иоанна, что съ тобой? Трепещешь
Предъ собственнымъ ты знаменемъ своимъ!
Узнай его, оно твое, ты имъ
Побѣду намъ дала; взгляни, на немъ
Сіяетъ ликъ Владычицы Небесной.
(Развертываетъ знамя).

Иоанна (въ ужасъ смотря
на знамя).

Она, Она!.. въ такомъ являлась блескъ
Она передо мной... Смотрите, гнѣвомъ
Омрачено Ея чело; и грозно
Сверкаетъ взоръ, къ преступницѣ склопен-
ный.

Агнеса.

Ты видѣ себя; опомнись, ты видѣнемъ
Обманчивымъ испугана; тотъ образъ...
Онъ слабыя земной руки созданье;
Сама жъ Она небесъ не покидала.

Иоанна.

О грозная! карать ли ты пришла?
Гдѣ молніи Твои? Пускай сразить
Онъ мою преступную главу.
Разрушенъ нашъ союзъ; я посрамила,
Унизила Твое святое имя.

Дюнуа.

Что слышу я! какой языкъ ужасный!
Ла Гирь (къ Дю Шателью).
Какъ изъяснить ея волнень, рыцарь?

Дю Шатель.

Я вижу то, чего давно боялся.

Дюнуа.

Какъ? Что ты говоришь?

Дю Шатель.

Того открыть,
Что думаю, не смѣю я; но дай Богъ,
Чтобъ было все ужъ кончено, и нашъ
Король ужъ коронованъ былъ.

Ла Гирь.

Иоанна,

Иль ужасъ тотъ, который разливала
Ты знаменемъ своимъ, оборотился

Противъ тебя? Узнай его, Иоанна;
Однимъ врагамъ погибельно оно;
Для Франціи оно символъ спасенья.

Иоанна.

Такъ, такъ, оно спасительно для вѣрныхъ;
Лишь на враговъ оно наводитъ ужасъ.
(Слышитъ маршъ).

Дюнуа.

Возьми его, возьми; ты слышишь, ходъ
Торжественный ужъ начался; пойдемъ.
(Принуждаютъ ее взять знамя; она
беретъ его съ видимымъ отвращеніемъ
и уходитъ; все прочіе за нею).

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Площадь передъ кафедральною церковью.

Вдали множество народа. Бертрадъ,
Арманъ, Этьенъ выходятъ изъ толпы;
за ними вскорѣ Алина и Луиза.

Вдали слышенъ маршъ.

Бертрадъ.

Ужъ музыка играетъ; идутъ; скоро
Увидимъ ихъ; но гдѣ бы лучше намъ
Остановиться? Тамъ на площади,
Иль здѣсь на улицѣ, чтобъ посмотрѣть
На ходъ вблизи?

Этьенъ.

Нѣтъ, сквозь толпу народа
Намъ не пройти; отъ конныхъ и отъ пѣшихъ
Простора нѣтъ; все улицы пабиты;
У тѣхъ домовъ есть мѣсто; тамъ увидѣть
Намъ можно все.

Арманъ.

Какая бездна! скажешь,
Что здѣсь вся Франція; и такъ велико
Народное стремленье, что и мы
Изъ Лотарингіи своей далекой
Сюда съ толпой пришли.

Бертрадъ.

Да кто же будетъ

Одинъ дремать въ своемъ углу, когда
Великое свершается въ отчизнѣ?
Истратили довольно крови мы,
Чтобъ головѣ законной дать корону;
А нагъ король, нашъ истинный король,
Котораго мы въ Реймѣ коронуемъ,
Ужель онъ здѣсь быть долженъ встрѣ-
ченъ хуже

Марижекаго, который въ Сенъ-Дени

По милости пришельца коронованъ;
Тотъ не французъ, кто въ этотъ сла-
вннй день
Не будетъ здѣсь съ другими, и отъ сердца
Не закричитъ: да здравствуетъ король!

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Прежніе, Луиза, Алина.

Луиза.

Сестрица, мы увидимъ здѣсь Іоанну;
Какъ бьется сердце!

Алина.

Мы ее увидимъ

Въ величествѣ и въ почести, и скажемъ:
То наша милая сестра Іоанна.

Луиза.

Пока меня глаза не убѣдили,
До тѣхъ поръ все не буду вѣрять я,
Чтобъ та, которую все называютъ
Здѣсь Орлеанской дѣвою, была
Сестра Іоанна, безъ вѣсти отъ насъ
Пропавшая.

Алина.

Увидишь и новѣришь.

Бертрандъ.

Молчите, идуть.

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Впереди идуть музыканты; за ними
дѣти въ бѣлыхъ платьяхъ съ вѣнками
въ рукахъ; потомъ два герольда; отрядъ
воиновъ съ галебардами; чиновники
въ парадныхъ платьяхъ; два маршала
съ жезлами; Бургундскій герцогъ съ
мечомъ; Дюнуа со скипетромъ; другіе
вельможи съ короною, державою, ко-
ролевскимъ жезломъ; за ними рыцари
въ орденскихъ одеждахъ; ибвчіе съ
кадильницами; два епископа съ свя-
тою ампулою; архіепископъ съ кре-
стомъ; за нимъ Іоанна съ знаменемъ;
она идетъ медленными, неровными
шагами, наклонивъ голову; сѣ сестры,
увидя ее, знаками показываютъ ра-
дость и удивленіе; за Іоанною слѣ-
дуетъ король подъ балдахиномъ, ко-
торый несутъ бароны; за королею
придворные чиновники; потомъ опять
отрядъ воиновъ. Когда все входитъ
въ церковь, маршъ умолкаетъ.

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Луиза, Алина, Арманъ, Этьенъ,
Бертрандъ.

Алина.

Видѣлъ ли сестру?

Арманъ.

Что шла предъ королею, въ богатыхъ
Со знаменемъ въ рукахъ? [латахъ,

Алина.

Да; то Іоанна,

Сестра.

Луиза.

На насъ она не поглядѣла;
Она не думала, что сестры близко;
Была блѣдна, смотрѣла внизъ, дрожала
Подъ знаменемъ своимъ.. мнѣ стало
Я не могла обрадоваться ей. [грустно;

Алина.

Теперь мы видѣли Іоанну въ славѣ
И въ почести; по кто бѣ могъ то подумать
Въ то время, какъ она у насъ въ горахъ
Пасла овецъ?

Луиза.

Отцу не даромъ случилось,
Что въ Реймѣ онъ, и мы передъ Іоанной
Стоять съ почтеньемъ будемъ; вотъ та
Которая привидѣлась ему. [церковь,
И все сбылось. Но знаешь ли? Отцу
Съ тѣхъ поръ и страшныя видѣнья были...
Ахъ! мнѣ она жалка, мнѣ тяжело видѣть
Ее въ такомъ величїи.

Бертрандъ.

Пойдемъ.

Что здѣсь стоять? Не лучше ль протѣ-
ниться
Намъ въ церковь? Тамъ увидимъ весь
обрядъ.

Алина.

Пойдемъ; быть можетъ, тамъ съ сестрой
Мы встрѣтимся. [Іоанной

Луиза.

Мы видѣли ее,
Довольно съ насъ; воротимся въ село.

Алина.

Какъ, не сказавъ ни одного ей слова?

Луиза.

Она теперь не намъ принадлежитъ;
Лишь общество князей и полководцевъ

Прилично ей; на что же намъ тѣсниться
Къ блестящему величеству ея?

И съ нами бывъ, она была не наша.

Алина.

Иль думаешь, что ей насъ будетъ стыдно,
Что насъ она теперь пренебрежетъ?

Бертрандъ.

И самъ король насъ не стыдится; онъ
Здѣсь ласково вѣзмъ кланялся; хотя
Она теперь стоитъ и высоко,
Но нашъ король все выше.

(Трубы и литавры въ церкви).

Арманъ.

Въ церковь! въ церковь!

*(Идутъ и пропадаютъ въ толпѣ на-
рода).*

ЯВЛЕНИЕ 8-е.

Тибо въ черномъ платьѣ, за нимъ
Раймондъ, который старается его
удержать.

Раймондъ.

Воротимся, мой добрый Аркъ, уйдемъ
Отсюда; здѣсь все празднуетъ; твое
Упуніе обидно для веселыхъ...
Чего намъ ждать? Зачѣмъ здѣсь оставаться?

Тибо.

Ты видѣлъ ли несчастное мое
Дитя? Всмотрѣлся ли въ ея лицо?

Раймондъ.

Ахъ! поскорѣй... прошу тебя, уйдемъ.

Тибо.

Примѣтилъ ли, какъ робко шла она,
Съ какимъ лицомъ разстроеннымъ и блѣд-
нымъ?

Несчастливая, она свой жребій знаетъ...
Но часъ насталъ ее спасти, я имъ
Воспользуюсь *(Хочетъ идти).*

Раймондъ.

Куда? Чего ты хочешь?

Тибо.

Хочу ее внезапно поразить,
Хочу ее съ ничтожной славы сбросить,
Хочу ее насильно возвратить
Отверженному ею Богу.

Раймондъ.

Ахъ!

Подумай прежде, что ты начинаешь;
Ты самъ свое дитя погубишь.

Тибо.

Такъ!

*Жиза бѣ душа—пускай погибнетъ тѣло.
(Иоанна выбываетъ изъ церкви безъ
знамени; народъ окружаетъ ее, тѣс-
нится къ ней, цѣлуетъ ея платье и
препятствуетъ ей приблизиться).*

Смотри, идетъ; на ней лица нѣтъ; ужасъ
Ее изъ церкви гонить; Божій судъ
Преслѣдуетъ ее...

Раймондъ.

Прости, отецъ;

Съ надеждой я пришелъ и безъ надежды
Уйду; я видѣлъ дочь твою и знаю,
Что для меня навѣкъ она пропала.

*(Уходитъ. Тибо удаляется на про-
тивоположную сторону).*

ЯВЛЕНИЕ 9-е.

Иоанна, народъ; потомъ ея сестры.

Иоанна (приближаясь).

Я не могу тамъ оставаться—духъ
Преслѣдуютъ меня; органа звукъ,
Какъ громъ, мой слухъ терзаетъ; своды
Дрожатъ и насъ готовы на меня; [храма
Хочу вздохнуть подъ вольнымъ небомъ; тамъ
Въ святилищѣ оставила я знанія,
И никогда къ нему не прикоснусь...
Казалось мнѣ, что видѣла я милыхъ
Моихъ сестеръ Луизу и Алину.

Онѣ, какъ сонъ, мелькнули предо мною...
Ахъ! то была мечта; онѣ далеко,
Далеко; мнѣ ужъ ихъ не возвратить,
Какъ дѣтскаго потеряннаго счастья.

Алина (выходя изъ толпы).

Жанета!

Луиза (подбѣгая къ ней).

Милая сестра!

Иоанна.

О, Боже!

Итакъ, я видѣла не сонъ; вы здѣсь,
Со мной; опять знакомый слышу голосъ;
Опять могу въ стени еей многолюдной
Родную грудь прижать къ печальной груди.

Алина.

Она узнала насъ; она все та же
Добросердечная сестра Жанета.

Иоанна.

О, милая! вы изъ такой далекой,

Далекой стороны пришли сюда,
Чтобъ свидѣться со мной; вы мнѣ простили,
Что изъ села я, не сказавшия вамъ,
Ушла, и васъ какъ будто отреклася.

Луиза.

То воля Божія была.

Алина.

Молва

О чудесахъ твоихъ сошла и къ намъ:
Мы не могли противиться стремлешью,
И, родину спокойную покинувъ,
Пришли сюда взглянуть на славный празд-
Пришла твое величіе увидѣть. [никъ,
Мы не одинъ...

Юанна.

Какъ? и отецъ? онъ здѣсь...

Онъ здѣсь... но гдѣ же онъ? Зачѣмъ онъ
скрылся?

Алина.

Отца здѣсь нѣтъ.

Юанна.

О Боже! нѣтъ!.. ужель
Свое дитя онъ видѣть не хотѣлъ?
Но съ вами онъ хотя благословенъ
Свое прислалъ мнѣ...

Луиза.

Онъ не зналъ, что мы

сюда пошли...

Юанна.

Не зналъ? Но для чего жъ
Не зналъ онъ?.. Вы молчите, вы глаза
Потупили?.. Скажите, гдѣ отецъ?

Алина.

Съ тѣхъ поръ, какъ ты ушла...

Луиза *(оплая ей знаки)*.

Алина!

Алина.

Онъ

Задумчивъ сталъ.

Юанна.

Задумчивъ?

Луиза.

Будь спокойна;

Ты лучше насъ отца, Жанета, знаешь;
Его всегда предчувствіе тревожить;
Но онъ утѣшится, когда мы скажемъ,
Что видѣли тебя, что ты жива
И счастлива.

Алина.

Не правда ли, Жанета,
Ты счастлива? Чему жъ и быть иному
Въ такой чести, въ такой великой славѣ?

Юанна.

Ахъ! счастлива; я съ вами, я вашъ голосъ
Онять услышала; онъ мнѣ напомнилъ
Отечество, домашніе дуга;
Тамъ я насла стада свои безопасно;
Тамъ счастлива была я, какъ въ раю...
И не видать ужъ мнѣ такого счастья.
(Скрываетъ лицо на груди Луизы.
Арманъ, Этьенъ и Бертранъ пока-
зываются въ отдаленіи и не смѣютъ
подойти).

Алина.

Арманъ, Этьенъ, не бойтесь, подойдите;
Сестра узнала насъ; она все такъ же
Смиренна и тиха; и къ намъ теперь
Гораздо ласковѣй, чѣмъ прежде.

(Они приближаются и хотятъ по-
дать ей руку; Юанна смотритъ на
нихъ неподвижными глазами и впа-
даетъ въ задумчивость; потомъ гово-
ритъ въ изумленіи).

Юанна.

Гдѣ я?

Мои друзья, не правда ль? Все то было
Одинъ лишь долгій сонъ? Я въ Домъ-Ремі;
Подъ деревомъ друидовъ я заснула;
Теперь проснулася, и вокругъ меня
Знакомыя, пріятельныя лица
Моихъ родныхъ? Объ этихъ короляхъ,
Сраженъяхъ, подвигахъ мнѣ только силось;
То были тѣпи; вокругъ меня онъ
Носился подъ тѣмъ волшебнымъ дубомъ;
Иначе какъ зайти вамъ въ Реймсъ? Какъ
мнѣ
Самой быть въ Реймсѣ? Нѣтъ, не покидала
Я Домъ-Ремі; признайтесь, друзья,
Обрадуйте мнѣ сердце.

Луиза.

Нѣтъ, мы въ Реймсѣ,
Юанна, и тебѣ не силось; ты
Великое свершила паяву;
Опомнись, негляди вокругъ себя,
Дотронься до своихъ блестящихъ латъ.
(Юанна кладетъ руку на грудь, при-
ходитъ въ себя и вздрагиваетъ).

Берtrandъ.

Тебѣ твой шлемъ изъ рукъ моихъ достался.

Арманъ.

Не диво, что тебѣ все это мнится
Чудеснымъ сномъ; какой бѣгъ можетъ сонъ
Чудеснѣе того, что ты свершила?

Іоанна.

Ахъ! убѣжимъ; я съ вамъ возвращусь
Къ отцу, въ село.

Луиза.

Такъ, милая, пойдемъ.

Іоанна.

Они меня здѣсь славятъ безъ заслуги;
Но съ вами я, друзья, была младенцемъ:
Вы слабою меня звали, вы
Не мыслите меня боготворить —
Вы любите меня.

Алина.

Ты хочешь бросить

Свое величіе?

Іоанна.

Хочу, друзья,

Съ себя сорвать уборъ тотъ ненавистный,
Который насъ сердцами разлучилъ;
Хочу опять пастушкой быть смиренной,
Покорною рабою вамъ служить,
И горестнымъ загладить покапьемъ
Безумное величіе мое.

(Трубы).

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Король выходитъ изъ церкви въ коронѣ и порфирѣ, **Агнеса**, архіепископъ, герцогъ Бургундскій, **Дюнуа**, **Ла Гиръ**, **Дю Шатель**, рыцари, придворные, народъ.

Народъ *(кричитъ во время шествія короля):*

Да здравствуетъ король!

(Гремятъ трубы; по мановенію короля геральды подаютъ знакъ и все умолкаетъ).

Король.

Народъ мой добрый,

Благодарю за вѣрность и любовь.
Мнѣ отдалъ Богъ отцовъ моихъ корону,
Народа мечъ се завоевалъ;
Еще на ней кровь подданныхъ видна,
Но миръ ее оливою украситъ.

Благодаримъ защитниковъ престола,
А нашимъ веѣмъ врагамъ даемъ прощенье;
Къ намъ милостивъ Господь Всевышній
былъ —

И первое будь наше слово: милость.

Народъ.

Да здравствуетъ король!

Народъ.

Досель незримо
Самъ Богъ вѣнчалъ французскихъ королей,
Но видимо изъ рукъ Его прили
Мы свой вѣнецъ.

(Указывая на Іоанну).

Народъ, передъ тобою

Чудесная посланница небесъ;
Она престолъ законный защитила,
Она разрушила пришельца власть;
Ее пускай народная любовь
Защитницей отечества признаетъ,
Да будетъ ей воздвигнуть здѣсь алтарь.

Народъ.

Да здравствуетъ спасительница дѣва!
(Трубы).

Король *(къ Іоаннѣ).*

Скажи, когда ты намъ равна породой,
Какое здѣсь тебѣ угодно счастье?
Но, если ты сошла на время съ неба,
Чтобъ насъ спасти подъ видомъ смертной
То просвѣти земныя наши очи; [дѣвы,
Преобразись, дай видѣть намъ твой свѣтлый,
Веземртный ликъ, въ какомъ тебя лишь
небо
Видало, чтобъ тебя могли мы въ прахѣ
Боготворить.

(Всеобщее молчаніе; все глядятъ на Іоанну).

Іоанна *(вдругъ восклицаетъ).*

О Боже! мой отецъ!

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Тибо выходитъ изъ толпы и становится
прямо противъ Іоанны.

Множество голосовъ.

Ея отецъ!

Тибо.

Такъ, горестный, несчастный
Ея отецъ, пришедшій самъ предать
На судъ свое дитя.

Герцогъ.

Что это значить?

Дю Шатель.

Ужасный свѣтъ увидимъ мы теперь.

Тибо (къ королю).

Ты думаешь: могущество небесъ

Тебя спасло—ты, государь, обмануть;

Народъ, ты ослѣдненъ; вы спасены

Искусствомъ адовымъ.

(*Всѣ отступаютъ въ ужасъ*).

Дюнуа.

Безумство!

Тибо.

Нѣтъ!

Безумецъ ты и всѣ вы! Какъ повѣрить,

Чтобы Господь, Создатель, Вседержитель

Себя явилъ въ такой ничтожной твари?

Увидимъ мы: передъ лицомъ отца

Отважится ль она обманъ свой хитрый,

Которымъ васъ прельстила, подтвердить?

Отвѣтствуй мнѣ во имя Трисвятого:

Принадлежишь ли ты къ святымъ и чи-

стымъ?

(*Всеобщее молчаніе; всѣ глаза устремлены на Иоанну; она стоитъ неподвижно.*)

Агнеса.

Она молчать!

Тибо.

Она должна молчать

Предъ именемъ, предъ коимъ адъ и небо

Безмолвствуютъ. Она святая, небомъ

Намъ посланная? Нѣтъ, на мѣстѣ страш-

номъ,

Подъ деревомъ волшебнымъ, гдѣ издревле

Нечетный духъ гнѣздится, было все

Придуманно; тамъ вѣчность продала

Она врагу, чтобъ славою минутной

Здѣсь, на землѣ, ее онь возвеличилъ.

Герцогъ.

Ужасно!.. Но отцу повѣрить должно;

Отцу ли дочь свою окасветать!

Дюнуа.

Безумецъ, кто жестокому безумцу,

Губящему дѣтей своихъ, повѣрить?

Агнеса (къ Иоаннѣ).

Ахъ! отвѣчай; молю тебя, прерви

Ужасное твое молчаніе; мы

Не усомнимся; насъ единымъ словомъ

Изъ устъ твоихъ ты можешь убѣдить;

Но отвѣчай; отвергни клевету;

Скажи, что ты невинна, и повѣримъ.

(*Иоанна молчитъ; Агнеса отступаетъ отъ нея съ ужасомъ*).

Ла Гиръ.

Она испугана; внезапный ужасъ

Сковалъ языкъ ея; самъ Божій ангелъ

Отъ клеветы такой оцѣпенѣлъ...

Приди въ себя, очувствуйся; невинность

Имѣеть взглядъ непобѣдимо-сильный;

Какъ молнія, сразить онь клевету;

Иоанна, подыми свой чистый взоръ,

Воздвигнися во гнѣвѣ благородномъ,

Чтобъ пристыдить, чтобъ наказать со-

Срамящее святую добродѣтель. [мѣсье,

(*Иоанна молчитъ; Ла Гиръ, ужаснувшись, отступаетъ; движеніе въ на-*

родъ увеличивается).

Дюнуа.

Почто дрожитъ народъ? Чего страшатся

Вожди и рыцари? Она невинна.

Я княжескимъ моимъ ручаюсь словомъ;

И здѣсь бросаю я перчатку; кто

Отважится назвать се виновной?

(*Сильный ударъ грома; всѣ трепещутъ*).

Тибо.

Отъ имени гремящаго тамъ Бога

Я говорю: Иоанна, отвѣчай,

Скажи, что ты невинна, что врага

Нѣтъ въ сердцѣ у тебя, и въ клеветѣ

Изобличи отца.

(*Другой сильный ударъ грома; народъ разбѣгается во все стороны*).

Герцогъ.

О! защити,

Создатель, насъ! какіе страшны знаки!

Дю-Шатель (королю).

Уйдите, государь.

Архіепископъ.

Я вопрошаю

Во имя Бога: что велитъ тебѣ

Молчать—твоя невинность иль вина?

Ты слышала гремящій Божій голосъ?

Возьми сей крестъ—когда онь за тебя.

(*Иоанна стоитъ неподвижна; новые*

сильные удары грома; король, Агнеса,

архіепископъ, герцогъ, Ла Гиръ и Дю

Шатель уходятъ).

ЯВЛЕНИЕ 12-е.
Дюнуа, Иоанна.

Дюнуа.

Иоанна, я назвалъ тебя невѣстой;
Я съ перваго тебѣ повѣрилъ взгляда;
Такъ думаю я и теперь; я вѣрю
Иоаннѣ болѣе, чѣмъ этимъ знакамъ,
Чѣмъ говорящему на небѣ грому.
Понятно мнѣ молчаніе твое:
То благородный гнѣвъ; себя закрывъ
Святой невинностью, ты подозрѣнью
Презрѣнному не хочешь дать отвѣта;
Пренебреги его—но мнѣ открылся;
Я въ чистотѣ твоей не усомнился;
Не говори ни слова; дай лишь руку
Въ залогъ, что ты себя моею рукѣ
И дѣлу правому вѣряешь смѣло.
*(Онъ подаетъ ей руку; она отвора-
чивается съ трепетомъ; Дюнуа смо-
тритъ на нее въ изумленіи и ужасѣ).*

ЯВЛЕНИЕ 13-е.

Иоанна, Дю Шатель, Дюнуа, потомъ
Раймондъ.

Дю Шатель.

Иоанна д'Аркъ, король тебѣ позволилъ
Покинуть Реймсъ; тебѣ открыены
Ворота; не страшись—никто тебя
Не оскорбитъ; король твоя защита...
Графъ Дюнуа, вамъ быть здѣсь не при-
Какой конецъ!.. [лично;
*(Онъ уходитъ; Дюнуа нѣсколько вре-
мени молчитъ, потомъ бросаетъ взглядъ
на Иоанну и медленно удаляется; Иоан-
на остается одна; наконецъ является
Раймондъ; онъ останавливается въ
отдаленіи, смотритъ на нее въ го-
рестномъ молчаніи; потомъ подходитъ
къ ней и беретъ ее за руку).*

Раймондъ.

Воспользуйся минутой;
На улицахъ все пусто; дай мнѣ руку;
Иди за мной; я буду твой защитникъ.
*(При взглядѣ на него, она подаетъ
первый знакъ чувства; смотритъ бы-
стро ему въ лицо, потомъ на небо;
потомъ съ живостью беретъ его за
руку и они уходятъ).*

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНИЕ 1-е.

Густой, дикій лѣсъ; вдали хижина угольщика;
темно; ужасная гроза; слышны выстрѣлы.

Угольщикъ и его жена.

Угольщикъ.

Какая сильная гроза! все небо
Въ огнѣ; среди бѣла дня почь, и страшно
Бушуетъ вѣтеръ. Видишь ли, какъ гнутся
Деревья, какъ бунтуютъ ихъ вершины?
И эта на небѣ война—предъ нею
И дикій звѣрь смиряется и робко
Въ свой темный логъ уходитъ—лишь однихъ
Людей она не можетъ усмирить;
Сквозь шумъ грозы, сквозь громъ и ви-
хорь слышны
Мнѣ выстрѣлы; и оба войска такъ
Одно къ другому близко, что теперь
Лишь только этотъ лѣсъ ихъ раздѣляетъ;
Того и жди, что битва загорится.

Жена.

Помилуй насъ, Господь; враги разбиты
Ужъ на голову были; отчего жъ
Они опять такъ сдѣлались отважны?

Угольщикъ.

Ужъ имъ теперь король нашъ не опасенъ;
Съ тѣхъ поръ, какъ дѣва стала въ Реймсъ
вѣдьмой,
Нечистый духъ намъ болѣе не помощникъ,
И все пошло вверхъ дномъ.

Жена.

Смотри, смотри,
Кто тамъ идетъ?

ЯВЛЕНИЕ 2-е.

Тѣ же, Иоанна, Раймондъ.

Раймондъ.

Здѣсь хижина, Иоанна;
Иди за мной, мы здѣсь найдемъ пріютъ;
Ты выбилась изъ силъ; ужъ третій день,
Какъ по лѣсу безлюдному ты бродишь,
Лишь дикими кореньями питаешься.
*(Гроза мало-по-малу утихаетъ; ста-
новится ясно).*

Здѣсь угольщикъ живетъ; поди сюда,
Иоанна.

Угольщикъ.

Вы устали; отдохните
У насъ; чѣмъ Богъ пошлалъ, мы тѣмъ охотно
Васъ угостимъ.

Жена.

На ней военный панцырь:
Къ чему это?.. Но, правда, въ наше время
И женщинѣ всего приличнѣй латы;
Я слышала, что королева-мать
Явилася опять у англичанъ,
Надѣла шлемъ и панцырь, и живетъ
Въ ихъ лагерѣ, какъ ратникъ; и давно ли
Пастушка, дочь крестьянина простого,
За короля сражалась?..

Угольщикъ.

Замолчи;

Поди, изъ хижины ей принеси
Напится.

(Она уходитъ въ хижину).

Раймондъ.

Видишь ли, Иоанна? Люди
Не всё безжалостны, и въ дикомъ лѣсѣ
Есть добрыя сердца; развеселись;
Гроза прошла, на небѣ ясно, солнце
Въ безоблачномъ сіяніи заходить.

Угольщикъ.

Конечно, вы идете къ нашимъ войскамъ;
Остерегитесь: здѣсь недалеко
Поставили свой лагерь англичане,
И по лѣсу ежеминутно бродятъ
Отряды ихъ.

Раймондъ.

Бѣда намъ; какъ отъ нихъ
Спасти?

Угольщикъ.

Останьтесь здѣсь; мой мальчикъ
Воротится изъ города; онъ васъ [скоро
Оврагами лѣсными проведетъ
Въ французскій лагерь; намъ трюнки всё
Знакомы здѣсь.

Раймондъ (Иоаннѣ).

Сними свой шлемъ и панцырь;
Они тебя не защитятъ, лишь только
Врагамъ откроютъ.

(Иоанна трясетъ головою).

Угольщикъ.

Отчего она
Такая грустная?.. Но тише, кто тамъ?

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Угольщикова жена выходитъ изъ хижины со стаканомъ воды, **сынъ** ихъ и **прежніе**.

Жена.

Нашъ мальчикъ; онъ изъ Реймса воротился.
Пей съ Богомъ.

(Подаетъ Иоаннѣ стаканъ).

Угольщикъ.

Что ты скажешь? Что тамъ слышно?

Сынъ *(увидя, что мать его подаетъ стаканъ Иоаннѣ, и узнавъ ее, бросается къ ней и вырываетъ изъ рукъ ея стаканъ).*

Прочь! Что ты дѣлаешь? Кому напиться
Ты принесла?.. Вѣдь это чародѣйка.

Угольщикъ и жена его вмѣстѣ.
Помилуй насъ Небесный Царь.

(Крестятся и ублажаютъ).

ЯВЛЕНІЕ 4-е.**Раймондъ, Иоанна.**

Иоанна *(съ кротостію).*

Ты видишь!

Проклятіе за мною по слѣдамъ;
Все отъ меня бѣжить; бѣги и ты;
Спасайся, другъ; покинь меня.

Раймондъ.

Тебя

Покинутъ! мнѣ! теперь!.. но кто же будетъ
Твоимъ проводникомъ?

Иоанна.

Я не одна;

Есть проводникъ; ты слышала громъ небесный;

Моя судьба ведетъ меня; я къ цѣли
Моей, и не искавъ ея, дойду.

Раймондъ.

Но этотъ лѣсъ опасенъ: англичане
Толпятся здѣсь; они клялись тебѣ
Отметить. А тамъ французы; и они
Противъ тебя... Куда же ты пойдешь?

Иоанна.

Чему не должно быть, того со мной
Не будетъ.

Раймондъ.

Кто жъ тебѣ здѣсь нищи станетъ
Искать? Кто здѣсь тебя оборонитъ

Отъ звѣря дикаго, отъ злыхъ людей?
Кто будетъ за тобой ходить въ болѣзни
И пицетъ?

Іоанна.

Я знаю всѣ корни
И травы—отъ овецъ я научилась
Цѣлебныя отъ вредныхъ отличать;
Я знаю ходъ свѣтила и облаковъ;
Мнѣ внятенъ шумъ потоковъ сокровен-
ныхъ...

Для человѣка здѣсь немного нужно;
Природа жизнью богата.

Раймондъ.

Правда;
Но должно бы тебѣ войти въ себя,
Покаяться и примириться съ Богомъ,
И возвратиться въ пѣдра Церкви...

Іоанна.

И ты меня випишь?

Раймондъ.

Я принужденъ;
Твое безмолвное признаше...

Іоанна.

Какъ?

Ты, не покинувшій меня въ бѣдѣ,
Единое, мнѣ вѣрное, творенье,
Ты, мнѣ отдавшійся, когда весь свѣтъ
Отрекся отъ меня, и ты считаешь
Меня отступницей, забывшей Бога!..

(*Раймондъ молчитъ*).

Ахъ! это тяжело.

Раймондъ.

Какъ, въ самомъ дѣлѣ
Ты не волшебница, Іоанна?

Іоанна.

И

Волшебница!

Раймондъ.

А эти чудеса,
Ты съ помощью небесной ихъ свершила?

Іоанна.

Съ какою же иной?

Раймондъ.

Но для чего же
Молчала ты предъстрашнымъ обвиненьемъ?
Теперь ты говоришь; а при народѣ,
При королѣ, гдѣ ты должна была
Отвѣтствовать, была ты какъ пѣмая.

Іоанна.

Я той судьбѣ въ молчаньи покорилась,
Которую мой Богъ, мой повелитель,
Назначилъ мнѣ.

Раймондъ.

Но развѣ дать отвѣта
Ты не могла отцу?

Іоанна.

Отъ Бога было,
Что было отъ отца; и испытанье
Отеческое будетъ.

Раймондъ.

Голосъ неба
Твою вину свидѣтельствовалъ имъ.

Іоанна.

И потому, что небо говорило,
Молчала я.

Раймондъ.

Какъ? Ты единымъ словомъ
Могла очиститься—и ты рѣшилась
Оставить свѣтъ въ погибельномъ обманѣ?

Іоанна.

То не обманъ; то было испытанье.

Раймондъ.

И этотъ стыдъ стеригла ты безвинно,
Съ покорностью, безъ ропотнаго слова?
О! я тебѣ дивлюсь; мой умъ мутится;
Въ моей груди поворожилось сердце;
Я самъ твоей вины не постигалъ,
И сладко мнѣ словамъ твоимъ повѣрять...
Но кто бъ вообразилъ, что сердце въ силахъ
Безмолвствовать предъ ужасомъ такимъ?

Іоанна.

Была ли бѣ я посланницею Бога,
Когда бѣ Его не чтила слѣпо власти?
И я не такъ несчастна, какъ ты мыслишь;
Я въ ницетѣ—но въ низкой нашей долѣ
Несчастье ль ницета? Меня изгнали,
Нѣтъ мѣста, гдѣ мнѣ голову сложить—
Но зпать себя въ степи я научилась;
Лишь тамъ была борьба въ моей душѣ,
Гдѣ вдругъ меня сіяла честь; весь свѣтъ
Моей судьбѣ завидовалъ, а я
Была несчастнѣй всѣхъ... Но все прошло;
И я нецѣлена; и эта буря,
Грозившая природѣ разрушеньемъ,
Была мнѣ другъ: съ землею и меня
Она очистила; во мнѣ спокойно;

Пусть будет то, чему быть должно—я
Уж слабости не вѣдаю въ себѣ.

Раймондъ.

Пойдемъ, пойдемъ, изблечимъ неправду;
Пуекай твою невинность свѣтъ узнаеть.

Іоанна.

Кто ослѣпилъ ихъ очи, тотъ одинъ
И просвѣтитъ ихъ; не дозрѣвши, плодъ
Судьбы не упадетъ; наступитъ день—
И буду я оправдана предъ ними;
И кто теперь меня клянеть и гонить,
Тотъ свой обманъ признаеть, и въ слезахъ
Моей судьбѣ отказано не будетъ.

Раймондъ.

Какъ, буду ль ждать въ молчаніи, чтобъ
случай...

Іоанна (*съ кротостью
взявъ ея за руку*).

Другъ, ты одно естественное видишь;
И пелена земная омрачаетъ
Твой взоръ—но я безсмертные глазами
Здѣсь видѣла... Безъ Бога не падеть
И волосъ съ пашей головы. Взгляни
На заходящее тамъ солнце—завтра
Оно опять взойдетъ среди сіянья;
Такъ вѣрно день наступитъ оправданья.

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Королева **Изабелла** съ **солдатами** и
прежіе.

Королева (*еще за сценою*).

Здѣсь въ лагерь англійскій дорога.

Раймондъ.

Боже!

Погибли! непріятель!

(*Солдаты выходятъ на сцену; увидя
Іоанну, они отступаютъ въ ужасъ*).

Королева.

Что случилось?

Что испугало васъ? Куда бѣжите?

(*Увидя Іоанну, невольно содрогается*).

Что вижу я?

(*Одумавшись, быстро къ ней подхо-
дитъ*).

Остановиесь, сдѣйся;

Ты плѣнница моя.

Іоанна.

Сдаюсь.

(*Раймондъ убѣгаетъ въ отчаяніи*).

Королева.

Въ оковы!

(*Солдаты робко подходятъ къ Іоаннѣ;
она протягиваетъ руку; на нее на-
лагаютъ цѣпи*).

Вотъ та ужасная, передъ которой
Въ сраженіи вы, какъ овцы, разбѣгались;
Она себя не въ силахъ защитить;
Чудесная, для тѣхъ, кто вѣрилъ чуду;
Лишь женщина при встрѣчѣ съ твердымъ
мужемъ.

(*къ Іоаннѣ*).

Зачѣмъ покинула ты войско? Гдѣ
Графъ Дюнуа, твой рыцарь и защитникъ?

Іоанна.

Меня изгнали.

Королева.

Какъ, тебя изгнали?

Мой сынъ тебя изгналъ?

Іоанна.

Къ чему вопросы?

Я плѣнница твоя; рѣши мой жребій.

Королева.

Изгналъ; за то, что былъ тобой спасенъ
Отъ гибели, и въ Реймѣ коронованъ;
И королемъ французскимъ сдѣланъ: въ
Я сына узнаю... Вы! отвѣдите [этомъ
Ее въ нашъ лагерь; пусть увидитъ войско
Страшилище, пугавшее его;
Она волшебница? Въ безумствѣ вашемъ
И въ вашей робости—ея волшебство;
Она сама безумная: она
За короля пожертвовала жизнью—
И королевскую теперь награду
Пуекай узнаеть.—Прямо къ Лионелю
Ее ведите; я ему съ ней вмѣстѣ
Передаю окованное счастье
Французовъ... Я сама за вами скоро
Послѣдую; идите.

Іоанна.

Къ Лионелю?

Нѣтъ, лучше умертви меня.

Королева.

Идите.

(*Уходитъ съ частью солдатъ*).

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Іоанна, солдаты.

Іоанна (*къ солдатамъ*).

Британцы, вы ль потерпите, чтобъ я

Изъ вашихъ рукъ живая вышла? Выньте
Мечи; вонзите ихъ мнѣ въ сердце, бросьте
Къ ногамъ вождя мой трупъ окровавленный;
О! вспомните, что я храбрѣйшихъ вашихъ
Товарищей сразу безножово,
Что я лила ручьями кровь британцевъ,
Что отъ меня столь многіе изъ васъ
Съ отчизною свиданья лишены;
Отметите мнѣ; убицу умертвите;
Она у васъ въ рукахъ; вы не всегда
Столь слабоу увидите ее.

Начальникъ.

Исполните, что велюю.

Юанна.

О Боже!

Ужель мнѣ быть несчастною вполнѣ?..
Владычица, иль ты непримирима?
Иль я совсѣмъ отвержена тобою?
Не внемлетъ Богъ; не сходитъ Божій ангель;
Спать чудеса; иже затворилось.
(Слѣдуетъ за солдатами).

ЯВЛЕНИЕ 7-е.

Французскій лагерь.

Дюнуа, архіепископъ, Дю Шатель.
Архіепископъ.

Спокойное негодование, принцъ;
Король насъ ждетъ; ужель теперь покинешь
Ты дѣло общее, когда все гибнетъ,
Когда рука могучая въ защиту
Отечеству нужна?

Дюнуа.

Но что причиной

Намъ новыхъ бѣдъ? Что подняло врага?
Все было рѣшено: побѣда наша;
Врагъ истребленъ; окончена война...
Спасительницу вы изгнали—сами
Теперь спасайтесь; а мнѣ противенъ
Тотъ лагерь, гдѣ ея ужь болѣе нѣтъ.

Дю Шатель.

Не отпускай насъ, принцъ, съ такимъ
Подумай...

[отвѣтомъ]

Дюнуа.

Дю Шатель, молчи; тебя

Я ненавижу; ты мой первый врагъ;
Въ ея душѣ ты первый усомнился.

Архіепископъ.

Но кто жъ изъ насъ могъ вѣру сохранить
Въ тотъ страшный день, когда самъ Бо-
жій громъ

Противъ нея свидѣтельствовалъ съ неба?
Мы были всѣ поражены; кто могъ
При ужасѣ такомъ не обезумѣть?..
Но заблужденіе прошло; мы видимъ
Ее опять въ той прелести, въ какой
Она являлась намъ, и въ страхѣ мыслимъ,
Что тяжкая неправда совершилась;
Король раскаялся; Бургундскій герцогъ
Себя винить; въ отчаяньи Ла Гиръ,
И мрачная унылость въ каждомъ сердцѣ

Дюнуа.

Она обманщица? О! если бъ съ неба
Святая истина сойти хотѣла—
Ея черты она бы приняла;
И если гдѣ живутъ здѣсь на землѣ
Невинность, вѣрность, правда, чистота—
То на ея устахъ, то въ свѣтломъ взорѣ
Ея жить должно имъ.

Архіепископъ.

Лишь чуду слыше

Расзѣять мракъ ужасной этой тайны,
Для ока смертнаго непостижимой;
Но что ни совершится—все мы виновны
Въ одномъ: иль мы въ союзѣ были съ адомъ,
Иль Божію посланницу изгнали;
И вышній гнѣвъ за наше преступленье
Несчастное отечество казнить.

ЯВЛЕНИЕ 8-е.

Пажъ, прежніе, потомъ Раймондъ.

Пажъ

Графъ, молодой пастухъ пришелъ къ
вамъ; онъ
Усильно проситъ, чтобъ ему вамъ лично
Сказать два слова дали; онъ о дѣвѣ
Извѣстіе принесть.

Дюнуа.

Скорѣи ввѣсти

Его сюда!.. извѣстіе о ней!
(Бѣжитъ навстрѣчу къ Раймонду).
Гдѣ, гдѣ она?

Раймондъ.

Благодаренье Богу,

Что съ вами здѣсь святой нашъ архиа-
стырь,
Несчастныхъ другъ, подпора притѣсен-
Онъ будетъ мой заступникъ. [ныхъ;

Дюнуа.

Гдѣ Юанна?

Архіепіскопъ.

Отвѣтствуй намъ, мой сынъ.

Раймондъ.

Ахъ! вѣрте мнѣ,

Не хитрая волшебница она.

Свидѣтель Богъ и всѣ Его святые:

Вы и народъ обмануты; невинность

Изгнали вы; посланницу Господню

Отвергнули.

Дюна.

Но гдѣ она? Скажи.

Раймондъ.

Я былъ ея проводникомъ; въ арденскомъ

лѣсу скитались мы, и тамъ она

Все исповѣдала передо мною;

Я въ мукахъ умереть готовъ, и царства

Небеснаго пускай мнѣ не видать,

Когда она, какъ ангель, не безгрѣшна.

Дюна.

Самъ Божій день души ея не чище;

Но гдѣ она?

Раймондъ.

О! если вамъ Господь

Къ ней душу обратилъ—то поспѣшите

Ее спасти; она у англичанъ

Въ плѣну.

Дюна.

Въ плѣну!

Архіепіскопъ.

Несчастная!

Раймондъ.

Въ Арденахъ,

Гдѣ вмѣстѣ мы пристанища искали,

Попалась намъ навстрѣчу королева;

Она ее велѣла оковать,

И въ непріятельскій послала лагерь...

Погибнуть въ мукахъ ей; о! поспѣшите

Съ защитою къ защитницѣ своей.

Дюна.

Къ оружію! бей сборъ! все войско въ строй!

Вся Франція бѣги за нами въ бой;

Въ залогъ честь; обругана корона;

Разрушена престола оборона;

Въ рукахъ врага палладіумъ святой;

Все за нее; всей крови нашей мало.

(Обнажаетъ мечъ.)

Спаси ее, во что бы то ни стало.

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Башня; наверху ея отверстіе.

Іоанна, Ліонель, Фастольфъ, потомъ

королева.

Фастольфъ *(входя).*

Не укротить бунтующій народъ;

Какъ бѣшенный, онъ требуетъ, чтобъ выдалъ

Ты плѣнницу ему на жертву; силой

Его не одолѣть; убей ее,

И выбрось къ нимъ ея кровавый трупъ;

Другимъ ничѣмъ не усмирится войско.

Королева *(входитъ).*

Ужъ лѣтницы приставлены къ стѣнѣ;

Хотятъ взять приступомъ нашъ замокъ...

Слышите

Ихъ крикъ?.. Дождешься ли, чтобъ силой

Они сюда вломилась? Мы погибнемъ;

Ея не защититъ; отдай ее.

Ліонель.

Пускай бунтуютъ; мнѣ не страшень при-

ступъ;

Мой замокъ крѣпокъ; я скорѣй въ его

Обломкахъ погребусь, чѣмъ дерзкой волѣ

Бунтовниковъ поддамся... Отвѣчай,

Іоанна, мнѣ; рѣшился бытъ моею—

И за тебя я драгъ съ цѣлымъ свѣтомъ

Готовъ.

Королева.

Стыдись, британскій вождь.

Ліонель.

Твой

Отвергнули тебя; неблагоприятной

Отчизнѣ ты ничѣмъ ужъ не должна;

Предатель, спасенные тобою,

Тебя покинули—они не смѣли

За честь твою сразиться; я жъ осмѣлюсь

Съ моимъ, съ твоимъ народомъ за тебя

Сразиться... Мнѣ казалось прежде,

Что жизнью моею ты дорожила;

Тогда врагомъ стоялъ я предъ тобою—

А нынѣ я единственный твой другъ.

Іоанна.

Изъ всѣхъ враговъ народа моего

Ты неизвѣстнѣйшій мнѣ врагъ; межъ нами

Быть общаго не можетъ; не могу

Тебя любить... Но если ты склоненъ

Ко мнѣ душой, то пусть во благо будетъ

Твоя любовь для нашихъ двухъ народовъ;

Вели твоимъ полкамъ мою отчизну
 Немедленно покинуть; возврати
 Мнѣ всё ключи французскихъ городовъ,
 Похищенныхъ войпой; отдай всёхъ плѣнъ-
 Безъ выкупа; вознагради за вес, [ныхъ
 Что здѣсь разорено, и дай залого
 Священной вѣрности—тогда тебѣ
 Отъ имени монарха моего
 Я предлагаю миръ.

Королева.

Ты смѣешь намъ,
 Безумная, въ цѣпяхъ давать законы?

Іоанна.

Рѣшишь завременно; ты *долженъ* будешь
 Рѣшиться; Франціи не одолѣть;
 Нѣтъ, нѣтъ, тому не быть! скорѣй она
 Для вашихъ войскъ обширнымъ гробомъ
 будетъ.

Храбрѣйшіе изъ васъ погибли; вспомни
 О родицѣ; подумай о возвратѣ;
 Уже давно пропала ваша слава;
 И вашего могущества ужъ нѣтъ.

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Одинъ изъ военачальниковъ входитъ поспѣшно.

Военачальникъ.

Скорѣе, вождь, устрой полки въ сраженъе;
 Французское поколебалось войско;
 Они идутъ, знамена распустивъ;
 Долина вся оружіемъ сверкастъ.

Іоанна.

Идутъ, идутъ! теперь вооружись,
 Британія! теперь отвѣдай силы!
 Ударилъ часъ; увидимъ, чья побѣда!

Фастольфъ.

Безумная, твоя напрасна радость;
 Изъ этихъ стѣнъ живая ты не выйдешь!

Іоанна.

Пустькай умру—народъ мой побѣдить;
 Для храбрыхъ я ужъ болѣ не нужна.

Лионель.

Я презираю ихъ; во всёхъ сраженъяхъ
 Мы съ ними ладимъ, доколѣ эта
 Рука за нихъ не поднялась. Межъ шпми
 Одна была достойна уваженъя;
 И ту они изгнали... Другъ, пойдемъ;
 Теперь нашъ часъ; пришла пора напомнить
 Имъ страшный день Креки и Пуатъе.

Вы, королева, здѣсь оставайтесь; вамъ
 Вѣрять плѣннику.

Фастольфъ.

Какъ? намъ ее
 Покинуть за собой?

Іоанна.

Стыдися, воннѣ,
 Ты женщины окованной робѣешь.

Лионель (Іоаннѣ).

Дай слово мнѣ, что ты искать свободы
 Не станешь.

Іоанна.

Нѣтъ, свободу возвратить
 Живѣйшее желаніе мое.

Королева.

Въ тройную цѣпь ее закуйте; жизнью
 Клянусь вамъ, что она не убѣжить.
*(На Іоанну налагаютъ цѣпи, кото-
 рыя окружаютъ и руки ея и все тѣло.)*

Лионель.

Іоанна, ты сама того хотѣла;
 Еще не поздно; будь за насъ и знамя
 Британское возьми, и ты свободна;
 И тѣ враги, которые такъ крови
 Твоей хотятъ, твою признаютъ волю.

Фастольфъ.

Пойдемъ, пойдемъ.

Іоанна.

Не трать напрасно словъ;
 Они идутъ; слыши обороняться.
(Трубы; Лионель уходитъ.)

Фастольфъ.

Вы знаете, что дѣлать, королева,
 Когда не къ намъ наклонится фортуна,
 Когда не мы побѣду...

Королева (внимая кинжалъ).

Будь спокоенъ;

Я ей не дамъ торжествовать.

Фастольфъ (Іоаннѣ).

Теперь

Ты знаешь жребій свой; молися жъ небу,
 Чтобъ твой народъ оно благословило.

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Іоанна, королева, солдаты.

Іоанна.

Я буду за него молиться; кто
 Языкъ мой окустъ?.. Но что я слышу?

Военный маршъ народа моего;
Какъ мужественно онъ гремитъ мнѣ въ
душу!

Побѣда Франціи! Британцамъ гибель!
Впередъ, мои безстрашные, впередъ!
Иоанна близко; знамя передъ вами
Она шести не можетъ, какъ бывало;
Она въ цѣпяхъ—но духъ ея свободно
Стремится въ бой за вашей бранной пѣснью.

Королева (*одному изъ солдатъ*).

Взойди на башню; съ пей все поле видно;
Разказывай, что тамъ случится....

(*Солдатъ всходитъ на башню*).

Иоанна.

Дружно!

Мужайся, мой народъ! то бой послѣдній;
Еще побѣда—и врага не стало!

Королева.

Что видишь тамъ?

Солдатъ.

Сошлись... Вотъ кто-то скачетъ,
Какъ бѣшеный, на ворономъ конѣ,
Покрытый тигромъ; вслѣдъ за нимъ жан-
дармы.

Иоанна.

Графъ Дюнуа! впередъ, мой бодрый витязь!
Побѣда тамъ, гдѣ ты.

Солдатъ.

Бургундскій герцогъ

Ударилъ на мостъ.

Королева.

Смерть тебѣ, предатель!

Солдатъ.

Ему Фастольфъ дорогу заступилъ;
Сошли съ коней—дерутся, грудь на грудь—
Бургундцы съ нашими перемѣшались.

Королева.

Узналъ ли ты дофина? Не видать ли
Тамъ королевскихъ знаковъ?

Солдатъ.

Все въ пыли

Смѣшалось; ничего не различилъ.

Иоанна.

Когда бъ мой взоръ имѣлъ онъ, иль на башнѣ
Стояла я—ничто бъ не ускользнуло
Отъ зоркости моей; и вдалекѣ
Отъ ворона орла бъ я отличила.

Солдатъ.

Теперь во рву ужасная тревога...
Тутъ всѣ вожди...

Королева.

А наше знамя?

Солдатъ.

Вѣтъ.

Иоанна.

О! если бъ я хотя въ проломъ стѣпы
Смотрѣть на нихъ могла; тогда бъ и взоръ
Сраженіемъ повелѣвалъ. [мой]

Солдатъ.

Бѣгутъ!

Бѣгутъ! побѣда!

Королева.

Кто бѣжитъ?

Солдатъ.

Французы!

Бургундцы; поле все покрылось ими.

Иоанна.

О Боже! до того ль меня погинешь?

Солдатъ.

Какой-то раненый упалъ... на помощь
Бѣгутъ толпы... то вѣрно вождь...

Королева.

Французъ,

Иль нашъ?

Солдатъ.

Снимаютъ шлемъ; графъ Дюнуа.

Иоанна (*въ отчаяніи по-
рывается изъ цѣпей*).

А я въ цѣпяхъ!

Солдатъ.

Вотъ кто-то въ голубой
Богатой мантии съ шитьемъ и съ бѣлымъ
Перомъ на шлемѣ... онъ несется прямо
На панихъ.

Иоанна (*съ живостью*).

То король, мой государь!

Солдатъ.

Конь испугался—принулъ—и упалъ—
Онъ бьется подъ конемъ—онъ въ стре-
менахъ
Запутался—къ нему помчались панихъ—
Ужъ близко—вотъ они—онъ окруженъ.
(*Иоанна сопровождаетъ каждое слово
его отчаяннымъ движеніемъ*).

Іоанна.

Иль ангеловъ на небесахъ не стало?

Королева (съ ругательнымъ смѣхомъ).
Теперь пора... Защитница, снасай!

Іоанна (бросившись на колѣни).

Господь, Господь! въ бѣдѣ моей жестокой,
На небеса твои, съ надеждой, съ вѣрой,
Въ тоскѣ, въ слезахъ я душу посылаю;
Всесилень Ты—тончайшей паутиной
Тебѣ легко дать крѣпость твердой стали;
Всесилень Ты—тройнымъ желѣзнымъ узамъ
Тебѣ легко дать брѣпность паутины;
Ты повелишь, и цѣпь сія падеть;
И сей тюрьмы разступится стѣна;
Ты дивный Богъ, съ Тобой слѣпецъ Самсонъ
И въ слабости могущество низринулъ;
Тебя призвавъ, онъ столбъ переломилъ—
И на врага унали своды храма.

Солдаты.

Побѣда!

Королева.

Что?

Солдаты.

Король взятъ въ плѣнъ.

Іоанна (вскочивъ).

Нѣтъ! съ нами

Богъ!

*Она схватила обѣими руками свои
цѣпи и разомъ перервала ихъ; потомъ
бросилась на близъ стоявшаго воина,
вырвала изъ рукъ его мечъ и убѣжа-
ла; всѣ остались неподвижны отъ
изумленія и ужаса*

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Прежніе, кромѣ Іоанны.

Королева (послѣ долгаго
молчанія).

Что это? Во снѣ ль я? Гдѣ она?

И эту цѣпь она перервала!

Своимъ глазамъ повѣрить я не смѣю.

Солдаты (съ баини).

Она на крыльяхъ; вихремъ мчится.

Королева.

Гдѣ

Она?

Солдаты.

Ударила въ средину битвы;

Мой взоръ за ней не поспѣваетъ—вдругъ
И тамъ и тутъ и въ тысячѣ мѣстахъ
Является она—тамъ раздвоить
Толпу—тамъ сломить строй—все передъ ней
Вѣжнать и падаетъ—французы стали,
Опять построились—о горе! наши
Разсыпались—оружіе бросаютъ—
Знамена пали—

Королева.

Какъ? Ужель она

Отыметъ вѣрную у насъ побѣду?

Солдаты.

Она пробилась къ королю—и сильной
Рукою вырвала его изъ битвы—
Къ ней бросился Фастольфъ—онъ опро-
кинуть—

Вождь окружень—его схватили.

Королева.

Стої;

Ни слова болѣе, сойди!

Солдаты.

Бѣгите!

Спасайтесь! Они хотятъ ударить
На замокъ нашъ.

(Сходитъ съ баини).

Королева (вынимая мечъ).

Обороняйтесь! стойте!

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Ла Гиръ вбѣгаетъ съ солдатами; ко-
ролевины солдаты бросаютъ оружіе.

Ла Гиръ (почтительно входя къ ней).

Поддайтеся побѣдѣ, королева;

Всѣ ваши рыцари въ плѣну; безъ нужды

Не должно крови лить; мои услуги

Я предлагаю вамъ... Куда велите

Васъ проводить?

Королева.

Туда, гдѣ нѣтъ дофина;

Мнѣ все равно, лишь бы его не встрѣтить.

(Отдаетъ мечъ и слѣдуетъ за Ла
Гиромъ).

ЯВЛЕНІЕ 14-е.

Поле сраженія; назади сцены солдаты
съ распушенными знаменами; впереди
король и герцогъ Бургундскій; на
рукахъ у нихъ лежитъ Іоанна, смер-
тельно раненая и неподвижная; они

тихо подвигаются впередъ; **Агнеса** вѣ-
гаеть.

Агнеса (*бросаясь къ королю*).
Ты живъ, освобождень, ты снова мой!

Король.
Освобождень... но вотъ цѣна свободы;
Смотри!

(*Указываетъ на Иоанну*).

Агнеса.
Иоанна! Боже! умираеть.

Герцогъ.
Скончалась; улетѣлъ нашъ ангель; тихо.
Безгорестно, какъ спящее дитя,
Она лежитъ, и райскій миръ сіяеть
Въ чертахъ ея лица; уже дыханье
Не подымаеть груди ей; но жизнь
Чувствительна еще въ рукъ горячей.

Король.
Ея ужъ нѣтъ; она ужъ не проснется;
Ея глаза померкли для земного;
И съ высоты преображенный ангель
Не зрять ни слезъ, ни угрызений нашихъ.

Агнеса.
Она жива; она глаза открыла.

Герцогъ.
Иль хочешь къ намъ изъ гроба воротиться?
Иль смерть покорна ей?.. Она встаетъ.

Иоанна (*осматриваясь*).
Гдѣ я?

Герцогъ.
Съ твоимъ народомъ, посреди
Твоихъ, Иоанна.

Король.
Здѣсь твои друзья;
Здѣсь твой король.

Иоанна (*долго смотрѣвъ не-
подвижными глазами*).
Ахъ! нѣтъ! вы въ заблужденнѣ;
Я не волшебница.

Король.

Ты ангель чистый;
Мы были слѣпы; нашъ былъ умъ въ за-
тмении.

Иоанна (*осматриваясь
съ веселой улыбкою*).

Итакъ, опять съ народомъ я монмъ;
И не отвержена; и не въ презрѣннѣ;
И не клянуть меня; и я любима...
Такъ! все теперь опять я узнаю:
Вотъ мой король... вотъ Франціи знамена...
Но моего не вижу... Гдѣ оно?
Безъ знамени явиться не могу;
Его мой Богъ, Владыка мой мнѣ ввѣрилъ;
Его должна передъ Господній тропъ
Я положить; теперь съ нимъ показаться
Я смѣю: я ему не измѣнила.

Король (*отвративъ глаза*).
Подайте знамя... вотъ оно; возьми.

(*Она беретъ его, подымается и стоитъ
никѣмъ не будучи поддерживаемая; небо
сіяетъ яркимъ блескомъ*).

Иоанна.
Смотрите, радуга на небесахъ;
Растворенны врата ихъ золотыя;
Средь ангеловъ — на персяхъ вѣчный
Сынъ—

Въ божественныхъ лучахъ стоитъ Она,
И съ милостью ко мнѣ простерла руки;
О, что со мною?.. Мой тяжелый панцирь
Сталъ легкою крылатою одеждою...
Я въ облакахъ... я мчуся быстротечно...
Туда... туда... земля ушла изъ глазъ;
Минута скорбь, блаженство безконечно.

*Знамя выпадаетъ изъ рукъ ея, и она,
мертвая, на него опускается — въ
стоять въ горестномъ молчаннѣ. —
Король подаетъ знакъ, и тихо скло-
няютъ на нее въ знамени, такъ, что
она совершенно ими закрыта.*

ПРИМЪЧАНІЯ.

Судъ въ подземельѣ.

Напеч. было въ „Библиотека для чтенія“, 1831. т. III, стр. 1—19 (заглавіе: *Судъ въ подземельѣ. Последняя глава недоконченной повѣсти*), съ помѣткой въ концѣ текста: „Верне, на берегу Женевскаго озера, 1832.“ и съ примѣчаніемъ къ заглавію: „Первая глава еще не написана; ея же послѣдняя заимствована изъ Вальтеръ-Скоттова *Марміона*“.

Марміонъ или битва при Флодденъ-Фельдъ (Marmion, a tale of Floddenfield), историческая эпопея Вальтеръ Скотта (род. 1771; † 1832), вышла въ 1808 г., и имѣла необычайный успѣхъ. Историческую основу ея составляетъ битва, проигранная въ 1513 г. шотландцами англичанамъ. Изображеніе самой битвы неподражаемо художественно... Романтическая сторона поэмы заключается въ разсказъ объ одномъ гордомъ, преступномъ рыцарѣ, увлекшемъ юную монахиню, Констанцію Беверлей, которая бросаетъ монашество и слѣдуетъ за рыцаремъ въ шатръ наложки; но скоро она ему надоедаетъ, онъ хочетъ ее бросить и жениться на благородной дамѣ, невѣстѣ другого, Констанція, узнавъ объ этомъ, покушается убить своего соблазителя, — тотъ выдаетъ ее духовному суду, какъ блудную монахиню... Описаніе этого суда и составляетъ сюжетъ отрывка, переведеннаго Жуковскимъ (Всеобщ. ист. лит., Корша-Кирпичникова, IV, 619).

Уллинъ и его дочь.

Баллада переведена изъ Кемпбелля: *Lord Ullin's daughter*. — Т. *Кемпбелль* (Thomas Campbell, 1777—1844), англійскій поэтъ, принадлежалъ къ представителямъ англійскаго романтизма. Обладая основательнымъ классическимъ образованіемъ, Большой полонникъ ибемкинскій романтикомъ, Кемпбелль старался соединить съ романтическими сюжетами богатство классическаго содержанія, а равно классическую правильность стила. Очень многое въ произведеніяхъ Кемпбелля сближаетъ его съ Греемъ, авторомъ известной элегии.

Ив. Дм. Вл. Голицыну.

Кн. *Дмитрій Владимировичъ Голицынъ* (род. 1771; † 1844) въ теченіе 25-ти лѣтъ былъ московскимъ генералъ-губернаторомъ и оставилъ по себѣ самыя дужія воспоминанія.

„Изъ оперы Жизнь за Царя.“

Это произведеніе Жуковскаго, вѣроятно, относится къ концу 1834 г. — Первое представленіе *Жизни за Царя* на петербургской сценѣ состоялось 27-го ноября 1836 г. Исторія созданія знаменитой оперы не только вышеприведеннымъ отрывкомъ либретто, но и самыя происхожденіемъ отчасти тѣсно связана съ именемъ Жуковскаго... Мысль о большой національной оперѣ впервые зародилась у М. И. Глинки (1804—1857) въ Италіи, въ Миланѣ, въ 1832 г., во время его заграничнаго путешествія, и съ того времени уже не покидалъ гениальнаго композитора. Въ Вѣнѣ, Берлинѣ въ его головѣ начинаютъ роиться цѣлыя аріи и мотивы, воемиде въслѣдствіи въ знаменитое произведеніе. Въ апрѣлѣ 1834 г. Глинка вернулся въ Россію, и мысль о русской оперѣ уже окончательно созрѣла. Оставалось перейти отъ мыслей и набросанныхъ темъ къ дѣлу... Это и было исполнено въ теченіе зимы 1834—1835 г. Приводимъ, относящіяся сюда отрывки изъ „Записокъ“ М. И. Глинки: „Я жилъ тогда (по возвращеніи изъ-за границы, въ зиму 1834—1835 г.) домашней... несмотря на это, однакоже, я постоянно посѣщалъ вечера В. А. Жуковскаго. Онъ жилъ въ Зимнемъ дворцѣ, и у него еженедѣльно собиралось избранное общество, состоявшее изъ поэтовъ, литераторовъ и вообще людей доступныхъ язычному. Назову здѣсь нѣкоторыхъ: А. С. Пушкинъ, князь

Вяземскій, Гоголь, Плетневъ были постоянными посетителями. Гоголь при мнѣ читалъ свою *Женитьбу*. Князя Одоевскій, Вельгорскій и другіе бывали тоже нерѣдко. Когда я изъявилъ свое желаніе приняться за русскую оперу, Жуковскій искренно одобрилъ мое намѣреніе и предложилъ мнѣ сюжеть Ивана Сусанина. Сцена въ лѣсу глубоко вѣззалась въ моемъ воображеніи (повидимому, Жуковскимъ былъ набросанъ передъ Глинкою и сценаріумъ будущей оперы); я находилъ въ ней много оригинальнаго, характерно-русскаго. Жуковскій хотѣлъ самъ писать слова, и для пробы сочинилъ извѣстныя стихи: *Азъ, не мнѣ вѣдному, струю буйному...* Занятія не позволили ему исполнить своего намѣренія, и онъ съдѣлалъ меня въ этомъ дѣлѣ на руки барона Розена, усерднаго литератора изъ вѣмцевъ, бывшаго тогда секретаремъ е. и. в. государя несараяна. Баронъ Розенъ ретиво приступилъ къ дѣлу, и изъ уваженія къ В. А. Жуковскому, мнѣ нельзя было извѣстить его содѣлствія. Жуковскій хотя не писалъ для либретто, однако не перемѣнилъ внимательному участію въ трудѣ моемъ; онъ объяснялъ машинету и декоратору Роллеру, какъ устроить эффектно послѣднюю сцену въ Кремлѣ, вмѣстѣ вѣзали мы въ мастерскую (atelier) Роллера, и Жуковскій внимательно разсматривалъ и разспрашивалъ обо всемъ подробно...“

Ночной смотръ.

1. Хр. Фонъ-Цейдлицъ (1790—1862) отчасти продолжалъ традиціи ибемкинскаго романтизма, но принадлежалъ собственно къ болѣе поздней, съ другимъ характеромъ и направленіемъ, группѣ австрійскихъ писателей. Произведенія его относятся къ области лирики и драмы. Въ ряду лирическихъ его сочиненій *Ночной смотръ (Die nächtliche Heerschau)* — одно изъ лучшихъ, наиболѣе прославившихъ имя автора, стихотвореній.

„Посвящается нашему капитану „Геркулесу“.

Напеч. по автографу въ „Рус. Архивъ“ 1877 г., т. II, — съ точной датой, находящейся на автографѣ: *мая 28-го 1838 года*. Печатаемъ по тексту журнала. При напечатаніи тексты отъ редакціи замѣнено: „Стихи эти сообщены въ „Рус. Архивъ“ г. Шульцомъ, списавшимъ ихъ съ своеобразнаго подлинника, изъ альбома вице-адмирала Сергѣя Петровича Тыринова, который въ 1838 г. командовалъ пароходомъ „Геркулесъ“. На пароходѣ этомъ плылъ Жуковскій изъ Швеціи въ Россію“ (Рус. Арх., 1877, II, стр. 368).

„Плачь о себѣ.“

Стихотвореніе *Плачь о себѣ* написано по поводу необыкновенно ранней смерти молодой, талантливой гр. С. Ѳ. Толстой († 24 апр. 1838. —17-ти лѣтъ), дочери известнаго въ свое время „дуэлиста“ и „американца“ гр. Ѳ. И. Толстого, и тогда же было напечатано въ видѣ эпиграфа къ обширной критико-біографической статьѣ о сочинящихъ преждевременно скончавшейся молодой писательницѣ съ указаніемъ, что стихотвореніе это находится „въ письмѣ къ гр. Ѳ. И. Толстому“ („Отеч. Зап.“, 1840, т. XII, № 10, стр. 15). Статья написана по поводу изданія: *Сочиненія въ стихахъ и прозѣ графини С. Ѳ. Толстой. Переводъ съ итальскаго и англійскаго. Двѣ части. Москва. 1839*. Авторъ статьи даетъ восторженную и нѣсколько поэтизированную характеристику личности Сарры Толстой, отличающейся дѣйствительно необыкновенными дарованіями, — и въ этомъ отношеніи его статья является лучшимъ комментариемъ къ стихотворенію Жуковскаго. Печатаемъ стихотвореніе по тексту статьи, гдѣ въ немъ нѣтъ двухъ послѣднихъ стиховъ, читаемыхъ въ текстѣ, изданномъ г. Ефремовымъ; приводимъ эти два стиха здѣсь:

Но въ мигъ святой, какъ дочь на вѣкъ смежила
вѣжды,
Въ отца проникнулъ вдругъ день вѣры и па-
дежды...

Гр. *Ф. И. Толстой* († 1846), прозванный въ кругу друзей „американцемъ“, по отзывамъ лицъ, близко знавшихъ его, былъ человѣкъ съ большими дарованиями, но „не любившій стѣснять себя какими-либо нравственными правилами“... Именно къ нему относились, говорить, извѣстные стихи Грибоѣдовской комеди:

Ночной разбойникъ, дуэлистъ,
Въ Камчатку сосланъ былъ—вернулся алаутомъ,
И крѣпко на руку печисть...

Впрочемъ, гр. Толстой-американецъ былъ принятъ въ кружокъ лучшихъ людей той времени, считался пріятелемъ Пушкиныхъ, кн. Вяземскаго и др. Дочь его, гр. *С. Ф. Толстая* была рождена отъ цыганки.

Сельское кладбище.

Печатаемъ по изд. 1849 г.,—гдѣ стихотвореніе сопровождается слѣдующими примѣчаніями автора: „Грехъ элегія переведена мною въ 1802 г. и напечатана въ „Вѣст. Евр.“, который въ 1802 и 1803 г. былъ издаваемъ Н. М. Карамзинымъ. Это мое первое напечатанное стихотвореніе. Оно было посвящено тогда Андрею Ивановичу Тургеневу (онъ умеръ въ 1803 г.). Находясь, въ маѣ мѣсяцѣ 1839 г., въ Виндзорѣ, я посетилъ кладбище, подавшее Греку мысль написать его элегію (оно находится въ деревнѣ Stock Poges, неподалеку отъ Виндзора); тамъ я перечиталъ прекрасную Греву поэму и вдумалъ снова перевести ее, какъ можно ближе къ подлиннику. Это въ второй переводѣ, почти черезъ сорокъ лѣтъ послѣ перваго, посвящаю Александру Ивановичу Тургеневу, въ знакъ нашей съ тѣхъ поръ продолжающейся дружбы и въ воспоминаніе о его братѣ (и его уже нѣтъ).“

Бородинская годовщина.

Натекъ въ „Отч. Зап.“, 1839, т. V, съ помѣткой: *Бородино, 26 авг. 1839 г.* и тогда же вышло отдѣльной брошюрой (М., 1839); позднѣе—въ „Современникѣ“ 1840 г., т. XVI, съ присоединеніемъ къ стихотворенію отрывка изъ письма Жуковскаго къ вел. кн. Маріи Николаевнѣ. Въ изд. 1849 г. отнесено къ 1839 г. Печатаемъ по изд. 1849 г. Обязательства написанія этого стихотворенія, подробно излагаются въ названномъ сейчасъ письмѣ Жуковскаго къ вел. кн. Маріи Николаевнѣ, отъ 5-го сентября 1839 г., а также въ письмѣ его къ наследнику цесаревичу, отъ 29-го января 1840 г.

Въ первомъ письмѣ, между прочимъ, говорится: „Я былъ въ Бородинѣ въ самый день великолѣпнаго праздника, которымъ государь угощалъ свою армію. Натаято для широчайшихъ было Бородинское поле, а украшеніемъ палаты монументъ бородинскаго боя съ Багратионовымъ гробомъ и подолшвы его, и бородинскіе холмы, на которыхъ подъ жатвою, ихъ покрывающею, спитъ почти цѣлое войско, здѣсь погребенное со славою. Такихъ палатъ на свѣтѣ немного.“

Молитвой нашей Богъ смягчился...

Стихотвореніе написано по случаю выздоровленія опасно-больной вел. кн. Ольги Николаевны.—М. А. Маркусъ († 1865), отрывокъ изъ стихотворенія котораго приведенъ энigmatомъ—лейбъ-медикъ, лѣчившій великую княгиню.

1-е июня 1842 г.

Стихотвореніе сопровождается слѣдующими примѣчаніями автора: „Стихи, написанные на праздникъ серебряной свадьбы русскаго царя, служатъ въ то же время изясненіемъ картины, на которой изображенъ Георгій побѣдоносецъ, съ двумя вѣнками въ рукахъ, одинъ изъ бѣлыхъ розъ, другой лавровый.“

Маттео Фальоне.

Просперъ Мериме (р. 1803; † 1870)—извѣстный французскій писатель, членъ академіи, позднѣе сенаторъ и личный другъ Наполеона III. Однимъ изъ наиболѣе раннихъ произведеній Мериме была извѣстная его *Giulia* (1827).—почти гениальная поддѣлка подъ мотивы простонародныхъ славянскихъ ибсеивъ; мистификація Мериме, какъ извѣстно, ввела

въ обманъ даже Милкевича и Пушкина. Отъ славянскихъ мотивовъ Мериме перешелъ къ феодальной эпохѣ. Къ этому времени, между прочимъ, относится его разсказъ *Matteo Falcone*, переведенный Жуковскимъ. Однимъ изъ наиболѣе популярныхъ произведеній Мериме была извѣстная его *Карменъ*. Мериме всегда особенно привлекали дикіе оригинальные нравы, далеки отъ цивилизаціи, отличающіяся яркостью или самобытностью; въ этомъ отношеніи ему особенно удался типъ, почернутый имъ во время путешествія по Корсикѣ... Среди французскихъ писателей это былъ первый, старавшійся познакомиться съ русской литературой своихъ соотечественниковъ. Передъ Пушкинымъ онъ почти благоговѣлъ, и считалъ его величайшимъ поэтомъ повѣщаго времени; чтобы читать сочиненія Пушкина въ подлинникъ, Мериме выучился по-русски... Нѣсколько сочиненій Пушкина имъ было переведено на французскій языкъ. Другимъ великимъ писателемъ Мериме считалъ Гоголя; ему онъ посвятилъ также особый этюдъ. Въ 1853 г. имъ былъ переведенъ *Ревизоръ*. Мериме былъ въ близкихъ отношеніяхъ также къ Тургеневымъ,—былъ его большимъ почитателемъ, и, между прочимъ, написалъ предисловіе къ французск. переводу „Отцовъ и дѣтей“.

Два повѣсти.

Стихотворенія *А. Фона-Шамиссо* (1781—1838), оивмечившагося французомъ, носятъ яркіе слѣды французскаго изаяства. Шамиссо родился во Франціи, въ Шампань; при самомъ началѣ революціи замокъ его отца былъ разрушенъ, и вся семья эмигрировала въ Германію. Последняя стала для будущаго поэта новымъ отечествомъ,—и французскіе стихи, которые онъ сначала писалъ, имъ скоро были замѣнены нѣмецкими, хотя вообще поэтъ всю жизнь и говорилъ, и писалъ по-нѣмецки, съ ошибками“. Сначала Шамиссо служилъ въ военной службѣ; въ 1812 году, 32 лѣтъ онъ записывается студентомъ на медицинскій факультетъ въ берлинскомъ университетѣ; въ 1815 г., на русскомъ кораблѣ, отправляется въ 3-хлѣтнее кругосвѣтное путешествіе, попутно служитъ хранителемъ ботаническаго сада въ Берлинѣ, и подъ конецъ дѣлается членомъ берлинской академіи наукъ... Шамиссо—истинный и искренній поэтъ. Онъ ученикъ романтиковъ, отъ нихъ онъ усвоилъ свободу фантазіи и любовь къ формамъ средневѣковой романтической поэзіи, а нѣрѣдко и сюжетъ своихъ произведеній; отсюда же—любовь Шамиссо къ ужасному; но вообще, по содержанию и характеру своихъ произведеній, Шамиссо очень далекъ отъ крайностей нѣмецкаго романтизма. Въ нѣмецкую форму Шамиссо внесъ французскую ясность, simplicity ума и трезвый политическій смыслъ... У него не всегда удачны сюжеты; но онъ—мастеръ въ ихъ поэтическомъ изложеніи, и вообще выступаетъ блестящимъ художникомъ въ своихъ поэтическихъ разсказахъ. Важнѣешее произведеніе Шамиссо—*Удалецъ и исторія Петра Шлеммля* (1814), переведенная на всѣ европейскіе языки и представляющая собою ичито въ родѣ легенды о Фаустѣ, гдѣ бѣднякъ за неразумный рубль продаетъ черту свою тѣло...
Фр. Рюккертъ (1788—1866), нѣмецкій поэтъ и ученый, профессоръ восточныхъ языковъ и литературы сначала въ эрлангскомъ, потомъ берлинскомъ университетѣхъ—въ нѣмецкой литературѣ имѣетъ значеніе преимущественно, какъ необыкновенно талантливыи и неутомимый переводчикъ на нѣмецкій языкъ произведеній восточныхъ литературъ, и въ этомъ отношеніи является представителемъ совершенно особой стороны нѣмецкаго романтизма, „восточно-этнографической“. Вдохновенный, главнымъ образомъ, широкими воззрѣніями Гердера и Гете, примыкая отчасти къ романтикамъ, въ частности къ братьямъ Шлегелямъ, но вообще далеко нераздѣляя многихъ основныхъ ихъ положеній, сходясь преимущественно съ ними въ одномъ—ex oriente lux—Рюккертъ отмежевалъ себя область Востока, и обладая здѣсь обширными знаніями ученаго, поставилъ себя задачей усвоить нѣмецкой, а черезъ нее и всей европейской литературѣ, восточную поэзію и ея „мудрость“,—и выполнилъ эту задачу блиста-

тельно. „Никто такъ прекрасно и завлекательно не раскрылъ намъ поэзіи Востока, — замѣчаетъ одинъ изслѣдователь: — какъ Рюккертъ своимъ пересозданіемъ. Онъ китайцевъ оцѣ перенесъ къ нѣмцамъ прелестную книгу цвѣтовъ: *Налъ и Дамъ* и гдубокіе *Брамскіе рассказы*; изъ Персіи — *Восточныя розы*, съ запахомъ вина и нарда и попотомъ пофудувъ, и героическую поэму *Рустема и Зураба*, поражающую насъ своею простою прелестью; изъ пустыни Аравіи — *Амръмаксъ* и драгоцѣнную *Гамзю*; изъ городовъ и караванъ-сараявъ Сиріи — *Абу-Сауда Харіри*, этого гениальнаго восточнаго Зѣленишгеля...“ Въ свонхъ произведеніяхъ оригинальнѣшихъ, которыхъ у Рюккерта также очень много — онъ выступаетъ главнымъ образомъ, какъ блестящій версификаторъ. Рiemы, стихи давались Рюккерту необикновенно легко. Онъ вводилъ въ нѣмецкую поэзію самыхъ разнообразныхъ видовъ и родовъ — персидскія „газели“, санскритскія „шлоки“, арабскія „макамы“ и т. д., и т. д. Впрочемъ, все это чаще всего отличалось истинной, неподдѣльной поэзіей и самыми яркими красками той мѣстности, куда онъ переносилъ въ свонхъ произведеніяхъ читателя...

Сназна объ Иванѣ-царевичѣ и о сѣбромъ волкѣ.

По поводу этого и другихъ подобныхъ своихъ произведеній, Жуковский въ одномъ изъ писемъ къ Плетневу замѣчаетъ: „Мнѣ хочется собрать нѣсколько сказокъ, большихъ и малыхъ, народныхъ, но не однихъ русскихъ, чтобы послѣ ихъ выдать, посвятивъ взрослымъ дѣтямъ. Я полагаю, что сказка для дѣтей должна быть чисто сказкою, безъ всякой другой цѣли, кромѣ пріятнаго, непорочнаго занятія фантазіи. Надобно, чтобы въ дѣтской сказкѣ (не для перваго, а для втораго возраста) все было нравственно-чисто; чтобы она своими сценами представляла воображенію одни свѣтлыя образы, чтобы эти образы никакого дурнаго, не нравственнаго впечатлѣнія послѣ себя не оставляли — этого довольно. Сказка должна быть такъ же жива и возбуждательна для души, какъ дѣтскія игры возбуждательны для силъ тѣлесныхъ. При воспитаніи, сказка будетъ занятіемъ чисто пріятнымъ и образовательнымъ; и ея польза будетъ въ ея привлекательности, а не въ тѣхъ нравственныхъ правилахъ, которая только остаются въ памяти, рѣдко доходить до сердца и могутъ сравниться съ фальшивыми цвѣтами, которые (если ихъ дать преждевременно въ руки) свою мертвую красоту, дѣлаютъ насъ не столь чувствительными къ живой, благоухонной свѣжести цвѣтовъ естественныхъ. Не знаю, впрочемъ, отвѣчаютъ ли тѣ сказки, которая мною составлены, тому идеалу дѣтскихъ сказокъ, которая я имѣю въ мысли. Если не отвѣчаютъ, то онѣ все же будутъ привлекательными чтеніемъ „для дѣтей взрослыхъ, то-есть, для народа“. „Какъ образецъ“ такихъ сказокъ, Жуковский и прислалъ изъ-за границы свою „Сказку объ Иванѣ-царевичѣ“.

Повѣсть объ Іосифѣ Прекрасномъ.

Повѣсть Жуковского объ Іосифѣ Прекрасномъ, по видимому, принадлежитъ къ тѣмъ трудамъ нашего поэта, которыми онъ былъ занятъ въ послѣдніе годы своей жизни по переводу и изложению Св. Писанія, хотя, можетъ-быть, въ извѣстной степени имѣетъ связь и съ болѣе ранними педагогическими занятіями Жуковского съ вел. кн. Александрой Ѳеодоровной. Въ собраніи бумагъ поэта, находящемся въ Имп. публ. бібліотекѣ, имѣются двѣ тетради (по „опис.“ И. А. Бычкова, № 94), каждая въ вѣскольکو листовъ, съ собственноручно написаннымъ поэтомъ заглавіемъ: *Библейскія повѣсти*, заключающія въ себѣ, первая — двѣ „повѣсти“: 1) Ісаакъ и 2) Неавъ и Іаковъ; вторая — Исторію Авраама.

Четыре сына Франціи.

Въ бумагахъ поэта, хранящихся въ Имп. публ. библ. имѣется особую списокъ произведенія (по „опис.“ г. Бычкова, № 26); списокъ писанъ писцомъ, но съ собственноручными поправками поэта. На стихотвореніи — заглавие рукою того же писца: *Четыре сына Франціи. Стихи, сочиненные въ 1846 году. Волжскій переводъ*. На оборотѣ заглавнаго листа списка читается слѣдую-

щее: „Первыя четыре строфы этихъ стиховъ, которыхъ авторъ, какъ мнѣ сказывали, дѣвица Цедлицъ, сочинены въ 1846 г.; послѣднія изъ нихъ заключаетъ въ себѣ пророчество, исполненное въ февралѣ 1848 г. Пятая строфа прибавлена мною въ началѣ 1849 года. Она изображаетъ промѣнутокъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, въ которые повторилось многое, совершившееся въ продолженіе послѣднихъ полудвѣтъ: мы видѣли паденіе королевскаго трона во Франціи, видѣли изгнаніе короля; была провозглашена республика; и съ нею самодержавіе народное, и самодержавный народъ былъ разстрѣлянъ на улицахъ Парижа; теперь видимъ тѣни прежней горы, предняго терроризма, называемаго нынѣ социализмомъ и тѣни Наполеона въ нынѣшнемъ президентѣ республики. Скажете, что на сценѣ Франціи, послѣ ужасной, полудвѣтъкой трагедіи играютъ ея коронную, смѣшную пародію. Развязка пародіи еще неизвѣстна; представлеіе еще не окончилось, но оно, вѣроятно, кончится скоро“.

Царскосельскій лебедь.

Стихотвореніе написано было въ концѣ 1851 г., что видно изъ письма Жуковского къ Плетневу, отъ 7-го декабря 1851 г., гдѣ онъ, между прочимъ, замѣчаетъ: „Посылаю вамъ новыя мои стихи, біографію лебедя, котораго я знавалъ во время оно въ Царскомъ Селѣ. Объ немъ я вспоминаю, увидя въ Ваденѣ вел. кн. Марію Николаевну, которая была для меня явленіемъ Русь на чужой сторонѣ. Мнѣ хотѣлось просто написать картину лебедя въ стихахъ, дабы моя дочка выучила ихъ наизусть; но вышелъ не простой Лебедь...“ „При послѣднихъ словахъ теперь невольно сжимается сердце, — прибавляетъ Плетневъ, приводя эти слова письма: — это въ самомъ дѣлѣ вышелъ не простой Лебедь, а предсмертная пѣснь нашего Лебедя...“

Розы.

Стихотвореніе было начеъ въ „Рус. Бесѣдѣ“ 1856, № 1, стр. 12, съ слѣдующимъ примѣчаніемъ: „Стихотвореніе это написано В. А. Жуковскимъ не задолго до его кончины, по слѣдующему случаю: къ 29-му января, ко дню рожденія поэта, былъ присланъ ему рисунокъ изъ разноцвѣтныхъ розъ, стебли которыхъ расположились въ видѣ креста. Въ письмѣ, при которомъ былъ присланъ рисунокъ, выражалась скорбь объ усиліи тѣлесныхъ страданій поэта, и потомъ сказано: „Вѣнокъ изъ розъ въ его соединеніи съ крестомъ, изъ котораго цвѣты произрастаютъ и къ которому они снова возвращаются, живо представлялъ намъ образъ друга страдающаго, но сохраняющаго средѣ самыхъ страданий живость и свѣжесть души.“ Писмо заключалось сими словами: „Пусть же поэтъ передожитъ въ слова мысли наши, которая мы едва могли выразить образно, и выпишетъ ихъ самъ въ вѣнокъ, для него сплетенный“. Замѣтимъ, что рисунокъ, названный къ 29-му января, опоздалъ въ видѣ подарка Жуковскому въ мартѣ, — а въ апрѣлѣ уже не стало поэта“.

Валовичи.

„Комическая опера“ *Алеши Поповичъ или страшныя разсказы* Жуковского, по общему характеру своему, принадлежитъ къ тому теченію въ нашей литературы, которое уже довольно замѣтно начинаеть пробиваться у насъ съ 80-хъ годовъ XVIII ст., особенно усиливась въ нач. XIX в. Разумѣемъ такіа произведенія, какъ „историческія представлеія“ и оперы императрицы Екатерины II, *Славяне* (1787) Богдановича, позднѣе *Илья Муромецъ* (1794) Карамзина, *Бова* (1801) Александра Радищева, *Алеши Поповичъ* (1801) и *Чуріла Лявко-ничъ* (1801) Николая Радищева, *Бахаргане или Неизвѣстный* (1803) Хераскова, *Добрыня* (1804) Н. Львова и мн. др. Наиболе блестящимъ образчикомъ этого теченія можно считать *Руслана и Людмилу* (1817—1820) Пушкина... Произведеніе собственно литературныя стояли здѣсь въ непосредственной связи съ первыми проблемами пробужденія ите-ресовъ къ старинѣ этнографической, хотя послѣдняя носила на себѣ еще слишкомъ сказочный характеръ

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	стр.		стр.
1832.		1839.	
Судъ въ подземельѣ. Повѣсть. Отрывокъ. <i>Подражаніе Вальтеръ-Скотту.</i>	3	Поэту Лепену.	28
Роландъ оруженосецъ. Баллада. <i>Изъ Уланда.</i>	9	Въ Сардамскомъ домикѣ.	—
Плаваніе Карла Великаго. Баллада. <i>Изъ Уланда.</i>	12	Сельское кладбище. Элегія. <i>Второй переводъ изъ Грея.</i>	—
Нормандскій обычай. Драматическая повѣсть. <i>Изъ Уланда.</i>	13	Бородинская годовщина.	31
Братоубійца. Баллада. <i>Изъ Уланда.</i>	16	«Молитвой нашей Богъ смягчился...»	33
Рыцарь Ролонъ. Баллада. <i>Изъ Уланда.</i>	17	1842.	
Старый рыцарь. Баллада.	18	1-е іюля 1842 г.	34
1833.		1843.	
Улинь и его дочь. Баллада.	19	Маттео Фальконе. Корсиканская повѣсть. <i>Изъ Мериме.</i>	36
Элевзинскій праздникъ. Баллада. <i>Изъ Шиллера.</i>	—	Капитанъ Боппъ. Повѣсть.	39
Орель и голубка. Васнь. <i>Изъ Гете.</i>	21	1844.	
Князю Дм. Вл. Голицыну.	22	Двѣ повѣсти. Подарокъ на новый годъ. издателю «Москвитянина». <i>Изъ Шамиссо и Рюккерта.</i>	42
1834.		1845.	
Пѣснь на присягу наслѣдника.	—	Выборъ креста. Повѣсть. <i>Изъ Шамиссо.</i>	47
Народныя пѣснь.	23	Тюльпанное дерево. Сказка.	—
I. «Боже, царя храни! Сильный, державный...»	—	Коть въ сапогахъ. Сказка.	51
II. «Слава на небѣ солнцу высокому...»	—	Сказка о Иванѣ царевичѣ и сѣромъ волкѣ.	54
III. «Боже, царя храни! Славному долги дни...»	—	Повѣсть о Іосифѣ Прекрасномъ.	67
Многолѣтіе.	—	1846.	
Изъ оперы «Жизнь за царя». Последняя сцена.	24	Египетская тьма. <i>Изъ Кн. Премудрости Соломона.</i>	71
1835.		1848.	
Д. В. Давыдову.	25	Къ русскому великану.	72
1836.		1849.	
Ночной смотръ. <i>Изъ Цедлца.</i>	—	Четыре сына Франціи.	—
1837.		1851.	
Къ своему портрету.	26	Ея императорскому высочеству, великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ привѣтствіе отъ русскихъ, при встрѣчѣ ея въ Баденѣ.	74
Ермолову.	—	1848—1851.	
Изъ альбома, подареннаго гр. Ростопчиной:	—	Четыре стихотворенія для дѣтей.	75
I. Роза.	—	I. Птичка.	—
II. Лавръ.	—	II. Котикъ и козликъ.	—
III. Надгробіе юношѣ.	—	III. Жаворонокъ.	—
IV. Голосъ младенца изъ гроба.	—	IV. Мальчикъ съ палочкой. Сказочка.	—
V. Младость и старость.	—	Царскосельскій лебедь.	76
VI. Фидій.	—	1852.	
VII. Судьба.	—	Розы.	77
VIII. Завистникъ.	—	Отдѣлъ второй.	
IX. Покойнику (А. С. Пушкипу).	—	Ок. 1805—1808 гг. **Богатырь Алеша Поповичъ, или «Страшныя развалины».	78
1838.		Опера комическая.	—
Stabat mater.	27	1808—1817. Слово о пошку Игоревѣ.	110
Посвящается нашему капитану «Геркулеса».	—	1817—1821. Орлеанская дѣва. Драматическая поэма. <i>Изъ Шиллера.</i>	117
Предсказаніе.	—	Примѣчанія.	174
«Начь о себѣ...»	—		

F

24.157/1.6